

АНА
РНАУТОВА

СТРАЖ
МОРСКОГО
ПРИНЦА

Annotation

Вот уже триста лет люди и морской народ избегают друг друга. Но воительница Джиад бросается в море за перстнем своего господина, а принцу Алестару законы не писаны. Обезумев от потери первой любви, принц срывает зло на человеческой девушке, не зная, что попадет в ловушку собственной крови. Русалы-иреназе выбирают пару однажды и на всю жизнь – не зря отец предупреждал Алестара никогда не касаться человека. А пока в глубинах моря Джиад бьется в сетях ненавистной страсти, на ее пленителя открывают охоту те, кто хочет погубить и морской народ, и королевство людей. Только любовь и верность спасут таинственное Сердце моря от предателей на земле и в морских глубинах. Но как теперь принцу добиться прощения той, которую смертельно оскорбил? Сможет ли гордая жрица бога войны простить того, кто умрет без ее любви?

- [Дана Арнаутова](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
-

Дана Арнаутова

Страж морского принца

© Д. Арнаутова, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Глава 1

Перстень Аусдрангов

– Джаид!

Страх в голосе Торвальда не подобал принцу крови. Но кто сказал, что все принцы – отменные воины? Торвальд и так делал, что мог, прикрывая ей спину. Резко выдохнув, Джаид подалась вперед, рискованно пробила прямой удар – острие с мокрым хрустом вошло в грудь противника. Крутнувшись, отбила меч от Торвальда. Принц прыгнул в сторону, чтобы не мешать, и Джаид осталась один на один с чернявым верзилой в красно-синем – гербовых цветах изменника Лаудольва. Верзила оказался хорош, даже слишком. Ухмыльнувшись, он перебросил клинок из правой руки, по предплечью которой стекала струйка крови, в левую. Обоерукий, значит. Джаид ответила усмешкой, также меняя руку: с левой дрались правой именно что не с руки. Продолжая улыбаться, шагнула вперед, ловя неуверенность в метнувшемся взгляде противника. Ну, давай же! Или ты всерьез считал, что Торвальд взял в охрану обычную девку, а твои соратники сами напоролись на меч?

– Джи, быстрее!

Под руку зачем? Клинок верзилы царапнул локоть Джаид, чуть не задел бок. Обратным выпадом она увела меч, развернулась на носке, отклонилась всем телом.

– Джи!

Выпад. Удар. Звон клинков. И еще... Плохой выпад, грязный. Совсем недостойный мастера меча. Только вот у мастера пятый противник за полчаса. Джаид закусил губу, качнулась вперед. Подставляясь под удар, все же выиграла пару ладоней расстояния – и достала острием. Хрипя и бессмысленно зажимая руками горло, верзила рухнул наземь, между пальцами сочилась кровь, пятнала плащ, капала на серые камни утеса.

Развернувшись, Джаид кинулась к Торвальду. Тот успел отойти шагов на десять. Там, у самого обрыва, все еще пыталась подняться его кобыла, сломавшая при падении спину, и двое королевских стражников изрубленными куклами лежали на земле в багряных лужах. Фыркали от запаха крови и внутренностей остальные лошади, наспех привязанные к кустам. А на обрыве, напротив бессильно сжимающего кулаки Торвальда, стоял, высоко подняв руку, сам Лаудольв. В потоке ликующего летнего

солнца далеко виднелась его знаменитая рыжая борода и растрепанные рыжие с сединой патлы. Ухмылялся окровавленный рот, но по слипшейся бороде стекали темные струйки. Торчала между ребер обломанная стрела – глубоко и надежно. Не быть Лаудольву королем... А в пальцах окровавленной, как и рот, руки сиял, горел маленьким пламенем рубин золотого коронационного перстня – главной реликвии рода Аусдрангов.

– Не-е-ет, – простонал Торвальд, делая единственный шаг вперед.

Этого шага хватило. Размахнувшись, Лаудольв вложил последние силы, повернулся – только золотая вспышка мелькнула над обрывом, потерявшись в белопенном прибое. И сразу же мятежный герцог, словно жизнь его улетела вместе с похищенным перстнем, осел на песок мертвой грудой. Торвальд опустил плечи, поник. Джад, вытирая клинок, подошла, встала рядом. Убирая меч в ножны, украдкой залюбовалась тонким профилем своего принца, прекрасного даже сейчас: усталым, отчаявшимся, почти поверженным. Да, глупо вышло. Лучше бы Лаудольв ушел с перстнем: больше было бы шансов добыть его потом. Да она бы наизнанку вывернулась, но догнала проклятого герцога и вернула бесценное кольцо! В горле стоял ком от бессильной жалости и обиды на судьбу, столь неласковую к ее любимому.

– Все погибло, Джи, – прошептал Торвальд. – Без кольца я просто не успею...

Повернувшись, он обнял Джад, и она с готовностью подалась навстречу, прижалась, закинув руки на широкие плечи под тяжелой кольчужной курткой, что едва не силой заставила принца надеть перед погоней. Вдохнула родной запах от влажных светлых волос и разгоряченного тела, замерла, думая, что без проклятого кольца коронация невозможна, а совет и без того ищет малейшую возможность, чтоб назначить Торвальду регента. При котором он вряд ли доживет до собственного правления.

– Надо доставать, – сказала она вслух, мягко отстраняясь.

– Как? Ты обрыв видела?

– Вот сейчас и посмотрю.

Джад подошла к краю утеса, крутым откосом уходящего в море. Да, жутковато, конечно. Раз в двадцать выше ее роста. Хотя, может, это сверху все так страшно? Только вот спуститься к морю – никак. Разве что прыгнуть. Положим, прыгнуть она не побоится – не зря выросла у моря в горах, – но дальше-то что? Если дно пологое, перстень найти можно, только следует поторопиться, пока не начался отлив. А какая там глубина? Хватит ли воздуха? И сколько раз придется нырять...

– Надо возвращаться за людьми, – ответил на ее мысли Торвальд, придя в себя и начиная мыслить как принц. – Послать ныряльщиков, да побыстрее. Хвала богам, что у меня есть морской ключ.

– Что есть?

– Морской ключ. Амулет, позволяющий дышать под водой. Ты разве не слышала о таких?

– Нет.

Джиад снова глянула вниз. Дышать, значит? Интересно.

– И как он работает? Можно достать несколько штук для ныряльщиков?

– Ну что ты, – слегка рассеянно улыбнулся Торвальд. – Это редкость. Ключ в нашем роду передается из поколения в поколение. Когда-то таких было много, – он вытащил из-под рубашки аквамариновый кулон, – но мы тогда еще дружили с иреназе.

– Иреназе... – медленно повторила Джиад, глядя поверх плеча своего принца на море. – А они не могут помочь? Это ведь их владения?

– Их. Но даже если морской народ согласится, то пока их найдешь, пока упросишь... Да и откажут скорее всего, они людей не любят.

– А перстень тем временем утащит отливом или занесет песком в прилив, – подытожила Джиад. – Давай сюда амулет.

– С ума сошла?

Серые глаза Торвальда широко раскрылись то ли в испуге, то ли в восхищении. Нагло пользуясь тем, что и вправду никого живого рядом не оказалось, Джиад взъерошила мягкие русые волосы принца, так не похожие на ее собственные – жесткие, непослушные, иссиня-черные, – снова прижалась к широкой груди, подняла губы навстречу поцелую. А потом, с трудом оторвавшись, как ни молило истосковавшееся по ласке тело еще немного понежиться, сняла с шеи Торвальда амулет, покрутив перед глазами прозрачный зелено-голубой камешек на тонкой серебряной цепочке. Сколько раз его видела на обнаженной груди принца, а спросить про недорогую на вид странную безделушку в голову не пришло.

– Как работает? Просто надеть? И надолго его хватает?

– Просто надеть, – растерянно подтвердил Торвальд. – И он бесконечный. Только снимать под водой нельзя. Я маленьким в пруду замковом баловался... Джи, может, не надо? Опасно... Вдруг иреназе... Да и как ты спустишься?

– Как-нибудь, – старательно улыбнулась Джиад. – Ничего, я постараюсь быстро. Ну, если задержусь, то возвращайся в город, а сюда

пришли кого-нибудь. С лошастью, сухой одеждой и флягой вина.

Не обращая больше внимания на пытавшегося сказать что-то Торвальда, она отстегнула перевязь с мечом, сбросила тяжелую, прошитую железными пластинами куртку. Кинжал на поясе оставила – вдруг придется резать заросли на дне. Подойдя к самому краю утеса, пригляделась к морю. Лазурно-блестящая вода, сияющая на солнце мелкой серебряной рябью, у берега кудрявилась белоснежными барашками. Сверху они выглядели совершенно безобидными, но Джад знала, что прибой коварен. Соленый морской воздух пах водорослями и рыбой, а казалось, что это запах крови. Может, и не казалось – вон сколько трупов за спиной. Гоня глупые предчувствия, она примерилась. Если прыгать – то во-о-он туда! Там сравнительно спокойное местечко без бурунов, где вряд ли окажется подводная скала. Ну, а не повезет – так не повезет. Жрица Малкависа всегда должна быть готова предстать перед ним, если пришло ее время. Главное, Торвальд ей верит, и не оправдать это доверие – хуже смерти.

Оглянувшись, она ободряюще улыбнулась замершему в нескольких шагах принцу. Отошла от края, разбежалась и что было сил оттолкнулась от ровного, будто ножом обрезанного камня скалы. Несколько мгновений полета показались долгими, словно время растянулось, как янтарно-золотая смола, падающая с дерева тягучими каплями. Только море несло ей навстречу, заставив сердце замереть в восхищенном ужасе, как бывает во сне, когда летишь с высоты. А потом она вошла в воду, не успев по-настоящему испугаться даже в последний миг, когда прохладная зелено-голубая твердь упруго приняла в свою толщу. Только подумалось, что если все же скала – и понять ничего не успеет...

Но скалы там не оказалось. Было лишь море: шелковисто-неподатливая плотная вода, что в этот раз вела себя как-то странно. Сразу уйдя на глубину, Джад развернулась, думая, что зря выбросила тяжелый меч, и поняла, что вода не выталкивает наверх. И вообще не такая уж она и упругая, как всегда казалось. Можно опуститься вниз, просто повернувшись и поплыв, куда надо. А еще все подозрительно хорошо видно: никакой обычной расплывчатой мути... Амулет?

Воздуха уже не хватало. Глянув наверх, Джад увидела не так уж далеко солнце, просвечивающее верхний слой моря насквозь. Успеет выплыть, если что. Сжала ладонью аквамарин, болтающийся на шее, подвязала шнурок покороче, чтоб не потерять. И осторожно втянула немного воды.

Всплывать не пришлось. Вода вошла в легкие гораздо тяжелее, чем воздух, так что на несколько мгновений все внутри загорелось. В груди

словно вспыхнуло маленькое солнце, не ласковое, а злобно-палящее, от него жар кипятком потек по венам... Джиад согнулась от боли, опускаясь на песок, пред глазами поплыли огненные искры. Неужели Торвальд каждый раз так терпел? Но спустя несколько мучительных вдохов и выдохов боль ушла, дышать стало легче, почти как на земле, и она смогла привстать с песка и оглядеться.

Волны остались где-то далеко наверху: незаметно она отплыла от берега куда дальше, чем прыгнула, и теперь стояла возле высокой темной скалы, которая, впрочем, вряд ли достигала поверхности воды. Иначе сверху ее было бы видно. Поморгав, чтоб очистить глаза и приспособиться к новому зрению, Джиад глубоко вдохнула и выдохнула, замерев от невероятной красоты, раскинувшейся вокруг.

Солнечный свет, падая сквозь водяную толщу, окрашивал подводный мир зеленью, но не резкой, а приглушенной, с явным голубоватым оттенком, похожим на аквамарин, болтающийся на шее. Амулет сделал пространство вокруг ясно видимым для человеческого зрения, и теперь Джиад словно стояла среди огромного куска зеленоватого стекла, уходящего в неизмеримые дали. Под ногами ровным слоем расстился обычный морской песок, серовато-желтый, с блестящими крупинками, среди которых попадались мелкие камешки самых разных цветов: солнечно-желтые, темно-коричневые, серебристо-серые, белоснежные, охристые, кремовые. Местами из дна торчали пучки даже на вид жестких водорослей, будто покрытых мелкими иголками. А другие, напротив, выглядели толстыми и сочными, бугрясь на редких крупных камнях зелеными лепешками.

Вот промелькнула мимо стайка крохотных рыбешек, сверкая, словно серебряные блески на платье придворной красавицы. Пара рыбин побольше, отливая золотисто-изумрудным, проплыла медленно и важно, едва шевеля плавниками и тараща любопытные выпученные глаза. А еще немного вдалеке виднелись скалы, покрытые водорослями, точно густым изумрудным мехом, и Джиад никогда не видела наверху такого сочного, богатого цвета зелени. Разве что в самом начале весны, когда пробивается из земли первая нежная травка и разворачиваются почки, одевая деревья в зеленый атлас и бархат. Но летом под жаркими лучами солнца зелень быстро грубеет и выгорает, здесь же, внизу, наверное, вечная весна, хоть и сумеречная.

Да, подводный мир оказался прекрасен. И чем дальше, тем сильнее хотелось им любоваться, высматривая все новые и новые чудеса, но прыгнула-то она не за этим. Поведя плечами, Джиад попыталась хоть

примерно определить течение. Прохладно, кстати. Вода отнимает тепло куда быстрее воздуха. Надо поторапливаться. Здесь наверняка стемнеет раньше, чем наверху, – и попробуй тогда найди перстень. А еще иреназе – морской народ, который с живущими на суше давно не в ладу. Торвальд говорил, что лет триста назад, после Великой Волны, погубившей неисчислимое множество людей, они разорвали все договоры, объявив морские глубины запретными для ныряльщиков, а некоторые области моря – и для кораблей. Так что стоит поторопиться. Где же тут течение?

Настоящего течения не обнаружилось. Но вода словно закручивалась вокруг странной темной скалы, и Джад поплыла к ней, рассудив, что откуда-то все равно надо начинать. Проплыв мимо каменного столба толщиной в несколько человеческих обхватов, она поняла две вещи. Во-первых, скала была чем-то важна для жителей моря: всю ее поверхность покрывала грубая резьба, на вид казавшаяся очень древней: странные лица, полурыбы-полулюди, непонятные знаки... А во-вторых, искать на бесконечном морском дне маленький перстень – такая глупость могла прийти в голову только ей.

Не сдаваясь из чистого упрямства, Джад проплыла мимо скалы к берегу и назад – гребков по сто. Дно было совершенно чистым, если только перстень не завалился в куст водорослей. На всякий случай она добросовестно обшарила все встреченные кусты и оглядела крупные камни. Поняла, что стоит отплыть на десяток шагов в сторону – и можно начинать все сначала. А потом еще и еще... И вообще, почему бы тут просто не поселиться? Дышать получается – она уже и забыла о неприятных поначалу ощущениях, рыбы для еды наловить не велика сложность. Да и всплыть, наверное, можно, а потом опять спуститься...

Но как же больно и несправедливо. Все эти смерти сегодня, как и многие до них, оказались напрасны. Если Торвальд не взойдет на трон, его попросту убьют или изгонят: кому нужен сын чужеземной принцессы, чей род был свергнут вскоре после ее свадьбы с отцом Торвальда? Ни связей, ни поддержки влиятельной родни в других королевских домах. А бароны Аусдранга сильны и вовсе не хотят подчиняться молодому королю.

Вернувшись к скале, она присела на небольшой, мохнатый от водорослей камень, чувствуя себя ужасно неловко в мешковатых, таких удобных на суше штанах и рубашке. Не то чтобы они сильно мешали, но все же пузырились, наполняясь водой и сковывая движения. Так что рубашку, подумав, Джад стянула и сунула под камень, чтоб не уплыла, оставшись в узкой нагрудной повязке, а штаны закатала повыше, почти

до колена. Сапоги оставила, потому что камни в песке попадались и острые. Подняла глаза от дна – и обомлела. На небольшом выступе скалы, зацепившись за бурую жесткую веточку, корнями уходящую в глубокую щель, блестел королевский перстень. Ровное золотое сияние, кровавый огонек! Рванувшись, Джаад кинулась вверх, с непривычки загребая слишком размашисто, сбила перстень ладонью, вместо того чтоб схватить пальцами, успела выругать себя за неуклюжесть...

Но перстень упал на чистый песок шагах в трех от каменного столба, блестя все так же заметно – подойди и возьми. Джаад оттолкнулась от скалы, возле которой так и висела в водяной толще, стала медленно опускаться...

– Так-та-а-а-ак... Двунogie, я смотрю, обнаглели...

Услышать на морском дне человеческий голос? Не веря ушам, Джаад порывисто обернулась. Как вообще можно разговаривать в воде? Или слышать... Неважно, впрочем. Потому что она все-таки нарвалась на встречу с иреназе, о которых в маленьком прибрежном королевстве Аусдранг рассказывали столько страшных сказок. В них морской народ неизменно представлял склочным, мстительным, жестоким и подлым. Наверное, не зря?

Иреназе было трое. Они полусидели-полулежали на спинах каких-то огромных сероватых рыбин, напоминающих акул. Только морда, затянутая в ремни наездничьей сбруи, была другой, да на спине виднелась глубокая выемка для седла странной формы. Ну да, иреназе же хвостаты. Неудобно им было бы в обычных седлах. Все это пронеслось в голове мгновенно, пока Джаад разглядывала медленно подплывающих морских всадников и понимала, что уйти не удастся. Такая «лошадка» в воде догонит в два счета и пополам перекусит. Да и всадники вооружены. У тех, что по краям, в руках виднелись массивные копыя-трезубцы, и литые мускулы обнаженной груди и рук ясно показывали, что оружием обитатели моря владеют умело. Одеты эти двое были только в набедренные повязки между мускулистым торсом и длинным серебристым хвостом, лишь на предплечьях массивные браслеты из темно-красного металла оттеняли светлую кожу, да ремни на рыбokonях поблескивали широкими накладками-щитками – явно не столько для красоты, сколько для прочности и защиты. Стража – по внимательному взгляду и спокойно-настороженным лицам сразу видно. Третий, посредине, блистал позолоченной сбруей своей рыбины так, что удивительно было, как Джаад его издалека не заметила. Видно, выплыли во-о-он из-за того подножия скалы. Но быстро как!

– Ты заплыла в запретные воды, двуногая, – насмешливо сказал

средний, встряхивая головой, так что длинные огненно-рыжие волосы, собранные на затылке в хвост, потоками заструились в морской воде.

Стража, как и положено, хранила молчание. Джад вздохнула, надеясь, что все еще удастся решить миром. Везет ей сегодня на рыжих, однако. И, оказывается, иреназе так похожи на людей, что если б не хвосты, можно было бы спутать. Разве что скулы выше да черты лица резче. И глаза светятся, как драгоценные камни. У одного так уж точно. Того, что посредине, рыжего. Рыжий был красив. Молочно-белая кожа, гладкая и нежная, без малейшего намека на пушок усов или бороды, ровно очерченные, слегка пухлые губы, длинные золотые ресницы над синими колодцами глаз. Слишком красивый для земного мужчины, но и с девушкой не перепутать: подбородок решительный, шея и плечи тоже совсем не девичьи.

А вот стражники темноволосы, и волосы заплетены во что-то сложное, прилегающее к голове... И на шее с двух сторон у каждого – узкие щели, как жабры у рыб. Джад поспешно опустила глаза, чтоб не выглядеть дерзко, рассматривая хозяев моря.

– Прошу прощения, благородный господин... – слова слетали с языка почти так же легко, как на суше, и вода не лезла в рот. Магия, конечно... – Я не знала, что эти воды запретны, и никого не хотела оскорбить своим присутствием.

– Ты не рыбачка, – удивленно протянул рыжий, одним движением выскользнув из седла и почти сразу оказавшись гораздо ближе. – Учитывая речь, да и не похожа на местных двуногих. Кожа смуглая, глаза и волосы черные. Я таких еще не видел...

– Я приехала в Аусдранг издалека, благородный господин, – насколько могла вежливо поклонилась Джад. – Простите, что нарушила покой вашего моря...

Перстень так и поблескивал на песке между ними, Джад с бессильной злостью смотрела, как один из телохранителей подводного дворянина тоже скользнул с рыбины и подплыл к нему, едва шевеля хвостом. Второй остался в седле, покачивая трезубцем.

– И не просто нарушила, – медленно и мягко сказал рыжий, глядя на Джад в упор. – Ты осквернила святое место кровью и украла подношение. Любого из этих преступлений хватит для осуждения на смерть.

– Кровь? Подношение?

Джад недоуменно глянула на скалу, потом на себя. Действительно, от локтя, задетого приспешником Лаудольва, тянулась едва заметная

кровавая муть. Морская вода разъела не успевшую схватиться ранку – а боль она, видно, и не заметила, пока в муках училась дышать водой вместо воздуха. Теперь вот щиплет... Подношением же иреназе посчитали перстень. Паршиво-то как! Никто не любит святотатцев.

– Прошу прощения, благородный господин, – поклонилась она снова, – вышла ошибка. Это не подношение. Один из врагов моего господина, принца Торвальда Аусдранга, кинул в море принадлежащую принцу вещь. Она случайно попала сюда, и я никоим образом не хотела осквернить святое место. Прошу, позвольте мне забрать то, за чем я пришла, и покинуть ваши воды.

– Вот это забрать, я полагаю? – прищурился рыжеволосый на перстень. – Дару, подай!

Джиад стиснула зубы, чтоб не ляпнуть лишнего. Иреназе повертел поданный телохранителем перстень в руках, презрительно скривил яркие губы.

– Грубая работа. Я бы такое и младшей наложнице не подарил. Разве что служанке, разок уложенной на песок. Но раз твой хозяин послал тебя за такой никчемной безделушкой, то либо он совсем тебя не ценит, либо она дорога ему чем-то еще. Чем же?

– Эта вещь давно хранится в их роду, – осторожно сказала Джиад, понимая, что обмолвиться о настоящей ценности кольца – страшная глупость. Еще хуже, чем натворила она, опустившись за перстнем сюда.

– Древний? Тогда понятно, почему так паршиво сделан, – усмехнулся рыжеволосый, надменно откидывая назад голову. – Что ж, я люблю смелость. Не оскверни ты святое место, может, отдал бы и так. Но тебя надо наказать, двуногая. Просто чтоб другим было неповадно...

Рука Джиад сама потянулась к кинжалу. Не позволяя себе еще и этой глупости, она все-таки едва заметно дернулась – и увидела направленные на нее трезубцы. Меч рыжеволосого так и остался в богато украшенных ножнах, перевязью для которых как раз и служила набедренная повязка. Действительно, зачем вытаскивать оружие, если рядом охрана?

– Как же вы собираетесь сделать это? – бесстрастно спросила Джиад, мучительно сожалея, что оставила меч наверху. Под водой ей с иреназе не тягаться, да еще с тремя, но к предкам кого-нибудь с собой прихватила бы. Да, жаль, что нет меча – кинжалом много не повоюешь. А еще больше жаль, что Торвальд не дождетя перстня. И саму Джиад вряд ли дождетя, а верный человек ему сейчас особенно нужен.

Подводная тишина ударила по ушам внезапной глухотой, словно Джиад только сейчас заметила ее. Охранники-иреназе смотрели

совершенно бесстрастно, ни следа чувств не мелькнуло на широкоскулых лицах, будто вырезанных из светлого камня. Только руки предупреждающе застыли на рукоятках трезубцев, да рыбыны недовольно покачивали мордами, совсем как норовистые лошади, пытаясь скинуть сбрую. Вода вдруг показалась холодной – или это просто ее саму пробрал озноб? Ну, что же он медлит, глубинник проклятый? Что задумал? На тех, кого просто хотят убить, так не смотрят. Джиад невольно попыталась шагнуть назад, подальше от этого тяжелого надменного взгляда.

Глава 2

Цена чужого королевства

Рыжеволосый неторопливо оглядел ее от макушки до кончиков сапог. Медленно, нагло, выжидающе. Снова поднял к лицу Джад ярко-синие, холодно сверкающие глаза, так же лениво разомкнул губы:

– Что ж, так себе, но на разок сгодишься. Раздевайся.

– Что? – выдохнула Джад.

– Я же сказал, что подарил бы такой перстень за один случайный раз, – усмехнулся иреназе. – Так тому и быть. Двуногих у меня еще не было, так что можешь гордиться честью доставить мне удовольствие первой из вашего народа.

– Вы, наверное, не очень много знаете об обычаях людей, – вымолвила Джад сведенными от ярости губами. – У нас подобное не принято.

– А что у вас принято делать с теми, кто оскорбляет святыни? – с интересом спросил рыжеволосый мерзавец, шевельнув хвостом, чтоб удерживаться на плаву. – У нас их казнят сдиранием кожи. Или отдают заживо на съедение крабам. Это лучше того, что требую я?

Улыбнулся, весело и зло. Поймал неправдоподобно, нечеловечески яркими глазами взгляд Джад, скривил презрительно губы.

– Это ты не слишком много знаешь об обычаях иреназе, двуногая. Ты явилась на наши запретные земли сама, не прося позволения и не принеся даров. По нашим законам ты собственность того, кому первой попадешься. И не на один раз, а пожизненно. Благодарю богов, что у меня сейчас нет желания заводить новые игрушки. Так что можешь выбирать: ляжешь со мной сама или тебя уложат силой.

Отступив на шаг, Джад положила руку на рукоять кинжала. Оценила расстояние до трезубцев, угрожающе качнувшихся с двух сторон. Да, от обоих сразу не увернуться. Разве что упасть? Но быстро двигаться в воде сложно, много времени этим не выиграть, а потом все равно добьют. Значит, просто кого-то надо ударить первой. Выбор несложный – если кого и стоит прихватить на ту сторону жизни, то лучше всего рыжую тварь с медовым голосом. Интересно, как кидать кинжал в воде? Похоже – никак. Только ближе подобраться...

– Не советую, – ласково уронил иреназе, правильно оценив ее взгляд. – Если даже чудом хотя бы поцарапаешь меня, об этом пожалеет все

побережье. Я Алестар, принц дома тир-на-Акаланте, сын владыки воды и дна от этого побережья и до Белых скал Миралайна. Пролить мою кровь, да еще у святыни... Не пройдет и луны, как прибрежные деревни двуногих будут стерты с лица земли, рыба на столах ваших высокородных станет источать яд, и ни один корабль больше не подойдет к берегу и не выйдет из гавани. Подумай хорошенько, хочешь ли ты этого. Не говоря уж о том, что сделают лично с тобой, когда поймают.

Наверное, он врал. Чтобы принц морского народа плавал в сопровождении всего двух охранников? Но разве Торвальд не мотался на охоту с одной лишь Джаид да парой егерей? Это не далекий Уруакан, где правящая особа столь священна, что не может ступней коснуться земли. Да если даже врет, рисковать таким – нет уж... Если есть хоть одна вероятность, что проклятая хвостатая тварь говорит правду, – ее, Джаид, жизнь не стоит такой беды. А стоит ли честь? Она, конечно, дороже жизни, но ни в чем не повинные жители королевства...

– Позвольте мне просто уйти, – смиренно попросила она, опуская глаза и старательно пряча злость. – Прошу вас, ваше высочество...

– Это уже лучше, – подтвердил иреназе. – Похоже, ты легко дрессируешься. Только у меня сегодня нет настроения спорить и уговаривать. Ложишься на песок сама – получаешь свободу и перстень. Я сегодня дивно добрый. Будешь упираться – велю своим стражам разложить силой и все равно позабавлюсь. А потом отдам им. Дару!

Тот, что был рядом, отплыл немного в сторону и выше. Теперь Джаид оказалась в треугольнике. Скалили острые зубы рыбины иреназе, то ли чуя кровь, то ли просто не желая плавать на месте. Блестели трезубцы, отполированные, острые, с длинными рукоятями и широкими лезвиями. И улыбался с высокомерной издевкой в нечеловеческих сапфировых глазах рыжеволосый принц морского народа, зная, что добыче некуда деваться.

Видимо, наскучив ждать, он махнул рукой стражам, медленно двинувшимся в сторону Джаид, едва шевеля хвостами.

– Не надо, – проговорила Джаид, с трудом разжав стиснутые зубы. – Я сама...

Меч! На несколько минут бы... А еще лучше – короткое тяжелое копье, каким бьются на севере. Но кровь проливать нельзя... Ловушка. Она сама себя загнала в ловушку... И уже не в перстне дело! Но это что же? На глазах у стражи? Ну у них и нравы тут, под водой.

– Пусть они отвернутся, – с бессильной злостью попросила Джаид, с отвращением услышав свой дрогнувший голос.

– Они моя охрана, – холодно откликнулся иреназе. – Им плевать

на тебя, можешь об этом не беспокоиться. Раздевайся, я хочу посмотреть.

Отстегнув кинжал, Джаад уронила его на песок.

– Откуда мне знать, что потом я смогу уйти?

Рыжеволосый пожал обнаженными, блестящими, будто от масла, плечами.

– Кому ты нужна? Двунogie все равно здесь не живут. Разве что в таком вот амулете, но на это следует получать дозволение владыки. Не бойся – отпущу. Даю слово.

– А слово, данное человеку, чего-то стоит? – угрюмо поинтересовалась Джаад, нехотя кладя ладонь на пряжку пояса.

– Мое слово – честь всего моря, – надменно бросил иреназе. – Не тани, двуногая. Я и так тебе уделю больше внимания, чем ты стоишь.

Джаад на мгновение закусила губу, уговаривая себя. Щеки так пылали от стыда, что было даже странно, почему море рядом еще не закипело. «Это всего лишь бой, – отчаянно сказала она себе. – Бой, в котором ты проиграла. Теперь придется потерпеть, как бы ни было больно и стыдно. Нужно принести перстень Торвальду – остальное неважно. Ничего не важно, кроме цели, так тебя учили, помнишь? И потом... Торвальд об этом не узнает. Моему принцу совершенно не надо знать, какой ценой исполнен его приказ. Достаточно, что я его выполню – и Торвальд станет королем».

Пояс плавно опустился на песок рядом с кинжалом, пройдя через плотную воду куда медленнее, чем упал бы в воздухе. Наверное, стоило не отстегивать кинжал, но какая теперь разница? Ей и взяться за оружие не дадут. Охранники принца смотрели на Джаад совершенно непроницаемыми глазами, зелеными, но не ярко-прозрачными, как у их господина, а словно выточенными из темного шлифованного змеевика. Так смотрели, будто она преграда, которую нужно отодвинуть с пути, чтобы пройти дальше. Ну, если их принц частенько так развлекается, заваливая кого попало, то им не привыкать...

Джаад обернулась, глядя на скалу. Кровь проливать здесь, значит, нельзя. А такое вот – можно? От страха и стыда ее затошнило, к горлу подкатился ком, руки дрожали – едва заметно, но она вцепилась пальцами в край штанов, чтоб скрыть это, и никак не могла себя заставить развязать шнурок. Да что с ней? Подумаешь – несколько минут потерпеть. Она ведь давно не девица, жрицам Малкависа дозволены любые удовольствия плоти, и никто не вправе их упрекнуть. Но вот так вот, силой? Как же мерзко! Мерзко от собственной беспомощности, от того, что чуть ли не впервые в жизни она совершенно ничего не может сделать. Наставники говорили,

что редкая женщина за свою жизнь избегает насилия, но Джад всегда думала, что уж ее-то это не может коснуться. С ее умением, ловкостью и покровительством великого бога... Но оказалось, что грубая сила троих ублюдков и морская глубина, из которой не сбежать, выше всего ее отточенного мастерства!

Отстегнув с пояса тяжелый меч и отдав его стражнику, иреназе несколькими взмахами хвоста подплыл совсем близко. Глянул в лицо Джад. Протянул руку и кончиками пальцев прошелся по щеке, потом вниз, по шее к холмику напрягшейся груди. Джад невольно отшатнулась, словно ее коснулась ядовитая скользкая гадина.

– Не дергайся, – процедил иреназе. – Ты моя, пока не отпущу.

Подтверждая, провел ладонями по бокам Джад вверх, сдернул нагрудную повязку и погладил соски, не обращая внимания на ее отвращение, шевельнул хвостом, взбурлив воду вокруг них.

– Снимай остальное.

Станный у него был голос: вроде бы равнодушный, но под этой сдержанностью слышались ледяная злость и желание. Не то желание, которое Джад привыкла видеть в мужских глазах, не плотская страсть, иногда обидная или противная, но понятная. Принц иреназе смотрел на нее так, словно больше всего на свете хотел бы не взять, а причинить боль, растоптать, уничтожить... Словно видел не ее, а кого-то другого. И ненавидел этого кого-то, как злейшего врага!

Снова закусив губу так, что боль мгновенно привела в себя, Джад распустила шнуровку, стянула с бедер непослушную мокрую ткань, оставшись обнаженной. Помогая себе ногами, скинула сапоги, а за ними окончательно избавилась от штанов. На, смотри, тварь хвостатая!

В висках билась кровь, скулы сводило от бешенства и тяжелой ненависти. И когда властные наглые ладони легли на ее тело, Джад просто стиснула зубы, уговаривая себя потерпеть. Ради Торвальда...

Наконец, взбив хвостом волну, иреназе отплыл. Джад, распластанная на песке, уткнувшись в него лицом так, что кровь на прокушенной губе мешалась с песчинками, понимала, что надо встать. Встать, одеться, забрать обещанное. Но подняться не могла. Ее трясло, перед глазами плавали кровавые круги и полосы, а пальцы, сведенные судорогой, впивались в песок. Гадина! Тупая, наглая, мерзкая тварь!

– Так понравилось, что хочешь продолжения? – поинтересовался сверху ненавистный голос.

Снова закусив и без того кровоточащие губы, Джад неуклюже поднялась. Выпрямилась, чувствуя, как от морской воды с каждым

мгновением сильнее саднит между ног. Посмотрела в ледяную синеву полупрозрачных глаз. И увидела, как исчезает усмешка с губ иреназе. Покачиваясь, словно пьяная, глянула на перстень, так и красовавшийся все это время на пальце морского принца. Весь мир вокруг сжался до размера золотого ободка, а кровь перед глазами... Что ж, это всего лишь рубин в королевском кольце.

Иреназе молча стянул перстень с длинного белого пальца, швырнул к ногам Джад на песок. Она так же молча натянула слипшиеся штаны и рубашку, на пояс только посмотрела – сил нагибаться за ним, а потом тянуть на себя ничемный кусок кожи совершенно не было. Кинжал, может, и взяла бы, но трезубец того из стражей, что так и висел рядом, качнулся предупреждающе. Ну и демоны с ним, с кинжалом. Вместо него Джад подобрала перстень. Взяла в руки золотое гладкое кольцо, мрачно сверкнувшее кровавым, зажала в исцарапанной камнями и осколками ракушек ладони. Отступила на шаг, глянула на принца.

Тот парил в воде неподвижно, только рыжая грива, сколотая чем-то на затылке, струилась по течению: золотистые нити, по цвету в точности как кольцо Торвальда, распустились в воде мерцающим ореолом. Наверное, это было даже красиво. Да он и был красив, этот огненноволосый, синеглазый принц морского народа, красив от надменно изогнутых темно-золотых бровей на чистом высоком лбе до кончика хвоста, раскрывающегося роскошным серебряным веером. Красив, как влажно-яркие, разноцветные ядовитые твари из морских глубин, которых ловят и продают на рынках Арубы. И так же мерзок и опасен.

– Плыви, – напряженно бросил иреназе. – Ты свободна.

Не сказав ни слова, Джад изо всех сил оттолкнулась от дна ногами. Вылетела из водной толщи, не обращая внимания на шум в ушах и огненные стрелы перед глазами. И лишь оказавшись наверху, высунув голову из воды и задыхаясь от невозможно пустого воздуха, с трудом сообразила сорвать талисман за какие-то мгновенья до того, как окончательно потерять сознание от удушья.

Наверху было солнце. Мир был залит закатным солнцем, таким же рыже-золотым, как и все в этот день. Джад передернуло от отвращения, и тут же, барахтаясь, она начала откашливать горько-соленую воду, на мгновение испугавшись, что влага так и останется в легких. Но нет – очистившись, дыхательные пути наполнились воздухом, таким легким и сладким после соленой воды. А потом пришла холодная пустота. Она легла на спину и долго лежала на плотной морской глади, смотря в медленно темнеющее небо, прежде чем начала устало выгребать к берегу.

Добравшись до берега, она выползла на еще теплый, прогретый за день песок. Отошла от моря на дюжину шагов – и скорчилась от мучительной рвоты, выворачивающей пустой желудок. Долго сплевывала желчь, мечтая о глотке пресной воды или хотя бы прополоскать рот, но позади плескалось равнодушное море, вернуться к которому Джад бы не согласилась, предложи ей самой за это трон Аусдрангов хоть сейчас. А впереди высились угрюмые утесы, окружая крошечную бухточку, в которой не было, кроме нее, ни одной живой души.

Отдышавшись и вытерев рот, она подумала, как будет выбираться наверх. Тело болело, причем не честной болью, заслуженной часами тренировки или боем, а болью гнусной, стыдной. Между ног пекло, словно ссадины солью натерло, да почти так оно и было. Наверх, кажется, не вела ни одна тропка, насколько она могла разглядеть, а небо темнело уже всерьез, и похоже было, что ночевать придется здесь, на песке у подножья скал, где даже костер не развести без кремня и трута. Привалившись спиной к валуну, отколовшемуся когда-то от скалы, Джад стянула тяжелые размокшие сапоги, но штаны с рубашкой снимать не стала, хоть и понимала, что сушить на себе просоленную морем ткань – дурная затея. Просто показалось невыносимой сама мысль опять оказаться голой и безоружной, да еще перед равнодушным морем, озаренным последними отблесками заката.

Ладно, она вполне может переночевать и здесь. Если Торвальд никого за ней не прислал, значит, на это была веская причина. Лишь бы с ним все было хорошо, лишь бы удалось скрыть пропажу перстня до завтра – а утром Джад найдет дорогу наверх и вернется к своему принцу. Принцу, который обязательно станет истинным королем...

– Госпожа Джад! Госпожа Джад!

Джад устало подняла голову. Из скалистых обломков слева от бухты кто-то бежал. Приглядевшись, Джад разглядела рыжего мальчишку-конюха, ухаживавшего за ее лошадей. Добежав, мальчишка широко улыбнулся щербатым ртом, восторженно глядя на Джад.

– Госпожа Джад! Ой, простите, госпожа мастер меча, – торопливо поправился он, выговаривая звание Джад, как положено по этикету. – Его высочество изволил приказать, чтоб я вас туточки дожидался. Там, с другой стороны, у меня пара лошадей да костер горит. Кто ж знал, что вы тут выплывете?

Действительно, кто мог знать, что ее вынесет именно сюда? А Торвальд все же отправил за ней этого веснушчатого потихоньку, чтоб не привлекать особого внимания. Умница... Кто обратит внимание

на конюха, который повел пару лошадей купаться, например? Джад почувствовала, как на сердце становится тепло, словно она уже протянула руки к обещанному костру.

– Ну, vedi, – улыбнулась она мальчишке. – А что еще приказывал принц?

– А ничего, – беззаботно отозвался конюх. – Ступай, – изволил велеть, – дожидайся до рассвета. Коль не вернется госпожа Джад, утром скачи во дворец... А здорово я с костром придумал, да? И флягу с вином у повара выпросил – вы ж замерзли небось, госпожа? Я, пока вас дожидался, рыбы наловил. Ух, вкусная. Сейчас поедите, согреетесь... Госпожа Джад, а вы иреназе видели? Они тут, говорят, часто плавают да из воды на землю смотрят. Злые они – ух!

Конюшонок еще что-то болтал, а Джад чувствовала, как тухнет внутри огонек радости. Торвальд не вспомнил про ее просьбу о сухой одежде и вине – он просто прислал гонца, удостовериться, что Джад жива. Или не жива – как повезет. И про то, что здесь видят иреназе, он не мог не знать. Не мог – и все же слова об этом не сказал. «Ничего не поделать, он король, – подумала Джад измученно. – Королю приходится думать о многом, и уж сегодня у него точно дел хватает...»

– Так вы видели иреназе? – не отставал настырный мальчишка. – Правда, что они прекраснее любой принцессы и злые, как демоны?

Джад покачала головой, устало бредя по песку босиком – даже обуться было лень.

– Нет, не видела. Но думаю, что это правда: и про красоту, и про злость. Так что... ходить сюда купаться я б тебе не советовала.

– Купаться в проклятую бухту? – фыркнул мальчишка, ловко пробираясь между огромными камнями. – Дураков нет... Кабы не приказ его высочества, я б сюда носа не сунул. А из взрослых и точно никто не пойдет, даже по приказу. Вот, госпожа мастер, пожалуйста к костру! Как вы-то решились... А я тоже хочу таким храбрым быть!

Храбрым? Джад едва не рассмеялась, но сдержала смехок-всхлип. Не хватало еще перед мальчишкой расклеиться. Опустилась на заботливо расстеленное у костра одеяло, обняла колени. Пламя плясало на высушенном ветром и солнцем топляке, застилало все вокруг... Что ж, все кончилось. Будто дурной сон, от которого просыпаешься, скрученная ужасом, а потом его уносит ночь. Было – и прошло... Прошло...

Глава 3

Тайна королевского дома Акаланте

Дорога домой показалась Алестару бесконечной. Течения здесь менялись постоянно, и тугие струи воды били в лицо то теплом, то холодом; под шкурой салту перекачивались мышцы: зверь, подгоняемый ударами шеста-лоура, мчался изо всех сил. Алестар совсем лег на жесткую голубовато-серую спину, чтобы уменьшить сопротивление воды, обхватил салту руками. По бокам неслись Дару и Кари, тоже прижавшись к самой спине своих зверей, чтоб не отстать. Вперед не лезли, зная, что принц этого не потерпит, да и зачем? Вода впереди чистая, на дне ни камня – ровная песчаная пустошь до самых Врат.

Когда Врата показалиcь впереди, Алестар хлопнул салту лоуром, выпрямился, натягивая поводья. Зверь послушно сбавил ход. Каменные столбы Врат высились впереди мрачными темно-серыми колоннами на массивном основании, уходящем в песок. Отец как-то обронил, что скалы Врат не поставлены здесь, а были всегда, еще до первых иреназе. С тех пор Алестар втайне невзлюбил Врата еще сильнее: как может что-то быть древнее великого морского народа?

Подплыв к самым Вратам, он соскользнул со спины салту, проплыл рядом с ним между двух высоких, грубо обтесанных глыбин. Рядом блеснула чешуя на хвосте чуть выплывшего вперед Кари. Вот еще тоже глупый обычай: проплывать через Врата только поодиночке. Почему нельзя остаться в седле? Оставив Врата позади, Алестар снова подтянулся в седло.

Но гнать салту больше не хотелось. Легонько стукнув лоуром по широкой спине плашмя, Алестар прикрыл глаза, доверяя зверю самому выбрать направление. Все равно свернет домой, в загон с теплой водой и вкусной рыбой, ленивая скотина... Вода текла мимо холодным шелком, ласково глядя обнаженное до пояса тело, а в груди разгоралась уже привычная боль. Последний раз они были за Вратами вместе с Кассией. Дурачились, носились друг за другом, заставляя салту выделять немыслимые пируэты. Потом, отпустив зверей охотиться за рыбьей молодью, рухнули на песок, сплетя хвосты. Боролись, думая совсем не о победе... Кассия оказалась сверху, улыбнулась озорно и торжествующе, запустила обе руки в волосы Алестара, прижимая его к песку всем телом...

Хватит! Алестар мотнул головой, отбрасывая воспоминание. Не надо было плавать к Столбу Договора в одиночку. Это было их место, только их... А он поплыл туда один – охрана не в счет. И наткнулся на это... эту... Эту двуногую тварь! Перед глазами всплыло странно темное лицо и короткие, всего до плеч, черные волосы. Погань двуногая, чтоб ее... Грязь из верхнего мира! Сейчас запоздало показалось, что не на песок надо было укладывать, а просто убить. Ткнуть трезубцем и смотреть, как расплывается в воде грязная кровь. А потом, когда вода запахнет кровью, спустить салту.

Запрокинув голову назад, ловя взглядом последние лучи светила, что еще пробивались сквозь водную толщу, Алестар выгнулся, задыхаясь от жгучей боли в груди. Нет... слишком большая была бы честь для двуногой умереть так же, как самая лучшая, самая нежная, самая... А вот так, как вышло, – в самый раз. Пусть убирается наверх, под палящие лучи злого светила, и всю жизнь помнит, кто она для морского народа, чью воду решила осквернить. Подстилка, не больше! И хватит думать о сухопутной мрази!

Вдали уже высились шпили Акаланте, темнели сторожевые башни. Подгоняя салту, Алестар проплыл между высокими серебристыми столбами, уходящими далеко ввысь, небрежно кивнул отсалютовавшей страже у подножья башен. Здесь, в сердце моря, дно изгибалось непредставимо огромной возвышенностью, бугрясь и выстреливая вверх застывшими кусками лавы. За тысячелетия народ иреназе выточил в них жилища, проложил пути-улицы и расчистил площади. Алестар, как и всегда, залюбовался прекрасным городом, раскинувшимся на дне. Неужели может быть что-то величественнее и изящнее? Разве только другие города иреназе, да и то... Суалану он видел. Хороша, но не лучше. Карианд великолепен, но слишком далеко и глубоко – только в самые ясные дни лучи светила с трудом достают до его крыш, по пути теряя большую часть силы. Нет места лучше Акаланте. А жалкие города двуногих и в сравнение идти не могут. Говорят, их улицы покрыты грязью и мусором, потому что скот и люди ходят по ним ногами, не в силах оттолкнуться и парить в воздухе, как иреназе – в воде. И если по улице движется слишком много народу, они мешают друг другу, толкаясь... Какая тупая мерзость эти двуногие. И гнусная.

Думать о чем-то другом, не о Кассии, получалось паршиво, но все же получалось. Это поначалу он давился бессильной яростью, потом не мог справиться с горем, отказываясь от пищи, потом требовал найти и покарать виновных... Алестар на миг прикрыл глаза, вспомнив печальное лицо отца

и потупленные глаза советников. Все впустую. Поиски, исследования магов... Все они твердили в один голос, что принцу угрожает опасность. А погибла Кассия! Глупо, страшно погибла...

Дару темной тенью возник рядом, вопросительно заглянул в лицо, и только тогда Алестар понял, что остановился. Салту недовольно бил хвостом, ему не нравилось плавать на одном месте. Им бы вечно плыть вперед, этим тварям, в поисках пищи. Кровь чуют за сотни гребков... Алестар передернул плечами, хоть вода здесь была уже по-городскому теплой. Акаланте стоит на поддонных источниках, греющих каждый дом, и, конечно, в городе куда теплее, чем в окружающем море. Даже глубинные боги любят Акаланте.

– Плыви во дворец, – бросил Алестар терпеливо ожидающему Дару. – Скажи отцу, что я прошу о встрече.

– С вашего милостивого разрешения, я пошлю кого-нибудь, – бесстрастно отозвался телохранитель.

– Я дома, – процедил Алестар. – Что со мной может случиться?

Ответом было молчание. Да чтоб вас всех! Зло хлестнув салту, он рванул к дворцу, не заботясь, поспевают ли за ним стражи. Есть и спать под охраной, охотиться под охраной, по улицам родного города плавать тоже с охраной. Даже когда он у наложницы, эти двое торчат за дверью. Хорошо, не глазают в самой комнате, а то с них бы стало! Хотя на то, как он раскладывал двуногую, еще как любовались. Впрочем, вряд ли им понравилось. А ведь Алестар еще и потому придумал такое – хотел подразнить стражников, навязанных отцом. Только никто из них даже не шевельнулся. Рыбья кровь! Стоило отдать им девку с земли, да только Алестар был уверен, что откажутся. Не напрямую, конечно, отговорятся, как обычно. Скажут, что долг стража не позволяет отвлекаться.

Алестар вспомнил непроницаемые поначалу темные пятна глаз, и как потом эти глаза кипели яростью и стыдом. Дивное развлечение вышло! Мять горячее непокорное тело, гладить шелковистую кожу, такую непривычно-темную... А потом ворваться во влажную тугую глубину, так, словно всаживаешь клинок во врага, ловить сдавленный стон и трепыханье тела... Все-таки она была красива, эта двуногая. По-своему, конечно, как бывает красива домашняя зверюшка. Приручить бы такую... Заставить выпрашивать еду, брать ее губами с ладони, а потом укладываться и раздвигать ноги, подставляясь хозяину. И брать, долго и сладко, наслаждаясь болью и беспомощностью...

Алестар соскочил с седла у самого входа во дворец, бросил поводья подплывшему слуге. Не глядя на поспешно уводимого салту, толкнул

дверь. И почти успокоился, чувствуя, как величие и красота дворца привычно гонят тревогу и раздражение из мыслей. Фрески, выложенные перламутром, жемчугом и кусочками смальты, переливались в воде, как драгоценности из сокровищницы. Иреназе, изображенные на них, охотились, сражались, тешились на ложе и играли с детьми. Их глаза будто провожали Алестара, стремительнее обычного плывущего по коридору. Мозаичные полы, высокие мраморные потолки, бесконечные коридоры... Кое-где фрески казались более светлыми, и Алестар знал, что там, на месте искусно вделанных заплат, когда-то были изображения двуногих. Что ж, хорошо, что даже их вид не оскорбляет взгляд обитателей дворца.

А вот от пары-тройки живых двуногих он бы все же не отказался. Почему отец никогда не разрешал ему завести наложницу из верхнего мира? Хотя бы одну...

Дверь в отцовские покои оказалась перед ним, прервав размышления. Алестар постучал тяжелым придверным молотком, оповещая о прибытии. Потом толкнул дверную плиту, проплыл над ней, качнувшейся на невидимой оси. Личная отцовская комната для работы была пуста. То ли отец занимался делами где-то еще, то ли был в спальне с кем-то из наложниц. Вряд ли, конечно. Повелитель Акаланте давно расстался с юношеским пылом, как подозревал Алестар, и не стал бы тратить дневной период на то, что мог получить ночью. Светильники на стенах сияли ровно и ярко, грибы туарры, заточенные в стеклянных шарах, отдавали свет охотно, даже если в комнате никого не было. Стол со свитками являл привычный образец аккуратности, и даже в расположении письменного прибора виднелась строгая система. Алестар вздохнул, вспомнив беспорядок в собственном кабинете. Где же все-таки отец?

Подплыв к окну, он оперся на кованую серебряную ветку решетки ладонями, положил на них подбородок. За окном колыхался в медленных струях воды сад: дно, покрытое мягкой зеленью, пурпурные и золотистые стебли-листья редких растений, ярко-алые, синие и жемчужно-белые цветы, распускающиеся среди крупных камней. Среди растений метались стайки серебристых рыбок-валарий, колыхались полупрозрачные медузы с длинными щупальцами и розово-голубыми брюшками. Алестар длинно вздохнул, глядя на их размеренные движения, но покой, всегда охватывающий его в отцовском кабинете, сегодня не спешил. Напротив, по коже бежал неприятный озноб, а во рту пересохло. Жабры тоже покалывало, будто вода была грязной, чего, конечно, здесь оказаться просто не могло.

Алестар потер ладонью щеки, чувствуя, как они горят. Заболел, что ли? Может, подцепил какую дрянь от двуногой, чтоб ее светило сожгло?

– ...и завтра же, Руаль, – послышался голос отца с порога. – Не тяни.

– Отец!

Обернувшись, Алестар склонился в почтительном поклоне. Выпрямился, откинув за спину мешающие волосы.

– Мальчик мой, – отец протянул руки ему навстречу, положил на плечи широкие ладони. Алестар со смутной тревогой отметил, что отцовские руки, всегда такие теплые, кажутся куда холоднее обычного. Надо будет после разговора к целителям зайти, что ли...

– И с чем же не должен тянуть советник Руаль? – поинтересовался он, видя, как лоб отца еще не разгладился от задумчивых морщин.

– Хорошо, что ты зашел, Аль, – кивнул отец, увлекая его вглубь кабинета, к столу. – Удачно поохотился?

Удачно ли? В памяти вспыхнули бешеные черные глаза и тоска в них пополам с отвращением. И горячая нежная кожа, и сладкие мгновения собственной силы и власти над упрямо-закаменевшим телом...

– Удачно, отец, – усмехнулся Алестар. – Вполне. Ты хотел со мной поговорить?

– Посмотри на это, сынок. Сегодня привезли.

В руки Алестара легла легкая костяная миниатюра по размеру как раз на пару ладоней. С выбеленной кости лукаво и чуть смущенно смотрела совсем юная девушка. Пышные золотистые волосы, светло-карие глаза, отливающие янтарем, чуть заостренный подбородок и изящно вылепленные скулы... Красавица... Алестар почувствовал, как его накрывает тяжелая тихая злость. Началось. Опять...

– И кто это? – поинтересовался он сдержанно, возвращая миниатюру внимательно наблюдающему за ним отцу.

В висках застучали звонкие молоточки, и до дрожи захотелось чего-то сочного: сырой, еще кровоточащей рыбы без всяких приправ и ухищрений или толстых, напитанных влагой водорослей...

– Маритэль, младшая принцесса тир-на-Карианд.

– Что ж, – растянул губы в невеселой усмешке Алестар. – Хорошенькая, я оценил. Дальше что?

– Алестар... – голос отца был мягким, сочувствующим, и от этой мягкости было еще хуже. – Алестар, я горюю вместе с тобой. Но ты же понимаешь...

– О да, – снова усмехнулся Алестар, чувствуя, как к горлу подкатывает

привычный горький комок. – Я все понимаю и слышал сотню раз. Она была просто подданной, у нас все было несерьезно, мой долг – заключить брак, нельзя горевать всю жизнь... А мне нет до этого дела, отец! Что, нельзя подождать? Луна не сменилась, как Кассия... Почему нельзя просто подождать?

– Алестар, никто тебя не торопит, – как сквозь немыслимую толщу воды доносился голос отца. – Мы лишь начнем переговоры. Но ты должен видеть, с кем тебя свяжет запечатление, разве нет?

– А какая разница? Да будь она страшна, как мурена, что с того? – зло бросил Алестар. – На то и запечатление.

– Это не так, сын, – мягко возразил отцовский голос поверх макушки опутившего голову Алестара. – Запечатление обеспечит вам взаимное желание на ложе, близость тел... А близость души двое должны выстраивать сами. Принцесса Маритэль прибудет к нам через пару лун, она будет жить во дворце. Перед заключением договора вы познакомитесь, узнаете друг друга получше. Хоть она и младшая, и рождена от наложницы, а не от законной супруги, но король тир-на-Карианд озабочен ее судьбой.

– Великолепно! – процедил Алестар, зло вскидывая голову. – А что, получше никого не нашлось? От законного брака?

– Не нашлось, – неожиданно сухо ответил король. – И поверь, на то есть свои причины. Или ты думаешь, что я желаю тебе зла, выбрав неподходящую пару?

Положив миниатюру на стол, он взмахнул хвостом, отплывая к окну, замер там, совсем как Алестар немного раньше.

– Прости, отец, – тихо извинился Алестар, тоже подплывая ближе. Обнял сзади могучие плечи, чувствуя их напряжение, уткнулся лицом в перехваченную золотым кольцом струю каштановых волос, так непохожих на его собственные. – Мне жаль, я не хотел тебя обидеть...

– Аль, мальчик мой...

Рука повернувшегося отца обхватила Алестара за плечи, прижала к груди.

– Неужели ты думаешь, я не понимаю? Кассия – дочь Руаля, а он мне не только советник, но и друг. Или ему сейчас легче? Мы все скорбим, сынок...

Ладони ласково гладили ему плечи и спину, и Алестару хотелось стоять так долго-долго, не отрываясь, чувствуя себя снова маленьким, защищенным от всех бед на свете... С усилием он отстранился, посмотрел в глаза отцу, ловя в них искреннюю боль.

– Я заключу союз, с кем ты скажешь. Мне... все равно. Пусть

кариандка приплывает, я обещаю вести себя пристойно и не выказывать неприязни. Ты ведь об этом беспокоишься?

– Алестар, я знаю, что ты помнишь о долге. И разве твоя невеста некрасива? Она прекрасно воспитана и гордится оказанной честью. Маритэль будет хорошей супругой, поверь мне.

– Мне все равно, – повторил Алестар, чувствуя, как по коже снова пробегает омерзительный озноб. – Пусть будет Маритэль.

– Тогда завтра же Руаль отправит письмо в Карианд, и начнем обсуждать условия. Богатого приданого ждать не приходится, но это не страшно. Дом Акаланте за чужими богатствами не гонится, своих хватает.

Вернувшись к столу, отец бережно поставил портрет кариандки на подставку. Алестар глянул издали на милую улыбку девчонки, светлые, как у большинства кариандцев, волосы.

– Пусть пару наложниц пришлют, – не удержался Алестар от укола. – А то их принцесса выглядит хрупкой, как лепесток перламутра. Такую и в постель брать страшновато – еще сломается.

– Алестар... – нахмурился отец.

– Да шучу я, шучу... Можно подумать, запечатление мне позволит плавать по наложницам, как раньше. Хотя брак еще не скоро...

– Вот пока не скоро – гуляй вволю, – усмехнулся отец с лукавинкой. – Кто ж тебе откажет?

– Ты, – буркнул Алестар, теребя в руках кончик ремня. – Все эти сладкие мордашки надоели... Позволь мне завести двуногую наложницу. Хоть одну!

– Нет!

Алестар с удивлением глянул на гневно раздувающего ноздри отца. Что-то творилось со зрением: перед глазами все плыло, будто он оказался в мутной воде, глаза щипало и жгло.

– Никаких двуногих! Ты помнишь мой приказ? И наверх без дозволения не выплывай.

– Да помню я, – привычно огрызнулся Алестар, не без злорадства подумав, что уж сегодня он сам наверх не плавал – а значит, клятва не нарушена. Предположить же, что кто-то из двуногих спустится сверху, чего не случалось уже лет триста, отец в свое время не догадался. – Ты бы хоть объяснил почему?!

– Моего слова тебе недостаточно? – холодно спросил отец.

– Я твой сын. Поэтому – недостаточно.

Алестар упрямо выдержал гневный взгляд, но тут же король

обреченно махнул рукой.

– Хорошо. Я расскажу, пока не случилось большей беды. Давно следовало, конечно. Заодно поймешь, почему у нас не слишком богатый выбор супругов для тебя. Сюда...

Подплыв к единственной небольшой фреске в углу кабинета, он жестом подозвал Алестара.

– Смотри. Что ты видишь?

На фреске рыжеволосая синеглазая девушка, похожая на самого Алестара, как сестра-близнец, взлетала на гребне волны, протягивая руки к яростно горящему светилу. Вдалеке виднелся силуэт корабля...

– Историю своего рода, – покорно откликнулся Алестар. – Триста лет назад принцесса Ираэль встретила того, кого посчитала своей парой – двуногого королевского рода. Запечатлела его как супруга, а потом была им предана и погибла.

– О да... – протянул отец каким-то незнакомым голосом, не отрывая глаз от фрески. – Так все и было. Эту историю знают все. Мы отомстили за смерть Ираэли, союз с двуногими был навсегда расторгнут, но посмотри... У твоей матери были дивные золотые волосы и карие глаза, я темноволос и темноглаз, а ты, наше единственное дитя... Неужели не видишь?

Алестар молча пожал плечами, чувствуя, как все сильнее звенит в ушах, а внутри расплывается жар, будто он снова полакомился ядовитой рыбой, как в детстве.

– Вы похожи, как две капли воды, – тихо сказал отец. – Те же волосы, глаза, лицо... Будто она сама вернулась к нам, несчастная девочка, воплотившись в мужском теле. Она была прямой наследницей, Алестар. Не боковой ветвью, срубленной клинком двуногого, а будущей королевой и единственным ребенком в семье. Не было никакого младшего принца Клениаса, от которого якобы продолжился род. Тогда, перед смертью, она оставила дитя, которое стало игрушкой двуногих. Сына Ираэли, наследника Акаланте, держали, как забаву, в бочке с водой... До тех пор, пока море не пришло в Аусдранг. И когда оно схлынуло, в развалинах королевского дворца трупа маленького иреназе не нашли – да и некому было искать. А во дворце появился принц Клениас, наследник, из-за слабости здоровья росший в храме Троиш. Он и вправду был поначалу слаб здоровьем, бедный мальчик, но вырос и стал Клениасом Отважным. В наших жилах, в крови дома Акаланте, течет и кровь двуногих, Алестар. Человеческая кровь принца Аусдранга, убийцы и предателя.

– Невозможно, – прошептал Алестар, глядя на счастливую улыбку

давно мертвой принцессы. – Нет, отец... Кровь... этих тварей?

– Да. Их кровь. Теперь ты понимаешь, почему я запрещал тебе двуногих наложниц? Ни с кем из нашего рода, живущего в королевстве, у тебя не может случиться запечатления. Только с чужой. И ты прекрасно об этом знаешь, так что не ляжешь ни с кем, кроме тех, кто с тобой одной крови – крови Акаланте. Тут я спокоен. Но двуногие...

– Запечатление с двуногой? – в ужасе прошептал Алестар. – Как?

– Так же, как оно случилось триста лет назад у Ираэли. А в ней и двуногой крови не было – просто злая судьба... Одна возможность из бесчисленных. Все равно что поймать каплю, растворенную в целом море, на язык. Тебе же – случись такое – запечатления избежать куда труднее. Потому во дворце нет двуногих наложниц, Алестар. И вообще нет двуногих девушек во всем королевстве.

– Нет... – прошептал Алестар, чувствуя, как жар охватывает тело. – Я бы никогда... отец!

– Надеюсь, – доносился голос отца откуда-то издалека. – Но наши маги рассчитали, что с чистокровной иреназе у тебя запечатления не выйдет. Кровь зовет кровь, чтобы все элементы сошлись верно, в твоей паре тоже должна быть хоть частичка крови двуногих. А это, сам понимаешь...

– Понимаю, – попытался улыбнуться Алестар, чтоб не вызвать подозрений. – В королевских домах кровь двуногих штука редкая.

– Именно. А принцесса Маритэль на одну шестнадцатую человек. Немного, но нам хватит... Алестар? Алестар! Ты себя плохо чувствуешь?

– Нет, ничего, – снова старательно улыбнулся Алестар. – Не каждый день узнаешь о таком... Я поплыву, отец?

У него еще хватило сил дожидаться кивка, отвернуться от обеспокоенного взгляда, изо всех сил притворяясь просто расстроенным. Вода вокруг струилась не привычной прохладой и теплом, а невыносимым жаром. Жар, озноб, снова жар... Алестар плыл по коридору, и иреназе на фресках шевелились, гневно потрясая трезубцами, обеспокоенно склоняясь друг к другу, провожая его то возмущенными, то сочувствующими взглядами. Запечатление! Какой же он дурак! Не распознать, не понять... Хотя откуда ему узнать то, что он никогда не испытывал? Запечатление с парой бывает раз в жизни. И он... Неужели...

Алестара затошнило, стоило вспомнить, с каким наслаждением он вбивался в тело двуногой, а потом смотрел в глаза, наполненные бешеной яростью. Бешеной и совершенно беспомощной. О да, это было самым восхитительным: знать, что ничего эта красивая сладкая тварь с ним

сделать не посмеет, даже руку не поднимет. И как она двигалась под Алестаром, отрабатывая перстень своего хозяина... Дура! Территория у Столба независима. Если где-то и мог показаться двуногий в море безопасно, то разве что там, в месте, где издавна встречались глашатаи и гонцы. Но откуда ей было это знать, она поверила Алестару, покорно легла на песок. И потом... ах, как все было хорошо и правильно! Унизить, растоптать ее гордость, ударить побольнее... Алестар был в своем праве! Они погубили его прабабку, мучили ее, издевались... И Кассия! Яд, заставивший салту Кассии растерзать свою хозяйку, был изготовлен наверху – только это и удалось выяснить страже и магам.

Коридор вокруг вихлялся из стороны в сторону. Плыли струи разноцветной воды, жгущие кожу, как лучи светила, к которому он поднимался давным-давно, еще маленьким. Стиснув зубы, Алестар плыл, не обращая внимания на попадавших изредка слуг, смотрящих на него с удивлением и беспокойством. Ему нужно было в совершенно определенное место. Если и там не помогут... Не может ведь это быть правдой! Не мог он запечатлеться с проклятой двуногой!

В покоях Санлии, куда он едва не вынес дверь, вломившись из всех сил, было, как всегда, тихо и совершенно безлюдно. Санлия, низавшая жемчуг в длинные нити, подняла голову от рукоделья, откинула назад упавшую на лицо черную завесу распущенных волос, улыбнулась Алестару. И тут же всплеснула хвостом, торопливо подплывая ближе. Приняла его, бессильно опустившегося на пол, в объятия, тревожно заглянула в лицо.

– Мой повелитель, вам плохо? Целителей?

– Нет, – прошептал Алестар, чувствуя, как прохладные руки любимой наложницы словно растворяют жар, охвативший тело. – Санлия, ответь мне. Не спрашивай ничего, слышишь? Просто ответь. Запечатление можно отменить? Исправить как-то...

– Нет, мой повелитель, – спокойно отозвалась Санлия, кладя восхитительно холодную руку ему на лоб. – Раз уж случилось, пути назад нет.

– А если убить ту, с которой...

– Даже если вы ее переживете, запечатлеть кого-то другого уже невозможно. – Санлия обеспокоенно глядела на него, всматриваясь во что-то, невидимое Алестару. – Мой повелитель, вы...

– Молчи, – сквозь зубы проговорил Алестар. – Нет... еще... Почему... почему так... плохо... Тело горит. Не смей звать целителей! Почему так плохо...

– Повелитель, вы запечатлены, – прошептала Санлия, и даже зелень ее глаз, всегда безмятежно-спокойных, потемнела от ужаса, как небо перед штормом. – Кто она? Вам немедленно нужно к ней. Нельзя разрывать связь после запечатления. Или вы оба можете умереть.

– Это... вряд ли, – рассмеялся Алестар, чувствуя, как смех переходит во всхлип. – То есть я – да. А вот она... не думаю. Двуногие... не умирают... от этого.

Уже погружаясь в раскаленную темную бездну, он успел подумать, что эта бездна на что-то похожа. Точно – это же глаза той двуногой...

Глава 4

Честь и слово Аусдрангов

– Нет, Джи, не надо... – Торвальд мягко отстранился от ее объятий, шагнул назад, к столу. Присел на него, ероша влажные после купальни волосы. Чтобы Торвальд лег в постель, не смыв дневную пыль и пот – это нужно еще раз уволочь королевский перстень вместе с короной, – усмехнувшись, подумала Джиад.

– Почему? – непонимающе спросила она вслух. – Что не так, мой принц?

– Я устал, Джи, – смущенно улыбнулся Торвальд, поправляя щипцами догорающую свечу в тяжелом бронзовом подсвечнике рядом с собой. – Весь день метался, как демон чернокнижника...

Он и вправду выглядел бледным и измученным, так что Джиад почувствовала укол совести. Ее принц... нет, ее король вторую неделю на ногах днем и ночью. Договаривается с лордами Королевского Совета, выслушивает петиции купеческих и мастеровых гильдий, разбирает храмовые жалобы и тяжбы простых подданных. Все словно рехнулись, взваливая на юного короля хлопоты, накопившиеся за год безвластия, а ему ни словом, ни взглядом нельзя выказать слабость. Сожрут ведь стервятники!

– Прости, – тихо попросила она, глядя в любимые пасмурно-серые глаза. – Я такая глупая. Ну конечно, тебе не до этого. Ложись в постель, счастье мое, я тебе плечи разомну.

– Ты и сама устала, Джи...

Торвальд стянул через голову рубашку из тонкого полотна, едва распустив шнуровку на горловине, лег на постель, откинув одеяло. Джиад присела рядом, поискала глазами знакомую бутылочку.

– На столе, – подсказал Торвальд, закладывая руки под подбородок.

И правда, снадобье, что она сама настаивала на травах, обнаружилось на столешнице, прикрытое кучей свитков тонкого пергамента.

Вернувшись, Джиад присела на высокий край кровати, налила душистое масло в ладонь, чтобы согреть. Торвальд, расслабившись, ждал, и Джиад залюбовалась по-юношески нежной кожей и стройным телом, еще не набравшим истинную мужскую мощь, но уже обещавшим это, как гибкий поначалу дубок обещает вырасти в величественное дерево.

Тугие мышцы постепенно поддавались умелому растиранию, но Джад дождалась, когда дыхание Торвальда станет совсем ровным и медленным, лишь тогда заговорив о том, что мучило ее с самого утра.

– Знаешь, твой кастелян сказал, что для меня готовят новые покои. В крыле для стражи, как у всех телохранителей. А в моей нынешней комнате будет твоя гардеробная.

– И что? – слегка удивленно отозвался Торвальд. – Ему виднее, где хранить все эти королевские тряпки, раз уж их стало больше. Джи, ты все равно половину ночей проводишь у меня, какая тебе разница, где отсыпаться вторую половину? А про нас и так болтают много лишнего.

Он был прав, разумеется. То, что сходило с рук одному из наследников, королю непозволительно. Прошли те времена, когда они валялись в одной постели до утра, целуясь и обнимаясь, лаская друг друга вволю... Джад вздохнула. А ведь и правда, с самого дня коронации они ни разу не делили постель, обходясь торопливыми поцелуями украдкой. Значит, все?

Похоже, последние слова она прошептала вслух, иначе с чего бы Торвальд, уже разомлевший под ее старательными руками, напрягся и переспросил удивленно:

– Что все?

– Между нами, – спокойно уточнила Джад, хотя внутри все скручивалось от обиды. – Все закончилось, мой король?

– С ума сошла!

Рывком перевернувшись, Торвальд сел на постели, положил руки на плечи Джад, заглядывая ей в лицо. Зачастил возмущенно, смешно поднимая брови и выглядя от этого совсем юным и непредставимо милым.

– Ты что, Джи! После всего, что ты сделала? Ты думаешь, я могу это забыть? Подожди немного! Просто подожди, ладно? Все уляжется, за мной перестанут следить, и будет по-прежнему. Я дам тебе титул баронессы, и никто слова сказать не посмеет. Джад, я никогда не забуду твоей помощи! Обещаю, будет и титул, и земли...

– Не нужно, – утыкаясь лицом в плечо Торвальда и целуя светлую кожу, попросила Джад. – Не надо титула, мой король. И всего остального тоже. Я просто хочу быть рядом. Вашим телохранителем, служанкой, кем захотите. Обещайте мне это – и других наград не нужно.

– Обещаю, – твердо сказал Торвальд, на несколько долгих сладких мгновений задерживая ее в объятиях и снова со вздохом отстраняясь. – Слово чести Аусдрангов. Ты всегда будешь со мной, любовь моя. Ну все, успокоилась?

Ясно улыбнувшись, он упал на постель, заложив руки за голову,

провел кончиком языка по нижней губе, отлично зная, как это действует, и прошептал:

– А знаешь, я передумал. Иди сюда.

– Точно? – переспросила Джаад, не веря своему счастью. – Ты же устал...

– Ничего, отдохну, – фыркнул Торвальд, стаскивая узкие штаны с нескрываемым облегчением. – Вот завтра пошлю всех с делами подальше и отдохну... Иди сюда, говорю. Это королевский приказ как-никак!

– Слушаюсь и повинуюсь, – усмехнулась Джаад, кладя ладони на колени короля, где застряли штанины. – Позвольте помочь вашему величеству...

Стянув узорчатый темный атлас, она отправила штаны вслед за рубашкой на кресло у кровати, потом нежно провела ладонями снизу, от самых щиколоток, вверх – к стройным бедрам, белеющим в полутьме. Наклонившись, поцеловала гладкий теплый живот.

– Хочу тебя, – прошептал Торвальд, подаваясь навстречу. – Давай, Джи. Я так соскучился... Приласкай, как ты умеешь.

– Это тоже приказ? – поддразнила его Джаад, ловя губами его мужскую гордость. – Не могу не повиноваться...

– О да, – выдохнул Торвальд, вцепляясь пальцами в простыню и раздвигая колени шире. – Давай... Еще! Джи-и-и...

Это стоило всего, с горячей томной нежностью поняла Джаад, слушая сбивчивое дыхание и негромкие прерывистые стоны. Прыжка в море, боли, стыда... Уронив на ее плечи тяжелые раскаленные ладони, Торвальд требовательно подавался навстречу, бессвязно шептал что-то, а когда Джаад оторвалась, тяжело дыша, глянул умоляюще и пьяно.

– Нет, ваше величество, – улыбнулась Джаад, одним гибким движением оказавшись на ложе рядом с распростертым телом короля. – Так быстро вы от меня не отделаетесь.

Улыбнувшись в ответ, Торвальд раскрыл объятья навстречу, сказал негромко:

– Моя Джаад. Королева моего сердца...

Мгновенно вспыхнув смущением, Джаад целовала самые сладкие губы на свете, совсем забыв, что у нее самой на губах все еще вкус мужской плоти Торвальда, покрывала торопливыми жадными поцелуями шею и ключицы, округлость плеч и ложбинку на груди. Нежила ртом и пальцами розовые соски, обводя языком сливочно-кремовый ореол вокруг них. Потом, не переставая ласкать, прошептала:

– Скажи это еще раз...

– Про королеву? – хрипло спросил Торвальд, притягивая ее к себе, помогая сесть сверху.

– Про сердце! – выдохнула Джаид, опускаясь на его бедра одним долгим медленным толчком и вскрикивая от переполняющего все ее существо шального счастья.

Уперевшись ладонями в грудь Торвальда, склонившись над ним, она скользила вверх и вниз, отдаваясь как всегда щедро и беззастенчиво, откровенно наслаждаясь горячей жесткостью мужских ладоней на своих бедрах, каждым прикосновением и толчком внутри. И заслуженное блаженство сплело и скрутило их вместе, превратив в единое целое, один трепещущий и содрогающийся комок сладких горячих судорог.

– Как хорошо... – со стоном выдохнул Торвальд, откидываясь на подушки. – Джи-и-и...

– Да, – прошептала Джаид. – Да... Люблю. Мой... Торвальд...

Никогда бы она не проявила непочтительность на людях, да и наедине лишнего себе не позволяла, но сейчас, мокрая от пота и бесстыдно обнаженная, она млела в объятиях не короля Аусдранга, а просто Торвальда. Ее любимого...

– Ты чудесна, – отозвался Торвальд, блаженно прикрывая глаза. – Как же жаль. Нас никогда не поймут...

– Неважно, – искренне сказала Джаид. – Лишь бы ты...

Она не договорила, устыдившись вдруг, что и так слишком часто ноет. Торвальд уже обещал – чего же еще? Обвила руками податливое горячее тело, поцеловала висок, убрав с него влажные светлые прядки.

– Я сейчас уйду, – сказала негромко, словно извиняясь. – Никто не увидит.

– Угу...

Торвальд лежал рядом, расслабленный, притихший, восхитительно пахнувший страстью и ею, Джаид. Потом чуть повернулся, привстал на локте.

– Джи...

– М-м-м? – откликнулась Джаид.

– Ты сделаешь для меня кое-что? Есть одно поручение, я его больше никому не могу доверить, а дело срочное...

В голосе Торвальда звенели вина и смущение: гнать возлюбленную, пусть и воина, среди ночи по делу ему явно было стыдно. Джаид улыбнулась. Ну да, она, конечно, разомлела, как кошка на печи, после такого, но...

– Настолько срочное? – уточнила она, вздыхая немножко напоказ.

– Очень, – виновато отозвался Торвальд. – Я и собирался тебя послать, да вот... Не утерпел.

Повернувшись к нему, Джаад протянула руку, погладила по щеке.

– Говори, – сказала просто. – Я все сделаю.

– Ты чудо, Джи! – выдохнул Торвальд с таким восхищением, что Джаад невольно улыбнулась. – Там на столе пакет. Его надо отвезти в таверну «Три золотые рыбки» и спросить господина Карраса. Только так, чтоб никто не видел. В пакете договор, очень важный!

– Политика... – протянула Джаад, поднимаясь и торопливо натягивая штаны и рубаху, хотя тело так и молило если уж не остаться в постели Торвальда, то хотя бы добраться до собственной и отоспаться вволю. – Что ж, быстрее сделаю, быстрее получу награду, так? Мой король...

Наклонившись, она шутливо чмокнула Торвальда в кончик чуть курносого носа и, не оглядываясь, вышла, застегивая пояс с клинками.

Дворец давно притих, лишь стража на выходе сдвинула алебарды, но, узнав королевскую телохранительницу, разомкнула скрещенные древки и поспешно отдала честь. Два здоровяка, замерших у высокой двери, окованной металлом, были знакомы Джаад, и она забеспокоилась, не распространяется ли приказ Торвальда «чтоб никто не видел» и на них. Но тут уж ничего не поделаешь, охрана во дворце бдит на совесть. И мало ли какие дела могут быть у госпожи мастера меча в городе? Свидание, может!

От последней мысли Джаад даже улыбнулась. Разве может кто-то сравниться с Торвальдом? Глупо было ей, безродному подкидышу, воспитаннице храма, влюбляться в северного принца, которому храм продал ее клинок, но так уж вышло. С первого взгляда в юное чистое лицо наследника северного короля, приехавшего с договором в Арубубу, Джаад поняла, что служить ему почтет за счастье. Да, глупо и самонадеянно. Но Торвальд ответил на ее любовь – и это стало вторым величайшим чудом и счастьем в жизни Джаад. Первым было – что она попала в храм Малкависа.

Свернув с главной дороги к дворцу, она прошла парком, свернула на задний двор. Здесь не спали. Светились желтым окна пекарен, где вымешивали тесто для булочек и хлеба к завтраку придворных, чтоб утром подать горячими. Теплилась красными отблесками кузнечная печь, дремлющая, но не потухшая: мастер держал ее всегда готовой на случай какого-то срочного ремонта, но звенеть ночью молотом ему, конечно, никто бы не позволил. Бросал на землю желтый круг света фонарь у дверей конюшни – туда-то и свернула Джаад, сняв фонарь с крюка, чтоб освещать

себе путь. Прошла к деннику своего жеребца, сняла со стены сбрую. Не будить же конюхов из-за такой мелочи. В ворохе сена в углу что-то зашевелилось, и из травы показалась заспанная конопатая мордашка, расплываясь в отчаянном зевке.

– Го-о-оспож-а-а-а...

– Спи, – негромко сказала Джиад, узнав своего знакомца. – Я сама заседлаю.

– Ага... – согласился мальчишка, снова сладко зевая. – Я тады еще... посплю...

– Что ж ты здесь ночуешь? – спросила Джиад, седлая коня. – Сено же колетса.

– Зато не дерется никто, – рассудительно ответил конюшонок. – А то господин главный конюх злится, если лошади без присмотра... Вот если бы попону давали – то и ладно...

– Ну-ну... – отозвалась Джиад, выводя коня из просторного денника. – Спи уж, а я завтра с конюхом потолкую.

Не слушая сонно бормочущего что-то паренька, уползающего опять в теплое сено, она вывела недовольно похрапывающего жеребца во двор. Подумала с сочувствием, что жизнь везде одинакова: старшие гоняют младших, заставляя делать свою работу. Наверняка ведь старший конюх отправил в конюшню кого-то из взрослых, но крайним оказался конопатый рыжик. Надо будет с конюхом потолковать, но так, чтоб мальчишке не досталось. Он молодец: вон как блестит вычищенная шерсть.

Подковы звонко цокали сначала по двору, затем по дорожке к калитке, где Джиад снова отсалютовали стражи, а уж потом и по мостовой сонного города, освещаемого только половинкой маслянисто-желтой луны. Воздух дышал ночной свежестью, и город тонул в чернильно-темных тенях, только кое-где светились редкие окна, да и то прикрытые ставнями.

А вот в таверне «Три золотые рыбки», удачно пристроившейся почти у самого пирса, народ еще не спал и даже не собирался. У Джиад на гулянки в тавернах не было ни времени, ни желания, но от караульных она слышала, что пиво в «Селедках», как прозвали таверну завсегдатаи, свежее, вино разводят по совести, а закуска стоит не дороже, чем может себе позволить честный моряк или солдат. Потому и хозяин процветает. Глядя на уютно золотящиеся окна таверны и вдыхая вкусные запахи жареного мяса и рыбы из полуприкрытой двери, в это легко верилось.

Ступив на невысокое крыльцо – не иначе чтоб не свалился никто спяну, – Джиад прошла в зал, насквозь пропитанный особым духом подобных заведений: смесью запахов еды, пива, мужского пота,

выделанной кожи и свежей рыбы. Подошла к стойке, за которой хозяин в заляпанном жирными пятнами переднике, но на удивление чистой и добротной одежде выкладывал на блюдо жареные колбаски. Следующая порция уже шипела на чугунной сковороде за его спиной, и Джад почувствовала, что рот наполняется слюной. Сразу вспомнилось, что ужин она пропустила, меняя караулы вместо заболевшего капитана, а потом и случая зайти на кухню или послать кого-то за едой не представилось, потому что позвал Торвальд... Ладно, это подождет. Надо отдать пакет, а на обратном пути и перекусить можно.

– Я ищу Карраса, – сказала она хозяину, облокотившись на стойку так, чтоб видеть таверну и дверь за своей спиной, – просто по привычке.

– Есть такой, – отозвался хозяин, глянув равнодушно: в Аусдранге, к счастью, на женщин в мужской одежде и с оружием никто особо не дивился, здесь хватало наемниц. – В задней комнате кого-то дожидается. Прикажете ужин подать?

– Потом, – улыбнулась Джад. – Я ненадолго, а потом в общем зале поужинаю. Или вообще с собой возьму.

Хозяин, кивнув, подозвал снующего по залу паренька чуть постарше рыжего конюшонка, буркнул ему про заднюю комнату, куда надо отвести госпожу. Джад послушно проследовала в дверь сбоку от стойки и дальше, по темному коридору – таверна оказалась неожиданно немаленькой. Ткнув пальцем в нужную дверь, подавальщик испарился раньше, чем Джад выудила из кармана монетку. Что ж, его дело... За тяжелой незапертой дверью оказалась освещенная парой свечей комната и высокий человек в кожаной куртке, штанах и охотничьих сапогах, стоящий спиной к окну. Больше Джад, переступая порог, ничего рассмотреть не успела, потому что стоило сделать очередной вдох, как в глазах вспыхнули ослепительные искры, а потом стало темно.

Медленно, очень медленно мир вокруг появлялся в темноте, окутавшей Джад. Сначала – звуки. Скрип весла об уключину, шелест морских волн... Она слушала звуки, наполняющие ночь вокруг, и не понимала, как вышло, что она явно в лодке. Потом вернулась память: поручение Торвальда, таверна, комната... Не подавая виду, что очнулась, Джад попыталась осознать происходящее. Она лежала на боку со связанными позади руками, ноги тоже были чем-то стянуты в щиколотках, но при этом кто-то позаботился устроить ее с удобствами. Внизу, под ней, было что-то мягкое, глаза не завязаны, а ремни на ногах и руках плотные, но не давят... Клинков, с которыми она не расставалась последние годы, разумеется, не было. Ее мечи! Изнутри плеснула холодная

ярость. Кто посмел? И то ли она все же шевельнулась, то ли кто-то внимательно наблюдал, но тут же из темноты раздался мягкий голос:

– Очнулись, госпожа мастер меча? Ну же, открывайте глаза...

Джиад с усилием разлепила ресницы, невольно морщась от ноющей боли в висках и затылке. Толку от этого оказалось немного. На корме лодки стоял фонарь, но видно было лишь три темные фигуры: двух гребцов впереди и человека рядом.

– Голова скоро пройдет, – извиняющимся тоном сказал этот третий. – Порошок черного дурманника – штука неприятная, но все же куда полегче мешочка с песком, например. Пить хотите? Или помочь вам сесть? Если затошнит – говорите, не стесняйтесь.

– Что вам нужно? – мрачно проговорила Джиад, снова прикрывая глаза от вспышки боли.

– Нам, собственно, ничего, – легко и весело отозвался ее собеседник. – Нужны вы кое-кому другому, а мы просто подрядились вас доставить. Точно воды не хотите?

Наемники, значит. И везут ее в лодке... Вот это не понравилось больше всего. В последнее время она не могла и подумать о море иначе как с отвращением, хотя раньше любила и поплавать, и понырять, и просто понежиться на горячем песке в редкие свободные часы. Что ж, вряд ли ей что-то скажут...

– Дайте воды, – покорно согласилась она. – Далеко еще плыть?

– Не очень, – безразлично сказал человек, снимая с пояса небольшую фляжку. – Давайте-ка я вам сесть помогу. Вот так...

Усадив Джиад на скамью рядом с собой, он терпеливо ждал, держа у ее губ флягу, где и правда оказалась чистая вода – странный выбор для наемника. А вот для человека, оглушенного черным дурманником, – то, что надо. Похоже, обращаться с ней и вправду пока собирались хорошо...

– Кто вас послал, не скажете? – для очистки совести поинтересовалась Джиад. – И за какие заслуги вы со мной так любезны сейчас, если начали с этой дряни?

– Нет нужды говорить, – усмехнулся его собеседник. – Скоро будем на месте.

Теперь, когда глаза Джиад привыкли к темноте, она четко различала тонкие черты урожденного алахасца, жителя мест, славящихся как раз наемными фехтовальщиками, лучниками и прочими мастерами боя. Идти в простые солдаты алахасцы считали ниже своего достоинства, зато наемники-одиночки из них получались отличные и в полной мере стоящие

своей немалой цены. Именно этого человека Джиад и видела в «Селедках».

– Вас, госпожа, велено доставить со всем возможным бережением, – с легкой улыбкой пояснил алахасец. – А дай мы вам в таверне вытащить клинки, бережения бы никак не получилось. Так что вышло как вышло.

Привалившись к борту, Джиад вгляделась в ночь.

Куда же ее везут? Если это корабль, то почему не видно сигнальных огней на мачте? Порт сейчас почти пуст. Аусдранг давно не торгует с другими странами из-за иреназе, топящих корабли в прибрежных водах. А везти на рыбацкий баркас – какой смысл?

Один из гребцов, мерно работающих веслами и ни разу не обернувшихся к Джиад, оставил весло, стукнувшееся об уключину. Его примеру последовал второй. Взяв фонарь с кормы, гребец помахал им в воздухе, и почти сразу ему отозвался всплеск, словно рядом плеснуло весло. Или крупная рыба. Очень крупная... Или совсем не рыба...

– Тихо, – мягко проговорил алахасец, удерживая рванувшуюся Джиад за плечи. – Не надо дергаться. Амулет мы на вас давно надели, цепочку снять никак не выйдет. Как под водой дышать – сами знаете, вам вроде не впервой.

– Убью, – в бессильном отчаянии прошептала Джиад, понимая, кто заказал ее похитить. – Вернусь и убью.

– Ваше святое право, если получится, – согласился алахасец. – Прощайте, госпожа.

Потянув изо всех сил вырывающуюся Джиад за плечи, он легко подхватил ее на руки и кинул в непроглядную тьму. Ухнув в воду, Джиад в невольном ужасе забарахталась, отплеываясь и извиваясь, но связанные руки не давали сделать ничего – совсем ничего! А потом ее дернули за ноги, утаскивая в глубину, еще какое-то время она боролась, пытаясь не дышать, но воздух закончился, и уже привычная резкая боль от вливающейся в легкие воды накрыла ее целиком, залила – и отступила куда быстрее, чем раньше.

Вода вокруг бурлила, разгоняемая ударами тяжелых мощных хвостов. Джиад ничего не могла разглядеть во мраке, но догадалась, что рядом не только проклятые иреназе, но и их рыбозвери для верховой езды. Уши заложило – ее сразу утянули довольно глубоко, – но это было скорее неудобно, чем больно, да и пленители молчали, не достаивая ее ни словом. Джиад скорее ощутила, чем увидела, что рядом их двое. Один удобнее перехватил ее за плечи, прижимая к себе, второй, до этого тянувший вниз, отпустил ноги и куда-то делся. Вода все так же была тугими всплесками-волнами, потом Джиад попросту бесцеремонно перекинули, словно выюк,

через спину рыбозверя, а сверху захлестнулся ремень. Она еще успела подумать, что так и не успела отдать пакет, а Торвальд никогда не узнает, что с ней случилось. И что с пакетом что-то было не так, только непонятно что, потому что голова все-таки болит... Потом ее накрыла тошнота, вода показалась горячей, красной и вообще похожей на кровь – и Джаид снова потеряла сознание.

Второе пробуждение оказалось еще мучительнее первого. Приходя в себя, Джаид едва удержалась от стона и порадовалась, что так и не успела поесть. Желудок норовил вылезти через горло, внутренности сводило мучительными спазмами, а в голове бил кузнечный молот, безошибочно попадая по больному месту. Упрямо открыв глаза, она вгляделась в колышущуюся муть, не понимая: правда ли вокруг вода или ей это только чудится. Увы, и тяжелое дыхание, и зелено-голубой мир вокруг, сжавшийся до пределов небольшой комнаты, – все говорило, что рассчитывать на сон или бред не приходится. Вода. Кругом была вода...

Джаид снова закрыла глаза, мечтая, чтоб их не пришлось открывать вновь. Глупо, конечно... Пусть это подводный мир, надо думать, как отсюда выбираться. А для начала – узнать, кому и зачем она здесь понадобилась. Ответ напрашивался сам собой, перед глазами, как живое, встало наглое лицо водяного принца. Тир?... как-то там?... Акаланте, что ли... Но зачем ему похищать уже отпущенную добычу? Передумал, что ли? А может, все дело в оскверненной святыне? Вопросы теснились, не давая ни малейшей возможности ответить на них...

Потом к губам Джаид прижалось что-то холодное и твердое. Она стиснула губы плотнее, не желая поддаваться хоть в этом, и лишь сейчас заметила, что руки уже не связаны. И ноги не связаны тоже. Мотнув головой, она открыла глаза и увидела перед собой странное лицо: скуластое, с большими светлыми глазами, длинным тонким носом и острым подбородком. Нельзя сказать, чтоб оно было уродливым, но Джаид нутром почувствовала, что существо перед ней не человек. Иреназе, конечно. Не такой смазливый, как их принц, но точно иреназе.

– Пить, – растянув тонкие губы, сказал иреназе, показывая ей странную флягу, затянутую какой-то пленкой. – Лекарство.

– Обойдусь, – зло отозвалась Джаид.

Настаивать иреназе не стал. Пожав плечами совершенно по-человечески, отплыл в сторону и скрылся за дверью, которую Джаид сразу и не заметила. Наверное, поплыл докладывать, что пойманная добыча пришла в себя. Воспользовавшись передышкой, Джаид торопливо огляделась. Комната оказалась почти пуста. Невысокая и странной круглой

формы, она была залита сильным ровным светом от круглых шаров размером с детскую голову, что опоясывали стену на уровне груди стоящего человека. Шары на вид казались стеклянными и наполненными чем-то вроде светящегося киселя или порошка. Джадд присмотрелась к тому, что был рядом с кроватью, на которой она лежала. Ну, светильники и светильники. Пожар с ними вряд ли устроишь, чтоб поднять панику и потихоньку улизнуть, значит, нечего и приглядываться.

Кровать тоже не походила на привычную. Невысокая круглая площадка, повторяющая форму комнаты, была застелена толстым покрывалом из незнакомого серовато-серебристого материала, похожего на мягкую губку. Под головой обнаружилась подушка – и все. Больше в комнате ничего не было, и рассматривать ее Джадд не дали, потому что дверь открылась – тоже странно, не распахнувшись, а повернувшись вокруг себя самой на оси, – и в комнату вошел-вплыл иреназе.

Не тот! Это было первым, что увидела и поняла Джадд. Заплетенные в круглую косу темно-каштановые волосы, лицо куда старше, глаза темно-карие. Одета в набедренную повязку и еще что-то, похожее на длинное полотнище, перекинутое через плечо и ниспадающее складками. Глядя в суровое и мудрое лицо, Джадд, миг назад готовая кинуться на первого же, кто войдет, ощутила неловкость, как девчонка, застигнутая за шалостью.

Проклятье! Нет уж... Кто бы это ни был, он враг. Иреназе же молча подплыл поближе, опустил на край постели, свесив и расстелив по полу толстый длинный хвост, серебристый чешуей.

– Женщина по имени Джадд из Арубы, я, Кариалл, король тир-на-Акаланте, приветствую тебя.

Голос у иреназе оказался низким и тяжелым, словно давящий на уши. Не отводя взгляда, подводный правитель смотрел, как Джадд поднимается с постели и низко кланяется.

– Можешь сесть обратно, – сказал король, отбрасывая назад толстый жгут волос. – Ты больна, я понимаю и разрешаю тебе сидеть в моем присутствии.

– Благодарю за честь, ваше величество, – отозвалась Джадд, с облегчением опускаясь на кровать. – Могу я спросить вас кое о чем?

– Спрашивай.

– Раз вы знаете мое имя, то знаете и то, что я принадлежу королю Торвальду Аусдрангу. Меня похитили и привезли сюда против воли. Мой господин будет искать меня, и вряд ли ему понравится, что морской народ вмешивается в земные дела и забирает под воду людей.

Она ждала чего угодно. Король иреназе мог рассмеяться, заявив,

что никто не найдет Джиад под водой, мог разгневаться за дерзость, мог... Неизвестно, что еще он мог! Вместо этого Кариалл взглянул на нее со странным выражением, которое у человека можно было бы назвать сочувствием.

– Ты не понимаешь, женщина-воин, – так же мягко и тяжело прозвучало из уст короля. – Твой повелитель прекрасно знает, где ты. Разве не он послал тебя к моим людям?

– Что? – выдохнула Джиад.

– Король Торвальд Аусдранг заключил со мной договор. Двадцать лет корабли людей смогут плавать по морю беспрепятственно, избегая лишь некоторых запретных областей, куда меньших, чем раньше. За это он отдал мне тебя, Джиад из Арубы.

– Я не верю, – тихо сказала Джиад. – Этого не может быть.

– В предательство трудно поверить, – без малейшей улыбки, с совершенно каменным лицом произнес король. – Ты прыгнула на морское дно за перстнем, который принес ему трон и корону, он же расплатился с тобой вот так. Да, я знаю, что произошло две недели назад между тобой и моим сыном. Я знаю и то, что случилось в скалах над Проклятой бухтой. У нас хорошие шпионы в человеческих городах. Мы не любим людей и потому присматриваем за ними. Я говорю правду. Мог бы поклясться, но ты еще не знаешь наших клятв и неверишь мне. Просто подумай. Подумай, Джиад. Кто мог знать, что тем вечером ты будешь в таверне на берегу моря? Только тот, кто послал тебя туда. Или ты думаешь, что твоя жизнь для твоего повелителя дороже, чем двадцать лет морской торговли? Я мог бы приказать попросту выкрасть тебя из дворца, но короли иреназе не воры. За тебя заплачено, женщина-воин, и заплачено по-королевски.

– Я не верю, – упрямо повторила Джиад, задыхаясь от непонятной боли в груди. – Он не мог.

Вода вокруг струилась зелено-голубым, и дышать в ней было трудно, почти невозможно для той, у кого поперек горла встал тугой горький комок. Джиад вспоминала. Торвальд ни разу не лег с ней после коронации. Только сегодня... Будто прощаясь! Или попросту решив получить удовольствие напоследок. И письмо дал ей Торвальд, велел найти в таверне Карраса, а Каррас оказался алахасским наемником. Торвальд сказал, что ему жаль, – и Джиад услышала в его словах сожаление о том, что придворные не поймут их связи. О, конечно, не поймут! Сейчас ему самое время искать жену, способную укрепить короля на троне, а бывшая любовница рядом – досадная помеха. Зато двадцать лет морской торговли – на весах пользы для королевства это перевесит что угодно. Даже королевское слово.

Не на что обижаться. За нее и впрямь заплатили поистине королевскую цену. Двадцать лет мореходства и честь Аусдрангов – вот ее цена.

Глава 5

О чем молчат легенды

Темнели в зелено-голубом полумраке воды карие глаза, так не похожие на яркую синеву зрачков его сына. Король иреназе молчал, ожидая, позволяя Джаад понять сказанное, осознать до самого конца. Но поверить в то, что Торвальд предал, было совершенно невозможно. Должно быть какое-то иное объяснение. Кто-то обманул Торвальда, устроил все это с договором, чтоб заставить его послать Джаад в таверну. Это единственное объяснение. Иначе...

Джаад глубоко вдохнула, уже не боясь воды, чуть заметно покалывающей нос и дыхательное горло изнутри. Неважно. Это неважно, потому что узнать правду все равно сейчас не получится. И думать пока надо не об этом. Ведь если решить, что Торвальд ее предал, – как жить с этим?

– Даже если вы правы, – разомкнула она губы, глядя на иреназе, – если все это так, я не предмет торговли. Я жрица храма Арубы, телохранитель, а не рабыня. Кто бы ни заключал с вами договор, он не имел права распоряжаться мной.

– Это так, – тяжело уронил король. – Я признаю, что сделка была бесчестной по отношению к тебе. Но это ничего не изменит, потому что выбора нет ни у тебя, ни у нас. Выслушай, прежде чем судить. Наверху люди многое забыли о нашем народе, а еще больше никогда не знали. Тебе известно, что иреназе выбирают пару однажды и на всю жизнь?

– Это известно любому ребенку, слушающему сказки, – буркнула Джаад. – И я слышала, конечно. Про морскую принцессу Ираэль и принца Эравальда Аусдранга...

Ответом был долгий взгляд короля, такой холодный и пронизывающий, что Джаад напряглась, не понимая, что сказала не так. А что она сказала что-то очень нехорошее – это было ясно.

– Никогда не произноси этих имен здесь, – сказал после томительно долгой паузы король. – Они под запретом. Услышит кто-то другой – навлечешь на себя беду. Ты нужна нам, жрица из Арубы. Нужна живой, но вовсе не обязательно невредимой. Язык, например, может оказаться лишним.

– Я поняла, – бесстрастно отозвалась Джаад, садясь на ложе

совершенно прямо. – Прошу прощения, ваше величество, если по незнанию оскорбила чем-то. Я запомню.

Взгляд короля явно смягчился. Он кивнул, отведя взгляд от Джад, с которой словно сняли тяжеленный груз.

– Хорошо. Ты умна, это удачно. Мы выбираем себе пару один раз, – негромко продолжил король. – Все иреназе в одном городе-государстве – родственники, потому супруга нужно искать в другом городе. Добрачные связи – сколько угодно, но при них не происходит зачатия.

– Чего? – переспросила Джад, полагая, что не расслышала.

– Людям оно неизвестно. Это ваша беда или ваше преимущество, уж не знаю, но так судили боги. Если двое из разных городов, достигшие созревания, возлягут друг с другом, они будут связаны на всю жизнь богами. Их тела больше не пожелают никого, кроме законного супруга, а близость с ним всегда будет слаще, чем все, испытанное с другими. Этот союз нельзя расторгнуть, как нельзя разлучить супругов. Если сделать это насильно, оба будут чахнуть в разлуке.

– А если кто-то из них умрет? – осторожно спросила Джад, боясь думать о том, к чему ведет рассказ морского короля.

– Тогда второй либо исчахнет от тоски, либо будет оплакивать его до смерти. Зачатие второй раз невозможно.

Взгляд короля встретился со взглядом Джад, и в глазах иреназе промелькнула такая глубокая боль, что Джад, уже готовая спросить, прикусила язык и опустила голову.

– Ты верно поняла, – прозвучал бесстрастный голос иреназе. – Та, что ушла к предкам, оставив новорожденного Алестара и меня, забрала с собой мое сердце. Это было две дюжины лет назад. Я король своего города и народа; у меня, разумеется, есть наложницы, готовые усладить тело ласками, развлечь разум и развеять печаль души беседой, но когда-нибудь, когда мой сын будет готов к правлению, я оставлю ему трон и отправлюсь в ту пещеру, где лежит мое счастье, чтоб уснуть рядом с ней. Две дюжины лет я жду этого с нетерпением, как когда-то ждал свидания с возлюбленной невестой.

– Я... сожалею, – тихо отозвалась Джад, чтоб сказать хоть что-то, и никакая сила на свете сейчас не заставила бы ее произнести, что лучше бы королю не отправляться в ту пещеру как можно дольше. А то город и народ наплачутся от рыжей твари, если он и есть наследник.

– Да, ты кажешься способной это понять, – согласился король. – Тогда пойми и другое, Джад из Арубы. Алестар – мое единственное дитя и наследник, надежда народа Акаланте. В королевских семьях редко бывает

по одному ребенку, это слишком большой риск, но так уж вышло. Он вырос во всеобщей любви и полном обожании, ему многое прощалось, и хоть я старался воспитывать его, как подобает, боюсь, мне не во всем это удалось.

Король вздохнул совсем по-человечески. Джад, старательно разглядывая узор из черно-белых плиток под ногами, молчала, не представляя, что можно сказать.

– Он не терпит отказа ни в чем, – заговорил вновь король. – Алестар считает, что весь мир принадлежит ему и создан для его удовольствия. Так и есть, потому что в нашем городе любая из девушек посчитала бы за честь, упади взгляд принца на нее, а девы других городов запретны, и этого не изменить.

– Я это за честь не считаю, – бросила Джад, с трудом сдерживая злость, от которой даже щеки загорелись.

– Я знаю, что наверху иначе смотрят на многое, – бесстрастно ответил король. – Но знаю также и то, что для своего господина ты была не только клинком и щитом, но и усладой на ложе.

– Не ваше дело!

– Увы, мое. Уложив тебя на песок ради случайной забавы, Алестар поплатился за свой поступок дороже, чем ожидал. Его тело восприняло тебя, как чужую кровь. Ту, с кем возможно супружеское запечатление.

– Этого не может...

– Не трать слов даром, – прервал ее король со спокойной властью. – Это уже случилось. Поверь, меня это печалит больше всех. Алестар сговорен с принцессой соседнего королевства, брак должен быть заключен к осенним холодам. Что я теперь скажу королю Карианда? Что мой сын, наследник и будущий король, связал себя с человеческой девушкой? Над моей семьей, над всем моим народом будет смеяться каждая безмозглая медуза.

– Так это я виновата?

Джад вскочила на ноги, уже не думая об этикете, и едва не всплыла вверх от резкого движения, в последний момент зацепившись ногой за край ложа. Злость кипела внутри, требуя выхода, в висках билась кровь, и лицо горело так, что вода показалась холодной.

– Прощу прощения, что невольно нарушила ваши планы на брачный союз для принца, – выплюнула она, глядя в лицо королю. – Не знаю, что он вам рассказал, но я становиться его забавой не собиралась. Я даже защищаться не могла, потому что он угрожал отомстить людям побережья! Отличный выбор был...

– Это я тоже знаю, – прервал ее король. – Его охрана приставлена

мной, они пересказали каждое слово, прозвучавшее там. Успокойся. Сделанного не исправить. Какое возмещение ты хочешь за это?

– Единственное возмещение, которое я бы приняла – это извинения самого принца и немедленная свобода, – с горечью произнесла Джад. – Но догадываюсь, что ни того, ни другого не получу. Эти узы, о которых вы говорили, их можно разорвать?

Надежда, что король кивнет и скажет, что именно для этого ее сюда и приволокли, еще теплилась, но двадцать лет морской торговли – слишком высокая цена за то, чтобы немного погостить на морском дне. Джад понимала это, и все же, когда король медленно покачал головой, ее накрыла холодная волна слепого отчаяния.

– Пока – нет, – подтвердил король, меняя положение тела так, чтоб опереться хвостом иначе. – Но все мои ученые жрецы и целители сейчас ищут способ. Не сомневайся, нам этого хочется не меньше.

– Да неужели, – вымученно съязвила Джад, снова опускаясь на постель и борясь с желанием съежиться, обняв руками колени. – Кто же вам поверит...

Плотная вода мешала сесть как обычно, но и стоять в ней было тяжелее, чем сидеть, а у нее все больше кружилась голова, и рот наполнился вязкой горькой слюной, которую она пока сглатывала. Еще не хватало стошнить в присутствии морского короля, чтоб его...

– Ты думаешь о себе, – сказал король, не сводя с нее взгляда. – Но если что-то случится с Алестаром, это будет общей бедой нашего города. Я уже не способен зачать ребенка, других наследников нет. Что бы ни произошло, какова бы ни была цена, с головы принца не должен упасть ни один волос. Запомни это, Джад. Потому что платить будешь не только ты. Ваш народ причинил нам достаточно горя в прошлом. Вы ловили нас сетями и били острогами, как рыбу. Вы выставляли нас на потеху в балаганах, держа в тесных вонючих бочках. В ваших сокровищницах полно перчаток, поясов и шкатулок из нашей кожи и чешуи, а ваши маги столетиями пытались приготовить эликсир бессмертия из крови иреназе. Как думаешь, эту кровь отдавали добровольно? Знаешь, что, по вашим поверьям, съесть сердце иреназе помогает вылечиться от любой болезни? В этом нет ни капли правды, но люди надеются и ловят наших детей, из любопытства подплывающих к вашим кораблям. Они не считают нас равными себе существами, и мы научились платить вам тем же. Да, ты невиновна в грехах других. Но ты должна понять. Здесь не любят людей, потому что слишком долго не видели от них добра, зато зла было предостаточно.

– Что вы со мной сделаете? – обреченно спросила Джад, стискивая

сплетенные пальцы на колене и продолжая рассматривать плитки, которые так и норовили расплыться перед глазами.

– Ничего ужасного. Ты будешь жить в покоях Алестара или там, где он тебе прикажет. Ты будешь принимать его на ложе и не откажешь ни в чем. В пределах разумного, конечно. То, что ты запечатлена с Алестаром, ставит тебя выше всех его наложниц, но ты не законная супруга и никогда ею не будешь. Ты понимаешь это?

– И не дайте боги, – зло сказала Джиад. – Лучше сразу убейте. Значит, я теперь его игрушка?

– Нет, – спокойно ответил король. – Ты лекарство для больного. Алестара тоже не радует то, что он сотворил. Но близость с тобой ему необходима. Сама все поймешь... Тебе запрещено выходить за пределы дворца без охраны и моего разрешения или приказа Алестара. Если что-то понадобится, говори его слугам, они будут служить и тебе.

– В пределах разумного, конечно? – растянула губы в невеселой усмешке Джиад.

– Конечно, – бесстрастно подтвердил король. – Если у тебя найдут оружие или что-то, способное причинить вред, будешь наказана. Если ты хоть чем-то повредишь принцу, наказана будешь не только ты. Я найду тех, кто тебе дорог, кем бы они ни были, и они будут умирать на твоих глазах, долго и мучительно.

– Долго же искать придется, – огрызнулась Джиад, стыдясь бессильной злости в собственном голосе.

– Те, кто служит нам, есть везде, – с той же ледяной бесстрастностью отозвался король. – И в Арубе тоже. Твои учителя в храме и те, кто учился с тобой, заплатят за твою непокорность. Подумай, стоит ли оно того?

– Теперь я вижу, у кого принц учился уговаривать, – тихо и бесцветно сказала Джиад, отводя взгляд от тяжелого, пронизывающего взора морского владыки.

– Говори, что хочешь. Я понимаю твою боль и стыд. Но у меня нет выбора. Если я останусь без наследника, город будет завоеван другим родом, а море здесь благодатное, и многие захотят переселиться к побережью из глубин. Будет война... Алестар бесценен не потому, что он мой сын. Он будущее всех нас.

– Паршивое тогда у вас будущее, ваше величество, – так же тихо отозвалась Джиад. – Что ж, я поняла. А если ваши жрецы не смогут разорвать эту... связь?

– Вот тогда и поговорим об этом. Ты узнала о наказании. Не хочешь спросить о нагаде?

– За меня уже заплачено.

Поднимающаяся изнутри тошнота крутила внутренности, больше всего Джиад хотелось, чтоб ее оставили в покое. Сейчас хорошо бы прочистить желудок, напиться прохладной чистой воды... Но как здесь пить? И есть? И все остальное тоже непонятно... Хотя о ней наверняка позаботятся, как о ценном имуществе... Бежать! Неизвестно как, но бежать. Наверху они ее второй раз не достанут. В арубских храмах учили не только драться, но и менять внешность, прятаться среди толпы в городе или в лесной и горной глуши. Дома, в храме, ее укроют от кого и от чего угодно, там ее семья, пусть и не по крови, а по духу. Только бы выбраться отсюда, а для этого придется притвориться покорной, но не слишком. Король не глуп, он понимает, что пленница просто так не смирится...

– Я заключал договор с твоим прежним господином, не с тобой. Поверь, если все закончится удачно, ты вернешься наверх богатой настолько, что внуки твоих внуков смогут жить безбедно.

– Обойдусь, – буркнула Джиад.

– В самом деле? – в голосе короля теперь чувствовалась мягкая насмешка и что-то еще, что она не могла понять. – Ты можешь не верить мне, но твой прежний господин тебя уже не ждет. Или ты вернешься к тому, кто тебя продал, как вещь? Я покупал не удовольствие для своего сына, а спасение города. Знай он об этом, мог бы получить куда больше. Торвальд Аусдранг никогда не станет другом и союзником иреназе, потому что предавший однажды предаст снова. Но ты – дело другое. Джиад, не считай меня врагом. Каждый день, проведенный рядом с Алестаром, я возьму так щедро, что ты и представить не можешь. Не хочешь брать для себя – возьми для храма. Там ведь воспитывают сирот и подкидышей? Разве Аруба не скажет тебе спасибо за новый храм со всем необходимым на годы и годы вперед?

– Ваше величество... – Джиад глубоко вдохнула и выдохнула, прежде чем продолжить, чтобы успокоиться и не сказать совсем уж лишнего. – Не судите всех людей одинаково. Я уже поняла, что выбора у меня нет. Буду отбиваться – потащите силой или одурманите чем-то, ведь так? – По тому, как едва уловимо дрогнул взгляд короля, она поняла, что угадала, и продолжила: – Бархатные веревки, как у нас говорят, держат не хуже пеньковых. Но если вам и в самом деле хоть немного стыдно, никогда – слышите? – не предлагайте мне ничего за то, что со мной сделаете. Я не шлюха. Оставьте мне хоть это утешение. Или, клянусь, я верну вашу плату в море, оставив себе ровно столько, чтоб хватило на веревку –

удавиться.

Она посмотрела в лицо королю – и повелитель моря первым отвел взгляд. Джад же почувствовала, как рот наполняется чем-то горько-соленым, и, лишь сглотнув, поняла, что это кровь из прикушенной ненароком губы. Странно... Не больно даже. Только голова все сильнее кружится.

– Жаль, что вы с Алестаром не встретились иначе, – уронил король, поднимаясь с ложа.

Вильнув хвостом, он завис в паре шагов от Джад, внимательно разглядывая ее, и снова повторил:

– Жаль... Что же, пусть будет по-твоему. Тогда прими мою благодарность и извинения. И если тебе что-то понадобится, попроси через слуг о встрече со мной.

То ли взметнулась серебряная пыль, закружившись вокруг хвоста уплывающего короля, то ли вода заискрилась в свете странных шаров на стенах, но Джад, стоило королю скрыться за вращающейся дверью, согнулась пополам. Боль, рвущая ее изнутри, застилала глаза красным. Она едва различила метнувшегося из-за двери уже виденного иреназе, который, быстро и ловко разжав ей рот, сунул туда что-то сочное, мокрое.

– Жуйте и глотайте.

Мотая головой, Джад попыталась выплюнуть волокнистую мочалку, но рот ей плотно зажали, а мочалка неожиданно оказалась приятно кислой. Пожевав немного и сглотнув слегка вязющую жидкость, Джад поняла, что в голове проясняется, да и боль уходит.

– Пейте, госпожа.

Возле ее губ снова оказалась та же самая бутылка, затянутая пленкой. Иреназе, поняв, что девушка не знает, что делать, покачал бутылкой, в которой что-то захлюпало, и пояснил:

– Лекарство. Порвите языком и пейте. До дна.

Приникнув губами к горлышку, Джад попыталась проткнуть кончиком языка пленку, неожиданно легко поддавшуюся, и жадно приникла к обычной пресной воде с каким-то горьковатым привкусом. Мелькнуло в мыслях, что как раз сейчас ее и могут опоить дурманом, чтоб принцу было удобнее пользоваться бесчувственное тело, но... зачем? Алестар – или как его там – не из тех, кому все равно, ему нравится унижать добычу. Вот скорее дурман какой-нибудь подольют. Но вода была такой упоительно вкусной, несмотря на горечь, так блаженно орошала пересохшее от морской соли горло, что Джад рискнула и допила все до капли. Иреназе одобритительно кивнул, потянул ее за руку.

– Куда? – сквозь зубы процедила Джад, невольно упираясь и подозревая, что к принцу ее оттащат прямо сейчас.

– Готовиться, – последовал короткий ответ, но, глянув на ее возмущенное лицо, иреназе пояснил: – Волосы короткие – плохо. Некрасиво. Короткие волосы – рабыня. Вы не рабыня, вы избранная юного повелителя...

Иреназе и впрямь с явным огорчением смотрел на короткие, всего до плеч, волосы Джад. Значит, с короткими волосами у них тут ходят рабы? И, значит, здесь есть люди? Или иреназе тоже бывают рабами? Мысли бестолково путались, но Джад постаралась запоминать каждую мелочь, пока настырный хвостатый тащил ее по длинному извилистому коридору. Если она решит бежать, пригодится все. Если удастся выбраться из дворца, вдруг рабы здесь обязаны носить ошейники, как в султанате, например? И каждый, встретивший стриженую девушку без ошейника, должен поднять тревогу? Мелочей не бывает... Надо продумать все хорошо, потому что второй возможности ей не предоставят, хоть бы одну найти. А пока придется терпеть. Терпеть, как бы ни было мерзко и гадостно. Не убьет же ее хвостатый принц, этого ему, как поняла Джад, нельзя – самому хуже станет. А вот покуражится вволю... Надо терпеть.

Об этом пришлось напоминать себе уже скоро, когда провожатый вывел Джад в большой круглый зал с разноцветными стенами, посреди которого было несколько выложенных мрамором углублений с входящими и выходящими из них желобами. Ступив в указанное место, Джад почувствовала, что вода в этой странной морской ванне намного теплее, а пара девушек-иреназе, ожидавших рядом с невысоким столом, тут же взялись за нее так радостно, как дети хватают долгожданную игрушку. Стянув и отбросив в сторону одежду Джад, ее тело тщательно терли и мыли, хотя что там было мыть после стольких часов в воде; ее волосы, огорченно цокая языками, смазывали какой-то зеленой дрянью, потом тщательно промывали, перебирая едва ли не по волоску, мазали другой дрянью, уже розовой, снова мыли, и Джад всерьез начала опасаться, что к концу процедуры станет такой же длинноволосой, как хвостатые девицы морского народа, суесящиеся вокруг. Даже пощупала как бы невзначай, но ничего вроде бы не изменилось.

Потом ей подпиливали ногти на руках и ногах, предварительно намазав все тело чем-то коричневым и даже в воде липким, а когда через некоторое время смыли, оказалось, что вместе с коричневой мазью, унесенной слабым, но заметным течением, с тела Джад исчезли все до единого волоски. Смотреть на свой безволосый, голый, как у младенца,

низ живота, было странно и унижительно, но и это оказался еще не конец. Деловито ощупывая, поворачивая, как куклу, девицы растерли ее тело каким-то зельем, от которого кожа приятно загорелась, потом одна принялась умело разминать ей плечи и шею, а вторая полезла в рот с какой-то щеточкой. Джиад, понимая, что спорить с прислугой глупо, позволила вычистить себе зубы, как предназначенной на продажу лошади. В самом деле, это-то зачем? Сомнительно, чтоб принц кинулся ее целовать. Он людей зовет не иначе как двуногими и явно ими презрует...

Сплюнув пену в уносящую все струю воды, Джиад, почти расслабившаяся под гибкими и невероятно сильными пальцами, мнущими спину, не сразу поняла, что другие пальцы настойчиво лезут ей между ног. Дернулась, но тут успокаивающе защебетали в два голоса, явно посмеиваясь над дикаркой с суши, и пришлось вспоминать, что она собиралась играть в покорность, пока гибкая девчонка-служанка убирала с ее потайных мест остатки волосков и умащивала какой-то прохладной мазью, нimalo не стесняясь такого похабства. Больно не было, только тошнота вновь вернулась, стоило представить то, к чему ее явно готовили. Проклятье, ухаживают, как за королевской фавориткой. А она не шлюха, демоны побери всех иреназе, и ублажать надменную мразь... Хуже смерти? – задала она себе честно вопрос, отбрасывая руку хвостатой прислужницы, вознамерившейся нацепить на нее дюжину – не меньше – широких сверкающих браслетов. Если они золотые, то с такими украшениями и кандалов не надо, а браслеты, судя по тому, как держала их иреназе, были из чистейшего золота, усыпанного россыпью разноцветных камней.

Джиад вспомнила королевский двор Аусдранга и украшения высшей знати. Там за такой браслет вполне можно было заполучить в постель какую-нибудь герцогиню. А если за весь набор... Ее передернуло. Нет уж, умирать она пока не собирается. Ей нужно вернуться и спросить Торвальда обо всем. Это стоит того, чтобы потерпеть.

– Нет, я сказала! – рявкнула она на служанок, удивленно воззрившихся в ответ. – Никаких побрякушек. Пока не прикажут, сама не надену!

Пожав плечами и переглянувшись, те оставили в покое шкатулку размером с матросский сундучок, за содержимое которой казначей Торвальда продал бы душу демонам. Откинутая крышка открывала взгляду сияющую россыпь ожерелий, колец, браслетов и еще чего-то, что Джиад бы даже не определила, куда и как надеть. Похоже, о богатствах морского дна легенды не ввали. Еще бы. Это сколько кораблей утонуло за века и века... И еще неизвестно, какие из них утонули по воле богов

от шторма, а какие были пущены ко дну самими иреназе, зло подумала Джаад. Все эти побрякушки, ручаться можно, сняты с утопленников, отмыты от гниющего мяса или подобраны среди выбеленных рыбами и крабами костей.

Хвостатые тем временем вместо прежней одежды надели на нее приталенную тунику из блестящей, словно серебряной ткани. Умелый крой верха подчеркнул грудь, а короткий подол открыл ноги до середины бедра, обрисовав их мягкими складками. Ткань, оказавшаяся чем-то вроде шелка, скользила и нежила кожу, совершенно не стесняя движений, и Джаад почувствовала себя хуже, чем голой. Бросив взгляд, она убедилась, что ее собственную одежду уже унесли. Жаль, там по карманам было несколько полезных мелочей. Ничего, оружие она, когда придет время бежать, может сделать из чего угодно. Главное, не причинить вреда рыжей твари – ни малейшего. Плевать на то, что сделают с ней самой, но от голоса и взгляда короля, когда он говорил об арубском храме, пробирал мороз. Джаад стиснула кулаки, уговаривая себя потерпеть. У ее легенды будет тот конец, который придумает она сама.

Глава 6

Сладость и горечь запечатления

– Принц... мой принц...

Тихий шепот раздавался совсем рядом, мягко, но настойчиво пробуждая Алестара ото сна. Еще не открыв глаза, он протянул руку, нащупал длинные шелковые пряди и вплел в них пальцы, притягивая говорящую к себе. Обнял другой рукой готовно прильнувшую наложницу, уткнулся губами в макушку. Стало немного легче, показалось даже, что мучительный, доводящий до иступления жар спадает от прохлады лежащего рядом нежного тела. Но это только показалось. Санлия – милая, славная, всегда понимающая и готовая помочь, чем только можно, – оставалась всего лишь Санлией. Глотком воды, не способным утолить иссушающую Алестара жажду.

– Ее доставили, мой принц, – терпеливо повторила Санлия. – Вашу запечатленную привезли с земли.

Алестар, осознав, рывком приподнялся на ложе, невольно сбросив лежащую на его груди темноволосую головку наложницы.

– Двуногую? Где она?

– Мой принц... Прошу вас. Его величество велел, чтобы вы дождались его для разговора, прежде чем идти к своей избраннице.

– Она не моя избранница, – зло выдохнул Алестар, сбрасывая руку наложницы со своего плеча. – И не смей ее так называть. Это двуногая тварь, с которой я встретился, когда боги отвернулись. А где отец?

– Его величество отправился на южную границу, – виновато опустила глаза Санлия. – Похоже, что там пробуждается вулкан. Повелитель велел передать, что вернется так быстро, как только сможет, и просил до его возвращения не трогать... эту девушку.

– Быстро?

Алестар встряхнул спутанные спросонья волосы, стиснул пальцами ноющие виски.

– Я и так ждал слишком долго. Сан, это невыносимо! У меня все тело горит... Усыпить вулкан – уже не меньше дня, а еще дорога туда и обратно. Я не выдержу.

– Выпейте это, принц...

Не глядя, Алестар взял поданный сосуд, приник к горлышку. Сил едва

хватило на то, чтобы порвать оболочку, берегущую целебное питье от внешней воды. Унизительно пить лекарство, как больному... Горьковатый вкус ничуть не освежал, но через несколько мгновений показалось, что жар стал спадать и в голове прояснилось. А вот желание увидеть проклятую тварь, почувствовать губами вкус ее кожи и услышать стоны – только усилилось.

– Где она, Санлия? Я только посмотрю. Ну, может, парой слов перекинусь...

Алестар кинул на ложе пустой сосуд, приподнял кончиками пальцев подбородок наложницы, улыбнулся.

– Ну же... Я не скажу отцу. Санлия, ты ведь принадлежишь мне, а не королю, вот и слушайся меня.

– В покоях Кассии, – прошептала Санлия, отводя взгляд.

– Что? Кто... кто посмел?

Алестар взвился с ложа, оглядываясь в поисках набедренной повязки.

– Ваше высочество, это приказ короля, – торопливо отозвалась Санлия, не делая, впрочем, никаких попыток удержать – да и как бы она посмела. – Это самые близкие к вам покои, достойные вашей...

– Не смей ее так звать! – закричал Алестар, выхватывая повязку из протянутой руки наложницы. – Да она недостойна даже дышать водой из комнаты...

Не договорив, он рывком обернул ткань вокруг бедер и торопливо выплыл в коридор. Стены колебались вокруг, но к этому Алестар успел привыкнуть за дни и ночи бреда, пока целителям не удалось сварить питье, хоть немного облегчающее разлуку запечатленных. И пусть ни приступы боли, ни изнуряющий жар питье до конца не снимало, все же с ним было легче. Уж точно легче, чем в первые дни, о которых вспоминать до сих пор тошно...

Перед дверью покоев Кассии Алестар, летящий по коридорам, как от дикого салту, все же остановился. Уперся ладонью в выступ дверного рычага, замер, пытаясь отдышаться. Отец будет нескоро... А оказаться совсем рядом с двуногой и не тронуть ее – как вытерпеть? Перед глазами стояло ненавистное лицо существа из верхнего мира. Неприлично резкие и высокие для девушки скулы, бездонные черные глаза, четко очерченные пухлые губы... Как отцу удалось ее заполучить? Впрочем, это неважно. Отец сам говорил, что двуногая будет принадлежать Алестару до тех пор, пока целители не найдут способ разорвать связь! И будь этот разговор чем-то важным, отец оставил бы письмо с прямым запретом...

Алестар снова глубоко вздохнул. Нарушить приказ отца... Но он больше не может терпеть! Кровь стучала в висках, раскаленные волны катились по всему телу, а там, совсем рядом, было избавление. Алестар это чувствовал! Да какая разница: сейчас или через пару дней? Может быть, он только посмотрит...

Он толкнул дверь, задыхаясь от непонятного страха и возбуждения. Проплыл внутрь. Двуногая была внутри. В комнате, из которой – внутри Алестара поднималось тяжелое ледяное бешенство – вынесли все вещи Кассии. Осталось только ложе, на котором они валялись после охоты или сидели, расчесывая друг другу волосы, смеясь и разговаривая. Ложе, которое теперь поганила двуногая скотина!

Подплыв ближе, Алестар поймал нагло-спокойный взгляд двуногой. Ее уже успели отмыть от земной грязи, переодеть, как подобает наложнице, только украшений почему-то не было. Ну, оно и правильно – еще не заслужила...

– Какая встреча... – глумливо протянул Алестар, опираясь рукой на край ложа и медленно окидывая взглядом почти не скрытое облегающей туникой тело от лица до кончиков уродливых отростков на ногах. – Надеюсь, ты счастлива оказанной тебе честью?

Двуногая молчала. Даже не пошевелилась, чтобы встать и приветствовать хозяина. Ничего, это мы тоже исправим...

– Кажется, твои манеры с прошлого раза стали хуже, – насмешливо сказал Алестар, ловя взгляд непроницаемых черных глаз. – Интересно, чем же ты не угодила своему хозяину, что он решил от тебя избавиться?

Двуногая молчала. Алестар даже предположить не мог, что молчание может быть таким... выразительным. Что глаза, неестественно, почти уродливо темные, могут говорить громче и яснее рта. А говорили они о спокойной презрительной ненависти.

– Что ж, помолчи, – усмехнулся Алестар. – Действительно, что толку разговаривать с такой тупой тварью? Надеюсь, приказ раздеться ты поймешь? Или позвать слуг, чтоб помогли?

Все так же молча двуногая подцепила пальцами край туники. Стянула и скомкала роскошный восточный тилламас, из которого та была сшита, отложила на край ложа, где туника осталась лежать серым комочком, медленно расправляющимся в воде.

– Молодец, – кивнул Алестар. – Хорошая зверюшка. В следующий раз принеси тебе рыбки, а пока не захватил...

Он внимательно следил, не изменит ли каменное лицо двуногой выражения хоть на мгновение, не дрогнет ли что-то в глубине черных глаз.

Но нет, его новая наложница смотрела все так же ненавидяще ровно. И даже дышать чаще не стала.

Алестар посмотрел на обнаженную грудь сидящей перед ним девушки, тонкую талию, плавную линию стройных бедер. Долго посмотрел, внимательно... Под его взглядом двуногая подтянула к себе и обняла колени, укладывая их набок, прячась. Значит, не так уж тебе и все равно, да? Вот и хорошо, вот и славно.

Он сам не знал, почему так яростно хочет сделать ей больно и словами, и делом. Потому, что она не покоряется, глядя на него с холодной брезгливостью? Потому, что она из народа двуногих? Или просто потому, что она заняла место Кассии?

– Тебе уже рассказали все, верно? – спросил он, следя за взглядом наложницы. – Про то, что ты избранная, про запечатление... И ты, наверное, решила, что представляешь из себя что-то особенное? Что с тобой будут обращаться лучше, чем ты заслуживаешь? Да не молчи же ты, тварь двуногая!

Вместо ответа двуногая отвела взгляд. Не из страха – нагло, напоказ, рассматривая мозаику из перламутра и камешков на стене комнаты так, словно ничего интереснее в жизни не видела. Ах ты ж скотина!

Алестар взмахнул хвостом, подплывая ближе, нависая над сидящей, так что хвост коснулся ложа.

– Хватит разговоров! – бросил, задыхаясь от острой боли в груди. – Я здесь не для этого. Давай ложись.

Так же молча двуногая откинулась на широкое ложе, стиснув покрывало пальцами.

– Вот и молодец, – усмехнулся Алестар, склонившись над напряженным телом. – Считаю, еще рыбку заработала.

Тронул твердые, будто камень, плечи, удивившись, какие они горячие. Ладно, у него-то лихорадка – а с этой что? Двуногая под прикосновением старательно не шевелилась, только вдохнула глубже обычного, когда Алестар провел ладонью по плоскому животу, ниже, туда, где у иреназе начинается хвост. При первой встрече здесь был треугольник мягких черных волос, но служанки хорошо постарались, и теперь все тело двуногой стало гладким и шелковистым, как полированный мрамор. Интересно, как ее приводили в порядок? И была ли она такой же каменной и невозмутимой? Надо будет в следующий раз посмотреть.

Неожиданно Алестар поймал себя на желании склониться еще ниже и лизнуть золотистую грудь. Просто попробовать, какая она на вкус? И тут же разозлился на себя за подобную глупость. Нет, это все

запечатление. Ну, один разок он завалил эту двуногую ошибку богов, но просто из любопытства же! А теперь и вовсе дело лишь в запечатлении. Только в нем! И как же это мерзко – желать существо, которому не позволил бы служить ковриком у своей постели!

– Раздвинь ноги, – велел он, проводя ладонью по высокому холмику груди. – И попроси обойтись с тобой поласковой. Я добрый хозяин, когда зверюшки меня слушаются.

– Попросить?

Двуногая приподнялась на локте, закинула голову немного назад, напрягая плечи. Заговорила с холодным презрением:

– Попросить я могу только своих богов, чтоб ты поскорее сдох от собственного яда.

Алестар будто отвесили пощечину. То есть он не знал, как это бывает, но лицо загорелось еще сильнее, хотя только что казалось, что он и так пылает. Дыхание перехватило, и он не сразу нашелся, что сказать. Да что эта тварь о себе возомнила? Она никто! Все они, выродки из верхнего мира, изгнаны богами из благодатных глубин, чтобы не оскверняли море своей никчемностью. Да если бы не амулет, созданный предками Алестара, эта темнокожая паршивка и нескольких минут бы в воде не выжила...

– Ну, если я сдохну, тебе первой не жить, – ласково пообещал Алестар, запуская пальцы в густые, но обидно короткие волосы земной дряни. – Так что лучше молись за мое здоровье, тварь двуногая. Вот побалуюсь с тобой – и можешь прямо сегодня начинать возносить мольбы.

Жаль, стиснуть густой темный шелк в пальцах никак не получалось: упругие и непослушные пряди почти сразу выскальзывали. Ничего, отрастут. И никаких заколок и кос – пусть плавает с распущенными, ублажая взор хозяина.

Алестар снова провел кончиками пальцев по груди двуногой, опустил ладонь на красивый живот с плоскими, но четко очерченными мышцами. В висках били горячие тяжелые молоточки, рот пересох, а бедра свело сладким спазмом. Двуногая молчала, и это было хорошо, потому что скажи она еще хоть слово – Алестар бы ее ударил. Бить наложниц или слуг – отвратительная мерзость, Алестар никогда и пальцем не тронул никого из своих послушных сладких красавиц и всегда старался, чтобы девушкам было с ним хорошо, но это ведь не наложница, это вообще не иреназе... Да что же с ним такое? Откуда кипящая внутри злость и желание схватить, подмять, ударить? На мгновение перед глазами все поплыло, вода показалась багрово-красной, пахнувшей кровью, Алестар даже головой встряхнул, пытаясь сбросить наваждение.

– Я велел тебе раздвинуть ноги, – напомнил он, одним взмахом хвоста оказываясь сверху. – Или охрану позвать?

Гладкие плечи под пальцами Алестара окончательно закаменели, но почти сразу он почувствовал, как тело внизу шевелится. Вжавшись затылком в покрывало, двуногая подчинилась, раскрываясь, раздвигая то, чем боги наделили ее народ вместо хвоста. И снова, как тогда, у Столба, Алестара опалил томный сладкий жар, заставивший прильнуть, вдавиться в это горячее, совершенно необходимое... Жар мешался с непривычной злостью, мешая думать, начисто туманя сознание мутной пеленой.

Кажется, двуногая дернулась и что-то простонала, но Алестару было плевать. Он еще сильнее раздвинул ноги земной твари хвостом, не давая их сдвинуть, и вошел одним резким грубым толчком, а потом вламывался, вбивался в восхитительно тугую и жаркую плоть, наслаждаясь каждым мгновением внутри. Никогда! Ни с кем! Ничего подобного! Оторви его сейчас кто-то силой, Алестар бы извивался от боли, словно у него вырвали кусок кожи. Не жалея добычу, он двигался как мог быстро, и с каждым толчком от макушки до кончика хвоста внутри его прокатывалась волна блаженства, топя рассудок. Еще... еще...

Двуногая молчала, не сопротивляясь, но и не подаваясь навстречу. Это было неправильно – Алестар чувствовал это каждой частичкой тела и разума – та, что была внизу, должна была отдаваться сама, делить с ним жар и сладость, так же плыть в блаженном мареве... Но отклика не было, были лишь каменное тело и хриплое дыхание. И изливаясь в тугое, охватившее его плотно, почти до боли, лоно, Алестар едва не расплакался от разочарования. Все было слаще, горячее и острее, чем он когда-либо испытывал, но все же чего-то не хватало! Чего-то очень важного, необходимого... Будто он целый год ждал праздника Небесных Огней, а его накормили сытной, но совершенно обычной едой и велели идти спать, отняв праздник.

Разочарование было таким острым, что он едва не застонал, толкаясь в судорожно сжимающуюся плоть, ловя последние сладкие спазмы. А потом пришло опустошение. Боли и жара, преследовавших его столько дней и ночей, не было. Алестар уже и забыл, как это, когда ничего не болит и в голове не мутится. Мысли текли ясные и горькие. Так вот как это – запечатление. Но ведь с иреназе было бы лучше! Наверняка лучше, это все двуногая виновата, что Алестару так и не досталось того невыносимого блаженства, при разговоре о котором у запечатленных с парой начинают сиять глаза.

Отдышавшись, он с трудом разжал пальцы, видя, как на смуглой коже

девушки проступают еще более темные следы. Но нахлынувший было тяжелый стыд почти сразу сменился такой же тяжелой упрямой ненавистью с вкусом крови, которой явно отдавала окружающая его вода. Синяки? Вот и хорошо. Салту клеймят, чтоб отличить зверей разных хозяев в стае, пусть и двуногая скотина носит его отпечатки. Злость мешалась с разочарованием и острой, выворачивающей наизнанку горечью. Это не земная тварь должна была сейчас лежать под ним, а Кассия. С ней все было бы иначе! Алестар бы ласкал ее, нежил, выцеловывал каждую чешуйку и теплый мрамор кожи, пропускал между пальцев темно-золотые пряди... И Кассия, девочка его любимая, отдавалась бы ему с наслаждением, радостно отвечая на поцелуи и любовные толчки, принимая и даря счастье. Почему? Почему боги так несправедливы? Он ведь уже почти уговорил отца на брак! Подумаешь, запечатление! С Кассией ему и без всякого запечатления было бы хорошо...

Резко оттолкнувшись, Алестар всплыл на несколько локтей от неподвижного тела. Издеваться над двуногой больше не хотелось. И так словно грязной воды наглотался. Полегчало – и ладно. Вот в следующий раз он так быстро не остановится. Двуногая тварь у него будет стонать и умолять быть добрее... А пока что – кракены с ней!

Подобрав колышущуюся у ложа тунику двуногой, Алестар молча обтерся ею, пока мужская плоть не ушла в паховую щель, отпустил испачканный лоскут и натянул свою повязку. Бросил последний взгляд на расprostертое тело. Отец будет недоволен, если эта тварь пожалуется на грубость. Ну и плевать. Ничего уже не важно, и ничего никогда не будет так, как надо. Он никогда не сможет быть счастливым, что бы ни делал, так ради чего стараться?

Выплыв за дверь, он какое-то время бездумно шевелил хвостом и руками, лениво загребая теплую, наконец-то принявшую нормальное состояние воду. Коридоры, почтительно склоняющие головы придворные, жмущиеся к стене слуги... Знакомая дверь. Немного поколебавшись, Алестар толкнул плиту.

Санлия была у себя. Ждала его, конечно, она всегда как-то угадывает, когда нужна Алестару. Лежала на ложе среди высоких, обтянутых пестрой кожей подушек, опираясь на них спиной и даже головой – привычка, привезенная из Суаланы. В пальцах наложницы мелькала нить янтарных бус – Санлия собирала очередное ожерелье.

Подплыв ближе, Алестар опустил рядом на ложе, обнял, уткнулся между плечом и шеей, пряча лицо в шелк распущенных черных прядей. Санлия нежно погладила его по спине, принякая и обнимая в ответ.

– Ненавижу ее, – помолчав немного, сказал Алестар. – Ненавижу... Тварь двуногая... Почему она?

Ответа не было, да Алестар его и не ждал. Что тут можно сказать? Тонкие, но сильные пальцы Санлии гладили его, унося боль, и хотелось лежать так вечно, спрятавшись от всего моря...

– Кассию не вернуть, мой принц, – прошелестел спустя долгое время голос наложницы в макушку Алестара. – У вас будет истинная запечатленная, благородная и прекрасная принцесса тир-на-Карианд...

Что ж, Санлия тоже не понимала. Или понимала, но не могла сказать в утешение ничего иного? Да и какая ей разница, кого возьмет в супруги бывший хозяин? После свадьбы наложниц принца ждет почетная отставка и какая-нибудь мелкая должность во дворце: все равно с ласками законной, запечатленной супруги им никогда не сравниться.

– Кариандка так кариандка, – измученно пожал плечами Алестар, отодвигаясь и откидываясь спиной на ложе. – Мне все равно. А эту тварь я сломаю и приручу. Сама виновата... Не надо было мне дерзить.

Санлия молча взяла со столика расческу, потянулась к волосам Алестара. Позволяя расчесывать и перебирать длинные пряди, Алестар наконец-то расслабился. Качались вокруг плотные теплые волны сна, рядом была славная верная Сан, и боль из режущей стала глухой и тупой, только плакать хотелось по-прежнему, но, кажется, Алестар забыл, как это делается...

* * *

Когда за принцем иреназе закрылась дверь, Джиад еще долго лежала лицом в покрывало, стискивая его зубами и мелко, противно дрожа всем телом. Потом перевернулась, уставилась невидящим взглядом в потолок. Внизу, между ног, пекло, как от огня, но даже эта боль не позволяла отвлечься. Было тошно. Так тошно и мерзко, словно она не просто извалялась в грязи, а нахлебалась ею, и скользкая холодная мерзость пропитала все ее существо. Если бы сейчас ей предложили выбирать: остаться здесь, спасая Аусдранг, или вернуться домой и никогда в жизни больше ничего не слышать о проклятых морских тварях, она, пожалуй, не нашла бы в себе силы отказаться. Да гори оно все огнем, почему Джиад должна платить за чужие забавы?

Едва сдержав стон, она приподнялась на локте. Смертельно хотелось пить, а еще вымыться. Вот странно: вода везде, но какая же она грязная!

Стон превратился во всхлип. Неуклюже повернувшись, Джад опять уткнулась лицом в покрывало, мечтая оказаться в Арубе. Она просто делала свою работу! Боги, за что ей это?

Стиснув мягкое, мокрое, как и все здесь, покрывало пальцами, она прижалась к ложу, не в силах даже одеться. Сейчас бы свернуться клубком, как в детстве, и поскулить тихонько, чтоб никто из воспитателей не услышал. Только тогда она плакала о доме и семье, которых никогда не знала, а сейчас...

Но все это пустое. Не тосковать и не стыдиться надо, а думать, как выбраться, иначе она просто сойдет с ума и убьет рыжую гадину. Лекарство для больного? Да он издевался над Джад, наслаждаясь этим, искал, как ударить побольнее, а потом просто изнасиловал. Неважно, что все было якобы по согласию: когда нет выбора – это насилие. И дальше будет только хуже. Принцу нравится ломать чужую волю даже больше, чем измываться над телом. Джад чувствовала это всем существом, выученным улавливать настроение и характер других людей. Неважно, что у Алестара вместо ног – хвост. Он злой мальчишка, вроде тех, что там, наверху, обрывают крылья мухам или вешают котов. Только этому дали игрушку поинтереснее...

Может, пожаловаться королю? Он, кажется, справедлив... Но тут же вспомнилось, как повелитель иреназе говорил о сыне. Что он, разрешит Джад уйти? Пожалеет за пару синяков – пальчики у принца оказались те еще... Велит ему быть с пленницей нежнее? Нет, это даже хуже и унизительнее. Надо терпеть, пока можно. И сбежать, как только получится. А для этого надо сейчас встать и отправляться на поиски здешних слуг: пусть покажут, где тут можно вымыться, как ни бредово это звучит. Да и все остальное вроде уборной... Не делать же это прямо в комнате? И еда... вода...

Джад сама понимала, что пытается отвлечься, заглушить рвущую изнутри боль стыда. Что ж, в храме их учили многому, говорили и о таком, когда женщину унижают самым стыдным и мерзким способом. Нет потери чести в том, чтоб подчиниться насилию и вытерпеть боль. Потерять честь – это сдаться, не отомстить, не выполнить приказ. Потерять честь – это умереть, упиваясь собственной слабостью. А умирать должны враги. Тело воина – ножны для клинка души. Ножны для того и предназначены, чтоб пачкаться и рваться, сберегая клинок для боя. Пока клинок цел – ножны можно отмыть и залатать...

Знакомые сутры привычно и ясно звучали в ушах, будто Джад сидела на горячей каменной террасе храма, скрестив ноги, сложив в молитвенном

жесте руки и почтительно внимая наставнику. «Все преходяще, лишь честь вечна. И если тебя оболгали, утешайся тем, что боги видят правду. Уныние – ржа для клинка твоей души, стыд – точильный камень. Используй его в меру, – звучали сухие ровные слова наставника. – Он может заострить клинок или привести его в негодность. Пока ты не сдалась, ты воин. В рабских цепях или на плахе – ты воин...»

Открыв глаза, Джад длинно выдохнула, изгоняя напряжение из тела. Подумала, что грубость принца – это даже хорошо. Больного юношу, одержимого непонятным запечатлением, стоило скорее пожалеть, зато наглую рыжую мерзость можно с чистой совестью ненавидеть. Чтоб он отравился телом Джад, не дожив до своей свадьбы...

Глава 7

Старшая наложница его высочества

Джиад рывком села на кровати. Оглядела комнату, в которой, похоже, придется провести немало времени. Да, куда красивее любой виденной ею тюрьмы. Обстановки вот только маловато. Одна кровать, ни сундука, ни столика... Джиад внимательно присмотрелась к стенам. На них виднелись следы, словно от вбитых крюков или гвоздей. В углу – пятно. Наверху, на суше, это выглядело бы так, будто стена вокруг чего-то выщвела от солнца, но здесь солнца нет, а пятно, наоборот, светлое. И все равно, похоже, будто что-то, стоявшее у стены, вынесли. Значит, комната была жилой. На стенах роскошная мозаика, полы покрыты гладко отшлифованными мраморными плитками. Зачем такое удобство там, где все равно не ходят, а только плавают? Разве что для красоты.

Джиад пощупала бортик кровати. Точно, глаза ее не обманули: дерево тамис, что не гниет в воде и становится со временем только крепче. Очень дорогое дерево! Да, это точно не каморка для слуг или рабов. Кто же здесь жил до нее?

Изнутри вдруг поднялась волна тошноты. Вот проклятье! И уборной нет. А может...

Подобрав тунику, она прополоскала ее в воде и натянула, брезгливо передернувшись. Потом, оттолкнувшись от ложа, неуклюже подплыла к двери. Тело каждой мышцей вспоминало «нежности» принца Алестара, чтоб его демоны живьем побрали... С усилием толкнула тяжелую дверь, и – чудо! – та оказалась не заперта. За дверью еще один выход – уже запертый – и небольшая дверца влево. Джиад толкнула и ее, всплыла в открывшийся проем.

За дверью была маленькая комнатка, в полу уже знакомое углубление длиной в человеческий рост с парой отверстий в противоположных сторонах. На дне – Джиад попробовала ногой – горячая вода. Что-то вроде ванны, значит... Ванна в воде? Впрочем, им тут виднее. Может, любят понежиться в тепле. В самом дальнем от ванны углу какой-то странный куст топорщился кучей пушистых коричневых веточек на коротеньком стволе. Джиад подплыла ближе, потрогала мягкую ветку-кисточку и отдернула руку – ветка потянулась к ее ладони, как живая. Следом за ней двинулись еще несколько, и Джиад поспешно отплыла подальше,

оглядываясь вокруг.

Увы, ничего, похожего на уборную, не обнаружилось. Неужели они это делают прямо в ванну? Вода, конечно, проточная, но все равно... И спросить не у кого. Где обещанные слуги? Не хотят ее тревожить? Джад снова затошнило, голова закружилась. Похоже, от обычного голода... Последний раз она ела еще наверху, да и то в харчевню пришла уже голодной.

Она вышла-выплыла из комнатушки, толкнула дверь назад. Та подалась неожиданно легко, а ведь была плотно закрыта, когда она выходила. Неужели вернулся рыжий?

Нет, у примостившегося на постели незнакомого иреназе по плечам струились длинные черные волосы, а под светлой тонкой тканью туники круглилась высокая грудь. Женщина? И служанкой, ожидающей возвращения Джад, она никак не выглядела. Джад подплыла ближе, чувствуя себя отвратительно слабой и неуклюжей, зло подумала, что ей, вообще-то, не до гостей.

Темноволосая иреназе подняла на нее глаза, приложила к груди ладонь, колыхая рукавом. Вблизи было хорошо заметно, что кожа у нее не такая мраморно-белая, как у Алестара и других виденных Джад морских жителей, а гораздо темнее, цвета топленых сливок. Да и хвост, свесившийся с низкого ложа, отливал не бледным золотом, а густой синевой. Складки богато вышитой жемчугом туники, перехваченной тонким золотым пояском, спускались с плеч иреназе и кутали ее почти до середины хвоста, прикрывая бедра.

– Прошу прощения у благородной госпожи, – проговорила гостья, склонив голову чуть набок и лениво накручивая на палец тонкую, заплетенную от виска косичку, усеянную крупными янтарными бусинами. – Надеюсь, мое желание познакомиться с почтенной Джад не нарушает земных обычаев настолько, чтобы оскорбить ее?

– Не нарушает, – ровно подтвердила Джад. – Простите, не имею чести знать...

– Да, конечно... С вашего позволения, мое имя Санлия ири-на-Суалана. Я старшая наложница его высочества Алестара, хранительница дворцовых жемчужин удовольствия.

Она явно не смущалась столь сомнительного титула, назвав его спокойно и даже с гордостью. «Это не Аусдранг, – напомнила себе Джад. – Здесь, похоже, наложницы – дело такое же обычное, как в султанате, и, значит, гостья – и впрямь особа важная».

– Рада знакомству, почтенная госпожа Санлия ири-на-Суалана, –

насколько могла церемонно выговорила Джиад, чувствуя, что перед глазами вот-вот окончательно потемнеет.

– О, для вас я просто Санлия, не мне надлежит слышать слово «госпожа» из уст избранницы принца, – иреназе слегка сместилась к изножью кровати, грациозно шевельнув хвостом. – Простите за бесцеремонность, госпожа Джиад. Если я не вовремя...

– Нет, почему же, – усмехнулась Джиад, преодолевая сопротивление ставшей вдруг очень тугой воды и опускаясь на постель лицом к повернувшейся Санлии. – Я очень рада. Простите, что не могу принять вас должным образом: еще не совсем здесь освоилась...

– Понимаю... Вам, должно быть, нелегко привыкнуть к нашему миру.

Санлия рассматривала ее с вежливым любопытством, и Джиад выпрямилась, не желая показывать слабость. Села удобнее, ответила таким же прямым и, хотелось надеяться, спокойным взглядом. Старшая наложница наследника – это, похоже, что-то вроде официальной фаворитки при дворе, а фаворитки бывают куда влиятельнее законных жен. Но что там говорил король про положение самой Джиад? Она запечатленная и стоит выше всех наложниц. Интересно, что об этом думает красавица иреназе? Любить новую забаву принца ей явно не с чего...

– Да, – коротко ответила Джиад и, подумав, добавила: – Здесь много необычного.

– Как и для нашего народа наверху... – подхватила иреназе, всматриваясь в лицо Джиад.

И вдруг улыбнулась, словно просияв изнутри. Встряхнула черным облаком волос, откинула его назад, сверкнув кольцами на длинных пальцах.

– Госпожа Джиад, в неводе моей учтивости еще много нитей, но как ни взбивай пену, уловом она не станет. Буду ли я прощена, если позволю себе дерзость говорить с вами, как с той, кто многого не знает о нас и нашем мире?

– Я... буду очень благодарна, – осторожно ответила Джиад.

– И позвольте мне говорить прямо?

Не спуская с Джиад взгляда, наложница принца улыбалась красивыми темно-розовыми губами, явно накрашенными, как и ясные зеленые глаза. Стройная и тонкая в кости, безобидно хрупкая и изящная... Джиад снова усмехнулась, на этот раз про себя. Тоненькая канкаруби, покрытая причудливыми яркими узорами, – самая красивая змейка в мире, но из капли ее яда готовят смертельную отраву для дюжины человек.

– Буду благодарна, – повторила она вслух. – Прошу вас, госпожа Санлия. Мне действительно не знакомы обычаи вашего народа, и я заранее

прошу прощения, если показалась неучливой.

– О, вы очень учтивы...

И снова склоненная набок голова и слишком явная нерешительность в глазах, чтобы быть правдивой... Джаад глубоко вдохнула, чувствуя привычное уже покалывание в легких, выдохнула, с трудом вытолкнув плотную, куда тяжелее воздуха, воду. Что она тянет? Перед глазами мелькали нехорошие искры, во рту пересохло...

– Кажется, я действительно не вовремя, – сказала вдруг совсем иным тоном, далеким от недавней жеманной сладости, Санлия, вглядываясь в нее. – Вам нужен лекарь, а не разговор... Вы позволите позвать слуг?

– Да, хорошо бы, – проговорила Джаад и, не удержавшись, добавила: – Заодно хоть посмотрю, как это здесь делается... Пора бы кому-то заглянуть.

– Так о вас никто не позаботился? Но принц покинул ваши покои уже давно...

Тонкие, словно кисточкой выписанные брови взлетели вверх в явном изумлении, которое тут же сменилось возмущением.

– О, глубинные боги! – выдохнула Санлия. – И вы молчали!

Оттолкнувшись от пола одним резким движением хвоста, она взмыла над ложем, плеснула хвостовым плавником, разворачиваясь... Джаад только сейчас заметила, что одна из перламутровых рыбок, сплетающихся над ложем, выступает из стены слишком сильно, чтобы быть простым барельефом. Санлия нажала на хвост рыбки, двинув его вниз, как обычный рычаг, глянула на Джаад.

– Кое-кто получит хорошую трепку за нерадивость, госпожа Джаад. Не беспокойтесь, это больше не повторится.

– Ох, – проговорила Джаад смущенно. – Не стоит, право... Я не хочу, чтоб у кого-то были неприятности... Прошу вас, госпожа Санлия...

– Ничего такого, что не было бы заслуженным, – усмехнулась старшая наложница. – Слуги есть слуги, их нужно ставить на место сразу, иначе потом намучаетесь.

Она повернулась к двум девушкам-иреназе, торопливо всплывшим в дверь, что-то бросила негромким властным голосом. Джаад, опираясь на низкую спинку постели, молча наблюдала, как вокруг нее начинают суетиться сначала эти двое, потом еще пара хвостатых служанок, словно соткавшихся из воды. Пока одна, почтительно кланяясь, попросила госпожу избранницу принца немного приподняться, другая быстро обтерла ее каким-то скользким полотенцем, после чего кожу приятно защипало. Мятую тунику, беспрестанно кланяясь, с нее сдернули, мгновенно заменив

новой, под спину и плечи подложили подушки, чтоб удобнее было сидеть. Вторая пара в это время водрузила на кровать принесенный снаружи столик, торопливо расставляя на нем высокие узкогорлые кувшины, запечатанные уже знакомой пленкой, и обычные блюда с какой-то едой. Джад разглядела мелкую рыбу и несколько кусков крупной, раскрытые створки ракушек в гнездах из водорослей, что-то вроде желтых крупных ягод, полоски икры...

– Боюсь, наша пища покажется вам непривычной, – извиняющимся тоном произнесла Санлия, так и сидящая в ногах Джад. – Но людям это есть можно. Если вы предпочитаете остаться в одиночестве...

– Нет, – быстро сказала Джад. – Госпожа Санлия, я не слишком сильна в местном этикете, но не согласитесь ли разделить со мной трапезу? Я бы сочла за честь...

И по мгновенно проскользнувшему в зеленых глазах удовлетворению поняла, что поступила верно. Похоже, ее статус при местном дворе все-таки был куда выше, чем у наложницы, пусть и старшей. А может, Санлия просто не сказала еще того, что собиралась, – зачем-то ведь она приплыла.

Так что меньше чем через четверть часа Джад, освеженная, переодетая и решительно отказавшаяся от лекаря, потягивала из кувшинчика приятное кисловатое питье. Напившись, она поставила кувшин на столик и увидела, что стоило ей оторвать губы от края кувшина, как это место сразу снова затянулось пленкой. Утолив жажду, что мучила даже сильнее голода, Джад примерилась к куску рыбы, раздумывая, как можно есть под водой... Санлия, все это время лениво покачивающая в пальцах свой кувшинчик, наклонилась к стоявшему между ними блюду, взяла кусочек рыбы и отправила в рот, ловко просунув между губ. Взяла еще один, снова прихватила губами, медленно, явно напоказ. Съев, опять оперлась на локоть и поднесла к губам сосуд с питьем.

Джад, копируя ее движения, взяла небольшой кусочек розоватого мяса, сунула в рот. Получилось не так уж плохо: немного воды просочилось вместе с едой, но куда меньше, чем она опасалась. Джад вообще заметила, что вода доставляет куда меньше хлопот, словно ее тело окружено незримой защитой, внутри которой море куда ласковее, чем помнилось ей по прошлым временам.

– Очень вкусно, – сказала она, прожевав и поднимая глаза на Санлию, снова просиявшую улыбкой. – Это рыба?

– Почти, – кивнула Санлия. – Сердце миноги. А вот это глаза маару – вы называете их спрутами. Попробуйте...

Она указала на желтые шарики, показавшиеся Джад ягодами.

– Благодарю, в другой раз, – старательно улыбнулась Джиад, подавляя легкую тошноту. – Я почти сыта...

Она и в самом деле чувствовала приятную тяжесть в желудке, словно питье, принесенное хвостатыми, насытило ее, как плотная еда. Подцепила с блюда листик водорослей, рассудив, что зелень она и под водой зелень, не то что всякие глаза, пожевала. Водоросли на вкус были почти как квашеная капуста, разве что немного горчили, но и горечь показалась приятной. Джиад съела еще листик и поняла, что больше ни кусочка не осилит.

– Это все тинкала, – кивнула Санлия на кувшинчик, что держала в руках. – Она прекрасно восстанавливает силы.

– Тинкала, – повторила Джиад незнакомое слово. – Благодарю, я запомню. Кажется, силы мне понадобятся...

Она усмехнулась, снова откидываясь на гору подушек и вертя в пальцах кувшинчик с тинкалой по примеру Санлии.

– Его высочество очень... настойчив в постели, – невыразительно сказала старшая наложница, глядя почти в глаза Джиад и все-таки слегка мимо. – Он долго ждал вас.

– О да-а-а, – протянула Джиад. – И ждал бы еще дольше, будь моя воля. Госпожа Санлия, я много чего могу сказать о вашем принце, но лучше промолчу. Не годится пачкать застольную беседу такими словами.

Санлия опустила глаза, повела плечом под пышными складками туники... Джиад молча ждала. В конце концов, наложница принца сама хотела разговора.

– Алестар молод, – сказала иреназе мягко и, кажется, сочувственно. – И он очень не любит людей.

– Я думала, он их толком и не видел, – удивилась Джиад.

– Так и есть.

Санлия тоже откинулась на подушки, задумчиво взглянула на Джиад, поигрывая бусиной на конце косички.

– Госпожа избранная, – сказала она через пару минут молчания, убедившись, что собеседница нарушать его не собирается. – Большая часть того, что я могу сказать вам, это не тайна. Обычный разговор между подругами без лишних ушей. Но вы же понимаете...

– Понимаю, – отозвалась Джиад. – Госпожа Санлия, поверьте, я очень благодарна вам за... дружбу.

– Дружбу... – эхом откликнулась Санлия, поднимая на нее холодную зелень глаз. – О, госпожа Джиад... Вам, избранной принца, дружить с наложницей? Это незаслуженная честь для меня.

– Думаю, это честь для меня, – медленно сказала Джад, возвращая иреназе мягкий настороженный взгляд, словно перед поединком. – Я не избранная принца, и мы обе прекрасно это знаем. Стоит вашим целителям найти способ разорвать эту... это...

– Связь, – коротко подсказала Санлия.

– Да, связь! Стоит им ее разорвать, и мы оба будем счастливы больше никогда не видеть друг друга. Лишь бы это случилось поскорее!

– Судьбу и улов не узнаешь заранее, – пожала плечами Санлия. – Может, и так... Госпожа Джад, прошу, не ищите во мне врага. Кто бы ни занял место рядом с принцем, я-то его все равно потеряю. Уже сейчас Алестар приходит ко мне только по привычке, тело влечет его к вам. Приплывет принцесса Маритэль – для меня ничего не изменится.

Она говорила спокойно, но, как показалось Джад, с едва уловимым оттенком горечи. Что ж, это было более чем понятно: похоже, после запечатления наложницы становятся не нужны, а можно представить, как принц обходится с тем, что ему не нужно.

– Я понимаю, – сказала Джад, лишь бы сказать что-нибудь. – Поверьте, госпожа Санлия, если бы я могла отдать вам эту... честь...

– Вы бы отдали, – кивнула Санлия. – Да, я знаю. Я знаю принца, госпожа Джад. Он бывает нежным и великодушным, если все идет согласно его желаниям, но... Алестару не за что любить людей.

– Почему? – тихо спросила Джад. – Я никому не передам ваши слова, клянусь. Я лишь хочу понять...

– Понять? Это нелегко... Вам, незнакомой с нашими обычаями... Что ж, я попробую.

Санлия снова глянула куда-то мимо Джад, потом перевела на нее погрузневший взгляд.

– У его высочества Алестара была подруга детства, дочь королевского советника Руаля. Красивая умная девушка, очень... славная. Многие рады сблизиться с будущим королем, но в Кассии – видят глубинные боги – не было ни капли грязной воды. Они росли вместе, вместе учились, охотились, проводили время... Словно родные! Потом выросли, и случилось неизбежное: Алестар и Кассия разделили ложе. В этом не было бы ничего странного или плохого: утолить желание принца – честь для любой его подданной. И Алестар был так искренне влюблен... Госпожа Джад, вы видели его темную сторону, но с Кассией все было совершенно иначе. Алестар ее обожал, готов был расцеловать каждую чешуйку на ее хвосте, осыпал подарками и проводил с ней все время, какое мог. В конце концов это стало... беспокоить. Вы ведь знаете о запечатлении?

– Да, – уронила Джад. – Мне рассказали. Они не могли быть вместе, так?

– Как супруги не могли, – подтвердила Санлия. – После запечатления хотя бы одного из них эта связь должна была прерваться. Кассия могла остаться другом принца, они могли даже спать вместе – кто бы им запретил? Но ушла бы страсть... И Алестар стал умолять отца, чтобы тот позволил ему жениться на Кассии. Это редкость, но возможно. Кассии следовало покинуть Акаланте и принять подданство другого города. Жрецы очистили бы ее кровь и душу от силы и сути Акаланте, влив силу своего города, и тогда запечатление могло произойти.

– И король согласился?

Санлия пожала плечами, отпила из кувшинчика с тинкалой.

– Король... думал. Алестар – единственный наследник, его брак должен был укрепить связи с каким-нибудь из городов. Притом процесс изменения сути – это очень опасно. Кассия могла просто умереть, и ее отец вовсе не хотел сделать свою дочь супругой короля такой ценой. Он любил Кассию и не хотел рисковать ее жизнью ради трона. Госпожа Джад, вы же понимаете? То, что я говорю...

– Никто от меня не узнает, – подтвердила Джад. – Клянусь.

– Хорошо. Так вот, король думал долго. Но Алестар был очень настойчив. Он клялся, что не согласится на запечатление ни с кем другим. Его не пугал даже риск для Кассии, Алестар не верил, что это может быть по-настоящему опасно.

– А сама Кассия?

– Она тоже была влюблена. Я видела их вместе, госпожа Джад, и поверьте, я кое-что понимаю в страсти. Кассии не нужен был трон, она тоже не мыслила себе жизни без Алестара... Двое детей, глупых, безоглядно влюбленных...

– У них не вышло? – спросила тихо Джад, полагая, что поняла. – Кассия погибла?

Санлия вздохнула, накрутила на пальцы темный жгут волос, распустила и накрутила снова.

– Неизвестно, вышло бы или нет. Кассия погибла, но иначе. Она обожала гонки на салту – вы их видели, это наши верховые звери. Салту глуповаты и покорны седоку, но это хищники. Кассию укусил ее собственный зверь, кровь почуяли другие салту...

– Боги, – выдохнула Джад. – Это... как акулы?

– Именно, – кивнула Санлия. – Ее растерзали в клочья на глазах у Алестара. Ни другие ездоки, ни служители арены – никто не мог ничего

сделать. Кровавое месиво в воде... Алестар неделю плавал в лихорадке, целители опасались за его жизнь.

– Я... сожалею, – сказала Джиад, глубоко вздохнув. – Но при чем тут люди?

– А люди... – Санлия поиграла концом косички. – В том заплыве должна была соревноваться не Кассия, а сам принц, он тоже любит гонки. Но перед самым состязанием Алестару стало дурно. Он страстно хотел победить: гонки на салту – это целый мир со своими правилами, и победы Алестара ждали очень многие... Кассия надела его снаряжение и села на салту Алестара вместо принца. Во время гонок их было бы не отличить, понимаете?

– Да-а-а, – прошептала Джиад, действительно понимая. – И что же?

– Упряжь салту принца оказалась пропитана редким зельем, которое делает зверя неуправляемым. Почувстввав это зелье, салту перестает слушаться седока, может напасть на него или кого-то другого. Кассия даже не успела далеко отплыть от начальной черты, как ее салту разъярился. Они плыли первыми, остальные налетели сзади... Не было никакой возможности спастись...

– Так это было покушение? На принца?

– На принца не могут покушаться, – растянула губы в невеселой улыбке Санлия. – Алестар – жизнь Акаланте, разве вы не знаете? И это не просто слова. Ни один житель Акаланте не может поднять руку на принца или замыслить ему зло, этого не позволит сила Акаланте, текущая в его жилах вместе с кровью, та же самая, что диктует законы запечатления. Любой акалантец, вздумавший причинить зло кому-то из королевского рода, умрет раньше, чем сделает для этого хоть что-то.

– А не акалантец? – хмуро поинтересовалась Джиад.

Санлия в очередной раз пожала плечами, усмехнувшись:

– О, но Акаланте ни с кем не воюет. В мирное же время попытка убить наследника – это преступление, равное которому трудно и придумать! Поверьте, госпожа Джиад, одного подозрения в этом достаточно, чтобы развязать войну, если, конечно, такое подозрение будет высказано. Так что покушение – это немыслимо. Совершенно немыслимо и невозможно. И потому...

– Его не было, – закончила Джиад.

Санлия молча склонила голову.

– Ясно... Хотя все равно не понимаю...

– Простите мою сбивчивость, – бесстрастно отозвалась Санлия. – Все просто. Зелье, которым пропитали упряжь принца, приготовили

из каких-то растений сверху, из мира земли. У нас они просто не растут.

– И это все? – пораженно выдохнула Джиад. – И в этом виноваты люди? За это их можно ненавидеть?!

– Алестару очень нужно ненавидеть хоть кого-то, – тихо сказала Санлия, опуская печальный взгляд. – Я знаю, что он обошелся с вами жестоко, но попробуйте понять... Он сам не свой весь месяц, что прошел с гибели Кассии. Да, это несправедливо и неразумно, но когда боль была разумной и справедливой? У него отняли любовь и лучшего друга сразу, его сердце плачет кровью, а отец уже послал в Карианд сватов... О, госпожа Джиад, мне действительно жаль, но не стоит ждать от Алестара великодушия и разумных поступков сейчас.

– Да, я поняла, – бесстрастно уронила Джиад. – И что же, того, кто пропитал этой дрянью упряжь, так и не нашли?

Санлия пожала плечами – ее любимый жест, как заметила Джиад, – шевельнула плавником-веером на конце хвоста.

– Я лишь улада и развлечение принца, кто же говорит мне такие вещи? Но с тех пор Алестар нигде не показывается без охраны – это безусловный приказ короля.

– Не нашли, – подытожила Джиад. – Что ж, теперь я все поняла. Ваш наследник срыгает зло на том, кто подвернулся, и ему плевать, что я не причастна к смерти его возлюбленной ни словом, ни делом. Но я благодарю вас, госпожа Санлия.

– Не за что, госпожа Джиад, – одними губами улыбнулась наложница – глаза ее так и остались грустными. – Совершенно не за что. Я рада быть хоть чем-то полезной, и если вам еще что-то понадобится... В пределах разумного, конечно.

– Конечно, – бесстрастно подтвердила Джиад. – Я понимаю.

– Тогда прошу простить...

Санлия грациозно махнула хвостом, поднимая упругую волну, всплыла наверх.

– Вы всегда можете передать через слуг, что желаете видеть меня.

Она склонилась в почтительном изящном поклоне, и Джиад склонила в ответ голову насколько могла учтиво.

– Я была бы рада отплатить вам любой услугой, – сказала она негромко. – Но боюсь, ответить на вашу доброту мне нечем.

– Кто знает, – уже веселее улыбнулась Санлия перед тем, как устремиться к двери. – У нас говорят, что пути судьбы известны только морю...

Алестар молча смотрел на рукоять ножа в груди немолодого коротковолосого иреназе, распростертого на полу загона. Убитый таращился ввысь спокойно и, кажется, слегка удивленно, волны от проплывающих за перегородкой могучих тел салту слегка колыхали концы его набедренной повязки, широкий рабочий нож-скребок покоился в ножнах на боку...

– Кто? – с тихой злостью спросил Алестар, не ожидая ответа. – Я никому не говорил, что собираюсь увидеть его. Кто мог убить простого чистильщика салту? И почему именно сейчас?

– Мой принц...

Дару, подплыв сзади, опустился на дно, взял руку убитого, подержал и отпустил. Рука тяжело и мягко упала на песчаное дно загона. За перегородкой беспокойно метались салту, чуя в воде кровь.

– Мертв совсем недавно, – сказал Дару. – Мой принц, его могли убить и по другой причине. Совпадения случаются...

– Когда совпадения закончатся, мой отец, полагаю, разрешит мне плавать без охраны, – растянул губы в злой невеселой усмешке Алестар. – А пока что я хочу видеть советника Руаля, начальника дворцовой стражи Ираталья и хозяина загона. Проследите, чтобы никто не покинул загон, а если кто-то уплыл за последний час, узнайте у охраны, кто это был.

– Мой принц...

Алестар круто развернулся и глянул в лицо Кари, дернувшегося от его взгляда, как от удара.

– Шутки кончились. Пока отец отсутствует, я его местоблюститель, советую об этом не забывать. Я останусь здесь с Дару, а тебе хватит полчаса, чтобы выполнить все сказанное и вернуться сюда для охраны моей особы. Выполнять именем королевской крови!

Не глядя на Кари, обменявшегося угрюмым взглядом с братом и торопливо поплывшего к выходу из загона, Алестар опустился рядом с распростертым телом и прислушался к шелесту песчинок, перекачиваемых водой. Море говорило что-то тихо и настойчиво, но Алестар еще не научился понимать большую часть того, что оно шептало, а к возвращению отца следы безнадежно растворятся, как кровь в воде.

– Пожалуйста, – прошептал он в бесконечное пространство моря. – Я часть твоя, в моей крови твоя соль и вода, я твое дитя... Помоги мне...

Подскажи хоть что-нибудь, я постараюсь услышать.

Но вокруг был только бесконечный шелест песка и воды, смешанной с кровью из раны иреназе, что готовил салту Алестара к той проклятой гонке.

Глава 8

Немного о вулканах и гонках

Королевский советник Руаль за этот месяц постарел, кажется, лет на двадцать. Алестар смотрел на посеревшую морщинистую кожу, мешки под глазами и сгорбленные плечи со смесью жалости, стыда и неловкости. А самое ужасное, что при всем этом Руаль был невероятно похож на Кассию, то и дело проскальзывало что-то до ужаса знакомое в повороте головы и манере плыть, во взгляде, жестах все еще красивых рук... От всего этого Алестару иногда словно в жутком сне мерещилось, что Кассия рядом, только заточена в это немощное старческое тело, словно в темницу, и не может попросить помощи.

– Советник Руаль, – почтительно склонил голову Алестар – он вообще стал куда почтительнее с отцом Кассии после... – Если вы не очень заняты, я бы просил о разговоре.

– Когда же я был занят для вас, ваше высочество? – склонил в ответ голову Руаль.

У него даже голос изменился: из теплого и глубокого стал дребезжащим, каким-то задыхающимся. Кассия была единственным ребенком, и ее мать тоже умерла родами, может, именно поэтому они так сблизились с королем. И так же, как Алестар, Кассия росла в неизмеримой любви и обожании. Они даже шутили иногда, что не будь Алестар принцем, ему бы и на сотню взмахов хвоста не дозволено было приблизиться к драгоценной особе каи-на Кассии, чтоб не оскорбил своим вниманием такое сокровище. По сердцу привычно резанула боль, но Алестар заставил себя отогнать несвоевременные воспоминания.

– Вы уже слышали о смерти, случившейся в загоне для салту? – сразу направил он беседу в нужное русло.

– Да, мой принц, – подтвердил Руаль, болезненно морщась.

– Простите, – тихо попросил Алестар. – Я знаю, что вам ненавистно все, касающееся гонок, но, советник, я спрашиваю не из пустого любопытства. Этот служитель готовил тогда моего салту. Разве может его смерть быть простой случайностью?

– Ваше высочество, – покачал головой Руаль, – что дает вам повод думать иначе? Уверен, это простое совпадение. Или вы полагаете, мои люди недостаточно тщательно рыли дно в поисках следов?

Мы опросили всех, кто в тот... – его голос прервался, но снова выровнялся, – тот злополучный день дежурил в загонах, на арене и рядом с нею. Каждого! Салту ни на миг не оставались без присмотра, вы же знаете, как строго за этим следят. Я сам провел в загоне немало времени, пытаюсь отговорить Кассию от участия в этой... забаве.

Да, Руаль, конечно, никогда не осмелился бы сказать, что лучше бы вместо Кассии на того салту сел сам принц, но невысказанный упрек так и сочился из его слов. Алестар вздохнул, призывая на помощь все свое терпение и не уставая напоминать себе, что перед ним отец Кассии и королевский советник, избранный на эту должность за мудрость.

– Но, советник Руаль, если виноватого так и не нашли, значит, им мог быть кто угодно. Почему бы и не этот служитель? Чистильщику легче всего подобраться к салту. Кто-то ведь отравил упряжь.

– Его в тот день даже не было в загоне, – отозвался Руаль, нервно подергивая хвостом и, будто невзначай, косясь на большие песочные часы – главное украшение комнаты начальника дворцовой стражи, где они разговаривали.

Сам начальник Ирताल – можно не сомневаться – бешеным салту носился по загонам, пытаясь хоть что-то разузнать об убитом, и в этот раз Алестар не собирался позволить ему просто отделаться от расспросов очередными уверениями в безопасности. Да и не в его безопасности дело...

– Но раз вам это известно, значит, вы его подозревали? – уцепился за обмолвку Алестар, вытягивая хвост по длинной узкой кушетке и всем видом показывая, что с места не двинется, пока не узнает, что хочет.

Руаль, парящий перед ним в воде, слегка скривился, но больше никакого выражения неудовольствия себе не позволил, хоть и глянул на принца, как на неразумное и надоедливое дитя.

– Говорю же, ваше высочество, мы проверили всех, – сказал он с подчеркнутой ласковостью, которая Алестара в общении с советником всегда раздражала до зуда в чешуйках. – И его тоже, разумеется. Именно потому, что он обычно готовил вашего салту. Но в тот день он приболел и не вышел на работу, к нему приплывал целитель из храма и потом подтвердил нам, что служитель был болен.

– Странно, – отозвался Алестар. – Я уверен, что видел его в тот день. Потому и не сомневался, что салту чистил он.

– Ваше высочество, вам ли запоминать всех, с кем вы сталкиваетесь каждый день? – Руаль всем видом выказывал снисходительно-ласковое терпение, и только хвост раздраженно подергивался. – Возможно, вы видели его в другой день, или это был не он – все низкородные на одно

лицо...

– Да, конечно, – безразлично подтвердил Алестар. – Вы правы, советник.

Про себя он подумал, что сразу видно: советник точно не увлекается гонками. Потому что хороший ездок на салту знает поименно и в лицо всех, кто имеет допуск к его зверю: от мальчишки, приносящего рыбу, до целителя, что осматривает зверей перед выпуском на арену. А чистильщик – это очень важно! Он может вычистить непослушного салту так, что тот уgomонится и станет покорным, а может самого безразличного надраить скребком до озлобления. Не дашь вовремя чистильщику монетку на тинкалу с пряностями – и получишь зверя, который мечется в воде кругами и даже ударов лоура не чувствует. И тут уж не важно, кто принц, а кто просто иреназе с короткими волосами низкородного: арена странным образом уравнивает всех.

Алестар точно знал, что видел чистильщика Галифа в тот день у загона. Но... Он не успел ухватить за хвост мелькнувшую рыбкой мысль, потому что Руаль еще выразительнее глянул на часы.

– Благодарю за помощь, советник, – решил в этот раз понять намек Алестар. – Простите, что пришлось напомнить вам о горе. Скорблю вместе с вами...

Он прижал ладонь к сердцу, учтиво поднявшись над ложем, пока Руаль, пробормотав положенные извинения, торопливо выплывал из комнаты. Да, жаль старика, хоть Алестар его никогда особо не любил. Но все это неважно по сравнению с тем, что объединило их. Только бы еще Руаль понимал, что Алестар не успокоится, пока не отыщет виновных. Кстати, не много ли болезней было в тот день? Он сам, теперь, как выясняется, чистильщик Галиф...

* * *

После ухода Санлии Джиад несколько раз повторила про себя, чтоб не забыть: Санлия ири-на-Суалана, Санлия ири-на-Суалана... Имя непривычное, а люди обычно обижаются, если в их имени ошибешься хоть звуком, и вряд ли иреназе от них в этом отличаются. Вот, кстати... Рыжий представился Алестаром тир-на-Акаланте. Алестар и Санлия, значит, имена личные, а родовые тогда что? Акаланте – это то ли город, то ли государство, то ли то и другое вместе. А Суалана? Выходит, Санлия не отсюда? И что означают эти ири-на и тир-на? Титул? Вопросов было

больше, чем ответов, но это хоть как-то помогало отвлечься, и Джад оправдала себя тем, что лишних знаний не бывает, тем более для пленника.

Это напомнило о том, что король обещал ей свободу в пределах дворца, и Джад дотянулась до показанных Санлией рыбок. После пары попыток повернув хвост правильно, минуты через две, не больше, в дверь вплыла незнакомая иреназе в одной лишь пестрой повязке, едва скрывающей небольшую грудь, и зависла перед ложем Джад, сложив руки на груди и уставившись прямо-таки с преданным обожанием. «Да, похоже, Санлия действительно накрутила им хвосты, и может, даже в прямом смысле», – усмехнулась про себя Джад, а вслух сказала:

– Я бы хотела осмотреть дворец, это разрешено?

– Да, благородная госпожа, – склонила светловолосую головку иреназе. – Если позволите вашей служанке сопровождать вас...

– Еще как позволю, – улыбнулась Джад. – Терпеть не могу плутать в незнакомых местах. Как тебя зовут?

– Кариша, с вашего позволения.

– Кариша, а как полностью? – дотошно уточнила Джад.

– Кариша ири-на-Акаланте, – удивленно отозвалась иреназе, явно недоумевая то ли вопросу Джад, то ли ее интересу к имени служанки.

– Ага... Скажи мне, Кариша, будь добра... Всех, кто живет в городе, зовут по его названию? Вот ты ири-на-Акаланте, а его высочество Алестар – тир-на...

– Высокородная госпожа – чужестранка, прошу прощения, что посмела забыть об этом.

В бирюзово-зеленых глазах служанки мелькнуло облегчение, она даже слегка улыбнулась, продолжая:

– Тир-на – это к именам кого-то из королевского рода. Только его величество и его высочество из ныне живущих в Акаланте зовут так. Ири-на – для имен простого народа. А к именам высокородных добавляют титул каи-на. Осмелюсь спросить, разве у жителей суши не так?

– Немного не так, – тоже улыбнулась Джад, видя, что служанка совсем молода и в глазах ее светится явное любопытство: – Значит, меня бы звали... – она запнулась на мгновение, соображая, и продолжила: – Джад ири-на-Аруба...

– Счастлива слышать ваше благородное имя, – приложила ладонь к груди иреназе, опять кланяясь.

Светлые прямые волосы у нее были куда короче, чем у принца или Санлии, в лучшем случае до плеч, и это, наверное, тоже имело какой-то смысл... Вон и до этого слуга говорил, что короткие волосы для рабов.

Но был один вопрос, который Джад сейчас интересовал больше причесок хвостатых.

– Перед тем, как поплывем смотреть дворец, не объяснишь ли существу с земли, где вы... справляете естественные надобности?

– О-о-о-о... – отозвалась Кариша еще изумленнее, у нее даже брови взлетели, но тут же девушка поспешила исправить непочтительный возглас: – Простите, благородная госпожа, но разве вы не были в комнате чистоты?

– Это где ванна в полу? – уточнила Джад. – Была. Только не очень поняла, куда делать... это...

– Но там же в углу растет ширакка, – в глазах Кариши по-прежнему светилось недоумение, но она, похоже, смирилась с вопиющим невежеством пришельцы с суши. – Это такое растение...

– Оно шевелится?

Джад вспомнила тянущиеся к ней ветви-щупальца и содрогнулась. Как спруты...

– Да! – радостно отозвалась Кариша. – Ширакка – это сборщик грязи. Следует оправиться возле нее, а еще лучше прямо в нее, и она всосет всю воду, очистит от грязи и выпустит чистой. Только не становитесь далеко, иначе она не дотянется до вашего тела, чтобы очистить и его тоже, если это нужно.

– Понятно, – сказала Джад с каменным лицом, поднимаясь с ложа. – Ладно, пойду, навещу вашу... ширакку.

Следующие минуты дались нелегко. Сколько ни твердила себе Джад, что это не хищник, а просто странное растение, которое таким способом добывает себе пропитание, – это не особо помогло, когда мягкие ветви-щупальца зашарили по ее обнаженному телу, и вправду всасывая грязную воду. «Хорошо, что земные растения так не умеют, – подумала Джад, все-таки покоряясь ширакке: – Вот так и вижу: бежит какая-нибудь яблоня за коровой, чтоб раздобыть себе навоза, а репа охотится на кур... А леса! Вот куда точно не зайти было бы. Хотя эта их ширакка растет на своем месте спокойненько – и то хорошо».

Вернувшись в комнату к ожидающей Карише, Джад кивнула на ее вопросительный взгляд:

– Идем, покажешь мне дворец. Ну, что можно показать, конечно.

– О, госпожа избранная, – просияла ответной улыбкой девушка. – Дворец так велик, что за раз нам его никак не посмотреть! Я вам покажу главную часть...

И они отправились наружу из успевшей опостылеть Джад комнаты.

Кариша, применяясь к неуклюжим, по сравнению с ее плавным парением, движениям Джиад, медленно плыла рядом, рассказывая о каждом новом месте, в котором они оказывались. Первое, что уяснила Джиад: дворец вырублен в потоках лавы, застывших на месте случившегося в незапамятные времена извержения вулкана. Вулканы она видела на суше, однажды даже наблюдала извержение с безопасной верхушки соседней горы, но на морском дне... Это же какая мощь изверглась наружу! А жар? Кипящая лава, что выплескивается в морскую воду... Джиад содрогнулась уже всерьез.

– В морях немало вулканов, – беззаботно сказала ее спутница в ответ на вопрос, не боятся ли иреназе, что вулкан снова проснется. – Наш народ знает каждый из них, и мы умеем укрощать гнев земли. То есть король умеет, – поправила она. – Его величество владеет тайной Сердца моря.

Последние слова она произнесла почтительно и едва ли не с благоговением, так что Джиад, конечно, насторожилась.

– Сердце моря? – переспросила она насколько могла равнодушно. – Что это?

– Не знаю, – беззаботно улыбнулась Кариша. – Я ведь не король. И никто не знает, кроме его величества, его высочества и верховного жреца. Сердце моря привело сюда наших предков, укротило гнев земли, источающей раскаленную кровь в благодатные воды, дало нам кров, защиту и благоденствие. Так говорят жрецы. А большего нам знать и не надо.

– Значит, если снова случится извержение, это... Сердце снова поможет?

– Конечно, – уверенно отозвалась Кариша. – Да вот хоть сейчас! Его величества нет во дворце, потому что он отправился на границу с Суаланой. Там пытается проснуться младший брат нашего вулкана, только ему спать еще долго...

Так, значит, короля во дворце нет. Не то чтобы Джиад всерьез рассчитывала на защиту, но все-таки... Если рыжая тварь осталась во дворце за старшего, понятно, что пленнице хорошего ожидать не приходится. Она отогнала мрачные предчувствия и продолжила расспрашивать.

Вокруг тянулись темные коридоры, освещенные уже знакомыми шарами с голубоватым киселем внутри. Там, как сказала Кариша, живет туарра – то ли медуза, то ли какой-то морской гриб, точно она объяснить не могла. Главное, что эта туарра живая и может очень долго жить и светиться в шаре, куда время от времени добавляют немного рыбьего

мяса. Светила туарра довольно ярко, но голубой свет напоминал Джад сказки о призраках, и лица в нем казались мертвенно-бледными. Шары у нее в комнате светили иначе, желтоватым. Видно, у туарры была не одна порода.

Что еще удивило Джад, им навстречу почти никто не попадался. Они проплыли множество залов, освещенных, прекрасно обставленных и расписанных чудесными фресками, но встретили всего пять-шесть иреназе, занимавшихся какими-то своими делами.

– Сегодня почти весь город на гонках, – ответила на ее вопрос Кариша с явным сожалением.

Понятно, девчонка и сама явно не против отправиться на такое развлечение, а ее оставили дежурить у пленницы.

Что ж, этому Джад помочь не могла, ей-то из дворца выходить нельзя.

– И принц тоже? – поинтересовалась она, вспомнив, что рыжий любит гонки.

– Должно быть, – откликнулась Кариша. – Смотрите, госпожа Джад, там, дальше, главный зал. Только в обычные дни туда нельзя. В зале проводят самые важные церемонии: вступление нового короля на трон, свадьбы, Великие королевские советы. Там принимают послов... Когда его высочество Алестар будет вступать в настоящий брак... ой!

Она даже рот зажала рукой, с испугом посмотрев на Джад, и тут же залепетала что-то про свой длинный язык.

– Успокойся, – сказала Джад мягко. – Я бы и сама хотела, чтоб принц женился хоть завтра. И, понятное дело, не на мне. Ну, раз в зал нельзя, то и не надо. А много во дворце народу в обычные дни?

– Да уж куда больше, чем сейчас, – с облегчением выдохнула Кариша. – Здесь ведь живет не только королевская семья, но и дюжина самых знатных семей города. Их слуги, просто дворцовые слуги... Еще управители, которые приходят с докладом к королю и советникам, жрецы... Немало!

Значит, пройти по коридорам незамеченной ей не удастся, поняла Джад. Ладно, по дворцу она имеет право ходить. А вот как выйти наружу? Но с этим лучше погодить: Кариша и так от души старается рассказать как можно больше, а вот кто-то повзрослее и поумнее может заподозрить неладное. Впрочем, и Кариша может быть не так уж наивна, а ошибиться Джад нельзя.

Они проплыли еще пару залов, Джад честно любовалась и вправду восхитительной мозаикой на стенах, стараясь запоминать дорогу. Потом

Кариша сказала, что под этим уровнем есть другой, глубже, там на поверхность выходят горячие источники, проведенные во дворец. А сверху над дворцом возвышаются обзорные башни, частью которых заведует стража, а частью – жрецы.

– Каких богов вы чтите? – спросила Джиад.

– Великую троицу, конечно. Простите, госпожа, я все забываю, что вы с суши... На заре времен Небо взяло в младшие супруги Море и Землю, они и породили все живое, оплодотворенные им. Потому мы и двуногие столь несходны, что рождены разными супругами...

– Да, мы несходны, – согласилась Джиад, чувствуя, что прогулка начинает утомлять. Все-таки двигаться в воде с непривычки было куда тяжелее, чем на суше, а она так и не отдохнула толком. – Давай вернемся в комнату, Кариша. Я увидела очень много для первого раза. Дворец прекрасен...

– Я вам даже внутренние сады не показала, – огорченно отозвалась девушка. – Ну, в следующий раз. Я обратно другой дорогой проведу, так короче будет.

– Короче – это хорошо, – с чувством сказала Джиад, ощущая, как тело наливается тяжестью.

* * *

Ожидая начальника дворцовой стражи, Алестар, зло дергая хвостом, думал, случайность ли, что убийца служителя выбрал день больших гонок. Он и сам собирался на арену посмотреть хотя бы итоговый заплыв. Потом заколебался. Иногда ему казалось, что это предательство памяти Кассии – радоваться тому, что погубило любимую. Но затем он думал, что Кас любила гонки, и там, на арене, она как будто снова рядом. Вот обернешься – и мелькнет серебро ее хвоста, словно Кассия только что отплыла за палочкой со сладостями и, конечно, возьмет две. Глупо радоваться сушеным кусочкам маару, но что поделать, если это часть особого настроения арены. Только вот сколько ни оборачивайся – если и мелькнет серебро, то чужое. Кассии нет, и уже никогда не будет. И потому Алестар стремился на арену и ненавидел ее одновременно. Отцу он обещал, что пока не будет участвовать в гонках, понимая, что тот боится за его жизнь. Сам Алестар не боялся ничего и никогда, но стоило глянуть на золотистый песок арены и уходящую вверх чашу стен, как глаза застилало кровавой мутью, в которой мелькали спины и хвосты салту.

Никто из седоков в тот день не мог удержать своего зверя, выхватывавшего кусок плоти в стремительном броске мимо добычи. Алестара снова замутило, стало холодно.

Он не помнил, что кричал и как бился в руках Дару и Кари, не пустивших его на арену – да и что бы он сделал? А потом был горячий красный туман беспамятства, ласковые руки и голос отца, какие-то зелья, шепот жрецов-целителей. Глупцы! Они лечили его тело, когда сердце рвалось на кусочки. И порвалось, наверное, иначе откуда эта пустота внутри?

Алестар глянул в окно. Конечно, почти все служители загона сейчас на арене, но кто-то ведь остался? Расспросить их – это не должно занимать столько времени! Так, а это что?..

Через широкий внутренний дворик, отделяющий загон дворцовых салту от жилой части, плыли двое. Незнакомая Алестару служанка держалась на один гребок позади... двуногой! И кто этой твари позволил поганить дворцовую воду своим присутствием?

Алестар выплыл из комнаты прямо через окно, рванул наперерез. Служанка, завидев его, остановилась, разумеется, и двуногая – тоже. Глянула хмуро, поклониться и не подумала. Наглая тварь...

– Что, решила навестить родичей? – поинтересовался Алестар, кивая на загон-клетку рядом, где плавал молодой салту.

Двуногая смотрела бесстрастно и даже словно скучающе, Алестару снова, как тогда, захотелось ударить ее, стереть это тупое омерзительное выражение. Пусть боится, ненавидит – да что угодно! Только бы чувствовала хоть что-то! И снова потемнело в глазах, а во рту появился кисловато-горький привкус.

– Исчезни, – едва сдерживаясь, бросил Алестар служанке, и та торопливо отплыла гребков на двадцать в сторону, замерев там у стены.

Двуногая прищурилась, разглядывая его с непонятным выражением, и Алестар насторожился.

– Я тебя спросил, – повторил он ласково, – так что изволь отвечать. Что ты здесь делаешь?

– Гуляю, – надменно разомкнула губы двуногая.

– Я тебе позволял?

– Ты – нет. Но твой отец – да.

Эта тварь зовет его на «ты»? Алестар ушам не поверил, захлебнувшись возмущением. И что она несет? Отец разрешил ей плавать по дворцу – зачем? Видят глубинные боги, место двуногой в комнате

с ложем, чтоб всегда была готова к услугам – и все! А она себя, похоже, чуть ли не гостьей возомнила!

– Ну-ну, – все так же ласково сказал Алестар. – Гуляешь, значит? Это хорошо. Набирайся сил, они тебе понадобятся. Будешь возвращаться, вели слугам тебя подготовить и ожидай в своей комнате.

– Боюсь, после вашего посещения, принц, – отозвалась двуногая, неожиданно снова обращаясь на «вы», – мне придется мыться куда тщательнее, чем до него.

Усмехнулась, глядя на Алестара равнодушно и слегка брезгливо, как на куст ширакки, повернулась, чтобы плыть дальше...

– Ах ты...

– Ваше высочество, позвольте? – послышалось позади.

Круто развернувшийся Алестар плеснул хвостом, не заботясь о манерах, прошипел так не вовремя явившемуся начальнику охраны:

– Слушаю внимательно, каи-на Иратель. Очень внимательно!

«И не дай глубинные боги, то, что ты расскажешь, не стоило моего времени», – осталось несказанным, но прозвучало для обоих совершенно ясно.

– Возможно, мне стоит попросить у вас время для разговора позже? – невозмутимо поинтересовался Иратель.

– Нет, – буркнул Алестар, бросая последний взгляд в спину уплывающей двуногой. – Я слушаю.

Что ж, не хватало еще ругаться с наложницей в присутствии слуг и охраны. Алестар глубоко вдохнул, выпустил воду, зло покосился на тенью следующего за ним Дару.

– Полагаю, уж с начальником дворцовой охраны я могу чувствовать себя в безопасности? – съязвил больше от бессилия. – Или его вы тоже подозреваете в умысле на мою особу?

– Хорошая охрана подозревает всех, – примирительно улыбнулся Иратель. – Не гневайтесь на них, принц, они лишь исполняют долг.

– Ладно...

Алестар потер ладонями пылающие щеки.

– Давайте, Иратель. Что вы узнали?

– Вы же понимаете, ваше высочество, – так же спокойно сказал Иратель, – за то время, которое вы мне отвели, я мог узнать очень мало. Большинство товарищей Галифа сегодня на гонках, во дворце осталось всего трое слугителей загона.

– То есть вы тоже ничего не знаете?

– Теперь – знаю.

Ираталь взглянул в глаза Алестару, плавно покачивая хвостом и почтительно скрестив руки на груди.

– Убитый чистильщик Галиф был нелюдимым, от предложения пропустить после гонок кувшин тинкалы обычно отказывался, жил в Старом городе, но к себе никого не водил и сам в гости не плавал. Родных у него не было, друзей – тем более.

– Ираталь, вы должны были узнать хоть что-то, – сказал Алестар, сам не ожидавший от себя столь просительного тона. – Это же след! Или вы тоже думаете, что его убили случайно?

– Случайно можно запутаться хвостом в зарослях, ваше высочество, а не всадить нож в сердце, – усмехнулся Ираталь. – Вы уже поговорили с советником Руалем, верно? Позвольте провести вас внутрь?

Алестар молча поплыл за широким плавником Ираталья, размышляя, что значила эта фраза про советника. Ираталь не ладит с ним? Или просто не верит, как и Алестар, что смерть чистильщика – случайность... Но почему раньше отмалчивался?

– Ну, так что? – не вытерпел он, едва оказавшись в комнате.

– Ваше высочество, – серьезно взглянул на него Ираталь. – Если завтра вы, или его величество, или советник Руаль – да кто угодно! – спросите меня, связана ли смерть Галифа с трагической гибелью каи-на Кассии, я скажу «нет».

– Я слушаю, – ответил Алестар бесстрастно, вспомнив, как в таких случаях держится отец, и увидел одобрение в глазах Ираталья.

– Чистильщик Галиф играл на гонках, – негромко сказал Ираталь. – Разумеется, в обход запрета для служителей. Ставил деньги через подставных лиц – и немалые. В последнее время проигрывал, ставил еще больше... Ваше высочество, вы же понимаете, никто не подтвердит это.

– Понимаю, – кивнул Алестар. – На арене даже я не принц. Продолжайте, Ираталь. Значит, ему были нужны деньги?

– Нужны были, верно. Но примерно месяц назад он расплатился с самыми срочными долгами и обещал заплатить остальным – через некоторое время.

– Взял часть платы за что-то вперед?

Алестар замер, как перед сигналом к началу гонок, даже подался вперед, к Ираталю.

– Одним он сказал, что ему вернули старый долг, другим – что выиграл. И никто не докажет, что это была неправда, понимаете?

– А убийца? – не выдержал Алестар. – Я уверен, что видел Галифа в тот день на арене. Видел, понимаете? А он якобы лежал больной, и это

подтвердил целитель из храма. И сегодня кто-то должен был видеть убийцу!

– У меня нет доступа в храм, ваше высочество, – с сожалением отозвался Иратель. – Служители Троиx вне моих полномочий... Во дворце же чужих не было.

– Я поговорю с верховным, – подумав, сказал Алестар. – Иратель, почему советник не хочет мне верить? Это же его дочь погибла!

Начальник стражи пожал плечами.

– Трудно сказать, ваше высочество. И не забывайте, он вполне может быть прав. Галифа могли убить за долги – просто и незамысловато, в назидание остальным. Руаль человек опытный, он знает, что иногда тень от скалы – это просто тень от скалы, необязательно за ней прячется дикий салту.

– Иратель, все это вы узнали только сегодня?

Алестар в упор глянул на начальника охраны, ответившего ему таким же прямым взглядом.

– Ваше высочество, – помолчав, сказал Иратель. – Моя должность велит знать многое и о многих. Но я никогда не считал, что Галиф виновен в покушении на вас и смерти каи-на Кассии, иначе не молчал бы, клянусь Сердцем моря.

– Отец возвращается завтра. Вы скажете ему то, что сказали мне?

– Я верный слуга вашего отца и ваш, мой принц, – склонил голову Иратель, тут же снова выпрямившись. – Я скажу то, что знаю наверняка. И повторяю просьбу, никогда и ни при каких условиях не расставаться с охраной.

– А как же тень от скалы?

– Что ж, – снова пожал плечами Иратель. – Иногда в ней и правда прячется дикий салту.

Глава 9

Чужая боль

Рыжий, видимо, послал кого-то вперед с приказом, потому что стоило уставшей Джаад доплыть до комнаты, как у двери к ней кинулась пара слуг, взбивая воду суевливыми движениями хвостов. Кариша, притихшая после встречи с принцем, да так и промолчавшая всю остальную дорогу, торопливо ускользнула, а Джаад подхватили под руки и почтительно поволокли в уже знакомую «ванну». Тошнотворная процедура повторилась: ее опять мыли, растирали, смазывали волосы и кожу скользкими разноцветными эликсирами...

Все, что проделывали торопливо мелькающие руки служанок, Джаад терпела, не говоря ни слова, изо всех сил стараясь если не успокоиться, то хотя бы загнать нарастающие страх и отвращение поглубже. И это только второй раз, а сколько их еще будет! Король говорил про осень, но, может, средство найдут раньше? Им ведь самим нужно как можно меньше испортить репутацию наследника связью с человеком...

Покорно поворачиваясь под умелыми прикосновениями, она стиснула зубы и на мгновение прикрыла глаза, тут же, впрочем, открыв их снова. Тело давила усталость, словно она не на ложе полдня провалилась, а мечом махала. Кстати, как у них тут считают время? Рыжий явился поздним утром, потом Джаад обедала с Санлией, а снаружи вроде был день, но все равно темновато – глубоко же. Значит, сейчас вечер. И вряд ли Алестар останется у нее на ночь. Или да?

Джаад вздохнула, поднимая руки, – на нее натянули тонкую яркосинюю тунику на ладонь выше колена. Точно такая, только светлая, была на Санлии. Значит, это вроде формы для наложниц. И цепочка с морским ключом из аквамарина, и ее собственная драгоценность, ключ от спальни Торвальда, на время спрятались под струящимися складками ткани. Джаад помотала головой, отказываясь от широких узорчатых браслетов, которые попытались застегнуть девушки-иреназе.

– Приказ принца, – виновато сказала служанка, снова осторожно лоя ее запястье. – Прошу вас, госпожа избранная!

– Вы будете самой прекрасной из всех, кто принимал его высочество на ложе, – пощebetала вторая, подступаясь с кисточкой и целым набором крошечных баночек.

Краситься? Для этой гадины? Джад передернуло. Воспользовавшись заминкой, первая иреназе ловко застегнула тяжелые золотые браслеты и отплыла подальше. Вторая умоляюще взглянула на Джад. Ну да, накрасить пленнице лицо – это не то что пару побрякушек нацепить, без согласия не очень-то сделаешь.

– Ладно уж, – буркнула она, сообразив, что со служанками упрямиться не стоит: они-то ни при чем, а невзлюбить строптивую чужачку могут запросто, после чего жизнь на морском дне сильно осложнится.

Кисточка запорхала по лицу Джад, вспомнившей умело наведенную красоту на лице Санлии. Но утонченной наложнице это шло так, словно она с этой краской и родилась, а Джад... Все равно что для меча сшить ножны из шелка: и смешно, и глупо.

Она послушно вытерпела все до конца, даже посмотрела на себя в зеркало, поднесенное служанкой.

– Госпожа так восхитительна, – восхищенно прошептала иреназе, покачиваясь перед ней на хвосте.

Из зеркала смотрела... не она. Не Джад! Это было даже забавно, как на дворцовом маскараде, какие устраивались при покойном отце Торвальда – большом любителе пышных развлечений, невзирая на тощую казну. Джад взглянула на незнакомку. Глаза, подведенные черным и золотым, стали больше и заблестели даже при неярком свете подводного мира, ресницы удлиннились, а смуглая кожа налилась изнутри янтарным светом, разгладилась и засияла. Даже губы были покрашены не кричаще ярко, как ожидала Джад, а лишь слегка выделены краской в тон естественному цвету, став четко очерченными и самую малость пухлее. В сердце невольно кольнуло сожаление: если бы Торвальд хоть раз увидел ее такой!

– Вы настоящая мастерица, уважаемая, – негромко сказала Джад, понимая, что ни в коем случае не стоит показывать такое принцу – заставит краситься каждый раз. – Я восхищена вашим искусством...

Иреназе захлопала ресницами и просияла, словно ее никогда в жизни не хвалили. А может, так и было? Редко кто замечает хорошую работу слуг, это за промахи им достается. Но телохранителей учат дружить со всеми в доме, потому что не знаешь, какая мелочь может погубить охраняемого или помочь его спасти.

Потом ее все-таки отвели назад, к опостылевшей комнате. Раскланявшись, служанки торопливо уплыли, и Джад осталась перед дверью – вроде бы и без присмотра, но никуда не денешься. Толкнула тяжелую плиту, проплыла под качнувшимся кругом.

Алестар уже был внутри. Развалился на постели, заложив руки под голову, и только хвост слегка подергивался из стороны в сторону – как у злящегося кота. Сравнение было таким неожиданным, что Джиад едва не забыла о том, что собиралась сделать с самого начала. Воспоминание о Торвальде было мгновенной слабостью, сейчас же она загнала все мягкое и теплое, что будили в ней мысли о любимом, поглубже, прикрывшись привычной броней холодного спокойствия, под которой бушевала еще более ледяная злость. Любите утонченных разряженных девочек, принц? Посмотрим, как вам понравится такая красотка!

Подплывая к постели, она задрала подол туники и с наслаждением, медленно, напоказ стерла всю нарисованную красоту, чувствуя, как жирные краски размазываются по лицу, и искренне надеясь, что превращается в совершеннейшее чучело – как и было задумано. Судя по расширившимся глазам принца – удалось.

– С ума сошла, тварь? – процедил Алестар, привставая на постели.

– А что не так? – насмешливо приподняла бровь Джиад. – Вы приказали – меня накрасили. Вот даже... Нацепили, как колокольчик на корову... – она подняла руки, показав браслеты. – Ах да, вряд ли ваше высочество знает, что такое корова. Ну, как на салту – так понятнее? Вы же на них цепляете сбрую?

Она с искренним сожалением посмотрела на полу туники. Краски стойкие, рассчитаны на жизнь под водой. А кому-то отстирывать. «Уронила» с руки заранее расстегнутый браслет, поймала и, позволяя себе выплеснуть злость хоть так, смяла массивное, но мягкое золотое кружево в ладони. Глянула в лицо рыжему, растягивая непослушные губы в улыбке, кинула на постель блестящий тяжелый ком. Прodelала то же с другим браслетом, не поморщившись, когда в ладонь впиалась застежка, вздохнула:

– Прошу прощения. Такие хрупкие безделушки... Сама не знаю, как получилось.

Глупость, конечно. Детство... Вот в детстве они в храме и хвалились друг перед другом, когда впервые после долгих тренировок удавалось согнуть – нет, еще не подкову, а только железный прут, выданный наставником. Согнуть-разогнуть, потом еще раз, и еще... Когда прут, много раз согнутый и разогнутый, попросту ломался – вот тогда и переходили к пруту потолще. Каждый в свое время... Мальчишкам было проще, у них пальцы от постоянных занятий быстро приобретали крепость кузнечных клещей, а пруты сменялись подковами, но и девочки старались изо всех сил, зная, что слабость – не для будущей жрицы и воина. И Джиад, даром что узковатая в кости, была не из последних:

крепость пальцев и запястий от ширины плеч зависит не всегда.

Алестар медленно потянулся, взвесил на ладони изуродованный браслет. Джад на миг показалось – сейчас швырнет ей в лицо. Она подняла на уровень глаз второй браслет, оставшийся в ладони, с усилием расправила полосу, вернув ей почти круглую форму. Безмятежно улыбнулась прямо в расширенные глаза принца.

– Развлекаешься? – с тихой злостью спросил рыжий, отшвыривая золотой ком. – Что ж, теперь моя очередь. Плыви сюда.

Джад опустилась на край постели, чувствуя, как саднят и поддрагивают пальцы – но оно того стоило. Глубоко вдохнула, удивляясь, что уже не замечает густоту воды, привычно вливающейся в легкие. В голову лезло что угодно, кроме мыслей о том, что произойдет прямо сейчас. Ладно, не убьет ее еще один раз под рыжей гадиной. А потом еще, и еще...

Принц хлопнул ладонью по краю ложа, словно собаку подзывал. Интересно, у них тут есть домашние зверюшки? Рыбки, крабики, человечки... Джад подвинулась еще на пару ладоней, преодолевая едва заметное сопротивление теплой воды, ластящейся к телу тонкими струйками. Проточная... А раньше вроде была стоячей. Важно? Потом будет видно, пока просто запомним.

– Вытри лицо, – бросил рыжий, презрительно прищурив глаза.

– Не нравлюсь? – пожала плечами Джад. – Могу сходить умыться. Думаю, где-нибудь поблизости найдется немного воды.

– Смешно, – без улыбки сказал принц. – Очень. Ты своего хозяина одними шутками развлекала?

Не дожидаясь ответа, сел на кровати, потянулся к Джад и грубо дернул у нее с плеча тонкую ткань.

Треск шелка неприятно отозвался в ушах. «Вот странно, – все так же отстраненно подумала она. – Звуки с амулетом слышны, а запахи – нет. Хотя звуки и так под водой слышатся, хоть и нечетко... Интересно, а сами иреназе запахи чувствуют? Надо будет спросить у Кариши. И если да, то намазаться чем-нибудь повонючее...»

Намотав оторванный кусок туники на руку, рыжий с силой пару раз провел по лицу Джад, утомленно прикрывшей глаза. Раздраженно сорвал и откинул грязную ткань, потом наклонился и прошептал:

– Что, двуногая, устала?

– Ага, – лениво подтвердила Джад. – Хочу горячего вина и спать. Можно бы еще плечи размять...

Она откровенно нарывалась, но, с другой стороны, что ей сделает

рыжий? Отымеет, конечно, как можно больнее и обиднее. Но если поддаться – будет только хуже.

– Насчет плеч не знаю, а все остальное я тебе разомну, – глумливо пообещал принц, приподнимая кончиками пальцев подбородок так и не открывшей глаза Джад. – Только чуть позже. Сначала поработаешь ротиком. Надеюсь, на земле это умеют?

Вот, значит, что он придумал. Джад сама удивилась, что даже не злится. Просто сил на злость нет. Сволочь... Гади́на хвостатая. Она открыла глаза, в упор посмотрев на ответившего таким же пристальным взглядом рыжего. Спросила, с утомленной безразличностью разомкнув губы:

– Любопытно, ваше высочество... А вам кто-нибудь добровольно отдается? Кроме наложниц. Им-то, понятное дело, деваться некуда.

– Отдается, – тем же тихим, словно плывущим голосом подтвердил рыжий, глядя Джад по щеке, а второй ладонью собирая в комок ворот злосчастной туники на ее шее. – И даже не сомневайся, двуногая. Любая девушка в городе посчитает за честь.

– Ну, это тоже понятно, – издевательски улыбнулась Джад в красивое наглое лицо, словно не замечая пальцев на своей коже. – Только вот боюсь, что хвостом они виляют не перед тобой, а перед короной твоего отца. Сам-то по себе ты вряд ли кому нужен.

Тяжелая оплеуха обожгла лицо, заставила голову мотнуться из стороны в сторону. Джад улыбнулась, облизывая губы и снова глядя в бешенные синие глаза.

– Любишь бить тех, кто не может ответить? – протянула как можно насмешливее. – А в детстве крабикам лапы отрывал?

– Не твое дело, мразь, – прошипел рыжий, пригибая ее за плечо вниз, а другой рукой сдергивая тунику: – Лучше используй свой болтливый рот по назначению.

– Только попробуй, – процедила Джад, напрягаясь всем телом. – У тебя, говорят, скоро свадьба? Трудно будет объяснить невесте, кто тебе фамильную гордость откусил по самое основание.

Вывернувшись – спасибо умащенной служанками коже – из-под ладони принца, Джад подняла голову, внимательнее взгляделась в суженные сапфиры зрачков. Похоже, рыжего всерьез повело. Паршиво получится, если искалечит или придумает что-то особенно отвратное, даже похуже того, что требует сейчас.

– Думаешь, напугала? – насмешливо спросил принц, подтверждая мысли Джад. – Не захочешь сейчас сама и по-хорошему, в следующий раз

будет по-плохому. Знаешь, когда мальков салту обучают, им надевают особую сбрую на челюсти, чтоб не могли сомкнуть рот, когда подпиливают зубы. Может, попробуем? Она как раз подходящего размера, насколько мне помнится...

Тяжелая ладонь нажала Джад между лопаток, заставив почти уткнуться в пах иреназе лицом. Сглотнув, она невольно дернулась вверх, снова почувствовав между лопаток тяжесть руки.

– Что ж ты не шутишь? – хрипло выдохнул сверху иреназе. – Давай... Только сначала приласкай хорошенько. И если я останусь доволен, ты сегодня будешь ночевать в своей постели, а не пойдешь спать в коридоре у моей двери...

– Чтоб ты сдох, – прошептала Джад.

Она уже почти готова была покориться, замерев от гадливости, но в этот момент зацепившийся за цепочку с амулетом шнурок перекрутился – и тяжелый ключик от спальни Торвальда закачался перед грудью Джад. И она поняла, что не сможет. Сама, по своей воле – да ни за что!

– Только попробуй, – хрипло повторила она. – Отхвачу сколько смогу – и плевать, что со мной потом сделают.

– Ну и бездна с тобой, – неожиданно выдохнул принц, убирая руку с затылка Джад. – На спину ложись...

Все-таки не выдержал. Испугался. Что ж, маленькая, но победа. Или просто хочется считать это победой, чтоб не сорваться от омерзения и не натворить того, о чем потом придется жалеть. Ах, если бы не защита твоего отца! Я бы с тобой, мразь хвостатая, иначе поговорила. Но сейчас... сейчас надо подчиниться. Жаль, что на спину – придется видеть лицо.

Неуклюже опустившись рядом, она повернулась, глянула в уже выученный наизусть орнамент потолка. Грубые пальцы развернули ее лицо за подбородок к нависающему сверху иреназе.

– Ноги раздвинь, – велел тот. – И неплохо бы попросить...

– Что б ты сдох! – яростно отозвалась Джад. – Очень прошу! Всех богов, какие есть!

Кажется, в самом конце она все-таки снова прокусила губу. Открыла рот, чтоб набрать ускользающей куда-то воды, попала зубами по губе, задохнулась... с трудом вдохнула, чувствуя, как горят легкие. Рыжий выставлял на ухо какую-то грязь, а Джад уплывала далеко на горячих черно-багровых волнах, думая, что нельзя теряться, пока все не закончилось. Нельзя, как бы ни хотелось...

– В следующий раз я все-таки возьму с собой сбрую для салту, –

хрипло пообещал принц, силой поворачивая ее голову к себе. – И научу тебя работать языком по-настоящему.

– Лучше к тому стручку, что в хвосте прячешь, сбрую пристрой, – упрямо прошептала Джад. – А то паршиво владеешь... Это наложницы тебя огорчить боятся...

Растянула онемевшие губы, слизывая с них кровь, поглядела на кружащийся потолок. Что-то было не так... Лицо иреназе то приближалось к самым глазам, то удалялось от Джад, покачиваясь. «Зрачки у него суженные, – поняла Джад, цепляясь за эту мысль. – Вот что не так. У людей в страсти зрачки расширенные. Но он не человек. И я не помню, какие они были раньше... Это тоже пока надо просто запомнить».

* * *

Поднявшись над ложем, Алестар посмотрел на распростертое тело. Бледное лицо в потеках не до конца смытой краски, распухшие губы, тень от ресниц на щеках... В голове было пусто, словно вместе с семенем вытекло все: чувства, мысли, желания. Осталась только тупая саднящая боль, вцепившаяся изнутри так крепко, что вытечь ни за что бы не смогла. Двуногая сама виновата – нечего было дразнить. Поплатилась за поганый длинный язык... Алестар вздохнул, вытираясь остатками сорванной с двуногой туники, разжал пальцы, позволив грязной ткани опуститься на ложе – к тускло блестящим комкам золота, так и оставшимся лежать в изножье.

Было мерзко и тоскливо. Да, он прав. Он не может быть неправ просто потому, что не может. Потому, что будь эта зараза с ядовитой колючкой вместо языка покорной и ласковой, Алестар бы с ней обошелся мягко – зачем обижать ту, кто сама покоряется?

Повернувшись, он поплыл из комнаты, вяло шевеля хвостом. Открыть тяжелую дверь оказалось нелегко, и тут же из памяти непрошено полезли их с Кассией шуточки, что эту громадину нужно непременно толкать вдвоем, потому они и ночуют вместе. Советника Руаля, помнится, аж передергивало...

В коридоре маячили близнецы. Надо же, отыскали. Он нарочно сказал, что будет у Санлии, а сам, выпив несколько глотков тинкалы, ускользнул через комнаты для слуг. Просто так! Надоело, что все время таскаются следом!

Не обращая внимания на тревожно дернувшегося к нему Кари, Алестар опустился на пол у стены коридора, свернул хвост кольцом, подвернув его внутрь. Обнял себя за плечи и замер, уткнувшись лбом в предплечья. Что ж так противно, а? Раскаленный хмель возбуждения отступал, тело ныло как-то неправильно и мерзко, а изнутри поднималось... Алестар судорожно вздохнул, понимая. Запечатленные чувствуют друг друга. То есть двуногая тварь, конечно, ничего не чувствует – не приспособлена. А вот ему сейчас достаются отголоски чужой боли. Ну и пусть! Все было правильно!

Он вспомнил захлестнувшую с головой ярость, требовавшую рвать, бить, вламываться... Хотелось порвать бьющееся под ним тело на клочки, вцепиться зубами в гладкую темную плоть, грызть и сосать теплую кровь... Это чувства двуногой? Ну, тогда она точно получила то, что причитается. Ничего, еще пару раз – и будет как молодой мох: нежной и мяконецкой.

Алестар поднял голову. Кари медленно шевелил хвостом в нескольких гребках слева, боясь и потревожить, и оказаться слишком далеко, если позовут. Дару просто плавал в конце коридора. Он, в отличие от брата, никогда не старался чем-то услужить, потому Алестар с особым удовольствием давал поручения именно ему. Но сейчас пререкаться с охранником было лень. И двигаться тоже. И вообще...

Внутри ворочалась глухая ненависть непонятно к кому, потом накатывало желание расплакаться, взвыть в полный голос, свернуться в комочек и лежать, лежать... А следом тут же возвращалась такая жажда чужой боли и смерти! Нет, это его, Алестара, двуногая хотела убить, значит, сейчас Алестар ненавидит самого себя?

Во рту пересохло, совсем как тогда, после разговора с отцом. Будто и не был он только что со своей запечатленной. Алестар пошевелился – тело словно превратилось в комок слепящей боли. Да и кракен с ней, с болью – на охоте сильнее доставалось. Но так хочется плакать. И стыдно, как никогда в жизни... Это уж точно чужое! Алестар встряхнул головой, понимая, что едва ли доплывет до своих комнат сам. И когда он вообще в последний раз спал у себя? Когда плавал в горячке после смерти Кассии. А потом ложился то у Санлии, умевшей немного отвлечь от горьких мыслей о собственной вине, то в этой комнате, пытаясь хоть мельком почувствовать ускользающую тень присутствия Кассии. Бездумно перебирал перед сном безделушки, что дарил ей, гладил покрывало... Словно Кас выплыла на минутку и вот-вот вернется. А теперь там двуногая – и даже это фальшивое утешение навсегда исчезло.

– Мой принц, – приблизился наконец Кари. – Позвольте вам помочь?

– Брату своему помощи, – огрызнулся Алестар. – А то он никак не решит, в какую сторону плыть: ко мне или от меня.

Рывком развернувшись, он проплыл несколько гребков, чувствуя, как с каждым движением становится легче. Дикий салту, рвущий его изнутри, растаял, оставив тупое болезненное бесчувствие, словно Алестара хорошо приложило о скалу при быстром повороте. Плакать хотелось по-прежнему, но уже не всерьез, а так... будто его, маленького, обидел кто-то, и он хотел заплакать, потом отвлекся и вот знает, что обида была, но кто и чем обидел – уже не помнит. К концу коридора прошло и это гаденькое ощущение. Алестар вздохнул полной грудью, зашевелил хвостом быстрее.

– Плыдем в город, – сообщил он подплывшим сзади охранникам. – Хочу поговорить с тем целителем, что приходил к Галифу...

– Не слишком ли поздно, ваше высочество? – бесстрастно поинтересовался Дару.

– Не ваше дело, – вспыхнул Алестар. – Вернее застанем его дома.

Кровь бурлила в жилах, и Алестар искренне недоумевал, как несколько минут назад ему могло быть плохо. Плакать? Что за глупость! Да у него хватит сил проплыть весь город, и плевать, что ворота дворца на ночь запираются. Уж ради него Иратель сделает исключение! Когда вернется отец, пусть знает, что Алестар занимался делом, ведь расследование покушения на самого себя – это точно дело. И первостепенной важности!

Он быстро поплыл по коридору, прикидывая, где найти Ирателя, чтобы не терять время на пререкания с внутренней стражей. Заодно и адрес целителя можно будет узнать... И вообще, как можно спать в такое раннее время?

– Ваше высочество, – нудил Дару, – вам бы следовало переодеться и привести в порядок прическу.

Кари благоразумно помалкивал, предоставляя брату высказываться за обоих. Алестар немного замедлил движения, только сейчас заметив, что набедренная повязка у него мятая и чем-то заляпана, волосы спутались и висят на спине мочалкой... И в таком виде он собирался ломиться к Ирателью, а потом плыть по городу? Алестар потер виски ладонями, разрываясь на части. Ему позарез необходимо было рвануть куда-то, что-то делать, расспрашивать, вытряхивать ответы! Но сейчас ночь. И что? Он же прав! С утра этот целитель обязательно отправится куда-нибудь. Но...

– Глубинные боги, – с отвращением простонал Алестар.

– Ваше высочество, – подал из-за спины голос Кари. – Почему бы вам не послать господину Ирателью записку? Пусть отправит стражника за целителем прямо с утра...

– Сегодня, – упрямо прервал его Алестар. – Пусть отправит сейчас и приведет его ко мне. А я...

Что он будет делать в ожидании целителя, Алестар не знал. Почему-то мысли путались, ускользая, как угри в илистом садке. Отправиться к Санлии? Или к кому-нибудь из младших наложниц... Он совсем их забросил, девочки скучают без внимания. Набрать с собой украшений, сладостей, и пусть наложницы расчешут его, разомнут спину, крутятся рядом, глядя хвост и перебирая волосы. Может, тогда Алестар уснет, отдохнув наконец от того, что спряталось внутри и ноет, ноет, ноет, как сорванная до мяса чешуйка. Что это с ним? И о чем он говорил только что? Ему нужен был целитель... Но зачем? Ведь Алестар здоров, совершенно здоров...

Он посмотрел в настороженные глаза Кари, потом сбоку появился Дару, решительно обхватил его за плечи, Алестар принялся отбиваться – поначалу молча, но затем возмутился, что эти двое себе позволяют! А потом... потом, кажется, было только горячо, темно, больно и невероятно тоскливо – до все-таки прорвавшихся рыданий.

Глава 10

Силки и цепи

Проснулся он почти в полдень, медленно и с трудом выплывая из тяжелого сна, цепкого, как силки травы руш, ловящие маленьких рыбок и крабов. Заплывет неосторожная рыбешка в куст, запутается, и останутся вскоре от глупышки тонкие голые косточки. А если трава разрослась давно и пышно, сил у нее хватит и на кого побольше. Подлая руш прикоснется к коже рыбыны или маару длинными плетями, выпустит яд, от которого тело замирает в сладкой истоме и даже боли нет, когда вслед за мягкими отростками в ход пойдут жесткие ветви с крючками-присосками на конце.

Алестар видел, как это бывает: несколько раз находил в зарослях руш крупных рыбин, слабо колышущих плавниками, и всякий раз содрогался от вида изъязвленной кожи, сочащейся влагой под присосками мерзкой травы. Сок руш растворяет тело жертвы, а та, млея от дурмана, даже не понимает, что ее жрут заживо. Потом он как-то раз попробовал жвачку травы руш, о которой сверстники говорили вполголоса и совершенно по-разному: кто-то с явной брезгливостью, кто-то завистливо и восхищенно. Было до жути любопытно, однако чуть ли не впервые в жизни Алестар не смог получить желаемого. Слуги бледнели и дрожали хвостами, уверяя, что никогда в жизни даже не слышали, где такое можно купить, и он сообразил, что скорее выдадут отцу или Ирталю, чем принесут опасную забаву. На арене тоже ничего не вышло: те, кто продавал дурманное лакомство молодым каи-на, травить запретным зельем самого наследника боялись.

Выручила его тогда Кассия: она Алестару отказывать не умела. Вот и в тот раз после долгих горячих уговоров купила и принесла маленькую серую пластину с резким, каким-то колючим вкусом, а потом охраняла Алестара, пока тот пробовал – и разочаровывался. Нет, разморило и в самом деле на славу, тело стало горячим и томным, мысли расплылись в разные стороны, и показалось, что он парит в горячей воде, ласкающей не только снаружи, но и изнутри... А потом пришла брезгливость. Хваленое удовольствие оказалось фальшивым и скучным, как якобы влюбленные взгляды очередной красотки, мимоходом уложенной на песок и возмнившей, что принц теперь заберет ее во дворец. Дрянь, в общем. Больше он Кассию о подобном не просил.

А вот сейчас – это было очень похоже на руш, только без удовольствия, с одним лишь послевкусием. Алестар лежал на постели, свернувшись так плотно, что даже хвост затек, и чувствовал, что не может пошевелиться. Тело болело и ныло, а на душе было гадостно и тоскливо и почему-то хотелось плакать. Озлившись, он рывком развернулся, насильно разминая мышцы, всплыл над ложем. Дернул рычаг вызова, не переставая шевелить веером хвостового плавника. Тело слушалось с трудом, движения казались замедленными и неточными. Алестар поморщился, понимая, что сам виноват: знал же, что разделит с двуногой ее боль. Запечатление, чтоб его...

В спальню вплыла молоденькая светловолосая служанка с кувшином тинкалы, склонилась в робком поклоне, колыхая короткими, до плеч, прядями прямых волос. Алестар отпил, смывая боль горячим пряным вкусом, пригляделся к незнакомому личику:

– Ты кто такая, малышка? Что-то я тебя раньше не видел.

– Прошу прощения у благородного принца, – пролепетала светленькая, поднимая на Алестара красивые, но испуганно-глупые глаза. – Я недавно во дворце...

– Ах, недавно... – протянул Алестар, присматриваясь уже внимательнее. – Ну-ка плыви сюда, золотце...

Торопливо взмахнув хвостом, девчонка подплыла ближе, вытаращилась восторженно. Алестар, забавляясь, похлопал по ложу ладонью, лениво погладил нежное гладкое плечико покорно опустившейся рядом девушки, спросил:

– Тинкалу ты варила?

– Да-а-а-а... – выдохнула светленькая, глядя ему в лицо и приоткрыв пухлые губы. – Ваше высочество недовольно?

– Мое высочество думает, что меда маловато, – усмехнулся Алестар. – Давай-ка подсластим.

Запустив руку в светло-золотистые волосы, он лениво пропустил пряди между пальцами, притянул девчонку ближе. Неторопливо поцеловал, прислушиваясь к себе: дрогнет ли хоть что-нибудь? Оторвавшись, взглянул в бирюзовую голубизну глаз, полных умиленного восхищения. Служанка разве что не облизывалась, подавшись навстречу и явно ожидая, что вот сейчас... Сейчас принц уложит ее на постель. А потом будут покои для наложниц, сытая спокойная жизнь, дорогие ткани и побрякушки. Пусть и недолго, до появления законной супруги, но...

Все это читалось на смазливом глупеньком личике так явно, что Алестара чуть не стошнило от чужой готовности отдаться, растечься

под ним медузой, старательно ублажать и радоваться, что снизошли...

– Нет, невкусно, – усмехнулся Алестар, отталкивая так и норовящее прильнуть к его груди тело. – Плыви, позови госпожу Санлию.

Разочарование, мелькнувшее на мордашке служанки, выглядело, пожалуй, забавно, но Алестар только сморщился, снова опускаясь на ложе и отхлебывая остывающую тинкалу. Меда, кстати, было достаточно, даже многовато – во рту остался неприятный приторный вкус. Надо передать на кухню, чтобы эта... как ее там? Алестар вспомнил, что так и не спросил имя служанки, хотя вроде собирался. А, какая разница? Еще одна смазливая мордашка, пристроенная во дворец в надежде, что девчонка попадетсЯ на глаза каи-на, ищущему наложницу. Или даже, чем глубинные боги не шутят, кому-то из гостей города... На здоровье, только тинкалу пусть больше не варит.

Санлия скользнула в комнату угрем, колыхая разноцветными шелками туники, улыбаясь с привычной мягкой радостью, и ей, в отличие от светленькой служанки, хотелось верить. Алестар даже сам улыбнулся, как ни тошно было на сердце. Протянул навстречу руки, обнял, зарылся лицом в темную волну длинных волос, прижимая наложницу к себе. Спросил негромко:

– Сан, отец вернулся?

– Нет, мой принц, – откликнулась Санлия, нежась в его объятиях, выгибаясь томно и умело, но не навязчиво, а как бы невзначай, просто от удовольствия. – И известий от его величества пока нет.

– Значит, скоро вернется. Иначе прислал бы гонца. Заплети мне волосы.

– С радостью, мой повелитель, – отозвалась Санлия, потираясь лицом о его плечо. – Одну косу? Или несколько?

– Как хочешь, – разрешил Алестар, с неохотой разнимая руки и поворачиваясь к наложнице спиной. – И расскажи что-нибудь.

Млея под ласковыми касаниями гребня и пальцев, он лежал, постепенно расслабляясь, и слушал журчащий голос Санлии, всегда знающей кучу того, что Алестару никто другой не рассказывал. На рынке подорожал перламутр: урожай раковин-жемчужниц, привозимых из Суаланы, в этом году полностью пропал из-за какой-то неизвестной болезни. Значит, и жемчуг подорожает...

В храме глубинных богов кто-то украл священный сосуд с алтаря, и старший жрец Герлас объявил, что проклинает святотатца и ему не дожить даже до осенних холодов. А верховный жрец Троих Тиаран сказал, что если ждать, пока исполнится проклятие глубинников,

то преступник успеет от старости помереть, каждый день распивая тинкалу из краденого сосуда. И теперь весь город ждет, кто же из жрецов прав...

На границе Карианда и Маравеи проснулся вулкан, и, пока король Карианда не усыпил его, извержение чуть не погубило острова Маравейского треугольника. Король же Маравеи слишком стар, чтобы управлять Сердцем моря, но не хочет назначить наследника из своих четырех сыновей... Каи-на Эрувейн выходит за кариандского купца, свадьба через три недели...

– Погоди, как за купца? – перебил Алестар, пошевеливаясь. – И родители ей позволили?

– Ну... – лукаво отозвалась Санлия, заплетая ему очередную тонкую косичку. – Они бы, может, и не позволили, но кариандец как-то уговорил Эрувейн и втихомолку уложил на песок, так что теперь ничего не поделаешь, хоть хвост узлом завяжи.

– Глупенькая, – хмыкнул Алестар. – Из дворца – в купеческий дом. А ведь могла выбрать из дюжины лучших женихов.

– Судьбу и улов не узнаешь заранее, – отозвалась Санлия любимой пословицей. – Может, у них все по любви сладилось.

– По любви, – криво ухмыльнулся Алестар. – Ну, может...

В сердце привычно кольнуло знакомой болью. Вот интересно, пройдет она когда-нибудь, или теперь всегда будет больно, стоит вспомнить свою потерю? Потому что отец может сколько угодно говорить, что Алестар еще будет счастлив с кем-то другим, что кариандская принцесса – его настоящая судьба... Все это ложь. Нет, отец хочет ему добра, конечно же, но запечатление... Это как дурман жвачки руш: сладко, но фальшиво, потому что навязано кем-то извне, а не выбрано самим Алестаром. Разве он хотел запечатлеться с двуногой? Вот и мучаются теперь оба. Надо бы, кстати, заглянуть к этому отродью. Вчера он... перестарался. Та была сама виновата, но чего и ждать от дурной твари?

Алестар невольно напрягся, вспоминая боль и тоску, накатившие после их соития. Да, это было... слишком. И не только потому, что после досталось и самому Алестару, просто он сорвался, а это недостойно принца. Сорвался, не смог управлять собой, потом и вовсе сдуру собрался в город на поиски целителя, лечившего Галифа, и хорошо, что братцы-охранники его остановили, хоть какая-то от них польза случилась.

– Санлия, – спросил он, поворачивая голову, чтобы наложница могла заняться другой половиной волос, – а ты тоже думаешь, что запечатления достаточно для любви и счастья?

– Не знаю, мой принц, – ясно и грустно сказала та. – Полагаю, когда-

нибудь вы сами сможете ответить на этот вопрос. И уж точно не меня стоит спрашивать.

Алестару стало стыдно: сам того не желая, он ткнул в болезненное место. Санлия ни единой чешуйкой не виновата в своей горе, но разве объяснишь это тем, кто ищет полноценную супругу, способную к запечатлению? Остальные наложницы, получив после свадьбы хозяина свободу, могут выйти за кого пожелают, и только Санлия... Умная, милая, восхитительная Санлия... Кто решится связать судьбу с калекой?

– Прости, – сказал он, помолчав немного. – Я не хотел обидеть.

– Вы и не обидели, повелитель мой, – привычно мягко и ровно прозвучал голос Санлии. – Служить вам – счастье, другого мне не нужно.

Пальцы ее так же бережно и ласково перебирали волосы Алестара, заплетая мелкие красивые косички, но расслабление, всегда приходящее в такие минуты, сегодня медлило. Алестар молча дождался, пока последнюю косичку украсит крупная бирюзовая бусина, повернулся, обнял наложницу. Притянув к себе, шепнул:

– Сан, я тебя никогда не брошу. Захочешь – останешься со мной, а нет – мы что-нибудь придумаем. Жрецы Трех ищут средство, чтобы разорвать мое запечатление, может, они и для тебя что-нибудь сотворят. Я сам попрошу верховного – наследнику он не откажет. А если не получится... Ты же красивая – глаз не отвести, и приданое я дам такое, что не у всякой каи-на бывает. Сан, хорошая моя, ты еще выбирать станешь...

Плечи под его ладонями дрогнули, Санлия резко и глубоко вдохнула, напряглась всем телом. Подняла лицо, взглянув беспомощно и жалко, словно Алестар ей не спасение обещал, а наказание, приоткрыла губы, будто хотела что-то сказать, но тут же улыбнулась старательно – только глаза остались печальными. Шепнула:

– Благодарю... повелитель мой.

И сразу опустила голову, коснувшись губами плеча Алестара, замерла в его объятиях, только тело так и осталось каменным.

– Все равно я тебя не оставлю, – упрямо сказал Алестар, глядя гибкую шелковистую спину. – А запечатление – да нет в нем ничего такого уж хорошего. Мне с тобой куда лучше, чем с этой...

Сердце опять тоскливо и как-то гадко потянуло, стоило вспомнить «эту». Упрямо сжатые губы, ненависть в безобразно черных глазах, ядовито-наглые слова... Почему двуногая никак не поймет, что надо покориться? Ей-то куда хуже, чем Алестару.

Санлия лежала в его объятиях, покорная, нежная, податливая, готовая

в любой момент раскрыться, как цветок анемона, потянуться навстречу руками, губами, всем телом. И с ней было легко и правильно, как и должно быть двоим на ложе. Вот сейчас стоит повернуться, наклониться вниз, поцеловать упругие, радостно отвечающие губы – и все будет, как раньше...

Алестар вздохнул, мягко отстраняя наложницу. Улыбнулся в вопросительно распахнутые глаза, легко и быстро поцеловал.

– Сан, мне в город надо. Я ведь вчера так и не поговорил с тем целителем.

Оттолкнувшись от ложа, он бросил, на ходу повязывая пояс:

– Если отец вернется или придет известие, отправь кого-нибудь, пусть меня найдут.

– Вы даже не позавтракаете, мой принц? – вскинулась Санлия. – Позвольте, я принесу что-нибудь...

– Некогда, – бросил Алестар, но сразу же заколебался.

Если целителя не окажется дома, кто знает, сколько его придется ждать или где искать. А поесть в городе... Акалантцы любят своего принца, любят настолько, что изъяви он только желание что-то отведать, в любой харчевне хозяин кинется накрывать роскошный стол на дюжину едоков, а на рынке примутся уговаривать попробовать то и это, и желать здоровья, и благодарить за честь, и денег никто не возьмет ни монетки, а будут кланяться и умолять снова осчастливить посещением... Нет уж. Это в детстве они с Кассией сбегали от воспитателей и возвращались с рынка, налопавшись всяких вкусов так, что потом и на еду смотреть не могли, да еще с собой притаскивали, оделяя слуг и товарищей по играм. А теперь даже думать не хочется, чтобы снова плыть по тем же рядам и галереям, отвечая на приветствия и вопросы, когда же Акаланте сможет поздравить его высочество со счастливым браком. Слава глубинным богам, что еще о двуногой в городе не знают...

– Потом, – сказал он хмуро, понимая, что только что испортил себе настроение, и так с утра далеко не жемчужное. – Вернусь – пообедаем вместе.

Подхватив кувшинчик с недопитой тинкалой, он в несколько глотков осушил его, поморщившись от приторной сладости и перебора специй. Ничего, зато до обеда не проголодается.

– Счастливого пути, мой принц, – тихо сказала Санлия, низко склоняя голову и оставаясь так, пока Алестар не выплыл из комнаты.

Дару и Кари привычно пристроились рядом, стоило Алестару оказаться в коридоре. Смотрели хмуро, особенно Дару, но рта

не открывали – и на том спасибо. И вообще, не им судить, как и что он делает и чем занимается. Охрана – вот и пусть охраняют, бездельники. Алестар поплыл к ближнему выходу из дворца, стремительно раздражаясь на неудачное утро. Сначала эта белобрысая дурочка со своей паршивой тинкалой, потом Санлия... Она, конечно, славная, но вечно прячет грусть, и Алестар ничем не может помочь, а чувствовать себя виноватым надоело. Еще целитель этот... Если и сегодня не удастся до него добраться, надо накрутить хвост Ираталю, чтобы раздобыл неуловимого жреца и приволок прямо во дворец. А может, попросить об этом верховного? Все равно к нему плыть. Надо же узнать, скоро ли он получит зелье, которое освободит от двуногого наказания.

Город встретил Алестара привычным оживлением площадей, торговых галерей и храмов. Ему улыбались, кланялись, радовались искренне или не очень, а в ответ мутью в чистой воде поднималась злость, заставляя сжимать лоур в сведенных пальцах. Неужели никто не видит, что ему не до чужой радости? Что все эти приветствия, вопросы о здоровье его величества и планах принца на супружество, пожелания счастья – что все это насквозь фальшиво и противно, глубинные боги, как противно!

Улыбаясь в ответ, он махал рукой, склонял голову, иногда отвечал, едва сдерживаясь, и то лишь потому, что отец всегда внушал: «Это твой народ, ты обязан знать их жизнь, думать вместе с ними, понимать их и отвечать на любовь благодарностью». Быть благодарным не хотелось – хоть узлом завяжись! Да что же они не отстанут никак! Надо было в объезд...

Близнецы, чуя его раздражение, плыли по бокам, будто защищая от ненужной и такой надоедливой любви подданных, их салту почти касались боками зверя Алестара, и это злило еще больше, так что, когда рыночные галереи кончились, Алестар вздохнул с облегчением. Они проплыли храмовую площадь, окруженную лавочками с лечебными зельями и амулетами, миновали огромный храм Троих и многоярусный сад, а за садом начался квартал, где жили целители и жрецы-послушники. Только вплыв в пространство между небольшими уютными домиками, Алестар понял, что не знает, как искать целителя, лечившего Галифа.

Он закусил губу, досадуя на собственную тупость: ну что стоило узнать имя у Ираталя заранее? Да что же за день такой! День, кстати, перевалил за вторую половину, свет падал слабее, и было ясно, что еще пара часов – и стемнеет окончательно.

– Кари, – позвал он, не оборачиваясь. – Вернись во дворец и узнай у каи-на Ираталя, как зовут того жреца – он знает какого.

Не услышав ответа, резко обернулся, уже почти желая, чтобы кто-то

из близнецов осмелился воспротивиться. Будет повод снова просить отца отменить эту никчемную и позорную охрану, словно кто-то может причинить ему вред в собственном городе. Да скорее народной любовью замучают!

Кари молча склонил голову, но Дару нахмурился, плавно помахивая хвостом, свешенным из седла.

– Ну? – ласково спросил Алестар. – Ты забыл, где дворец? Или боишься оставить нас? Не беспокойся, если из-под камня выползет краб и нападет на меня, твой братец и один с ним справится.

– Ваше высочество, – негромко проговорил Дару, выплывая вперед и разворачиваясь, чтобы глянуть в глаза: – У нас приказ повелителя Кариалла. Мы не должны оставлять вас одного и даже с одним из нас. Я прошу прощения, ваше высочество.

Непонятно он это говорил: ровно, но будто через силу, словно ему отчаянно не хотелось вообще разговаривать с Алестаром. Это было неправильно и странно, но Алестар уже не мог рассуждать спокойно. Злая горькая муть, весь день колыхавшаяся внутри, плескалась через край, и даже во рту было по-настоящему горько. Голова заболела, словно ее стянул обруч, в висках били горячие болезненные молоточки.

– Пока отца нет, – с трудом сдерживаясь, сказал Алестар, – вы подчиняетесь мне.

– Если это не противоречит приказам его величества, – бесстрастно отозвался Дару. – Прошу прощения...

Он даже голову склонил, изображая, будто в самом деле сожалеет. Лицемер проклятый! Все они лицемеры! На словах любовь и покорность, а как доходит до дела, приказ наследника значит меньше ломаной ракушки!

Несколько мгновений Алестар смотрел на обоих охранников, с отчаянным бессилием понимая, что настаивать бесполезно. Указание отца они не нарушат. И наказывать не за что – выполняют приказ! Вот же... салту безмозглые!

– Когда отец вернется, мы уточним ваши обязанности, – прошипел он. – И обещаю, вы об этом еще пожалеете.

Вскинув голову, Алестар круто развернул салту, плеснув своим хвостом так, что едва не смазал Кари по лицу. Тот бесстрастно уклонился, снова ничего не сказав. Трусливый болван, вечно за старшего брата прячется. Хотя кто их разберет, кто из них старший... Ладно, это обещание – насчет пожалеть – он сдержит с лихвой. Всего-то и надо влезть во что-нибудь такое, чтоб на нем хоть пара царапин осталась, а потом сказать отцу, что от близнецов никакого толка. И пусть склады

с ракушками охраняют!

Плывя назад, Алестар едва не плакал. Да, он сам виноват, что не узнал имя, но нельзя же так. Он ведь хочет, как лучше: найти убийцу Кассии, выяснить, что происходит... А ему все мешают!

В храм уже не хотелось и заплывать. Да, он обещал Санлии поговорить с верховным, но один день ничего не решает, а в таком состоянии ему не то что разговаривать – думать не хочется ни о чем, кроме как добраться до своих покоев и...

Дальше мысли о том, чего ему хочется, никак не шли. Алестар стремглав пролетел рынок, уже не отвечая никому и стиснув зубы, чтобы не рывкнуть грубость. Домой! К себе в покои! И позвать Санлию, пусть разомнет плечи, как только она умеет, спустится поцелуями по груди и животу, разнежит умелыми губами – может, тогда утихнет горячая боль, давящая голову и грудь, ломающая тело до кончика хвоста.

Проплывая под аркой внутреннего двора, он почти успокоился, предвкушая, что вот сейчас опустится в горячую воду и велит принести не тинкалы, а земного вина покрепче...

В первый миг показалось, что он снова вернулся на день назад. Все так же метались в клетках салту, все так же мелькнул у высокой решетки загона хвост шарахнувшейся служанки. Двуногая, плавающая почти у дна неуклюже и медленно, только выпрямилась сильнее, взглянув на Алестара с еще не различимым издалека выражением.

Горечь стала нестерпимой, Алестар даже вытолкнул вязкую противную слюну сквозь губы, жмурясь от бессильного бешенства. Тварь наглая! Говорили же ей не попадаться на глаза!

* * *

Если уж день не задался – так не задался. Хотя с недавних пор вообще не было хороших дней, да и не предвиделось. Но это уж слишком! Гоняется за ней рыжая паскуда, что ли?

Джиад стиснула зубы, изо всех сил напоминая себе, что нельзя просто взять что-нибудь острое и тяжелое и... Нельзя! Король иреназе может сколько угодно извиняться за своего выродка, но есть вещи, которые не прощают. Только вот мстить тоже не выйдет. И лучше не думать, что рыжий может прямо сейчас отправить ее обратно в опостылевшую комнату, о которой теперь не подумаешь иначе как о камере пыток. Велеть вымыться, накраситься, а потом все повторится снова и снова...

Тело отозвалось острой болью, о которой она пыталась забыть все утро. Вчера вечером, когда рыжий уплыл, Джаид, отлежавшись, пришла в себя. Неуклюже согнувшись и грязно ругаясь сквозь зубы, стерла остатками туники слизь с внутренней стороны ног. Горело и щипало внутри так, что было ясно – до ссадин растер, тварюга. Мразь избалованная... Тенью скользнула в комнату Кариша, охнула, тут же зажав рот рукой, и порывалась плыть за целителем, но Джаид рывкнула на девчонку, запретив.

Даже думать было невыносимо, что кто-то станет осматривать ее синяки и ссадины, лезть в укромные местечки тела, смотреть то ли с жалостью, то ли с брезгливостью, то ли спокойно-непроницаемо, как умеют хорошие целители. Нет уж, она сама справится.

Кариша, метавшаяся, как целая стая заполошных рыбок, все-таки принесла мягкую ткань и даже раздобыла флакон с драгоценным маслом армариин. Соленая вода жгла и разъедала ссадины, лицо явно опухло – пальцами Джаид нащупала подушки на месте губ. Скрутив жгут из тонкого хлопка, она намочила его, как смогла, в масле, мешающемся с водой и, выставив Каришу, сунула промасленную ткань поглубже внутрь, где словно ножом резало.

Поерзала на кровати, пытаясь устроиться удобнее, легла на спину, бездумно глядя в потолок. Вернувшаяся Кариша суежилась рядом, предлагая тинкалу, какие-то лакомства, растереть спину, причесать волосы... Обижать девчонку не хотелось, но и видеть кого-то было не вмоготу, потому Джаид сделала вид, что заснула. А потом – заснула и вправду, словно что-то внутри сломалось. Нет, выгорело. В первый раз было хуже. А сейчас не то чтобы привычно, просто вся боль досталась телу, а душа онемела и оглохла, как ушибленная.

Ночью она то проваливалась в горячие вязкие сны, полные боли и ужаса, то просыпалась, пытаясь понять, где она и что случилось. Открывала глаза, поднимала руку, удивляясь сопротивлению воздуха, – и понимала, что это вода. Пару раз очнулась от страха, что вот-вот задохнется, но амулет работал исправно, легкие после первых мгновений ужаса гнали воду вместо воздуха, сердце стучало заполошно, а тело болело – и Джаид понимала, что еще жива, а погребение заживо под толщей то ли земли, то ли воды ей просто приснилось.

Потом пришло утро, и незнакомая служанка, не Кариша, возникла в спальне с неизменной тинкалой и полным подносом тарелок. Джаид вяло пожевала того, другого, третьего, к опостылевшей тинкале не прикоснулась, и иреназе уплыла с таким же непроницаемым лицом.

Поход во владения ширакки обернулся новой болью и кровавой мутью в воде, так что Джиад всерьез задумалась, не согласиться ли на целителя. Нельзя же так.

И все-таки она промолчала. Пару часов после неудавшегося завтрака провалялась на постели, ритмично дыша, разминая сведенные болью и напряжением мышцы, потягиваясь и снова расслабляясь. Выпила принесенную вместо тинкалы воду в кувшинчике и съела что-то из оставленного на тарелках, совершенно не чувствуя вкуса, будто сенной трухи пожевала.

Рыжий не появлялся, слуги тоже, и Джиад снова подремала, проснувшись, когда дверь повернулась и в комнату, потупив взгляд, вплыла Кариша. Молча убрала тарелки и, подплыв, робко заглянула в глаза Джиад, трепеща серебристым веером хвоста. Что ж, нельзя же ненавидеть всех иреназе лишь потому, что среди них нашелся один ублюдок?

Вздохнув, Джиад попросила размять себе спину все с тем же маслом армarii, Кариша просияла и действительно размяла, неумело, но очень старательно. Потом осведомилась, что еще желает госпожа избранная. И Джиад – темные боги нашептали, не иначе! – пожелала прогуляться. Ну не было у нее сил смотреть на проклятый потолок и стены, лежать на том самом ложе и вспоминать, вспоминать...

Рыжий приближался, соскользнув с рыбозверя и взбивая воду веером хвоста, как опытная хозяйка венчиком взбивает яйца. Кажется, за ним даже пена поднималась. Неизменная охрана, тоже спешившись, как приклеенная, держалась по бокам, и уже по их настороженно-спокойным лицам можно было сказать, что принц не в духе и чудит.

Джиад спустилась ниже, не зная, жалеть или радоваться, что рыжий застал ее не одну. Заступить за наложницу вряд ли кто посмеет, но, может, при чужих принц не захочет терять лицо? Или ему все равно?

Кариша испуганной рыбкой прянула в сторону, Джиад, зависнув в нескольких локтях над песчаным дном, по привычке выпрямилась и глубоко вздохнула. Посмотрела в искаженное бешенством лицо рыжего, которому пришлось тоже спуститься, чтобы оказаться на одном уровне с ней.

– Я тебе что говорил? – прошипел принц, глядя в упор нездорово блестящими ярко-синими глазами. – Быть в комнате! Или тебя в клетку посадить, тупое животное?

Что-то с ним творилось не то, бесстрастно поняла Джиад. У скалы, где они встретились впервые, рыжий был зол, но вполне собой управлял, а сейчас будто взбесился. Из-за чего? Ну, вышла его игрушка погулять,

так не сбежать ведь пытаются...

Замерев, как перед диким зверем, Джаад глубоко и ровно дышала, стараясь не сорваться, не ответить яростью на ярость. Но Алестар не унимался.

– Ну? Что молчишь? Язык проглотила? Жаль, он бы тебе еще пригодился. Или явилась все-таки сбрую подходящую присмотреть?

Джаад стиснула зубы, понимая, что рыжий как раз и добивается, чтобы она сорвалась. Зачем? Зачем ему злость наложницы, которую он ненавидит и презирает?

Не дождавшись ответа, Алестар взмахнул хвостом, подплывая еще ближе, оказался прямо перед Джаад шагах в трех, если можно расстояние в воде мерить шагами, и немного выше. Ему, наверное, казалось, что он в выигрышной позиции, а Джаад не могла не видеть такую уязвимую грудь, незащитный живот, полоску тонкой кожи там, где она переходила в чешую... Даже ножа не надо! Сложить пальцы острием копья, чуть выгнув ладонь, взмахнуть коротко и резко, вонзая в ненавистное тело...

Что-то, похоже, все-таки отразилось на ее лице, а может, у хвостатых охранников было хорошее чутье, потому что левый из них встрепнулся, выдвигаясь вперед, тронул принца за плечо. Алестар, не глядя, сбросил его руку и продолжил, выплевывая слова, словно они были чем-то мерзким на вкус:

– Я. Велел. Тебе. Сидеть. В комнате. Хочешь погулять – попроси меня. Погуляешь. На цепочке и в ошейнике.

Левый охранник – Дару, кажется – снова двинулся вперед, подбираясь, сверля Джаад напряженным взглядом – чуял неладное. Правый озирался по сторонам, словно ища кого-то. Алестар, откинув назад голову, словно под тяжестью голубых бусин на концах дюжины рыжих косичек, смотрел в упор, и Джаад видела, как бьется на виске жила, как дрожат губы, как сузились зрачки...

Вот! Снова... Но сейчас рыжий просто зол... И остановит его кто-нибудь, в конце концов? Слева и справа за толстыми прутьями загона метались салту, будто почуя в воде еще не пролившуюся кровь...

– Ну! Что молчишь? – заорал Алестар, срываясь на позорный визг. – Что ты молчишь?!

– Вам не угодить, ваше высочество, – бесцветно сказала Джаад, с трудом шевеля распухшими губами. – Молчу – не нравится, говорю – тоже злитесь...

– Угодишь, – хрипло пообещал принц. – Не сомневайся. Ну-ка быстро развернулась и подставилась...

– А больше ничего не придумали? – в невеселой улыбке растянула побаливающие губы Джиад, с тоской понимая, что разойтись миром не получится.

Что ей, бежать, что ли? И эти... охраннички... чего ждут? Впрочем, их понять можно, что им за дело до принцевых развлечений, лишь бы жив и невредим оставался. Мразь...

– Ты не поняла? – с каким-то даже удивлением поинтересовался Алестар, и Джиад увидела, как ясные синие сапфиры его зрачков окончательно заволакивает бешеная муть. – Я тебе что велел?

– Да хоть крылья мне велите отрастить, ваше высочество, – усмехнулась Джиад. – Все толку больше будет.

Играть в воде на равных? С бешеным хвостатым и парой опытных охранников? На суше она бы все равно попробовала... И тут же обожгло накрепко запечатленное в памяти: ни один волосок, ничем не повредить!

Джиад все-таки попыталась отплыть назад, но спиной это сделать не вышло, а Алестар смотрел так, что вот еще пару мгновений – и кинется.

– Ляжешь, – сказал он хрипловатым плывущим голосом. – Ляжешь под меня. Прямо здесь. Двуногая скотина... Чтобы знала свое место...

И двинулся вперед, плавно, медленно скользя в темно-зеленой воде. А может, это лишь показалось, что вода темная, потому что сумерки уже стремительно заливали море – где-то там наверху солнце садилось за край окоема, и здесь его лучи иссякали.

– Мое место? – четко и ровно поинтересовалась Джиад. – Ошейник и цепь? Обознались, ваше высочество. Подданных своих на цепочке водите. А еще лучше, начинайте к салту пристраиваться – раз уж вам так нравится со скотиной.

Серебряный треугольник хвостов и тел качнулся, мерцая чешуей. Алестар – впереди, двое по бокам в бесполезной попытке помешать. И Джиад бы успела, все равно успела, будь это на суше. И уж точно она бы успела, не будь связана страхом за тех, кто расплатится вместо нее.

Тонкий длинный прут упруго взметнулся, прорезая плоть воды. Алестар ударил наискосок, с оттягом, но без размаха – какой размах в воде? Словно лучик света мелькнул, но это просто сверкнуло острие прута. Оказывается, эти штуки для салту – металлические, успела подумать Джиад, покачнувшись от боли, перехватившей дыхание. Левое плечо обожгло, будто прут был раскаленным, Джиад стиснула зубы, качнулась вбок и вниз, уходя от следующего удара, и выиграла пару мгновений – охранник слева рванул Алестара на себя, но тут же отлетел от удара его хвоста. Время плеснуло – и замерло, как волна в высшей точке взлета.

Джиад пыталась вдохнуть. Получалось плохо, кончик прута пришелся по болевой точке. Нарочно так не попадешь. Подняв руку, она стиснула в пальцах обрывок разрезанного ударом шнурка – ключа от спальни Торвальда не было. Ее талисман! Джиад огляделась, задыхаясь от боли и странного отчаяния, но дно было пустым. Алестар двинул локтем в подвздошье одному из охранников, легко уклонился от второго, двигаясь стремительно и зло. И был он так неправильно быстр, что Джиад снова подумала, распрямляясь: неладно дело с наследником хвостатых.

Подтверждая ее мысль, принц дернулся назад, сбрасывая повисшего на плечах охранника, поднял перед собой так и оставшийся в руках прут и одним движением сломал, прорывав что-то.

В рот, вместо воздуха, лезла горько-соленая вода, Джиад склонилась, откашливаясь, хлебнула моря, и уже непонятно было, отчего так солоно во рту: то ли вода, то ли губу прокусила. Рыжего оттаскивали оба охранника, там мелькала круговерть серебряной чешуи, вееров хвостов, рук, спин и голов. Стража явно боялась повредить бешено бьющемуся принцу, а вот того не сдерживало ничто. И было ясно, что драться рыжего учили неплохо, только у него, как это бывает с теми, кто знает бой памятью головы, а не тела, в горячке из этой головы все и вылетело.

Джиад выпрямилась, чувствуя, как плечо наливается болью уже всерьез, не первым резким онемением, а по-настоящему, обещая не оставить долго. Глянула – от основания шеи и вниз к соску шла алая полоса рассеченной кожи, вокруг расплывалась кровавая муть.

Что-то кричал Алестар, утаскиваемый охраной, а в клетках все сильнее бесновались салту, и Джиад с непонятной отстраненностью подумала: жаль, что все вышло так. Потому что наследник иреназе очнется, и они снова встретятся в круглой комнате без окон, зато с красивой мозаикой на потолке, которую Джиад рассматривать еще долго. И теперь уж принц будет куражиться по-настоящему, так, что прежние его забавы лаской покажутся. Сбруя для салту? Разложит прямо на скотном дворе, или что у них тут? И чем больше терпишь, тем сложнее будет решиться на то, что следовало сделать с самого начала. Ведь если она не может драться, связанная страхом за близких, что мешает просто уйти? Цепями можно удержать тело, но не душу, да и то не всегда. Лишь до тех пор, пока сама позволяешь цепям держать.

Джиад спустилась еще ниже к светлому песчаному дну, укравшему ее ключ-талисман, нагнулась, сжав зубы от боли в плече, подобрала тускло блестящую полоску металла длиной в полторы ладони – острие палки для салту. Повертела в руках, равнодушно удивляясь силе рыжего – сломал

ведь. А будь металл гибким, сумел бы согнуться в руках, дожидаясь момента, когда можно распрямиться – и хлестнуть в обратную.

Джиад усмехнулась, старательно растянув почти переставшие болеть губы: более сильная боль в плече поглотила мелкую. Хватит себя утешать. То, что согнулось, может уже не выпрямиться никогда. Это не бой, где побеждает поддавшийся силе противника и использующий ее, как свою.

Она повертела прут в руках, примеряясь. Да, жаль. Хотелось домой, на землю, под яркое живое солнце... Ну что ж, не вышло. Бывает. Кто-то умирает в темнице или под горным обвалом, да и тонут предостаточно – им не легче. Зато это ты можешь выбрать сама. Не бесконечно долгое унижение перед мразью, решившей тебя растоптать, а всего лишь быструю боль. Что здесь выбирать-то?

Она еще успела увидеть Каришу, метнувшуюся из закоулка между клетками. Девчонка в испуге раззявила рот, выкрикивая что-то, но Джиад не слышала. Толща воды вокруг стала плотной и тяжелой, замедляющей движения и мысли. Соль во рту, боль, темнота перед глазами – где-то наверху, неизмеримо и уже недоступно далеко солнце село за край моря... Что тянуть?

Джиад приставила острый край железки к нижнему краю ребер, целясь вверх, через подреберье. Девяносто девятая сутра храма гласит: решившись умереть, не медли. А сотой сутры – нет для воина, что хочет сохранить честь и в слабости.

Вихрем налетела Кариша, не успевая на долю мгновения, вцепилась в руки, и кто-то спешил, баламутя воду, и кто-то кричал неподалеку в острой звериной тоске, но Джиад уже торопливо и резко двинула рукой, чтобы боль и страх не успели остановить. Нечаянный нож вошел наискосок и вверх, что-то хрустнуло, стало горячо и совсем не больно. Только темно.

Глава 11

Скованные одной цепью

– Как ты посмел?

Алестар поежился: голос отца был обманчиво ровен, зато в глазах на осунувшемся и посеревшем лице бушевал лютый шторм. Показалось, что в кабинете стало темнее, а вода в саду за окном подернулась мутью. Но это, конечно, просто голова болела после долгого забытья под зельями. И не иначе как от той же головной боли в глазах все плыло, и мерещилось, что принцесса Ираэль смотрит с фрески с печальным укором.

– Я отлучился на четыре восхода. Оставил приказ не трогать эту девушку. Как ты смел не просто послушаться, а сотворить с ней такое?

– Отец... – набрал воды Алестар и осекся: под ребра резко кольнуло, отдалось по всей груди, плеснуло в живот.

– Молчать! – рывкнул... уже не его отец, а король Акаланте – тяжелая тугая волна его гнева, ощутимая каждой чешуйкой, впервые в жизни накрыла не кого-то рядом, а самого Алестара. – Я видел ее. Она избита и замучена; целители говорят, что соитие оставило следы, которые будут заживать не одно десятидневье. Соитие! И это не говоря о лице и теле! Ты едва не убил ее лоуром!

– Я остановился! Отец, я сломал проклятый прут, чтобы...

– Не ударить еще, – тяжело закончил король. – О да, достойный поступок. Что ж, ей хватило и одного раза – шрам останется на всю жизнь. Мне стыдно, что ты мой сын.

– Я не хотел, – прошептал Алестар, уставившись в стену с фреской и пытаясь собрать путающиеся мысли. – Отец, я правда не понимаю, что на меня нашло. Она постоянно дерзила, издевалась... Но я не хотел такого...

– Дерзила? Ах, так она дерзила тебе! И ты решил, что вправе наказывать и умирять? И кого же? Свою избранную! Или ты забыл, почему она оказалась здесь? Безмозглая медуза! Думаешь, ей было в радость покинуть свой мир из-за твоей прихоти?

– Ну, так не покидала бы, – беспомощно огрызнулся Алестар. – Кто ее...

Голова мотнулась вбок, в ушах зазвенело. Алестар оглушенно потряс головой, неверяще глядя на отца. Пощечина! Ему!

– Кто ее заставлял? – пророкотал отец. – Ты это хотел сказать? Ты! И я, да простит меня Море. У тебя даже не хватило ума сначала узнать, как она здесь оказалась, верно? Глубинные боги, кого я вырастил! Трусливое ничтожество, способное ударить беззащитного. Женщину! Способное издеваться изо дня в день, оскорблять и мучить ту, кого сам же к себе приковал.

Вторую пощечину Алестар успел увидеть – но не уклониться. Рот наполнился соленым, но не привычным вкусом воды, а густым, скользким.

– Не смей уклоняться! Научился бить – умей и принимать удары. Дай тебе боги хоть часть отваги и великодушия этой девушки.

– Отец...

– Не будь твоя мать моей истинной любовью, я бы усомнился, мой ли ты сын, – тяжело отрубил король, отплывая на пару взмахов хвоста дальше. – А ты... ты позоришь ее память. Насильник, мучитель... Таким ли я хотел видеть своего сына и наследника?

Прервавшись на мгновение, он судорожно вдохнул, не сводя взгляда с ловящего воду ртом Алестара, и продолжил:

– Она тебе дерзила? А что еще она могла делать? Это ты рос во дворце, оберегаемый, как величайшее сокровище. А она воин! Не усыпанная жемчугом и золотом каи-на, что рискует разве что хвост оцарапать ракушкой, когда валяется на песке с кем попало. Настоящий воин! Ты хоть знаешь, что перед тем, как прыгнуть за перстнем своего короля, она убила пятерых его врагов! Пятерых! В неравном бою! А после этого не задумалась броситься в море, исполняя волю господина. И как ее встретило море?

Щеки, словно обожженные полдневными лучами светила, загорелись еще сильнее, Алестар даже ладони к ним приложил, слушая и не в силах вымолвить ни слова.

– Как ты мог? – уже тихо и невыразимо горько повторил отец, опуская плечи. – Я говорил с ней тогда, в первый день. Я просил извинения за то, что случилось у святой скалы. Извинения, ты слышишь, Алестар? Она отказалась от всего, что я предложил выкупом за обиду. Мне пришлось унизиться до угроз ее близким! И даже после этого она вела себя достойнее моего сына. Эта девушка тебе дерзила? За десятую часть того, что говорил и делал ты, следует убивать. И не смей оправдываться болью потери. Я только и слышу, что будь жива Кассия, все было бы иначе. Да, тебе больно! Но ты хотя бы знаешь, что Кассия до последнего мгновения жизни любила тебя и была верна. А Джиад... Ее король и возлюбленный,

за которого она рисковала жизнью, продал ее, как связку рыбы! Продал и предал, понимаешь ты это? Отдал мне обманом, подлейшим лицемерием. Каково бы тебе было на ее месте?

– Отец... – с ужасом выдохнул Алестар, – но я... не знал...

– А ты дал себе труд узнать? Ты спросил ее о чем-то? Попросил прощения, быть может? Представь попробуй, что это твою Кассию взяли силой и обманом, разложили на песке в боли и бесчестии. Понравилось бы? А потом представь, что ее продали тому же самому насильнику. Ты бы хотел, чтоб она молчала и покорялась? Слова бы не промолвила, пока ее снова насилуют и оскорбляют?

– Хватит, – едва слышно сказал Алестар, уставившись в пол. – Хватит, прошу... Я... понимаю, правда. Но я в самом деле не хотел так... Я не знаю почему...

– Не знаешь? Ну, так я тебе скажу. Только сначала ответь: давно ты пьешь гарнату?

Алестар поднял голову – в голосе отца послышалась усталая брезгливость.

– Гарнату? – переспросил он, не веря ушам. – Но я никогда! Отец, я не безумец!

– Не безумец? Сомневаюсь. И уж точно лжец. Посмотри сюда.

Кивок на стол заставил Алестара подплыть ближе, взглянув на маленькую стеклянную шкатулку с плотно притертой крышкой, под которой виднелось несколько ярко-зеленых пилюль.

– И что? – недоуменно спросил он, поворачиваясь к отцу.

– Что? Это нашли в твоей постели. Глубинные боги, у тебя даже не хватает смелости признаться.

К брезгливости примешалось совершенно явное отвращение, и смотрел отец... Он никогда так не смотрел! В страшном сне бы Алестару не приснилось, что его отец... Стеклянная шкатулка переливалась резьбой на боковинах, прозрачная крышка, зеленые продолговатые комочки...

– Да я понятия не имею, откуда это! – отчаянно взвыл Алестар. – Отец, клянусь тебе! Памятью матери клянусь!

– Не смей. Поганить. Ее память, – тихо и ровно сказал король, в упор глядя на Алестара. – Не смей, слышишь? Ты не знаешь, почему вел себя так? В дурмане гарнаты еще и не такое можно сотворить. Я слишком долго был слеп, но теперь... Пока ты был в беспамятстве, целители исследовали твою кровь. Она пропитана гарнатой, и этого не бывает за один случайный раз. Весь дворец видел, как два дня назад охрана несла тебя в покои, одуревшего от этой дряни. Ты кричал и бился, а наутро снова...

Он отвернулся к окну, опустил голову и содрогающиеся плечи, закрыл лицо предплечьем, и Алестар, замерев в полной растерянности, услышал мучительные всхлипы.

– Отец, – прошептал он, надеясь на что-то, на какое-то чудо, которое случится и все расставит по должным местам. – Отец, я не пил гарнату. Клянусь... Я не знаю, как это могло быть. Целители ошибаются, или... Отец, я памятью Кассии клянусь...

– Молчи, – безжизненно донеслось от окна. – Неужели у тебя ничего святого не осталось? Я думал, уж ее-то память ты не осквернишь ложью. Я... сам виноват. Слишком сильно любил тебя, слишком многое позволял. Как теперь это исправить? Будь мне отпущено больше времени...

Он смолк. Откуда-то изнутри Алестара поднималась раскаленная горькая боль, от которой хотелось кричать и биться, вызывая неизвестно к кому. Почему? Почему отец ему не верит?! Да, он был жесток с этой двуногой, как ее там... Но откуда гарната? Откуда эта дурь, к которой он ни за что бы по своей воле не притронулся? Это ведь даже не жвачка руш! За гарнату подвергают изгнанию!

Отец так и качался в воде, отвернувшись от него, пряча лицо, и это было хуже любой боли, хуже смерти. Как доказать, что это неправда? Он думает, что Алестар пил эту дрянь, весь дворец думает, а значит, и город...

– Отец... – Алестар закашлялся, продолжил хрипло, с натугой выговаривая встающие комом в горле слова: – Прошу. Молю тебя... Поверь хоть на миг. Я не пил. Может, мне подлили...

И тут же смолк, понимая, как жалко и глупо это звучит. Подлили? Кто? Зачем? Да еще не раз?

– Отныне все изменится, – так же глухо и бесстрастно сказал отец. – Сейчас мы поплывем к этой девушке. Благодарю Троию, что она жива, потому что это истинное чудо. Ты будешь рядом с ней, пока она не поправится. Будешь служить ей, заботиться и ухаживать, как положено между запечатленными. Если я услышу намек жалобы... Впрочем, она не пожалуется: слишком горда. Но если в тебе осталась хоть капля чести, ты сам постарайся искупить вину. В тебе осталась эта капля, Алестар?

– Она не примет, – тихо отозвался Алестар, до боли сжимая пальцы в кулаки. – Отец, даже если я сделаю это... Она не примет.

– Так постарайся, чтобы приняла. Другого выхода у тебя нет. Запечатление связало вас так тесно, что ее боль станет и твоей. Если она будет ненавидеть – ты отравишься ее ненавистью сильнее, чем гарнатой.

Ты хоть это понимаешь?

Отец убрал предплечье, на которое опирался лбом, повернулся к Алестару. Сейчас он выглядел еще более больным и уставшим, чем пару часов назад, когда Алестар, очнувшись, увидел отца рядом со своим ложем. Усмирение вулкана отнимает много сил, но не настолько же. Отец словно состарился на пару десятилетий разом: в углах рта пролегли глубокие морщины, они же исчертили лоб, а веки покраснели и распухли. Не говоря ни слова на удивленные вопросы, он выплыл из комнаты, едва удостоверившись, что Алестар пришел в себя, и уже целители, отпаивая снадобьями, сухо и коротко рассказали, что избранная его высочества пыталась покончить с собой, а его высочеству досталось запечатлением.

Алестар вспомнил дикую боль пополам с тоской и тот обломок лоура. Глубинные боги, он же действительно сломал его в последних проблесках рассудка, потому что понял – забьет до смерти. Но он не хотел! Да, хотел покорить, заставить подчиняться, просто – хотел! Но ударить, как злобного салту? Но говорить все, от чего сейчас – только вспомнить – самому стыдно? Насиловать до увечий?

Алестара передернуло от омерзения. Нет, отец может сколько угодно думать, что... Они с двуногой не помирятся. Такое не прощают, да не больно и хочется. Лишь бы дотерпеть друг друга, пока лекари и жрецы придумают, как их разлучить.

– Я понимаю, – покорно согласился он в ответ на ожидающий взгляд. – Отец, прости.

– Не у меня проси прощения. Боги, весь город знает... Не про вчерашнее, к счастью. Но уж о том, что ты запечатлен с человеком и балуешься гарнатой, разве что крабы не судачат.

И это ему казалось, что самое худшее позади? Алестар вскинулся, открыл рот – и закрыл его, сглотнув горько-соленую слюну. Судачат – о нем! Смеются над глупцом, запечатлевшим двуногую. Считают любителем гарнаты! Да его же... Его на арену не допустят! Это оказалось последней песчинкой. Алестар всхлипнул, тщетно пытаясь сдержать обиду. Пусть бы отец изругал и наказал за двуногую – это заслуженно и справедливо, но гарната!

А отец уже выплывал из комнаты, даже не взглянув в сторону Алестара, и оставалось только следовать за ним, задавая себе тысячу вопросов, ответа на которые не было. Были только горький мучительный стыд и обида – еще горше.

Тихо-тихо было вокруг. Тихо, темно и тепло. Тело обнимало что-то теплое, но не мягкое, как одеяло, а упругое, колышущееся. Давила на плечо и грудь повязка – это ощущение Джад узнала сразу, не впервой. А узнав, вспомнила и все остальное: искаженное лицо принца иреназе, грязные слова, блик на остром обломке и быструю милосердную боль. Сейчас боль уже не была милосердной и обещающей забвение, она заполняла все внутри, разливая горячую тяжесть, будто под ребра засунули раскаленный камень. Это что же выходит, она жива? Почему? Удар был правильным, быстрым и сильным, он непременно должен был достать до сердца.

Сквозь забытие Джад чувствовала, как чьи-то умелые руки меняют повязку, стараясь не сдвинуть тело, подносят ко рту узкий носик поильника, и в рот сама собой по глотку льется теплая солоноватая жидкость, похожая на бульон с какими-то травами. Закашлявшись, она с усилием сжала губы, отказываясь, и поильник убрали. Открывать глаза не хотелось, не хотелось вообще ничего, но она знала, что надо потерпеть. Рано или поздно ее оставят одну...

Утешив себя тем, что все равно выполнит задуманное, Джад снова провалилась в горячие алые волны боли и жара, смутно надеясь, что больше не проснется. Не вышло. Сколько она проспала, непонятно, но при следующем пробуждении боль напоминала уже не раскаленный булыжник, а упорную крысу, угнездившуюся под ребрами и выгрызающую нору попросторнее. Грызла она медленно, по кусочку, и было вполне терпимо, только усталость от этой боли давила на все тело. А еще хотелось пить. Пить хотелось так, что когда из поильника полилась обычная пресная вода, Джад не выдержала и жадно глотнула, все так же не открывая глаз. Вода словно впитывалась в нее изнутри, орошая иссохшие рот и горло, напоминая о плеске ручья и влажной темной глубине колодца... Пресная! И это оказалось невыразимо прекрасно, будто она все же оказалась наверху. Только вот вокруг по-прежнему колыхалась теплая и плотная масса моря.

– Джад, – позвал ее кто-то. – Джад из Арубы...

Пришлось открыть глаза, щурясь от режущей боли, потому что и дальше прикидываться спящей было глупо и трусливо.

Тот, кто поддерживал ей голову, пока Джад пила, осторожно опустил ее на подушку и отплыл немного. Теперь Джад могла его увидеть: иреназе с седыми волосами и морщинистым лицом держал какой-то сосуд, и вправду похожий на поильник, только к длинному носику крепилась

не фляга, а кожаный мешочек. То ли слуга, то ли целитель. Нет, похоже, все-таки целитель, потому что, пропуская к постели Джиад еще двоих, он тихо сказал:

– У вас мало времени, тир-на. Не заставляйте больную говорить и двигаться. И постарайтесь не волновать.

– Я помню, – отозвался король иреназе, подплывая ближе и вглядываясь в лицо Джиад. – Мы не задержимся надолго.

Принц промолчал, держась рядом с отцом и немного правее, он вообще выглядел каким-то поникшим и словно выгоревшим на солнце: яркая рыжина волос потускнела, глаза не блестели, как раньше, и даже кожа перестала отливать перламутром. Смотрел он исподлобья и куда-то мимо, упорно избегая взгляда Джиад, и это было правильно. Хорошо бы и дальше молчал.

– Я... сожалею, – через несколько тягучих мгновений сказал король, опускаясь рядом с ложем.

Человек бы присел, а иреназе просто оперся о край ложа, расстелив хвост по полу и облокотившись на постель. Джиад посмотрела в уставшие карие глаза, так не сходные с яростной синевой зрачков Алестара, отрешенно заметила обвисшие темные мешки век и множество новых морщин. Наверное, надо было что-то говорить, но она никак не могла придумать – что.

– Джиад из Арубы, – продолжил король так же бесстрастно и устало, – я воистину сожалею о том, что произошло. Предлагать возмещение нет смысла – это я уже понял. Но что я могу сделать, чтобы наш договор остался в силе?

Джиад посмотрела мимо него на хмурого принца, опять перевела взгляд на повелителя иреназе.

– Прежде чем ты снова отважишься на подобное, выслушай, – тихо сказал король. – Я знаю, ты не из тех, кто меняет решения. Особенно – такие решения. Но Алестар был не в себе. Это не пустое оправдание, а печальная истина. Когда вы встречались, он дурманил себя зельем, вызывающим ярость и обостряющим чувства. Это... – он осекся, но, глубоко вздохнув, продолжил: – Мерзко и недостойно моего сына и наследника. Это недостойно любого разумного существа, но так было. Под этим дурманом он чувствовал твою злость еще отчетливее и усиливал ее сам... Мне трудно объяснить, но запечатление... Оно связывает обоих, понимаешь? И отражает одному то, что ощущает другой. Ваша взаимная ненависть...

– Резо-на-анс. Мы зеркала, – с трудом прошевелила губами Джиад.

– Да, – кивнул король, – ты понимаешь верно. Вы отразили друг друга, и это отражение усиливалось с каждым разом, как волна прибоя, попавшая между двух скал. Это не оправдывает Алестара, и это, конечно, не в осуждение тебе, Джад. Я понимаю, что ты не могла иначе.

– Почему... я...

Говорить было больно, но не так больно, как она ожидала, только на вдохе резало под ребрами так, что слезы наворачивались, но их, хвала богам, в воде не видно.

– Ты жива, – понял с полуслова король, – потому что вы связаны. Острие дошло до сердца, но у вас теперь одна жизнь на двоих, и Алестар своим сердцем удержал вас обоих, пока подросли целители. На счастье, я вскоре вернулся и смог помочь им. Королевской крови присуща божественная сила, она позволяет многое из того, что недоступно другим иреназе. Я залечил рану в сердце, а мастерство целителей сделало остальное, и теперь нужен лишь покой и лекарства. Ты жива, и я безмерно рад этому.

«А я не очень, – все так же отстраненно и равнодушно подумала Джад. – Но это дело поправимое. Только вот что делать с рыжим, который теперь якорь?» Вслух она сказала:

– Все... по-прежнему?

– Нет, иначе, – ответил король, оглядываясь назад. – Алестар!

Рыжий одним взмахом хвоста подплыл к самому ложу, завис возле него, сцепив пальцы перед собой, нехотя взглянул на Джад. Что-то новое металось у него в глазах: то ли неуверенность, то ли бессильная злость, то ли... Но думать о настроениях рыжего оказалось так же лень, как и обо всем остальном. Похоже, в питье было не только лекарство: Джад уже давно не чувствовала себя так спокойно и равнодушно.

– Алестар останется с тобой, как и целители. Только они сменяют друг друга, а моему сыну запрещено отлучаться из этой комнаты без моего дозволения. Он будет ухаживать за тобой и делать работу слуг. Целители говорят... – король снова запнулся, опустив глаза, – что истинная близость между вами будет возможна еще очень не скоро. Дней двадцать – самое меньшее...

«Опасаться нечего», – говорил виноватый взгляд короля, но Джад поморщилась.

– Это вы... не его... наказали, – прошептала она, и седовласый целитель подплыл к ложу, взяв ее запястье и склонив голову.

– Время, ваше величество, – сказал он тихо. – Больной пора спать.

– Да, сейчас, – кивнул король и неожиданно взял другую руку Джад.

Заглянул в глаза, склонившись ниже, попросил:

– Обещай, что не попробуешь повторить сделанного.

Можно было солгать. Даже нужно было, тогда ей бы дали больше свободы, но лгать... Да и король не глупец – все равно велит присматривать.

– Джиад, – повторил повелитель иреназе. – Я прошу. Я прошу твоего терпения. Алестар больше не позволит себе ни словом, ни прикосновением обидеть тебя, но ему нужна эта близость. Раз соитие невозможно, вам следует находиться рядом как можно больше. Спать на одном ложе, разговаривать – все равно о чем, касаться друг друга... Я понимаю, что тебе больно и горько видеть его, но потерпи, прошу. Он сможет уходить, но ненадолго, а его сила позволит тебе быстрее поправиться. Джиад... Алестар попросит прощения.

– Не надо, – сквозь зубы проговорила Джиад, пытаясь не шевелиться и не стонать: крыса наконец догрызлась куда-то, где было очень больно, почти невыносимо. – Только не... это... Не... верю...

Она судорожно вздохнула, и целитель, все это время державший ее запястье, коротко сказал что-то. Джиад не расслышала: в ушах бесился прибой, хлеставший через острые пики скал, и она была волной, разбивающейся на этих пиках. Король и рыжий куда-то подевались, целитель почти силой вливал в Джиад горькую воду, от которой боль отступала, сменяясь тупым забытием, и хотелось просто лежать и качаться на смирившемся прибое. Мелькали чайки в ясной лазури, солнце грело нежно и ласково... Потом среди чаек сверху показалось знакомое лицо, и Джиад долго вспоминала, кто смотрит на нее обеспокоенными карими глазами. Вспомнив, сказала прямо:

– Я... ничего... не обещаю...

Двуногая, распростертая на ложе, выглядела жутко. Губы распухли, налились сизым и грязно-лиловым, под глазами залегли темно-серые тени. Через плечо и грудь шла тугая повязка, из-под которой виднелись бурые листья каких-то водорослей. Еще одна полоса плотной белой ткани стягивала ребра, спускаясь ниже на живот, и на ней слева выделялось ярко-красное пятно размером с ноготь большого пальца. Там, значит, была рана...

Это же как надо ненавидеть себя, чтобы суметь ударить в сердце? Или не себя? Алестар поежился, вспоминая отчаяние, захлестнувшее его самого за мгновение перед тем ударом. И это была лишь тень, отражение? Двуногая дышала тяжело и неглубоко, но ровно. Целитель Невис,

пользующий всю королевскую семью, склонился над ней с поильником, всунув длинный тонкий носик в рот, сжал мешок внизу, и двуногая принялась сосать, не открывая глаз. Алестар судорожно вдохнул, преодолевая боль в подреберье и борясь с желанием положить ладонь на собственный бок – просто проверить...

– Ваше величество, – все так же негромко и бесстрастно сказал Невис. – Я понимаю, что запечатление требует близости, но если больная будет тревожиться рядом с принцем, на пользу это не пойдет. Лечить того, кто не хочет исцеляться, – трудно вдвойне. Лечить того, кто хочет умереть, – пустая трата времени.

– Невис... Что я могу? Вы все видели сами.

В голосе отца были такие чудовищные усталость и боль, что Алестара, как ни сильна была обида, затопило раскаяние. Отец три дня умирлял вулкан, вкладывая всего себя в управление Сердцем моря, а после этого еще лечил двуногую, отдавая последние силы. И теперь... он же извинялся за него, Алестара, которого считает любителем дурмана и последним негодяем. Просил прощения у двуногой, как у равной! А сыну не поверил!

Это было больно и обидно, так обидно, что горло перехватывало, а в жабрах что-то жгло и зудело. Алестар помотал головой, уже не понимая: его это чувства или двуногой. Вот она, лежит совсем близко, и ей больно тоже, но эта боль совсем другая, если прислушаться, можно отличить чужое от своего. В ней нет обиды, только тихая отчаянная безнадежность и упорство... А еще ей хочется пить, но жажда тоже странная, иная...

– Ничего я ей не сделаю, – с трудом разжав стиснутые зубы, глухо проговорил Алестар, отводя взгляд от лица в кровоподтеках. – Не сделаю, не скажу... Довольны? Лучше напоите ее чем-нибудь.

– Вы чувствуете, ваше высочество? – вскинулся Невис, прищурив глаза и вглядываясь в Алестара. – Что, жажду?

– Да, – угрюмо ответил Алестар. – Она хочет пить. И что, мне так и плавать здесь днем и ночью, как салту в клетке?

– Именно, – тяжело уронил отец. – Можешь выходить на пару часов днем – помогать мне с делами. Под охраной и только до кабинета и обратно. Не пожелаешь – будь здесь. Что-то понадобится – посылай слуг, но все, что они тебе принесут, будет проверено.

– Вот, значит, как, – горько усмехнулся Алестар, опускаясь на край ложа подальше от двуногой. – Ты мне настолько не веришь? Даже выслушать не хочешь? Я не пил гарнату, сколько раз повторять? А-а-а-а, ладно...

Он потер лицо ладонями, снова потряс головой. За спиной Невис

возился с двуногой. Как же ее зовут-то? Что-то такое странное...

– Алестар...

Король помолчал, глядя мимо, потом все же перевел взгляд на него, повторил:

– Алестар, я хотел бы тебе верить. Но разве могу? Докажи, что ты достоин моего доверия.

– Я хочу поговорить с господином Ирталем, – снова опустив лицо в ладони, глухо сказал Алестар. – Это позволено?

– Можешь за ним послать. Алестар...

– Я все понял, ваше величество, – ровно, как только мог, отозвался Алестар, не поднимая головы. – Не беспокойтесь, я буду вести себя согласно вашей воле. Если это все, не смею больше отвлекать вас от государственных дел.

– Алестар...

– Вам лучше уйти, мой повелитель, – прозвучал от изголовья голос Невиса. – Простите, но обоим моим пациентам не мешает успокоиться и поспать.

Не сказав ни слова, отец повернулся – до Алестара дошла волна от его хвоста – и выплыл из комнаты. Вторая едва заметная волна от двери, легкое колыханье от Невиса за спиной...

Алестар помолчал, собираясь с мыслями, стараясь дышать ровно и глубоко, чтобы успокоиться. Не время показывать характер, все и так убеждены, что он совершенно не владеет собой. Глубинные боги, неужели и правда все эти дни он был под гарнатой? Кто? Кто мог подливать ему эту мерзость в тинкалу? Больше вроде не во что было. Или это зелья, которыми его поили в беспамятстве, пока не появилась двуногая? Но тогда...

– Невис, – позвал он, поворачиваясь, – когда я был в лихорадке полдесятидневья назад, кто за мной ухаживал?

– Я, ваше высочество, – ответил целитель, аккуратно скручивая снятую с двуногой повязку и пряча ее в кожаный мешочек. – Иногда мои ученики, когда я был занят или отдыхал. Время от времени к вам заглядывал кто-то из наложниц или слуг.

Алестар нахмурился. Сам целитель, ученики, слуги, наложницы... Да там полдворца перебивалось, похоже, как и в его комнате потом.

– А в то, чем меня лечили, можно добавить гарнату?

Перед ответом целитель помедлил, глядя на приподнявшегося на локте Алестара, медленно покачал головой:

– Боюсь, что нет. Это было бы очень опасно для вас, мой принц.

– Конечно, опасно, – зло отозвался Алестар. – Невис, вы мне тоже

не верите?

– Я не имею права верить или не верить, ваше высочество, – отозвался Невис, возвращаясь к скатыванию второй повязки. – Я целитель и должен доверять только увиденному. Вчера я сам проверил вашу кровь, и в ней столько следов гарнаты, что любому понимающему ясно: вы принимали ее не меньше десятидневья, если не дольше. И принимали сильные дозы, опасные для душевного и телесного здоровья.

– А с чем – это вы можете определить? Невис, ради глубинных богов, я даже не знаю, какова она на вкус!

– Горчит, – скупно отозвался целитель, поправляя голову двуногой на подушке. – Но не слишком. Если предположить, что вы говорите правду, в зельях вкус гарнаты вы бы не почуяли. Еще ее мешают с вином, тинкалой или просто водой, но тут уже заметно, конечно.

– Невис, – безнадежно повторил Алестар, – вы же знаете меня с рождения. Я не сокровище, но ведь и не настолько глуп. Гарната сводит с ума, уж это мне известно. Да меня бы на арену не допустили, попадись я с ней хоть раз!

– Это... звучит разумно, ваше высочество, – нехотя отозвался Невис. – Но после гибели каи-на Кассии, да примет ее Море, вы были не в себе довольно долго.

– Не настолько же! Невис, прошу, поговорите с отцом! Пусть он хотя бы выслушает!

– Не кричите, мой принц, – со вздохом попросил Невис. – Хорошо, я поговорю с повелителем, только не тревожьте свою избранную. Поверьте, хоть ваш отец и сотворил почти невозможное, девушка все еще на краю Бездны. Случись это на суше, ей пришлось бы провести у целителей гораздо больше времени.

– Не пришлось бы...

Алестар сел на ложе, уставившись на двуногую, которая, оказывается, не спала. Это что же, она все слышала?

– Там... не лечат... такое, – еле слышно сказала двуногая, глядя в потолок.

– Вам вредно говорить, госпожа избранная, – мягко сказал Невис, озабоченно вглядываясь в лицо двуногой. – Прошу, лежите тихо и не беспокойте рану.

– Мне... вредно... жить, – шевельнулись распухшие губы. – Но... приходится... Господин... Невис... вы готовите... зелья... сами?

– Разумеется, сам, – медленно сказал целитель. – А что?

– И приносите... сами?

– Да. Госпожа избранная, я не знаю, что вас тревожит, но вы под надежным присмотром, как и его высочество.

– Тень... – прошептала двуногая. – Сказка... про тень колдуна. Вы... не знаете...

– Вообще-то знаю, – тихо отозвался Невис, потирая виски пальцами. – Мне рассказывали сказки верхнего мира в детстве. Вы про ту, где убили тень?

– А мне не рассказывали, – вмешался Алестар, все сильнее злясь. – При чем тут сказки, Невис? Что она несет?

– О, это очень старая сказка, ваше высочество, – ответил как-то сразу подобравшийся Невис. – О злом колдуне, чья душа была спрятана в его тени. И убить его можно было, только поразив его тень...

– И что?

– Сле-ди-те... – прошептала двуногая, и Алестара окатило волной чужой боли, сразу, впрочем, отхлынувшей, – за... зельями. Цепь... Слишком... легко... теперь...

– Я понял, госпожа избранная, – очень ровно и спокойно сказал Невис. – Не беспокойтесь, я поговорю с его величеством сегодня же.

– О чем, Невис? – взвыл Алестар, отталкиваясь хвостом от ложа. – Можете вы мне объяснить, о чем толкуете? Тени, зелья, зеркала, сказки!

– Не кричите, ваше высочество, – ласково, как ребенку, сказал ему Невис. – Ваша избранная имела в виду, что теперь вы связаны еще теснее, чем раньше. Скованы запечатлением сильнее, чем цепью. И если кто-то пожелает причинить вред вам, это легко сделать через вашу избранную. Я правильно понял, моя госпожа? – обернулся он к двуногой.

Та опустила ресницы вместо кивка, тут же подняла их снова, в упор глядя на Алестара, тоже воззрившегося на нее в ответ.

– Все лекарства для вас и его высочества ни на мгновение не будут оставаться без присмотра, – прошелестел голос Невиса. – Я попрошу господина Ираталя проверять каждое блюдо и тинкалу, а у двери постоянно будет стража.

Двуногая закрыла глаза, видимо, удовлетворившись сказанным, и Алестар увидел, что пятно на повязке стало больше. Кольнула мысль: что, если она все же умрет? Вот просто – умрет... Алестар тогда умрет тоже? Но это же бред... Зачем кому-то подливать ему гарнату, сводя с ума? Зачем вообще кому-то желать ему смерти?

– Невис, – спросил он тихо, следя за ловкими движениями рук целителя, поправляющего повязку на плече двуногой. – Разве кто-то мог меня травить? А как же закон крови Акаланте? Я же... королевского рода.

Никто не может причинить мне вред. Или... может? Есть исключения из закона?

– Исключения? – Невис поднял на него утомленный взгляд, глубоко и тяжело вздохнул. – Я не знаю, считать ли это исключением. Обойти закон крови возможно только ценой своей жизни. Если найдется кто-то, ненавидящий вас настолько сильно, чтобы сотворить зло, кровь его будет отравлена и обернется против него самого. Но это ведь может случиться не сразу.

– Как не сразу? – переспросил Алестар. – Я всегда думал...

– Все думают о немедленной каре, – пожал плечами Невис, – и это мудро. Но целители знают, что смерть можно оттянуть. Не спастись совсем, а лишь отсрочить. Но можно. Ваша избранная права, мой принц. Если кто-то хотел не просто убить вас, а причинить как можно больше страданий, гарната – неплохой выбор. Убей вы эту девушку, и все целители Акаланте не смогли бы вас спасти от мучительной смерти.

«Связаны, – понял Алестар с бессильной злостью глядя на мерно вздымающуюся грудь двуногой. – Действительно скованы одной цепью. И никуда теперь не деться? Нет же! Не может этого быть! Это неправильно! Несправедливо...»

– Думаю, мой принц, – добавил после долгого молчания Невис, – это вполне могло получиться. Только тот, кто подливал вам гарнату, не учел, что у цепи два конца. Вы спасли свою избранную, дав ей время и силы для исцеления. Но еще раньше она спасла вас, оттянув на себя часть вашей боли и ярости. И если бы не она, кто знает, не обратили бы вы тот лоур против себя?

Глава 12

Дыхание бездны

Ночью Алестар упал в Бездну. Не в силах ни крикнуть, ни пошевелиться, он падал и падал в ее жадную мглу, полную ужаса и ледяной тоски... Вскинувшись на постели, Алестар попытался крикнуть, с трудом вдохнул воду и тут же согнулся от резкой боли в груди. А разогнувшись и глянув на суетящегося вокруг лежа целителя, понял, что боль – чужая, да и удушье тоже. Двуногая мучительно выгибалась рядом, стискивая пальцами длинный ворс покрывала, широко открытым ртом ловила воду, мотая головой, будто пытаясь уклониться от чего-то. Амулет на ее груди налился алым, и казалось, что это огромная капля крови застыла, прилипнув к коже.

– Дышите, ваше высочество, – торопливо бросил Невис. – Дышите за двоих, умоляю!

Алестар с силой втянул воду, еще раз, и еще... Удушье отступало медленно, а грудь словно давила страшная толща, как в самых глубоких провалах дна, где вечные тьма и холод. Не в силах вымолвить ни слова, он упрямо дышал и не сразу заметил, что сердце, бешено стучащее в груди, будто двойт стук, отставая на неуловимую долю мгновения.

– Хорошо, – выдохнул рядом Невис, склоняясь над двуногой, быстро массируя ей шею и грудь. – Очень хорошо, мой принц. Еще немного...

«Ты меня еще дышать уговаривай!» – зло подумал Алестар.

Опираясь рукой на ложе, он старательно втянул побольше воды, пытаясь не замечать боль, выдохнул. Раз – два, раз – два... И вдруг удушье прошло, грудь наполнили восхитительная свежесть и легкость. Хрипя, двуногая забилась в судорогах, и Невис простонал:

– Нет! Не отпускайте ее!

Не отпускать? Алестар жадно дышал, наслаждаясь блаженством свободы, потом повернул голову, кинул быстрый взгляд. Запрокинувшись так, что короткие темные волосы легли на спину, двуногая бессильно шевелила губами, как рыба, выброшенная на берег. Внутри Алестара туго и болезненно натянулась непонятная струна, и он почувствовал, что еще немного – и эта ненавистная, не нужная никому из них двоих связь лопнет. И тогда – свобода!

Двуногая лежала тихо, на ее бледно-серой коже краснела полоса рубца

от лоура, глаза закатились... Стиснув зубы, Алестар глянул на распростертое тело, которое уже каким только не видел: покорным, измотанным, сопротивляющимся... Только не мертвым! Ох, да сожги ее светило, заразу такую!

Двинувшись ближе, Алестар положил руку на неподвижную грудь, совершенно не понимая, что делать, прижался всем телом. И тут же боль пополам с удушьем накатили вновь, а за ними пришел страх, Алестар как будто стал той, кто сейчас лежала рядом, почти задохнувшись. Накатив волной, ужас отступил, но теперь уже Алестар поймал его, зацепил, как рыбу на крючок, и сам потянулся ближе, ближе... В груди болело от быстрых резких вдохов, но рвущаяся тонкая нить, дрогнув, удержалась и даже стала прочнее. «Живи! – яростно подумал Алестар, черпая силы в этой злости. – Я и так виноват, не хватало еще, чтоб ты сдохла. Нет уж, выплывай обратно, все равно не отпущу!»

Мир вокруг превратился в серую мглу боли и страха, но Алестар, упрямо цепляясь за ставшую единственно важной нить, дышал, силой впихивая в легкие тугую непослушную воду и так же силой выталкивая ее обратно. И не сразу понял, что Невис трясет его за плечи, говоря что-то.

– Тише, тише, все хорошо... Все в порядке, ваше высочество! – расслышал Алестар, выныривая из тяжелого мутного забытья и не имея сил даже голову повернуть.

– Она... жива? – собственный голос показался тонким, отвратительно слабым.

– Хвала Троим – да.

Невис измученно распластал хвост по краю ложа, устроившись так, чтобы видеть и Алестара, и лежащую рядом двуногую. Та дышала тяжело, но ровно.

– Жива... – успокаивающе повторил Невис, отпивая из сосуда с тинкалой. – Все обошлось. Ох, ваше высочество, как же вы меня напугали!

– Я? – возмутился Алестар, уже готовясь высказаться, что в кои-то веки он как раз ни при чем.

– Именно, – кивнул Невис. – Благодарение богам, ваше высочество. Им и этой девушке. Вы помните, что вам снилось?

– Ничего хорошего, – чуть помедлив, хмуро отозвался Алестар.

Тело болело тупой нудной болью, как после дня тренировки на арене, и даже кости ныли изнутри, не говоря о мышцах. Невис смотрел выжидающе, и Алестар вздохнул:

– Гадость какая-то. Будто я в Бездну падаю.

– Именно, ваше высочество, – тихо сказал Невис, кивая и тут же снова глядя на Алестара. – Дыхание Бездны – так это называется. Кажется, вас снова пытались убить.

– Что? Этот... сон?

– Вы ведь сами чувствуете, что это не просто сон, – Невис был очень серьезен, а тревога в его глазах подозрительно напоминала страх. – Дыхание Бездны оставляет невредимым тело, но вот душа... Она уходит в такие глубины, из которых не может выбраться сама. Благодарение Троице, что вы запечатлены, ваша связь стала якорем, который позволил выиграть время.

– То есть... – немеющими губами сказал Алестар, – это было на самом деле? Эта... тьма...

– Бездна, – шепотом сказал Невис. – Истинная и вечная. Помилуй нас Трое от гнева глубинных богов. Простите, ваше высочество, мне придется вас оставить. Ваш отец должен узнать обо всем сейчас же. Я вызову учеников, чтобы присмотреть за вами обоими.

Не слушая Алестара, дернувшегося вслед с расспросами, он стремительно выплыл из комнаты, куда через несколько минут проскользнули двое в повязках целителей, преданно и тревожно уставившись с двух сторон ложа на Алестара и слабо пошевелившуюся двуногую.

– Бред какой-то, – мрачно сказал Алестар вслух, опускаясь на постель. – Эй, ты как? Ладно, молчи, тебе же говорить нельзя.

Повернувшись, он вздрогнул, наткнувшись на внимательный взгляд черных глаз, будто недавно тянувшая в себя Бездна смотрела с осунувшегося лица двуногой двумя клочками мрака.

– Спи, – буркнул Алестар, отодвигаясь дальше на свой край постели. – Все равно до утра ничего не узнаем.

Двуногая закрыла глаза, то ли безмолвно соглашаясь, то ли просто обессилев. Алестар еще немного полежал, ожидая, что не уснет после такого, но незаметно для себя провалился в теплый и беспечный сон, полный ласковых волн и серебристой чешуи рыбьих стаяк, за которыми он гонялся, как ребенок.

Утро ничего нового не принесло. Один из двух молоденьких целителей, всю ночь охранявших на диво спокойный сон Алестара, принес кувшин с тинкалой и несколько блюд. Второй в это время хлопотал над двуногой, вливая ей в рот какое-то зелье, а потом ставя возле ложа ширакку в горшочке. Двуногая покорно пила лекарство, дала поменять себе повязку, и только с шираккой вышла заминка, когда она поймала случайный

взгляд Алестара и молча замотала головой, попытавшись сжаться в комок.

– Нужна ты мне, – раздраженно бросил Алестар, выплывая в комнату чистоты и уже там вспоминая, что ухаживать за двуногой отец как раз велел ему. Что, и ширакку выносить? Сквозь накатывающую злость вдруг вспомнилось: Невис сказал, что если бы не запечатление, Бездна могла бы поглотить самого Алестара. И она же, получается, едва не уволокла двуногую? Вместо... него? Еще не хватало быть обязанным этой... этой... Пытаясь подобрать нужное слово, Алестар хмуро подумал, что как ни назови черноглазую заразу, а долг перед ней растет. И если отец узнает, что его приказ насчет ухода нарушен... Да и не в приказе дело, пожалуй. За проступки надо отвечать, а долги платить – это он всегда знал твердо. Но сейчас за него расплачиваются другие, и это... унижительно, вот!

Вернувшись в комнату, он опустился на ложе, где один из учеников Невиса протирал двуногую шершавой губкой. Скрываясь от взглядов, она до пояса завернулась в принесенное вчера покрывало из выделанной кожи, но выше была одета лишь в нагрудную повязку. На исхудавшем теле с обтянутыми кожей ребрами темнело несколько пятен кровоподтеков, скулы за эти несколько дней осунулись, а с губ до сих пор не сошла опухоль от удара. Алестар заставил себя поднять взгляд, который так и тянуло вниз, где от ребер начиналась широкая плотная повязка, уходящая на бедра и между ними. Ну да, там тоже...

Алестар уставился на ворсистую поверхность ложа, понимая, что боится. Боится глянуть в глаза той, кого с таким удовольствием мучил. Как же это было сладко и пьяно – чувствовать свою власть, ломать непокорное тело и еще менее покорную душу. Да он ли это был? Гарната гарнатой, но...

– Оставьте нас, – сказал он, старательно отводя взгляд от двуногой, которая и сама не горела желанием встречаться с ним глазами.

– Ваше высочество... – заикнулся было тот из целителей, что постарше.

– Я сказал – оставьте, – подчеркнуто спокойно сказал Алестар. – Мне нужно поговорить с моей... избранной. Много времени это не займет, а в случае чего я вас позову. Можете побыть за дверью.

Двое, переглянувшись, молча выплыли из комнаты. Алестар глубоко вдохнул, повернувшись к двуногой, но так и не поднимая глаз. Как ее там... Джад?

– Отец хочет, чтобы я попросил прощения, – сказал Алестар, словно со стороны слыша свой тусклый голос.

– Обойдусь.

Голос двуногой – Джиад, с ожесточением напомнил себе он – был едва слышен, но ровен.

– Я тоже думаю, что смысла в этом нет. Все равно не простишь. Я понимаю – сам бы убил за такое. Что за первый раз, что... за все остальное.

Он помолчал немного, собираясь с духом. Почему-то говорить обычные, самые простые слова было тяжелее, чем ночью дышать за двоих: внутри что-то резало и ныло, в горле ворочался, не пуская слова наружу, тяжелый горький ком.

– Ты ведь... слышала про гарнату, да? – с усилием продолжил Алестар, выдавливая каждое слово. – Так вот, дело не в ней. Тогда... у скалы... я уж точно был в своем уме. И потом, здесь... Гарната вытаскивает злость наружу, усиливает, но... только если она есть, эта злость. Я просто... сам виноват.

Слово вылетело наружу, обжигая губы, Алестар даже покосился на воду: не расплывается ли там кровавая муть. И продолжил, торопясь сказать, пока получается:

– Нам с тобой еще пару лун мучиться вместе. Если повезет. А то и дольше. И ты должна знать, что я не хотел – так. Я... не снимаю с себя вину. И прощения не прошу. Все, что было у скалы, – было по моей воле. Можешь ненавидеть – твое право. А вот потом... Без гарнаты я бы такое не сотворил. И запечатлеть я тебя уж точно не хотел. Вот! А сейчас...

Он запнулся, слыша в ответ только вязкую глухую тишину, но снова заговорил:

– Я не знаю, что теперь делать. Отец хочет, чтоб я за тобой ухаживал, только... тебе это самой не в радость будет, я же понимаю. И еще это, ночное... Я у тебя в долгу, получается...

– Обойдусь, – еще тише повторила дву... Джиад, тоже не глядя на Алестара.

– Я знаю, – кивнул Алестар. – И не возьмешь ничего. И не попросишь. Просто... ты имеешь на это право. Если что-то понадобится или захочешь, только скажи. И... нам придется спать вместе. Наверное, придется... Я иначе просто не выдержу. Но ты не думай, я... не стану делать больно. Такого, как раньше, уже не будет, обещаю. Я бы тебя пальцем не тронул теперь, но...

– Я понимаю, – бесстрастно прозвучало снизу.

– Не надо умирать, – неожиданно вырвалось у Алестара. – Еще пара лун – и будешь дома. А смерть – это навсегда...

Судорожно вдохнув, он замолчал. Двуногая так же молча кивнула, потом отвернулась, легла, устраиваясь удобнее. Алестар опустился рядом, понимая, что ничего, в сущности, не изменилось. Эта... Джад... его ненавидит и правильно делает, конечно. Могла бы – убила, наверное. Да и самому противно чувствовать себя бездушной гадиной. Там, у скалы, разложить двуногую казалось то ли веселее, то ли слаще, то ли просто поводом выплеснуть злость и боль – все равно на кого! А сейчас тошно. Непонятно почему – тошно! Он ведь по-прежнему терпеть не может всех двуногих, но до других ему и дела особого нет, а вот эта упрямая скотина...

В комнату тихо вплыл Невис. Надо было расспросить его о случившемся ночью, узнать, что сказал отец, но Алестар притворился спящим. Ни говорить, ни думать не хотелось, хотелось только уткнуться в подушку и лежать, ожидая, пока кто-нибудь обнимет, погладит по голове и спине, скажет, что все будет хорошо. Но он знал, что хорошо уже не будет.

До вечера их никто не побеспокоил. Алестар валялся на ложе, уставившись в потолок, иногда дремал, отсыпаясь за все ночи, когда метался на постели, думая и вспоминая. Два раза поел принесенной еды, которую сначала пробовал Невис, и снова дремал. Двуногая тоже спала, даже во сне отодвигаясь как можно дальше, почти на самый край постели. Невис умудрялся давать ей лекарства, не будя, прямо во сне, а может, и спала та именно от лекарств.

Вечером Алестар все же окликнул Невиса, дождавшись, пока тот поменяет на двуногой очередную повязку. Окликнул, ни на что особо не надеясь, и услышал, что его величество знает о случившемся и заверяет его высочество, что все необходимое для безопасности и самого принца, и его избранной уже делается. Вот так, значит. Отец то ли не поверил Невису, рассказавшему про гарнату, то ли решил, что выяснит все без Алестара. Как будто не считает его больше сыном. Это было больно и несправедливо. Как будто он беспокоится только за себя! Если кому-то хочется убить или свести с ума наследного принца, этот кто-то уж точно не хочет добра и всему Акаланте.

Ночь прошла спокойно, и следующий день тоже. Двуногая... Джад почти все время спала, просыпаясь разве что попить – ничем твердым ее не кормили – да поменять повязку. Однажды Невис сменил и ту, что была между ног, случайно или намеренно положив тряпку на ложе рядом с Алестаром. На чистой белой повязке виднелись желтые следы зелья, а под ними кровавые пятна. Алестара передернуло. Внутри снова потянуло болезненно и гадко, он поспешно отвел взгляд, понимая, что исправить уже

ничего не сможет.

Впрочем, еще через день двуногой стало явно лучше. Она тихо отвечала на вопросы Невиса, пила сама и даже съела что-то из обычной еды, но не вместе с Алестаром, а потом, будто не замечая, что рядом с ней на постели есть кто-то еще. Алестар валялся на кровати, перебирая принесенные из библиотеки таблички книг и изнывая от безделья, но твердо решив, что первым к отцу не поплывет. Ни за что! Все, что мог, он и так рассказал, а толку? Даже Иратель не показывается, отговариваясь неотложнейшими делами, словно ему сюда дюжину дней на салту плыть – что это, если не издевательство?

На следующий день двуногая, которую Алестар упорно не мог заставить себя звать по имени, всплыла с постели. Морщась, проплыла по спальне, под беспокойным взглядом Невиса выплыла через дверь, которую ей открыл целитель, но уже через несколько минут вернулась. Видно, дальше комнаты чистоты не сунулась. Невис порхал вокруг, явно беспокоясь, потом не выдержал:

– Госпожа избранная, вам слишком рано!

– Ничего, – негромко отозвалась двуногая, потирая лицо ладонями. – Я и так залежалась, уважаемый целитель. Быстрее зарастет. При таких ранах застой крови вреден.

– Это верно, – растерянно согласился Невис, как-то по-новому глядя на нее. – Но мы справляемся с этим, растирая тело. Госпожа изучала медицину?

– Немного. В храме, где я росла, учат лечить раны и самые простые болезни. Не всегда же рядом есть лекарь.

– Очень правильно! – с чувством подтвердил Невис. – Как много жизней можно было бы спасти, умей каждый хотя бы сделать перевязку или запустить остановившееся сердце.

Алестар, которого двуногая все эти дни старательно не замечала, наострил уши. Она росла в храме? Жрица, что ли? Не ответит... К счастью, Невиса тоже заинтересовало сказанное.

– А в каком храме росла госпожа?

– В арубском храме Малкависа, Повелителя гроз и битв, – помолчав, ответила двуногая. – Там воспитывают детей, лишившихся родителей или оставленных ими. Тех, конечно, кто пригоден стать именно воином. Остальных передают в другие храмы.

– Печально, но мудро, – вздохнул Невис. – И все же вам не стоит слишком усердствовать, лучше отлежаться.

– Господин Невис, – усмехнулась двуногая, – я обязательно отлежусь,

когда устану. Или если почувствую, что перестаралась. Но пока что нельзя ли мне выходить наружу? То есть выплывать. Тошно уже от этой комнаты.

Она сказала «от комнаты», но Алестар будто услышал невысказанное, но такое явное. Тошно ей, конечно, оттого, что рядом безвылазно торчит Алестар. Можно подумать, ему самому в радость!

– Я себе не враг, – мягко добавила двуногая. – Буду очень осторожна, обещаю. А если вы беспокоитесь, что я попробую повторить... – она чуть запнулась, – то даже не думайте. Могу поклясться. Ну, или охрану ко мне приставьте.

– Да помогут мне Трое, госпожа избранная, если с вами что-то случится, – вздохнул Невис. – Вы ведь понимаете, что я отвечаю жизнью за жизнь его высочества, а она зависит от вас? Можете гулять во внутреннем дворике, но только в сопровождении. И не потому, что я вам не верю, а...

– Для моей безопасности, – легко согласилась двуногая, опять опускаясь на постель. – Думаете, я против? У вас даже на принцев охотятся, так что я от охраны тем более не откажусь.

– Во внутреннем дворике, – сдаваясь, повторил целитель. – И если я увижу, что прогулки вам во вред, вы немедленно прекратите.

Алестар закинул руки за голову, вытягиваясь на ложе и чуть ли не силой заставляя себя промолчать. Значит, этой гулять можно, а он здесь, как в тюрьме? Нет уж! Что там говорил отец о помощи? Окна кабинета как раз выходят во внутренний дворик – двуногая зараза хотя бы будет под его, Алестара, присмотром!

* * *

Притихнув и старательно делая вид, что Джадд вовсе нет рядом, рыжий стал почти терпим. Да, его по-прежнему хотелось не просто убить, а сначала медленно и с удовольствием размазать в кровь и мясо красивое наглое лицо, и то, что временами он украдкой таращился на Джадд, всякий раз отводя взгляд, как вороватый мальчишка, только укрепляло в этом желании. Зато руки больше не тянул. По молчаливому уговору огромное ложе оказалось поделено пополам незримой чертой, которую оба старались не пересекать даже ненароком.

Теперь, когда прошло лихорадочное забытие, Джадд и сама не понимала, как решилась убить себя. Словно кто-то управлял ею тогда,

то с головой окуная в боль и тоску, то позволяя хлебнуть воздуха лишь настолько, чтоб преисполниться еще большего отчаяния. Но лежа с закрытыми глазами и пытаясь отделить боль от себя, как учили в храме, она невольно слышала все, о чем говорилось рядом. Оказывается, рыжий действительно был под дурманом, что сам отрицал изо всех сил. Подумав, Джаад решила, что вряд ли принц врет. То есть баловаться местной дурью он мог, но слишком уж паршиво все складывается вокруг этого балбеса. Кому-то очень хочется его не просто убить, а еще и заставить помучиться.

Теперь же у нее появилась надежда дожить до освобождения. Паралун? Ладно, она потерпит. У нее долг перед храмом, ей надо вернуться и выяснить правду о Торвальде. А еще очень уж обидно умереть, не исполняя службу, а лишь потому, что избалованный гаденыш решил, будто имеет право распоряжаться ее жизнью. Не стоит он ее смерти!

В ту ночь Джаад разбудило ясное, невыносимо четкое предчувствие беды. Старые жрецы такое полунасмешливо-полусерьезно называли: «Малкавис пинка не пожалел». Она проснулась за какое-то мгновение до того, как слепые жадные щупальца протянулись из тьмы вокруг, незримые, но ощущаемые и телом, и душой. Шаря по постели, щупальца искали что-то, заставляя съежиться в нерассуждающем ужасе. Но нужна им была не она. Небрежно пройдясь по замершей от ужаса и омерзения Джаад, они потянулись дальше, обволокли рыжего, сонно заворочавшегося, покрыли шевелящейся тьмой, откуда донесся тихий жалобный стон. Джаад попыталась шевельнуться, позвать целителей, но резкая боль сразу уложила ее на постель, и голос отказал, как в страшном сне. А щупальца все плели неспешную мерзкую сеть, которую Джаад то ли видела, то ли просто чувствовала. Рыжий застонал еще раз, и Джаад почуяла сгусток тьмы, приникший к нему, как огромная пиявка. Этот сгусток пульсировал, высасывая какие-то золотистые искры и пытаясь утопить их в себе...

Это было жутко. И тут же подумалось, что вот она – возможность освободиться, за которую ее никто не упрекнет. Чем бы ни была тварь, это местное порождение. Сожрет рыжего – туда ему и дорога, пожалуй. Но... вдруг она затем примется за Джаад? Еще и сильнее станет, поглотив принца...

С трудом подняв руку, Джаад, ясно понимая, что второй возможности не будет, сжала кулак, повернулась и ударила – в самую глубину тьмы. Ударил не столько бессильным телом, сколько совершенной, непререкаемой уверенностью, что этой гадости, чем бы она ни была, не место среди живого мира. Вызывая изнутри себя воображаемые клинки

духа, как учили в храме, чувствуя в ладонях невидимые рукояти и почти видя сияющие лезвия, успела прошептать: «Помоги в бою, Малкавис!» И тут же тьма, отлипнув от рыжего, разъяренной тварью бросилась на саму Джаад...

Потом она лежала, мучительно приходя в себя, заново учась дышать, и ребра, кажется, превратились в осколки, при каждом вдохе протыкающие легкие. Но тьма ушла, притаилась где-то за гранью видимого, ожидая слабости или неосторожности добычи. Джаад молча возблагодарила Повелителя битв, и здесь, в морской глубине, дарящего стойкость своей жрице. Рыжий разговаривал с целителем, и все услышанное было еще одним кусочком мозаики, которую Джаад начала складывать в часы слабости, чтоб хоть как-то отвлечься от крысы, грызущей под ребрами.

Уговорив седовласого Невиса разрешить прогулки, она уже знала, чем займется. Разминаться в полную силу не выйдет еще долго, но это и к лучшему: никто не ожидает от полуживой беспомощной пленницы, что та ищет брешь в охране дворца. А после дворика можно будет и в других местах попроситься погулять. Да, она согласилась жить, но не для того, чтобы и дальше тешить рыжую сволочь.

А внутренний дворик оказался местом совершенно чудесным. Окруженный высокими стенами с окнами самых разных форм: от совершенно круглых до причудливо вырезанных, он был сказочным садом, полным колышущихся водорослей, быстро снующих и медленно парящих разноцветных рыб и прочих диковин, которые Джаад даже не знала, как назвать. Кое-где среди изумрудного мха, покрывающего дно, виднелись рыжевато-серые пятна каменной кладки, выложенной не по необходимости, а для красоты, не иначе – так причудливо закручивались ее узоры. Сам дворик был размером с площадь перед королевским дворцом Аусдранга, и на суше Джаад прошла бы его из конца в конец быстрее, чем королевская стража спросонья оденется по сигналу тревоги. Но здесь, под водой, ее движения до обидного замедлялись, превращаясь в жалкое подобие себя прежних.

Все-таки Джаад, сопровождаемая одним из учеников Невиса, выбрала укромный уголок под стеной и начала, для разминки, с самых простых связок. Непослушное тело уже через несколько движений принялось умолять о пощаде, но она остановилась, лишь когда потемнело перед глазами, а в ушах грозно зашумела кровь. Отдышавшись под уговоры хвостатого целителя, проплыла дворик по кругу, решив, что на сегодня хватит.

В комнате, куда она еле добралась, с трудом поднимая будто налитые

свинцом руки, ждала приятная неожиданность. Рыжего не было! С наслаждением, знакомым только тем, кто умаялся до потери чувств, Джиад растянулась на ложе, чувствуя, как мягко обнимает измотанное тело вода, поймала встревоженный взгляд Невиса и слабо улыбнулась:

– Не беспокойтесь, господин целитель. Я жива, как видите. И гораздо здоровее, чем была пару дней назад.

В комнату скользнул ее провожатый, приблизился к целителю, что-то тихо ему рассказывая. Хвост паренька медленно колыхался из стороны в сторону, слегка загнувшись вперед, и Джиад задумалась, значит ли для иреназе это что-нибудь, как для людей жесты рук или позы. Похоже, судя по смущенному голосу молодого лекаря, такое положение хвоста выражало вину. Невис что-то гневно прошипел в ответ – хвост парнишки подогнулся еще сильнее.

– Не ругайте вашего ученика, – подала она голос, решив, что пора вмешаться. – Он был очень внимателен и просил меня остановиться. Ничего страшного, я просто устала.

– Я-то думал, что хоть вам хватает благоразумия, – проворчал Невис. – Но вижу, вы с его высочеством стоите друг друга. Он тоже никогда не исполняет указаний целителей. Ложитесь, я поменяю вам повязку, а потом выпьете лекарство. Ох уж эти мне воины...

Продолжая вполголоса рассказывать о неблагоприятных вояках, не умеющих беречь свое единственное, данное родителями тело, Невис ловко сменил Джиад повязки, подложив под них какие-то травяные подушечки, уложил ее на подушки и принес очередной кувшинчик зелья. Джиад покорно выпила и протянула пустую посудину целителю, виновато улыбнувшись:

– Вот видите, я стараюсь слушаться. Господин Невис, а где... его высочество?

– Его высочество изъявил желание помогать отцу в делах, – хмуро ответил Невис, принимая кувшинчик. – Вот уж его я с радостью отпущу прогуляться и потратить лишние силы. Вам удобно лежать, моя госпожа?

– Вполне, – уверила его Джиад. – Скажите, что это было? Тогда... ночью.

И так пасмурный, как осеннее ненастье, Невис помрачнел еще больше. Поймал взгляд ученика, повелительно указав на дверь, и паренек понятливо исчез.

– Дыхание Бездны, – помолчав, ответил Невис, устраиваясь на краю ложа. – Страшная, жуткая вещь. Кто-то принес кровавые жертвы глубинным богам, чтоб погубить принца Алестара, и если бы не вы,

моя юная госпожа...

– Глубинным? – переспросила Джаад. – Я думала, что вы поклоняетесь Троим. Так мне рассказывали...

– Вам рассказывали верно, однако не все, – понизил голос Невис. – Да, наш мир создали Трое, и мы все: люди и иреназе – их дети. Но... младшие. Раньше нас были другие, могущественные настолько, что их сила превышала всякое понимание, а жестокость была непостижимой. Ужаснувшись этой силе и жестокости, Море и Земля заключили своих первых детей от взора Неба в глубины, усыпив обещаниями, что, когда мир придет к концу, первое потомство Троиных выйдет на свободу и разрушит его. Ныне они спят, иногда ворочаясь в забытии, колебля морские глубины и земную твердь...

– Я... слышала об этом, – сглотнув, ответила Джаад. – В храме нам рассказывали о чудовищах, первых детях богов...

– Значит, и на земле сохранилась древняя мудрость, – отозвался Невис, быстро подергивая хвостом. – Глубинные боги спят, но самые младшие из них не успели утомиться в битвах при рождении мира, и сон их неглубок. Зная как, можно просить их о том, чего не дают Трое в своем великодушии и мудрости. Например, погубить врага или отомстить обидчику. Дыхание Бездны – их дыхание, приходящее в наш мир, когда кто-то, достаточно сильный и безумный, призывает глубинных.

– Кто-то сильный и безумный, – повторила Джаад задумчиво. – Тот, кто хочет не просто убить, да? Потому что убить вашего принца – дело нехитрое, он сам на это напрашивается. А что король?

– Его величество делает все возможное, чтобы найти виновных и успокоить волны беды, – вздохнул целитель. – Увы, смерть каи-на Кассии тяжело легла на душу принца. Поверьте, госпожа Джаад, раньше он не был таким. Я помню его с рождения, Алестар всегда был порывист, безмерно упрям и несдержан, но сердце у него было доброе и любящее. Трудно поверить, я понимаю. Но... представьте на миг, что этот юноша, причинивший вам столько боли, малышом плакал над пойманной для еды рыбой и просил отпустить первого салту, которого ему подарили.

– Дети вырастают, – с тихой злостью сказала Джаад, не позволяя себе повысить голос. – Они меняются, иной раз куда как сильно. Не говорите о его добром сердце, господин Невис, я поверю в это не раньше, чем у меня хвост вместо ног отрастет.

– Понимаю... – продолжил Невис и вдруг осекся, поворачиваясь к двери, в которую медленно вплывал Алестар, зло хлеща по воде хвостовым плавником.

В руках у принца виднелась здоровенная штуковина, в которой Джаид, к немалому удивлению, распознала седло необычной формы.

– Как себя чувствует моя избранная? – осведомился принц голосом, из которого, сумеи какой-нибудь алхимик его собрать, без труда сварил бы бадью крысиного яда.

Обращался он к Невису, снова старательно не замечая Джаид.

– Гораздо лучше, – осторожно сказал Невис, тоже приглядываясь к седлу в руках принца.

– Это хорошо-о, – протянул Алестар. – Это просто замечательно! Надеюсь, через пять дней ее самочувствие еще улучшится. Его величество желает, чтобы госпожа Джаид сопровождала меня на большую охоту.

– Но... – заикнулся Невис, и Джаид увидела, как расширились его глаза.

– С завтрашнего дня будешь учиться править салту, – бросил принц в сторону Джаид, упорно не глядя на нее. – Многoму за пять дней не научишься, но лишь бы в седле усидела.

– Я так понимаю, меня никто не спрашивает, хочу ли я на эту охоту? – безразлично уточнила Джаид.

– Можешь не переживать, меня – тоже, – выплюнул рыжий, все-таки повернувшись и глядя на нее с восхитительной бессильной яростью. – Ты последняя, кого я хотел бы видеть на королевской охоте рядом с собой. Но по городу ползут такие слухи о моей избранной, что уж лучше показать народу тебя, чем...

Он бессильно махнул рукой, опускаясь на свой край ложа спиной к Джаид. Немного помолчав, снова заговорил совершенно ледяным тоном:

– Могу ли я просить, госпожа моя избранная, оказать мне честь и удовольствие своим появлением на большой охоте? Если хотите, это приглашение и просьбу повторит мой отец.

Голос рыжего, ломкий и стылый, разве что льдинками не разлетался, и Джаид усмехнулась.

– Благодарю, я и с первого раза все поняла, незачем отвлекать его величество от дел, – сказала она, глядя в потолок. – У меня пять дней, чтобы научиться вашей верховой езде? А кто будет учить? Надеюсь, не вы?

– Упаси меня Трое, – все с той же ядовитой холодностью откликнулся рыжий. – Я скорее медузу танцам учить возьмусь. Дару все равно делать нечего, вот и пусть возится...

Уткнувшись в подушку, он замолчал, каменея плечами. Джаид устроилась удобнее, чувствуя, как отпускает тягучая боль в уставших мышцах. Большая охота? Что бы здесь под этим ни имели в виду,

там наверняка будет куча народу: охотники, загонщики, слуги и просто любопытные. Отправить в такую толчею принца, на которого то и дело покушаются убийцы? У короля точно нет запасного сына или двух? Иначе то ли она ничего не понимает в местных интригах, то ли трудно придумать лучшую возможность еще раз подставить рыжего под удар. Но соглашаться на охоту определенно стоило: вдруг выдастся случай для побега?

Глава 13

Лоур и браслет для избранной

О решении отдать двуногую в обучение Дару Алестар пожалел почти сразу. В салту и их повадках охранник разбирался неплохо, но Алестар, изнывая у окна отцовского кабинета, видел каждый промах ученицы: неправильную посадку, слишком резкие и неуверенные взмахи лоуром, провисающие или не вовремя натянутые поводья. Двуногая все делала неверно! Стиснув зубы и напомнив себе, что сам того пожелал, Алестар отплывал к столу и снова брался за таблички расходных книг, но не выдерживал и возвращался к окну, стараясь держаться так, чтоб снизу его не было видно.

Впрочем, Дару если и заметил его внимание, то виду не подавал, а двуногая и вовсе не оглядывалась по сторонам: борьба с упрямым салту поглощала ее целиком. В первый день это выглядело, словно она решила сделать все мыслимые и немыслимые ошибки в обучении и не попасть на охоту. Сначала Алестар так и подумал, успев про себя возмутиться хитростью. Потом, приглядевшись, понял, что ошибся. Просто движения были медленными и какими-то корявыми. Ну да, она же ранена. Устыдившись, Алестар продолжил смотреть и тихо страдать: у двуногой не получалось ни-че-го.

Отплыв от окна, он проверил счета городской стражи за месяц – было бы что проверять, пустяки, – снова вернулся к окну и увидел, что Дару во двореке нет. Салту, доведенного неуклюжим седоком до ярости, охранник забрал с собой, и теперь вроде бы ничто не мешало личному наказанию Алестара отправиться в комнату или просто гулять, но двуногая осталась, медленно плавая по дворику кругами. Алестар пожал плечами и взял очередную стопку табличек.

Вечером Невис растирал двуногой руки и плечи, мyal спину, умелыми пальцами перебирал каждый мускул, тихо выговаривая, что нельзя же так себя истязать. Та отмалчивалась, прикрыв глаза, и медленно сходящие со смуглого лица синяки лишь сильнее подчеркивали ее бледность. Алестар молча поел, выпил какое-то кисловатое зелье, так же молча выплыл в комнату чистоты. Вернувшись обратно, опустился на ложе, свернув хвост кольцом, и долго лежал в темноте, не зная, что сильнее мешает уснуть: чужая боль во всем теле или собственные мысли.

На следующий день все повторилось. Почти все. Двуногая снова маялась в седле, которое было ей явно велико, салту огрызался, Дару показывал, как следует править, держа лоур слишком близко к середине, и Алестар с тоской думал, как на проклятой охоте не оберется позора. И что зря, пожалуй, он разозлился настолько, что сразу отказал учить это наказание. Хоть бы что-то правильно показал. А теперь и не предложить.

После пары часов мучений двуногая что-то сказала Дару, и тот, почтительно поклонившись, увел раздраженно хлещущего хвостом зверя. Двуногая же, оставшись одна, покрутила в руках лоур и зависла на месте, медленно и плавно двигая шестом. Держаться в воде ей без хвоста было куда сложнее, чем иреназе, так что вскоре двуногая спустилась почти к самому песку, не переставая танцевать с лоуром. Алестар как замороженный следил за гибким телом,двигающимся совсем иначе, не как иреназе, и не мог бы сказать, сколько времени прошло, прежде чем двуногая, устало опустив лоур, замерла в потемневшей вечерней воде.

И опять, встретившись перед сном, они даже словом не обменялись, будто каждый в комнате и на ложе был один. Двуногая глянула на отборные глаза маару, поданные к ужину, словно ей гнилых водорослей предложили. Зато водоросли – не гнилые, конечно, – уплетала вовсю. Ну и ладно, Алестар расправился с лакомством в одиночку, а перед сном велел принести книгу поинтереснее, и пока Невис менял повязки и поил больную зельем, листал тонкие медные пластины, небрежно пробегая пальцами по выбитым на металле знакам. Двуногая уснула почти сразу, Алестар же, дочитав первую историю о путешествии доблестного каи-на Исковиаля к краю мира, еще долго ворочался, пока не провалился в сон.

А сегодня был третий день. И Алестар снова страдальчески морщился, глядя из окна и убеждая сам себя, что к охоте все изменится...

– Полагаешь, Дару справляется? – раздался позади голос отца, вплывшего в кабинет с новой порцией отчетных табличек.

– Дару и рыбу плавать не научит, – хмуро сказал Алестар. – Они же все делают не так! И это дурацкое седло, откуда его выкопали?

– Из очень дальних комнат сокровищницы, – последовал сдержанно-сухой ответ. – Чудо, что сохранилось хотя бы одно седло для человека, их и было-то вряд ли много, а за триста лет стало еще меньше.

– Могу себе представить, – фыркнул Алестар. – Двуногая на салту!

– Человек.

– Что? – переспросил Алестар, кривясь, когда очередной взмах лоура едва не заставил салту сбросить седока.

– Не двуногая. Человек. Они зовут себя так, – в голосе отца слышалось

уже явное раздражение.

– Как селедку ни назови, она в краба не превратится, – из чистого упрямства сказал Алестар, но тут же сдался: – Ладно, пусть человек. Но седло неправильное. Оно ей велико, и ремни надо перетянуть иначе. И лоур держать не так...

– Что ж, если ты видишь ошибки, чего ждешь? – уже мягче спросил отец, подплывая ближе.

– Я? – возмутился Алестар. – Она сама отказалась от моей помощи! Первая!

– А ты ждал, что она ее попросит?

Рука отца, совсем как раньше, опустилась на плечо Алестара, замершего от неожиданной ласки. Король помолчал немного и продолжил:

– Да, она не слишком хороша, если сравнить с иреназе. Но мы учимся править салту с детства, она же их и увидела недавно. Зато посмотри: совсем не боится. А ведь должна понимать, как они опасны.

– Если я скажу, что ей не хватает ума бояться, – ядовито откликнулся Алестар, – ты разозлишься. Отец, никакая сила в мире не превратит это существо в умелую наездницу за пять дней. Разве что сами Трое благословят...

– Разумеется, ты прав. Особенно если ее избранный, лучший наездник королевства, будет смотреть из окна и глумиться, вместо того чтобы помочь, – устало сказал король, убирая руку с плеча Алестара и отплывая вглубь кабинета.

– Толку от моей помощи! – зло выплюнул Алестар. – Думаешь, я кичусь тем, что хорош? Да если я даже попробую – она нарочно не будет слушаться! Вот увидишь!

Без всякой учтивости развернувшись так, что волна от хвоста едва не смела таблички со стола, он выплыл в коридор, нашел окно побольше и спустился прямо во дворик.

– Ваше высочество? – каменное лицо Дару так и осталось каменным, только в глазах и голосе плеснуло удивление.

Двуногая молчала, покачиваясь в седле и ухитряясь бесстрастно глядеть вроде бы на Алестара, но как-то мимо.

– Мое высочество уже видеть не может этого позора, – буркнул Алестар, подплывая ближе. – Ты учишь ее, как иреназе. А она... человек.

Нужное слово в последний миг подвернулось на язык.

– Че-ло-век, – повторил Алестар назидательно. – Она же сидит совсем иначе... И хвостом балансировать не может! И седло! Так, ты, – он мотнул головой в сторону двуногой, – наклонись еще немного вперед. На пару

ладоней, словно увидела что-то интересное и хочешь лучше разглядеть.

Все с тем же бесстрастным выражением лица двуногая наклонилась, как было сказано. Алестар отмерил нужную длину переднего ремня и щелкнул пряжкой, подтягивая промасленную кожу.

– Теперь так же влево, – потребовал он, возясь с ремнями, охватывающими подбрюшье салту. – Вправо... Нет, сильнее. Покачайся в седле вперед-назад...

Двуногая молча повиновалась, качнувшись вперед, а вот назад не смогла – коротко зашипела от боли.

– Глубинные боги, – буркнул Алестар, – осторожней. Так, ладно... Удобней стало?

– Кажется... да, – помедлив, отозвалась двуногая. – Благодарю.

– Теперь лоур, – продолжил Алестар, чуть не глотнув воды от удивления. – Ты его держишь слишком близко. Так надежнее, но удар получается тычком. И до кончика носа не достать, а салту приучены видеть лоур перед глазами. Возьми дальше.

– Ваше высочество, – негромко сказал Дару, – вы правы, но держать лоур за дальний край слишком тяжело для рук. Непривычных рук...

– Ничего, что-то, а руки у нее сильные, – мстительно заявил Алестар, вспомнив злосчастные браслеты, но тут же подумал о ране и добавил, покосившись на Джад: – Устанешь – перехвати ближе. Но учиться надо с самого начала правильно. Да успокойся ты, упрямая зараза! – несильно хлопнул он по носу зверя. – Нечищенный, что ли?

– А их надо чистить? – поинтересовалась двуногая, пытаясь развернуть норовящего потянуться к собственному хвосту салту.

– Надо, – нехотя отозвался Алестар. – Чем чаще, тем лучше. У них шкура покрывается слизью и может пойти язвочками. Диких салту чистят рыбки-прилипалы, а этих надо скребком. Но он чистый, просто чувствует, что ты нетвердо держишься в седле, вот и дуркует. Не сжимай ноги, он этого не понимает. Правь телом, поводьями и лоуром. Дару, приведи еще салту.

Охранник торопливо метнулся прочь. Двуногая глубоко вздохнула, скривившись от боли, наклонилась вперед, перехватывая лоур, как велел Алестар. Подняла его вверх, показывая хватку на древке.

– Так?

– Да, годится, – оценил Алестар. – Запомнила? Тело, поводья, лоур – все работает вместе. Сейчас посмотришь, как надо... И меньше слушай Дару: он в два раза тяжелее тебя, так что может править одними наклонами, а тебя салту чувствует совсем по-другому, ты больше лоуром работай.

Не тыкай зверя, просто показывай кончиком, можешь по носу похлопать – легонько...

Как ни странно, двуногая слушала. Изредка спрашивала что-то, и Алестар пытался объяснить, мучаясь от невозможности передать то, что для него просто и понятно, как дыхание или взмах собственным хвостом. И если сказать одно, то сразу надо говорить другое, затем третье, а оно непонятно без четвертого и пятого...

Вернулся со вторым салту Дару, и Алестар смог не только говорить, но и показывать. Движения, наклоны, взмахи, снова движения, и все вместе! Он всегда удивлялся, как старым наездникам хватает терпения вновь и вновь объяснять очевидные вещи невнимательным и непонятливым малышам, которым интереснее, что будет, если у салту перед носом помахать рыбой или кольнуть его в хвост лоуром. Хвала Троим, двуногая слушала, как мало кто умеет, и повторяла за Алестаром старательно и терпеливо, а если не выходило сразу, то без понуканий пробовала снова и снова...

– Заканчиваем, – измученно сказал Алестар, когда цветы актиний-светоловок начали закрываться и на заросли легла вечерняя тень. – Завтра поплывем в большие сады, хватит по двору круги наматывать.

Устал он так, словно сделал три-четыре больших заплыва по арене, да не один, а с дюжиной цепких соперников на хвосте. Кто мог подумать, что учить тяжелее, чем делать самому? Алестар снял седло, почесал подставленный чувствительный нос. Двуногая с седлом замешкалась, но звериный нос почесала в точности так же, и ее салту довольно сморщил длинное рыло, игриво ткнув им взявшегося за ум ездока в плечо.

– Седло Дару отдай, не в спальню же с ним идти.

Кивнув, двуногая протянула тяжелое седло Дару, церемонно склонила перед охранником голову:

– Благодарю за помощь, господин Дару.

Развернулась и так же неглубоко, но почтительно поклонилась опешившему Алестару:

– Благодарю за науку, ваше высочество.

– Меня могла бы и не благодарить, – растерянно и хмуро от удивления отозвался Алестар, – переживу.

– Отчего же? – едва заметно усмехнулась двуногая. – У вас есть чему поучиться, ваше высочество. Правда, у нас говорят, что из врагов учителя лучше, чем из друзей...

– Да? – дернул плечом Алестар. – Тогда ты у меня еще многому научишься, верю.

Показалось, что в окне королевского кабинета блеснуло что-то. Что ж, отец, смотри, любуйся. Видишь – я стараюсь! Настроение окончательно испортилось, хотя с чего бы?

Алестар повернулся и молча поплыл из двора, не заботясь, следуют ли за ним двуногая с Дару.

* * *

На следующий день до больших садов они так и не добрались. Утром, попытавшись привстать, Джад повалилась на ложе. Рядом сквозь зубы охнул рыжий: магическая связь исправно передала ему боль от затекших мышц и огнем горящего подреберья. Мигом возникший у ложа целитель был неумолим: день отдыха в постели для обоих. Отвернувшись от рыжего, Джад покорно замерла на своей половине, заставив тело расслабиться, и продремала полдня, затем поела и снова провалилась в дремоту. Рыжий крутился, как живая рыба, брошенная на сковородку: сквозь сон Джад слышала его угрюмое сопение и злорадно порадовалась: этому паршивцу, похоже, покой был самым страшным наказанием. Потом, успокоившись, принц снова взялся за связку тонких металлических листов, тихо щелкая этими странными страницами подводных книг, и под мерное щелканье Джад уснула до утра.

А вот на пятый день она увидела те самые сады – и обомлела. Впереди, насколько видно, расстилалось поле, усыпанное высокими тонкими башнями, уходящими ввысь и покрытыми радугой странных пятен. Стояли башни достаточно далеко друг от друга и так, чтобы бросать как можно меньше тени на разноцветный ковер водорослей, покрывавших дно садов. Приглядевшись к желтым, темно-зеленым, красным и розоватым, бурым и белесым пятнам, испещряющим поверхность башен, Джад поняла, что это тоже водоросли, длинными шлейфами свисающие из щелей каменной кладки. Солнечные лучи, теряя по пути большую часть силы, все же достигали самого дна, мягко озаряя этот сон безумного волшебника, и богатые, хоть и неяркие, приглушенно-глубокие краски заливали все вокруг. Вот серебристая рябь крошечных рыбешек промелькнула совсем рядом, лентой свилась и уплыла за ближайшую башню...

– Красота какая, – искренне выдохнула Джад, невольно натягивая повод салту.

– Большие сады, – так самодовольно отозвался рыжий, словно каждый

пучок водорослей был высажен тут лично им. – Кормят большую часть королевства, еще и на продажу остается. Есть и малые сады, конечно, у каждого рода свои. Но такие – только у нашей семьи. Вот здесь и будем плавать.

– А салту ничего не натворит? – с сомнением спросила Джаид. – Не съест?

– Они только рыбу едят, – отозвался рыжий, одним изящным прикосновением лоура разворачивая на месте своего зверя. – Разве что нос куда-нибудь сунут – проверить. Любопытные... Попробуй плыть за мной. Не сможешь – просто поплавай.

Он небрежно погладил загривок зверя рукой в кожаной перчатке, явно красуясь. Вот же... павлин. Хотя учить старается на совесть – уж это Джаид поняла и оценила. Стоило рыжему забыть, что надо быть высокомерным и презрительным, как сквозь его самолюбование отчетливо проглянул азартный мальчишка, без ума влюбленный в езду на салту и знающий в ней толк. Вон как быстро разобрался и с седлом, и с неправильной посадкой, и всем, что Дару не мог объяснить просто потому, что не видел разницы между человеком и иреназе. Гаденьш, но в любимом деле – мастер. Бывает...

Джаид кивнула, вскинула лоур, как было показано позавчера: одним запястьем, не двигая локтем. Легонько шлепнула салту по чувствительному местечку перед самым кончиком носа, и послушный зверь рванул вперед, будто радуясь возможности размяться. А может, так и было? Если салту любят плавать, а их держат в тесных загонах и клетках, то для них оказаться на просторе – настоящая радость.

Вода била в лицо, но не так сильно, как ожидала Джаид, хотя все равно пришлось пригнуться к салту, оперевшись на специальный выступ сложного седла. Впрочем, и плыла она не слишком быстро: рыжий то и дело вырывался вперед, описывая большие красивые изгибы вокруг башен, и Дару, как приклеенный, держался немного позади и слева от него. Кари плыл рядом с Джаид – тоже слева. После очередного круга, который Джаид старательно повторила за рыжим, тот соизволил остановиться, и она тоже плавно натянула поводья, заставив салту замереть.

– Господин Кари, вы с братом лучше владеете левой рукой, чем правой? – спросила Джаид, поворачиваясь к охраннику.

– Конечно, – слегка удивился тот. – А у людей разве не так?

– Нет, – пришел черед Джаид удивляться. – Совсем наоборот. На земле почти все – правши. Я просто заметила, что вы всегда плывете слева, хотя лоур держите в правой руке.

Кари кивнул:

– Да, левая рука должна быть свободна – для оружия. У людей – наоборот? Забавно. Но, госпожа Джад, вы тоже держите лоур в правой.

– Как показали, так и держу, – пожала плечами Джад, глядя, как приближается светло-серебристый салту принца. – Мне все равно, я обеими владею одинаково... Господин Кари, я понимаю, что это не мое дело, но можно вопрос? Разве давать принцу дурманное зелье не означает причинять вред королевской крови? Кто же тогда мог это сделать?

Перед ответом Кари немного помедлил, но все же отозвался нехотя:

– Если бы мы знали. Каи-на Ираталь весь дворец перебрал по ракушке, опросил и слуг, и наложниц... Одно ясно, в городе он эту дрянь добыть не мог. Хоть мы и опозорились, не распознав гарнату вовремя, но службу несли честно, поверьте...

На этот раз по молчаливому соглашению во дворец они вернулись задолго до заката. И снова разделились: Джад под присмотром Кари отправилась к себе, рыжий в сопровождении Дару поплыл к отцу.

В комнате Джад опустилась на ложе, чувствуя приятную усталость во всем теле, и подумала, что еще немного – и силы полностью восстановятся. Чудесная штука эта тинкала: выпила несколько глотков, а будто здоровенный кус мяса съела. Лечат здесь на славу: и рана почти зажила, и внизу давно не кровит.

– Думаю, через пару дней можно снимать все повязки, моя госпожа, – ответил на ее мысли Невис, подплывая к ложу с очередной порцией лекарства и каким-то свертком. – У вас все замечательно заживает, как на маару.

– А у нас говорят: как на собаке, – улыбнулась Джад. – Что это?

– Ваша одежда, – торжественно сообщил целитель. – Его величество распорядился. Он считает, что вам будет удобнее в том, что похоже на ваш привычный наряд.

– Да! – выдохнула Джад, разворачивая то ли тонкую кожу, то ли плотную ткань. – Хвала богам, штаны!

Штаны, явно сшитые по мерке ее собственных, но из чего-то вроде темной парчи, светлая шелковая рубашка с коротким, до локтя, рукавом, пояс... Взвешивая на ладони тяжеленный, из ажурных золотых звеньев пояс, Джад закусила губу. Высыпала на ложе содержимое небольшого мешочка: пара огромных бриллиантов в роскошной оправе – серьги, россыпь самоцветов на дюжине золотых цепочек – ожерелье, кольца и перстни, массивный браслет, странно короткие и толстые цепи...

– Это на ноги, – невозмутимо подсказал Невис крутящей их в руках

Джиад.

– Понятно... И что из этого я должна надеть?

– Все, – удивленно сказал целитель. – Вы же избранная наследника, следует одеться сообразно вашему положению.

Джиад задумчиво сгребла сияющую россыпь, не поместившуюся в сложенные ладони, пропустила сквозь пальцы бесценным дождем. И спокойно сообщила подплывающему из дверного проема принцу:

– Я не жертвенное дерево у храма, чтобы столько всего на мне развешивать.

– А тебя кто-то спрашивает? – раздраженно, но как-то вяло откликнулся принц. – Здесь хоть голой плавай, а на охоте будет большая часть двора. Ты должна выглядеть достойно.

– Достойно – и вот это, – кивнула Джиад на кучку драгоценностей, – разные вещи. Сколько и чего наденет ваше высочество?

– А мне-то зачем? – искренне поразился принц, хлопая красивыми длинными ресницами. – Я загонщик: с меня все просто послетает.

– С меня тоже, – выразительно пообещала Джиад. – И будет очень жалко. Так что не надо заставлять.

То же самое она безмятежно-ровно повторила приплывшему вскоре королю, вызванному едва не плюющим от злости рыжим. Повторила, глядя в глаза и не чувствуя ни малейшей вины за то, что упирается в такой, казалось бы, ерунде.

– Но почему? – растерянно спросил король, медленно колыша хвостом у ложа, с которого в этот раз Джиад почтительно встала. – Все каина будут носить не меньше украшений!

– Потому что никто даже на миг не решит, будто что-то из этой роскоши принадлежит мне и было принесено с земли, – терпеливо и как могла вежливо объяснила Джиад. – Да и за высокородную меня принять сложно. Поэтому надень я чужие украшения – и насмешек над простолюдиной с земли, дорвавшейся до королевской сокровищницы, не избежать. Ваше величество, мне и так будет непросто, давайте не дарить вашему двору лишний повод почесать языки.

– Понимаю... – протянул через несколько долгих мгновений король, глядя на нее с каким-то новым выражением в глазах. – Что ж, похоже, вы найдете, что сказать тем, кто спросит, почему на вас вовсе нет украшений, не так ли?

– Полагаю, найду, – позволила себе тень улыбки Джиад.

– И не стоит, наверное, просить вас молчать о том, о чем не следует знать никому? – полувопросительно-полуутвердительно сказал король. –

О том, как вы встретились с Алестаром и что было потом...

– Об этой истории лучше молчать с самого начала, – ровно ответила Джаад, проглотив так и лезущее на язык, что если бы кое-кто вел себя, как подобает, ей бы не пришлось врать, покрывая чужие грехи. – Но если понадобится, я придумаю, что сказать.

– Вон тот браслет, – после нескольких мгновений молчания сказал король, – вы наденете его, госпожа Джаад, потому что он обручальный. Пока вы не в браке, браслет носится на предплечье правой руки. Нигде за пределами этой комнаты отныне без него не показывайтесь. Остальное – как пожелаете. И благодарю вас за мудрость и терпение.

Слегка склонив голову, он повернулся и выплыл из комнаты. За спиной фыркнул Алестар, и до Джаад дошла волна от его хвоста, шлепнувшего по ложу. Присев, Джаад сгребла с постели бесценную красоту, мимолетно полюбовавшись игрой света в гранях камней, ссыпала обратно в мешочек и вручила бережно принявшему его Невису. Покрутила в руках браслет – тяжелую массивную полосу золота, украшенную крупными рубинами цвета голубиной крови, невероятно дорогими и редкими. А может, стоило оставить несколько вещей и попытаться подкупить прислугу? Ей бы всего несколько свободных часов! Нет, вряд ли кто-то здесь пойдет на такую глупость.

– Это обручальный браслет моей матери, – послышался за спиной какой-то бесцветный голос рыжего. – Она... ушла к предкам. Не тебе бы его носить, но так решил отец. Потеряешь или повредишь...

Он осекся, явно не зная, что сказать.

– Да примут светлые боги душу ушедшей, – тихо сказала Джаад, поднося браслет к губам и касаясь ими холодного металла. – Не потеряю.

На охоту здесь выплывали затемно. Джаад, разбуженная спозаранку, открыла глаза, мгновенно, как по тревоге, сбросив сон. Рядом рыжий быстро застегивал сбрую из прилегающих к телу кожаных ремней; волосы он еще с вечера сам заплет в плотную круглую косу и теперь просто свернул ее и подколол на затылке широкой пряжкой, чтоб не болталась. Неодобрительно поджимающий губы Невис – целителю затея с охотой явно не нравилась – поднес им горячей пряной тинкалы, тщательно перевязал Джаад и лично подвесил ей на пояс небольшой кожаный кошель, пояснив:

– Синие – от боли, зеленые – при кровотечении. То есть кровить не должно бы, но вдруг... Все-таки целый день в седле. Если что, скажите охране, и вас тут же отвезут домой. Днем обязательно поешьте. И осторожнее, умоляю.

– Куда уж осторожнее, – улыбнулась ему Джаад. – Мне и шагу

лишнего ступить не дадут.

– И не надо, – хмуро подхватил рыжий. – Кстати, до места поедешь за спиной у Дару. В темноте все равно никто не разглядит, а салту по ночам пугливые. Рванет еще куда-нибудь...

– Хорошо, – пожала плечами Джиад, застегивая тот самый богатый пояс, что, подумав, решила надеть: очень уж тот на вид сочетался с браслетом. – Как скажете.

– Вот бы ты всегда такой покладистой была, – мечтательно протянул рыжий, толкая тяжеленную дверь и ожидая, пока Джиад проплывет под ней.

– Жди, когда жемчуг зацветет, – отозвалась Джиад, весь оставшийся вечер учившая с Невисом, как правильно и вежливо здороваться, просить извинения или прощаться, и что значат те или иные поговорки.

Больше они и словом не обменялись. В крошечной тьме ночного моря Джиад устроилась позади Дару, крепко взявшись за кожаные ремни на мускулистом торсе охранника. Кари прицепил к своему зверю поводок ее салту. Тесно, как могла, прижавшись, Джиад вместе с Дару наклонялась на поворотах, запоминая всем телом, как и насколько это делает иреназе. Море гудело в ушах, давило внутрь, лезло в глаза, так что она закрыла их, уткнувшись лицом в каменное плечо, прикрывшее от напора воды. Мелькнула мысль: хорошо, что рыжему в голову не пришло усадить ее с собой – Джиад даже вздрогнула от омерзения.

А потом море как-то сразу посветлело, и салту остановился, а рядом показались в молочной сумеречности еще два рыбозверя с седоками: Кари легко было узнать по могучему развороту плеч, а Алестара по посадке, и впрямь особенно щеголеватой, даже на ее неопытный взгляд.

– Пересаживайся, – бросил принц, не глядя в ее сторону. – Кари проводит и останется с тобой. Много не болтай... И так представляю, что ты наговоришь.

– Могу изобразить немую, – готовно предложила Джиад, соскальзывая со спины чужого салту и подплывая к собственному. – А еще слепую, глухую и парализованную. Тогда все точно поймут, почему я на тебя польстилась.

Она так и не поняла, кто издал этот звук проглоченного смешка. Не кто-то из братьев же? Но и Алестар... А, неважно! Море вокруг наливалось бирюзовым светом, становясь бесконечным и таким прекрасным, что дух захватывало. Джиад, оказывается, плавала на самом краю неизмеримо огромной впадины с дном, усеянным обломками скал. Немного дальше от обрыва их ждали. Кари тронул своего зверя, и Джиад

уже привычно взмахнула лоуром, следуя за ним туда, где виднелась сплошная темная масса, по мере приближения распадающаяся на отдельные силуэты.

– Позвольте приветствовать вас, светлейшая и драгоценнейшая госпожа избранная наследника, – очень церемонно сказал кто-то, еще невидимый. – Да пребудет с вами благодать Троих.

– Да пребудет с вами благодать Троих, светлейшие каи-на-Акаланте, – ясно и громко отозвалась Джиад, останавливая салту, как только смогла различить лица, множество любопытных лиц, обращенных к ней. – Теплового моря, великодушного неба, далекой земли для всех вас.

Она отчетливо слышала шепотки и тихие разговоры, не только видя, но кожей чувствуя, что стала перекрестьем не одной дюжины взглядов. Что ж, это пустяки. Стоит лишь представить, что истинная цель – да вот хоть Кари! А она, Джиад, снова лишь молчаливая тень, щит между нанимателем и любой опасностью. Кто замечает тень? Взгляды скользят по ней или проходят насквозь.

Глава 14

Охотничьи забавы

Пара дюжин длинноволосых, действительно с головы до хвоста увешанных драгоценностями иреназе, среди которых только по чертам лица можно было различить мужчин и женщин, глядели на нее со спин парящих салту, растянувшись широким плотным полукругом, и Джад ответила спокойным взглядом, уже зная – спасибо Невису, – что опускать глаза здесь признак вины или покорности. Ничего, придворные, они где угодно одинаковые, только жаль, что сбежать с королевской охоты, как она надеялась по наивности, точно не выйдет.

– Говорят, что двуногих уже триста лет не бывало в наших водах, – с нагловатым задором сказал кто-то звонким девичьим голоском.

Джад нашла взглядом смазливое личико, обрамленное длинными золотистыми кудряшками, слегка улыбнулась:

– Все в воле богов, госпожа...

– Миалара, – томно отозвалась кудрявая красotka. – Миалара каи-на-Акаланте. А вы...

– Джад. Джад ири-на-Аруба, – вспомнила Джад, как будет правильно.

– Ири-на-а? – с показным удивлением надула пухлые губки Миалара. – О, госпожа Джад, не считите за оскорбление, но если уж наш принц решился найти себе пару с земли, неужели он не мог запечатлеть высокородную?

От молодых иреназе, постепенно сбившихся в тесную стайку, так и плеснуло испуганной волной шепота, тут же оборвавшегося жадной тишиной. Несколько хвостатых заметно старше держались в стороне, молча ожидая и не сводя с нее внимательных взглядов, – это Джад почувствовала еще более явно.

Выдержав томительную паузу, она неторопливо разомкнула губы, роняя слова все так же медленно и весомо:

– Истинно драгоценные камни сияют не только в золотой оправе, но и среди простой гальки. Полагаю, его высочество Алестар достаточно благороден и родовит, чтобы делать выбор по своему желанию, а не для того, чтобы возвыситься за счет чужого рода. Не так ли, госпожа Миалара?

Волна гомона! Право, как дети с их жадным любопытством и бездумной жестокостью. Джад улыбнулась про себя. «Скрывай правду за правдой», – гласит сутра храма.

– А как вы познакомились с его высочеством?

У паренька были темно-русые волосы и худое остроносое лицо. Не все иреназе красавцы, значит. Не снимая маски улыбчивой уверенности, Джад безмятежно ответила:

– Случайно. Мой король потерял в море перстень, и принц Алестар великодушно помог найти его.

– Да? А говорят...

Что именно говорят, не смог, похоже, вымолвить даже бойкий язычок не унимающейся Миалары, и Джад возблагодарила наставников за выучку и крепко вбитое: ты не потеряла лицо, пока не позволила себе это.

– Кто-то всегда что-то сплетничает, – сказала она скучающе. – И вот забавно: чем меньше у болтунов своих дел, тем больше их заботят чужие. Мой наставник говорил, что если про тебя не врут хотя бы раз в день, значит, ты уже умер, прожив бесполезную жизнь.

На этот раз захихикали не только среди молодых, от старших тоже донесся негромкий одобрительный смех, а затем спокойный низкий голос:

– Ваш наставник очень мудр, госпожа Джад. Скоро начнется охота и будет не до разговоров, но пока простите нам наше любопытство. Правда ли, что вы воспитывались в храме?

– Это так, – согласилась Джад.

– Жрица? – ахнул кто-то. – Троих или глубинных?

– На земле иные боги, – Джад чуть пошевелила поводьями, устраиваясь в седле удобнее. – Мы чтим Троих, но верований много, и каждый народ почитает своих богов. Мой господин – Малкавис, Повелитель гроз и битв.

– Жрица Малкависа, – повторил тот же приятный голос, и Джад отметила, что даже молоденькие болтуны не перебивают его. – Истинная редкость. В чем считается ваша плата, госпожа Джад, в серебре или уже в золоте? И сколько зарубок у вас на рукояти?

– О, вы знакомы с порядками храма? – медленно спросила Джад, пытаясь сообразить, хорошо это или плохо. – Я еще слишком молода для золота, его время придет лишь через три года. Но рукоять у меня вторая.

– Господин Иратель, – возмутился рыженький некрасавец, – нам тоже интересно! При чем тут серебро и золото? Что за рукояти?

– Расскажите сами, госпожа Джад? – весело предложил Иратель. –

Или мне?

– Лучше вы, – учтиво склонила голову Джиад. – Интересно было бы послушать, что знают о моем храме здесь, в глубинах моря.

– Извольте, – согласился Иратель, которого Джиад наконец-то не только разглядела, но и вспомнила, где слышала раньше. Это ведь он увел принца из двора для салту тогда, в первую их встречу. Случайность? Или...

– Далеко отсюда, на побережье южного моря, что мы зовем Водами ста жемчугов, есть человеческий город, называемый Аруба, – неторопливо начал Иратель в полной тишине. – Побережье – это сплошные бесплодные горы и песок, редко где сама по себе растет зелень. Но Аруба живет и процветает благодаря своим храмам. Там воспитывают детей, которые почему-то остались без родителей и других родственников. Домом и семьей для них становится храм, и говорят, что тамошние боги сами выбирают себе жрецов. В храмах Малкависа из мальчиков и девочек растят не просто воинов, но личных стражей, самых лучших и верных. Когда юному воину исполняется два раза по девять лет, о нем говорят, что он стал серебром. Это значит, что желающий нанять его должен отдать храму вес воина в серебре и еще положить ему достойное жалованье. Когда же воину исполняется трижды по девять лет, он становится золотом.

– И плата – его вес в золоте? – ахнул кто-то, сообразив. – Ничего себе... За что? У людей так мало хороших воинов?

– Много, – скупно усмехнулся Иратель. – Хотя и среди них по мастерству воины Малкависа – те самые драгоценные камни в обычной гальке. Ведь их плавят и гранят всю жизнь, с рождения. Но есть вещи дороже мастерства. За что вам платят столько, госпожа Джиад? Я-то знаю, но нашим юношам и девушкам стоит это услышать.

– За то, – ровно и ясно сказала Джиад, – что храмы Малкависа стоят в Арубе уже полторы тысячи лет, и за это время ни один воин храма не предал своего нанимателя. Нам платят за то, что мы умираем раньше, чем наша честь.

– Воистину это так, – церемонно сказал Иратель. – Благодарю вас, госпожа ири-на-Аруба.

– А... рукоять? – жалобно поинтересовался кто-то из-за спин после восторженного молчания и жадных взглядов, пронизывающих Джиад, замершую на салту, словно стрелу проглотила.

– Ну, это же просто, – усмехнулся Иратель. – На рукояти отмечают зарубками убитых врагов. И меняют ее, когда места не остается. Кстати, а что вы делаете со старой?

– Приносим в храм, – негромко сказала Джад, – и посвящаем Малкавису. После смерти я отвечу перед своим повелителем за каждую отнятую жизнь: было ли это в самом деле справедливо и необходимо.

Гомон окутал Джад, облепил со всех сторон, как облепляет слизистая медуза. Мелькали глаза, улыбки, красивые и не очень лица, драгоценные побрякушки и сложные прически. Джад вежливо улыбалась в ответ, выслушивала назойливое и робкое восхищение, вопросы, на которые не успевала отвечать, приглашения на праздники и просто в гости...

– Салту! – вскрикнул вдруг кто-то. – Смотрите, салту!

И лишь тогда вязкая хвостатая толпа растеклась от Джад, у которой мучительно чесалось между лопатками, словно кто-то умелый и спокойный прицелился туда и вот-вот спустит стрелу.

– Салту плывут!

Кари, которому такая толпа поблизости явно не нравилась, вздохнул свободнее, а с другой стороны возник Иратель, тихо проговорив:

– Блестяще, госпожа Джад. Вы покорили всех. Его величество говорил, что вы мудры не по годам, и это поистине так. Впрочем, чего и ждать от избранницы бога?

– Полагаю, это не столько моя заслуга, – так же тихо ответила Джад, не позволяя себе соскользнуть в нарастающее раздражение, – сколько ваша. Вы очень умело задаете вопросы, каи-на Иратель. И еще более умело рассказываете.

– Злитесь? – проникательно спросил Иратель, глядя не на Джад, а вдаль и вниз, где среди огромных скал замелькали быстрые длинные тени, сверху выглядящие не длиннее пальца. – Не стоит, право. Мои извинения, если хотите. Я лишь выполнял приказ короля.

– Показать меня с наилучшей стороны? – усмехнулась сжатыми губами Джад.

– И это тоже, – слегка кивнул Иратель. – Но главное, смотреть и слушать. Я начальник дворцовой охраны, госпожа, и я вам не враг, пока вы ничем не навредили моему королю и его семье. Но узнать, кто мажет грязью имя принца, для меня важнее вашего спокойствия, уж простите.

– Ничего, – буркнула Джад, успокаиваясь. – Если по службе – это я понимаю. Узнали?

– Нет, – спокойно сказал Иратель. – Миалара болтает, но она болтает всегда, ничего толком не зная. Смотрите, сейчас пойдет стадо, а следом загонщики.

Джад пригляделась: с дальнего края котловины, словно капли ртути, катились все новые и новые блестящие серые точки, стремительно

вырастая в размерах.

– Стадо, – равнодушно сказал Иратель. – Дикие салту.

– И их будут ловить? – поразилась Джиад, представив страшную живую мощь, летящую в воде над скалистым дном. – Как это возможно?

– Ловить – потом. Сначала надо рассечь. Направить между самыми высокими скалами, чтобы стадо разделилось на несколько потоков. Потом – снова. И уже в конце загнать в сети. Большое искусство, моя госпожа. И большой риск для загонщиков. Они постоянно между взбешенными дикарями и скалами. Смотрите.

– С ума сойти, – прошептала Джиад, приглядевшись и действительно различив на некоторых салту фигурки иреназе, плотно прилипших к спинам рыбозверей. Около дюжины смельчаков гоняли стадо по котловине над самыми скалами, ловко отсекая то одного, то другого зверя и направляя его к проходам из котловины, где – Джиад догадалась – подстерегала добычу сеть. – Это же... смертельно опасно.

– Мне каждая охота принца новых седых волос стоит, – тусклым голосом подтвердил Иратель. – Но что поделать? Загонщики у нас, как у вас жрецы Малкависа, на вес золота. А принц один из лучших, и все это знают. Негоже королевской крови отсиживаться во дворце, пока другие рискуют жизнью.

– А если королевскую кровь по скале размажут или на части порвут? – поинтересовалась Джиад.

Иратель молча пожал плечами. Потом обронил тихо:

– Это дело чести. Да и не так уж часто, пару-тройку раз в год. А то и реже. Найти такое стадо – особая милость Моря. Меня сейчас другое пугает. Будто в спину кто-то смотрит...

– Вам тоже?

Иратель глянул на нее, медленно кивнул и отплыл, легонько похлопывая своего салту лоуром по носу. Джиад не сводила взгляда с мечущихся загонщиков, пытаясь угадать, где Алестар. Вон тот? Или тот? Издалека цвет заплетенных волос не разглядеть, хоть вода и прозрачна, как только может быть прозрачна морская вода.

Один из всадников постоянно оказывался у скал чаще и ближе других, и Джиад нутром почуяла – он. Паршивец рыжий, безумец! Как вообще можно доверять свою жизнь скорости и увертливости зверя? Затаив дыхание, она искала глазами пропавшего куда-то Алестара. Потом прислушалась.

– Ну, язык у нее хорошо подвешен, – разглагольствовал знакомый уже голосок за спиной. – И куда длиннее, чем волосы. Вот интересно, а у людей

тоже обрезают волосы рабам и преступникам? Удивляюсь, как наш Алестар на такое польстился. Хотя не очень-то он и польстился, судя по всему. Если браслет не считать, на этой жрице ни единого колечка нет. А когда это Аль жадничал? Да у него наложницы в десять раз наряднее, чем эта... серебряная. Вы Кассию вспомните! Та хоть красавица была! И высокородная, нашего круга!

– Мы-то Кассию помним, а вот тебе стоило бы язык придержать, – сухо сказала другая девушка. – Ты ей подругой уж точно не была.

– Можно подумать, Эрувейн, ты была, – глумливо фыркнула Миалара. – Да ты пока своего кариандца не встретила, на Алестара сама облизывалась – аж хвост дрожал.

«И это высокородная девушка, – устало подумала Джаад, глядя, как загоняют оставшихся салту, и не собираясь выдавать, что слышит все, что говорится довольно далеко от нее – вдруг что интересное прозвучит. – А ведет себя – портовая девка, да и только. Любопытно, неужели рыжий и ею не погнушался? Вот была бы достойная парочка...»

– Не твое дело, – с холодной брезгливостью ответила Эрувейн, – на кого я облизывалась. Но при Алестаре о Кассии лучше не вякай. Нечего ему душу беречь. А будь у тебя ума хоть в половину столько, сколько наглости, давно бы поняла, что принцу ты нужна, как...

Договорить она не успела. Миалара взвизгнула, заглушая весь гомон разом:

– Вы зато нужны! Что ты, что этот кусок топляка стриженный! Да ей обручальный браслет идет, как мурене жемчуга!

– Не тебе бы рассуждать про мурену и жемчуга, – сказал вдруг в отчетливой тишине голос, который Джаад никак не думала услышать здесь и так скоро. – Пожалуй, я скорее мурену в постель возьму, чем тебя. Она хоть молчит. Что ж, если тебе так не нравится видеть мою избранную, это легко исправить. Запрещаю тебе показываться нам с ней на глаза. Ты в опале у королевского рода, Миалара каи-на-Акаланте!

Стало тихо. Очень тихо. Джаад повернулась, наткнувшись взглядом на бледного от ярости Алестара и недоумева, что он так разозлился. Сам же считает Джаад хуже салту...

– Алестар, – прошептала тоже белеющая на глазах Миалара, у которой даже кудряшки как-то жалко повисли, – я не хотела... Я прошу прощения...

– Не у того просишь, – звонко и зло сказал Алестар, подплывая к Джаад. – Возможно, когда-нибудь моя избранная тебя и простит. А сейчас покинь нас.

Что-то говорили вокруг, оттесняя рыдающую Миалару, заслоняя ее

от тяжелого пристального взгляда, которым Алестар проводил дурочку, о чем-то спрашивал Иратель, а Джиад зябко передергивала плечами, между которых прямо чувствовалось острие стрелы – вот-вот вонзится.

– Ну и зачем? – хмуро спросила она встрепанного, с распутившейся по плечам косой Алестара.

– Только не думай, что ради тебя, – тоже негромко, но надменно фыркнул рыжий. – Ты моя. Тот, кто оскорбляет тебя, оскорбляет этим меня, понятно?

– А-а-а, – усмехнулась Джиад. – Понятно. А то я испугалась, что ты заболел.

* * *

Бросив рассеянные по котловине остатки стада – теперь загонщики и без него справятся, – Алестар кинулся наверх, туда, где над обрывом собрался едва ли не весь город. Большая охота – зрелище редкое, даже гонки на арене бывают куда чаще. Но до города Алестару дела не было, а вот среди молодых каи-на, которым должен представить его избранную Иратель, хватает и ядовитых тварей, что не упустят случая поточить зубы, и просто дурачья.

И ведь точно! Выплывая из-за скалы, Алестар издалека услышал Миалару и сначала обомлел от ее наглости, а потом закипел, как вода возле проснувшегося вулкана. Что она себе позволяет? И почему Иратель это терпит? Измученный салту от укола лоуром вылетел наверх, едва не врезавшись в чьего-то зверя, и Алестар на одном дыхании выпалил то, что следовало сказать давным-давно. С мстительной радостью увидел ужас на бледной мордочке Ми, обвел взглядом остальных, молча приглашая: кому еще хочется сказать гадость?

Но... никому не хотелось. Остывая и чувствуя себя полным болваном, Алестар слушал громкие разговоры, смех, поздравления с запечатлением и понимал, что ничего такого ужасного здесь без него не произошло. Наоборот! Весь цвет Акаланте в совершенном восторге от двуногой! В ее адрес сыпались похвалы и восторги, ее расспрашивали о чем-то, просили пожаловать в гости и удивлялись умению править салту.

И двуногая вела себя не просто достойно – по-королевски! Сдержанно улыбалась, спокойно отвечала на вопросы так, что самый придирчивый и внимательный слушатель не заподозрил бы между ней и Алестаром неладного, и даже на салту держалась хотя и не очень уверенно,

но правильно. И получалось, что зря он бросал охоту и торопился сюда спасать и помогать: без него замечательно обходились.

– Госпожа избранная, – спросил кто-то из толпящихся вокруг придворных, – не посчитайте меня невежей, прошу, но почему вы не носите драгоценностей? Это какой-то жреческий обет?

– Не совсем, – усмехнулась двуногая, небрежно почесывая нос разомлевшему салту. – Просто не привыкла. В бою ожерелье или серьги опасны: противник может за них дернуть. А вот широкие браслеты и кольца неплохо защищают руки, их я носила. Да и пояс – вещь полезная.

– Только защита? – загомонило сразу двое-трое. – Разве драгоценности не для красоты? А как же вокруг узнают, что вы не простолюдинка, если будете без украшений? Разве это не умалит вашей чести?

– А разве моя честь в сверкающих камешках? – мягко и весело спросила двуногая, будто разговаривала с детьми. – Вот его высочество, разве он не из лучших наездников Акаланте?

– Да, но что с того?

– То, что хоть увешайся он золотом и алмазами, хоть сними их совсем, править салту он от этого станет ни лучше, ни хуже. Да и салту его не станет быстрее, если бляхи на упряжи усеять жемчугом, верно?

– Верно, – растерянно подтвердили из толпы.

– Ну вот, – спокойно закончила двуногая, – если кто-то не умеет себя вести, то драгоценности дела не спасут. Он просто будет невежей в драгоценностях.

– И Миалара тому пример, – заметила Эрувейн, протискиваясь ближе. – Госпожа Джиад, ваше высочество, мои искренние поздравления с началом союза, да будет он счастливым и долгим.

– И тебе тоже, Эруви, – отозвался Алестар, протягивая подруге детства руку и пожимая тонкие пальчики. – Не ожидал, признаюсь. Но желаю счастья от всего сердца.

– Я уже счастлива, Аль, – озорно блеснула глазами Эрувейн, отвечая на пожатие. – Приглашаю на свадьбу тебя и твою избранную.

– Обязательно приплывем, – кивнул Алестар, зная, что этого не будет. Отец уже сказал о своем нежелании, чтобы их слишком часто видели вместе, задаваясь вопросом, почему свадьба принца откладывается. Вот посмотрели, что выбор он сделал достойный, хоть и необычный – и хватит с акалантцев. А тем из придворных, кто захочет во что бы то ни стало и дальше общаться с избранной принца, вежливо объяснят, что госпожа Джиад еще не настолько привыкла к морю и неважно себя чувствует. Вот так вот. А потом приплывет кариандка...

– Добычу подняли!

На обрыв выплыл паренек-посыльный, срывая голос от восторга. Первая охота, наверное?

– Добычу подняли. Ваше высочество!

– Моего не трогать, – поспешно сказал Алестар, отводя протянутый кем-то крюк с длинным жестким канатом. – Он и так умаялся, бедняга, пустым поплывет.

– Это что? – с недоумением спросила двуногая, вертя в руках точно такой же крюк.

Рядом наперебой принялись объяснять и предлагать помощь, что Алестар быстренько прекратил:

– Благодарю, господа, я вполне способен объяснить своей избраннице, куда и как это цеплять.

Забрал у двуногой крюк, пристегнул к нужной пряжке, пояснив устало:

– Добычу надо отвезти в город. Дички в сетях, веревки от сетей протянут к вашим зверям, а они сильные и свежие, быстро отволокут.

– Хитро, – оценила двуногая. – Вот для чего непременно нужны зрители на салту?

– Ага, – ухмыльнулся Алестар. – Кому-то же надо все это добро тащить. Хорошая охота была... А знаешь...

Он наклонился, отцепил крюк от салту двуногой и сунул кому-то из слуг. Оглянулся на Иратель, махнул рукой, и тот поспешно подплыл.

– Господин Иратель, – негромко сказал Алестар, – мы, пожалуй, не будем задерживаться. Поплывем сразу домой. Хватит на сегодня.

– Разумно, ваше высочество, – поклонился начальник охраны. – Прикажете поменять вам салту на свежего?

– Нет, на этом доплыву, – Алестар ласково погладил зверя по могучей спине перед седлом. – Он уже передохнул. Проплывем восточным краем, хочу показать равнину... избранной.

Почему-то звать ее так было легче, чем по имени, его Алестар так и не мог себя заставить произнести. Джиад... Джи-ад...

Иратель снова поклонился, двуногая – Джиад! – глянула вопросительно, однако послушно тронулась вслед за Алестаром и воссоединившимися братцами.

– Увидишь, – пообещал Алестар, огибая по широкой дуге и надоевших своим гвалтом высокородных, и огромную сеть с шевелящимися внутри салту, что уже медленно плыла на натянутых канатах.

Они проплыли назад, а потом свернули влево: над котловиной к ее

восточной стороне, противоположной той, с которой смотрели зрители. Двуногая молча поглядела вниз, на огромную толщу воды, едва пронизанной лучами светила. Там, в скалах, уже наступали глубокие сумерки, и острые пики казались еще более зловещими.

– Иратель каждый раз просит отца не пускать меня на охоту загонщиком, – сказал Алестар, сам удивляясь, что это его разобрало поговорить. – Говорит, что опасно.

– Разве нет? – бесстрастно спросила двуногая.

– Конечно, опасно, – фыркнул Алестар. – Охота – опасна, арена – опасна, выплывать далеко за город – опасно, объезжать салту – тоже опасно! А что не опасно? Ловить медуз длинным сачком? Или водоросли в садах собирать? Так там тоже краб может ущипнуть. Ладно, ерунда это... Смотри!

Они достигли края котловины – скалистого узкого хребта, и на другой его стороне открылось зрелище, от которого у Алестара всегда замирало сердце. Бескрайняя пологая равнина, ниже хребта, но выше дна котловины. Отсюда, сверху, было хорошо видно песчаное дно, кое-где бугрящееся камнями: не такие острые, как скалы в котловине, они сыто круглились зелеными от мха боками. Были там и рыжие, и серые, и темные валуны, между ними сновали рыбы и прочая живность, и все это уходило в неизмеримые дали, рассеченные почти на границе видимого тремя огромными темными пятнами.

– Ох, – выдохнула двуногая, распахнув черные глазища в явном восторге.

– Видишь темное? – подсказал Алестар. – Это вулканы. Три Спящих Брата, граница между нами и Суаланой. Вот с этой равнины мы и пригнали салту. Еще несколько дней – и ушло бы стадо к соседям, да и так пришлось повозиться. Ну все, поплыли домой.

Он круто повернул зверя, снова срезая путь над котловиной, Дару и Кари бдительно прилипли к ним, плывя по бокам и чуть впереди. Двуногая молчала, и Алестар был только рад, ему и самому не хотелось разговаривать. После охоты в крови всегда плещется азарт и злость, которые растворить бы в поцелуях и ласках погорячее. Но с кем? От одной мысли снова уложить на песок двуногую – да хоть бы и на ложе – окатывала холодная мерзкая дрожь. Слишком памятливы были синяки на смуглой коже, отчаяние и боль в бездне зрачков, распухшие губы. Санлия? Да, она всегда рада своему принцу, но в последнее время вечно грустит. Она будет стараться угодить, а Алестар чувствовать себя равнодушной дрянью – нет уж. Остальные наложницы и вовсе вызывали

только одно желание: отправить их по домам, не дожидаясь свадьбы. Приданое заработали, что им еще нужно?

Алестар глубоко вздохнул, склоняясь ниже к спине режущего воду зверя. И почему нельзя плыть так вечно? Куда-нибудь далеко-далеко, как Исковиаль, решивший доплыть до края мира! И не думать ни о чем: ни о двуногой, ни о заботах, которых никак не снять с отцовских плеч, хоть все счета проверь, ни о Кассии, до сих пор не отомщенной. Ни о чем!

Сумерки догоняли их сзади, погружая море в вечернюю мглу, предвестницу ночного мрака. Проплывая окраинами города, Алестар почувствовал, как желудок сосет от голода. Нащупал флягу с тинкалой, глотнул, обернулся к двуногой, жестом предложив и ей. Та помотала головой. Не голодная, что ли? Или брезгует после него?

Дворец уже сиял вечерними огнями, но Алестар, отведя салту в загон, свернул дальше на скотный двор, бросив:

– Мне присмотреть надо. Хочешь – плыви в комнаты.

Он не ожидал, что двуногая последует за ним, но та неуклюже поплыла рядом. Весь скотный двор заливала радостная суматоха. Высоко громоздились массивные сборные клетки, одни уже заполненные яростно бьющимися дичками, другие еще пустые. Вот несколько рабочих проволокли очередную сетку, подняли ее за края крючьями и растянули в огромной раме, приоткрыв верх. Длинной палкой с петлей захватили в мешанине тел подвернувшийся хвост, вытянули наверх и отволокли салту к нужной клетке, ловко пропихнув извивающегося зверя внутрь.

– Зачем вы их ловите? – спросила подплывшая двуногая. – Разве взрослые приручаются?

– Нет, конечно, – ответил Алестар. – Только мальки. Взрослые идут на убой. Мясо, кожа, кость и зубы – все пригодится. Эй, а ну стой! – заорал он, бросаясь к очередной добыче, что тянули за хвост в клетку. – С ума сошли?

– Простите, ваше высочество, – виновато отозвался слуга. – Недосмотрели. Сейчас в отдельную определим...

– Хвост оторву, – пообещал Алестар. – И завтра с утра каждую клетку проверю! Спаси вас Трое, если там еще такие недосмотры в общих клетках.

– Что не так? – двуногая была любопытна, как молодой салту.

– Самка с брюхом, – хмуро ответил Алестар. – Они ее чуть к самцам не засунули. Те, конечно, не тронут, но она может мальков в тесноте скинуть. Медузы безмозглые, брюхатую самку не разглядеть!

– Я бы не разглядела, – пожалала плечами двуногая. – Правда,

я не иреназе. А какая разница, если на убой?

– Но не брюхатую же! – возмущенно воззрился на нее Алестар. – Ты что! Ее выпустят. Завтра же. Отвезут осторожно прямо в клетке и выпустят на равнину. Еще и пяток самцов придется отпустить вместе с ней, чтобы было кому охранять и водить молодежь. Через пару лет вырастет новое стадо. Убить брюхатую самку – грех перед Морем.

– А-а-а, – облегченно протянула двуногая. – Понятно.

– Там еще несколько должно быть, – сказал Алестар, зорко следя, чтоб зверей растаскивали куда положено. – Не одна же она в стаде брюхатая была.

– А что, кроме принца за этим приглядеть некому?

– Есть. Но мне и самому несложно. А слуги должны знать, что за ними присматривает господин, а не только управители.

– Разумно, – согласилась двуногая. – Ваше высочество, а кто эта Миалара, от которой вы меня столь благородно защитили?

– Издеваешься? – зло спросил Алестар, не сводя глаз с очередной трепыхающейся сетки.

– И не думала, – заверила двуногая с явной насмешкой. – В самом деле, кто?

– Дочь третьего советника Лорасса. Та еще... мурена. Погань завистливая, вечно пыталась между нами с Кассией грязи в воду налить. Очень ей хотелось в моих фаворитках поплавать. Если бы не ее отец...

– Отправлять в опалу дочь королевского советника ради меня... – негромко сказала двуногая. – Стоит ли?

– Стоит, – уверенно отозвался Алестар. – Дело не в тебе, а в том, что она оскорбила мою избранную. Не мог же я ей это спустить?

– Да, пожалуй, – спокойно согласилась двуногая. – Ваше высочество, позвольте вас оставить? Я немного устала.

– Позволяю, – рассеянно отозвался Алестар. – Кари проводит...

И тут до него дошло, что он только что сказал, и даже не в злой горячке, а просто так, походя. Дура-а-ак... Внутри сразу стало горячо, будто хлебнул тинкалы со специями, он даже задохнулся от стыда и еще чего-то, незнакомого, щемящего, почти мучительного. Поймал двуногую за руку и потащил за собой, бросив встревоженной охране:

– Здесь подождите!

Втолкнул в проем между двух высоких стен постоянных загонов, прижался всем телом, притиснув к стене, обняв за плечи, и горячно зашептал в ухо:

– Тихо, погоди... Не бойся, я ничего не сделаю... Ничего, слышишь?

Я просто... Я отпущу... сейчас... потерпи немного, прошу...

Даже сквозь рубашку ее тело было горячим и таким... правильным. Алестар чуть не застонал от ощущения этой невозможной правильности, без которой непонятно как до сих пор обходился. Вот словно его когда-то разорвали пополам, а теперь вернули недостающую часть, и та мгновенно приросла, так что как теперь отделиться снова?

Он уткнулся губами куда-то ей в шею под ухом, изнывая от невозможности получить больше. Вот прямо сейчас, здесь, в теплой темноте, скрывающей их от всего мира. Он бы сделал все очень ласково! Так нежно, как никогда!

– Я... отпущу... – повторил он отчаянно, – сейчас... не бойся. Просто...

– Прилив, – ясно и холодно отозвалась двуногая. – Я понимаю, Невис рассказывал о запечатлении.

– Прилив, да, – безнадежно прошептал Алестар, глядя напряженные плечи ладонями. – Я ничего... не сделаю. И знаешь, я бы все равно не дал никому тебя обидеть. Я охоту бросил, чтобы наверх, к тебе... Ты же никого там не знаешь, не знаешь, какие мы бываем.

– Я знаю, – прозвучало из темноты негромко и тускло.

– Нет, – простонал Алестар. – Нет же... Не суди всех по мне, слышишь? И в Бездну Миалару. Она волоска твоего не стоит. Я глупость ляпнул, дело не в том, что ты избранная. Я бы все равно...

– Это запечатление, принц, – тихо сказала двуногая, не сопротивляясь, не пытаясь отодвинуть Алестара или уклониться от его губ, скользящих по шее и плечу под расстегнутой рубашкой. – Это говорите не вы. Просто прилив. Отпустите, прошу. Сходите к наложницам, что ли...

– В Бездну наложниц, – упрямо проговорил Алестар срывающимся голосом. – Сам знаю, что запечатление. Подлость... Я не на тебя злюсь, понимаешь? Даже когда говорю... Не на тебя. Запечатление – это подлость. Я бы тебя просто отпустил, клянусь. А вместо этого мучаю. Погоди, я сейчас... Сейчас отпущу...

Он всхлипнул, мучительно и остро ненавидя себя за постыдную слабость, мольбу в голосе, за то, что сейчас что угодно отдал бы, чтоб впиться в эти узкие, чуть припухлые темные губы поцелуем, раздвинуть их кончиком языка, запустить ладони под рубашку и ниже, спуская штаны со стройных бедер... Нельзя! Нельзя-нельзя-нельзя... И он лишь прижался губами еще плотнее к бьющейся под тонкой кожей жилке, изнемогая и не в силах оторваться. Показалось, сам раскалился так, что еще немного – и вода рядом закипит. Все вокруг плыло в сладком горячем мареве, жарком,

бесстыдным... Алестар снова всхлипнул, потянувшись к двуногой уже не телом, и без того прижатым теснее некуда, а как-то иначе: внутренним существом, как тогда, дыша за двоих... И провалился в пустоту.

Он судорожно вздохнул, потом еще раз, и еще. Все вокруг было прежним: вода, темнота, горячее неподвижное тело в его руках. Но только если Алестар ощущал себя жаром, готовым согреть хоть все море вокруг, то она в его руках и под губами... Холод. Пустота. Провал куда-то, где нет ничего, кроме холода, пустоты и усталости. Она не сопротивлялась, о нет! Она просто тихо и безнадежно ненавидела, покоряясь и терпя его ласки, потому что так ей было велено – терпеть приливы чувств и желания между запечатленными. Терпела! И ждала, как ждут конца чего-то очень гадкого и изнурительного.

Алестар отпрянул, как обожженный. Сглотнул, не зная, что сказать и можно ли тут сказать хоть что-то. Попросить прощения? Сказать, что не хотел? Что не обидит, будет нежным и ласковым? Да кому нужна его нежность? Все, чего от него хотят – теперь-то он знал это так ясно, будто сам чувствовал, – чтобы не завалил по-настоящему. Хотя бы сегодня. А лучше – никогда. Иначе как бы не стошнило.

– Прости, – с трудом выговорил он онемевшими губами. – Прости... Плыви... Я... не хотел...

Тело, только что невесомо парящее, налилось свинцом, в висках застучали молоточки. Алестар медленно, с трудом убрал ладони, будто прилипшие к плечам его... избранной. Шевельнул хвостом, заставляя себя отодвинуться. С тупым запоздалым стыдом подумал, что даже он, иреназе, устал за целый день в открытом море, а что же говорить о человеке? О девушке, раненой и голодной, да вдобавок вынужденной терпеть рядом кучу ненавистных существ, ничем не выказывая истинных чувств. Да его одного рядом для нелегкого дня с лихвой хватило бы!

– Плыви, – беспомощно повторил он, первым выбираясь из укрытия. – Отдыхай... Я... позже вернусь.

Стремительно рванул на середину двора, еще не зная зачем, лишь бы подальше, и с ходу набросился на мальчишку-конюха, что тыкал острой палкой в шевелящуюся на дне сеть.

– Ты что делаешь?

– А что я, ваше высочество, – заныл тот, отплывая на пару взмахов хвоста. – Это же салру... Мне его сказали зарезать...

– Да хоть бы и салру! – рявкнул Алестар. – Зарезать, а не мучить! Исчезни с глаз моих!

Не глядя на бросившегося наутек мальчишку, он трясущимися

пальцами распутал сеть. Точно, салру... Малек совсем... Да что за день такой поганый?

– Что такое салру? – слышался из-за спины бесцветный, смертельно усталый голос. – Я сейчас уплыву, правда...

– Салру – это салру, – вздохнул Алестар, поднимая за хвост слабо шевелящееся тельце, от которого в воде расплывалась кровавая муть. – Видишь, не серый, а серебристый. И полоса темная по хребту. Выродок. Не приручается. И даже в стае не живет. Вырос бы и ушел, стал охотником-одиночкой. Салру умные, гораздо умнее обычных салту. И быстрые. И выносливые. Но не приручаются, никак.

– А если просто отпустить? Как тех самок?

– Нельзя, – вздохнул Алестар. – Слишком маленький, один не выживет. Будет искать стаю, а там его сразу разорвут на части. Раненый, кровью пахнет. Даже в клетке не оставишь подлечиться, он еще рыбу есть не умеет. Таким малькам мать жует и отрыгивает. Я как-то в детстве пытался приручить, так чуть пальцев не лишился. Ладно, хватит мучить...

Он потянулся к поясу за ножом, салру, будто поняв его движение, заизвивался сильнее.

– погоди, – вдруг просительно сказала двуногая. – Можно... я попробую? Клетка много места не займет...

– Приручить? – недоуменно оглянулся Алестар. – Я же сказал, не выйдет.

– А вдруг? Не приручить, так хоть подрастить немного и выпустить здорового. Все равно мне здесь нечем заняться. Можно? Я... прошу...

Просит? Это его бешеная двуногая, от любых угроз и боли становившаяся только злее и ядовитее, чего-то просит? Алестара снова обдало горячим, щеки запылали, жар покатился ниже, куда-то к сердцу.

– Да пожалуйста, – сказал он растерянно и торопливо. – Сейчас велю клетку... На, держи!

И пошутил, вымученно усмехаясь, чтобы скрыть непонятный стыд:

– Как раз по тебе питомец, тоже... неприручаемый.

– Вот и попробуем договориться, как два салру, – ответила усмешкой на усмешку двуногая, принимая тяжелое тельце.

На мгновение их пальцы соприкоснулись, и по всему телу Алестара снова прокатилась до унизости сладкая истома.

Глава 15

Забавы продолжаются

В ночь после охоты рыжий в их общую комнату так и не явился. Не то чтобы Джад его опасалась, просто слишком хорошо понимала, что рано или поздно снова придется лечь под принца. Лучше бы, конечно, попозже, но придется. Запечатление – счастье для избранных? А если оно связывает ненавидящих друг друга? Ох, и мерзкая шуточка богов тогда получается.

Выпив очередную порцию зелий и выдержав осмотр, Джад понежилась в горячей ванне комнаты чистоты, расчесала найденным гребешком спутавшиеся за день волосы и удобно устроилась на ложе, оказавшемся для нее одной с непривычки необыкновенно просторным. Честно ответила на удивленные расспросы Невиса о мальке салру, что скучно совсем ничем не заниматься. Да, она понимает, что не приручаются. Лишь бы подрастить. Жаль – ни за что погибнет рыбешка.

Невис сочувственно покивал, осмотрел малька, вяло плавающего в огромной для него клетке, принесенной и собранной Дару, поцокал языком. Подтвердил, что такие малыши едят рыбную жвачку, которую отрывает для них мать. Что ж, рыжий был прав, и Джад подумала вслух, что тогда обычная жеваная рыба может и не подойти. Ей вспомнились земные звери и птицы, которые кормят детенышей таким же образом. У них еда еще и частично переваривается, чтобы малыши получили нежную кашу. Невис, по-человечески озабоченно почесав крючковатый нос, предположил, что можно набрать жвачки в загон для ручных самок-салту с мальками. Зато целитель, покопавшись в своем сундучке, нашел какую-то темную вязкую мазь и густо залепил раны на хвосте отчаянно извивающегося малька, пока Джад держала его за голову. В общем, вечер, спасибо маленькому рыбенышу, вышел тихим и мирным.

Укладываясь, Джад плотнее натянула покрывало и завернулась в него, пытаясь создать хоть какое-то подобие земного уюта и отгородиться от вездесущего моря, но добилась только того, что насквозь пропитанная водой кожа облепила ее толстым мягким слоем. Как ни странно, этого хватило, чтоб окончательно согреться и расслабиться.

Уже засыпая, Джад напомнила себе, что это всего лишь один день. Да, вроде бы удалось ничего не испортить на охоте. Да, рыжий вел себя

на удивление пристойно, пока... Тут она поморщилась, вспоминая горячие ладони на теле и еще более раскаленный шепот. Понятно, с чего его так разобрало: после охоты принц разве что не светился от лихорадочного возбуждения. И, конечно, решил сбросить его вот так. Странно, что удержался... Как же мало она знает о запечатлении, этом проклятом запечатлении, от которого зависит ее судьба! Невис говорил, что приливы – это правильно, так тела и души запечатленных познают друг друга ближе. И что со временем связь будет только крепнуть. Малкавис, осени благодатью своей жрецов, что ищут средство разлучить ее с рыжим. Скорее бы...

Потому что бежать вряд ли выйдет. За все это время ей ни разу не удалось остаться наедине за пределами дворца ни с одним из охранников, ни с самим принцем. Да, охрана была мягкой и почти незаметной, но Джиад чувствовала постоянное ровное внимание близнецов и краем глаза часто замечала позади себя мелькание чьей-то чешуи в темных коридорах дворца. Выпустила бы она сама такую ценную пленницу, от которой зависит жизнь наследника? Нет, конечно. Вот и начальник охраны Иратель не выпустит, можно не сомневаться.

Алестар явился поздно утром, когда Джиад уже позавтракала куском солоноватой сырой рыбы и неизменными водорослями. Растянулся на своей половине лежа, подергивая хвостом и старательно глядя в потолок, потом хмуро оглядел клетку у стены, буркнул что-то и сказал уже громче:

– Там в стаде была самка с недавним выводком, ее в загоне с мальками оставили. Этого она уже не примет, но жвачки набрать можно. Я велел принести...

– Благодарю, ваше высочество, – вежливо отозвалась Джиад. – Вы очень добры.

Вместо ответа рыжий фыркнул и опять растянулся на спине, то ли задремав, то ли сделав вид. Джиад дождалась слугу с комком липкой рыбной массы и устроилась возле клетки, отщипывая крошки и терпеливо скормливая их рыбенышу. Быстро выяснилось, что просто плавающую еду дикаренок не замечает, подхватывая только те кусочки, которые двигаются. «Как лягушка, – сообразила Джиад. – Она тоже не видит дохлую муху, хоть под нос ей сунь».

После этого дело пошло веселее: она выпросила у Невиса какой-то прутик и кормила малька с него, водя кусочком жвачки перед носом. Клетку для этого пришлось открыть, и в какой-то момент малек, незаметно оказавшийся возле щели, попытался в нее юркнуть. Джиад свободной

рукой поймала его за испачканный мазью хвост и сунула обратно.

– Сиди тут, – хмыкнула тихонько. – Мал еще гулять...

Малек в благодарность за заботу попытался извернуться и цапнуть пастью, полной мелких острых зубов.

– Кусается?

Рыжий лениво сполз с ложа и подплыл к клетке, едва шевеля хвостом.

– Смотри, без пальцев останешься.

Джиад пожала плечами. Объяснения, что храмовый страж гораздо быстрее раненой рыбешки, прозвучали бы хвастовством, так что она просто наколола на прутик еще кусок жвачки, но маленький пленник – длиной с пару ладоней Джиад – смешно покрутил носом и отплыл, забившись в дальний угол клетки.

– Ну-ну, – протянул рыжий, возвращаясь на ложе и беря таблички, – поглядим...

Невис теперь оставлял их одних надолго: у седовласого целителя были ученики и целый лазарет под присмотром, а Джиад разве что по привычке береглась от резких движений. Под ребрами у нее чесался и шелушился кругляшок розовой морщинистой кожи – шрам от лоура, второй шрам, через плечо, давно зажил, оставив тонкую красноватую полоску. Да, лечить здесь умеют.

Джиад выпрямилась, отталкиваясь от пола, искоса глянула на рыжего, задумчиво играющего кучей длинных рыжих косичек. Не иначе, наложницы заплели. Может, даже Санлия. Кстати, вот бы к кому в гости заглянуть. Наверняка томная красавица знает много интересного о ближайшем окружении рыжего. Алестару легко раскидываться опалой, а вот отец нахальной Миалары вряд ли после такого особенно возлюбил принца.

Тяжкий вздох сам собой вырвался из груди. Что ей за дело до местных интриг? Она не охраняет ни короля, ни королевского сына – и хвала богам за это! Но разум, приученный везде и всегда отслеживать возможную опасность, не давал успокоиться: кто-то очень хочет убить принца Алестара, надежду Акаланте. Невелика потеря, да вот только слишком обидно будет и ей погибнуть зря, оказавшись досадной помехой или свидетелем. В таких играх никого не щадят, а уж двуногую зверушку с земли тем более не пожалеют.

До обеда они оба, будто сговорившись, откровенно валяли дурака, а на обед снова подали слизистую горку глаз маару, и рыжий уплетал их с наслаждением, а Джиад тоскливо подумала: надо бы передать поварам, что двуногие такое не едят. Капризничать в еде – последнее дело, но ведь

и правда – гадость, стоит представить, как они на языке лопаются. Она жевала сочные длинные листья водорослей, наверняка выращенные в больших садах, и думала, что не все так просто было с королевской охотой. Это ощущение чужого взгляда...

– ...хочешь?

– Простите? – вынырнула Джад из забытья.

– Я собираюсь прогуляться, – повторил рыжий. – Хочешь?

– Благодарю, – колебавшись, ответила она, – в другой раз.

Недовольное фырканье было ответом, а потом рыжий выплыл из комнаты.

Может и стоило согласиться, но слишком хорошо ей помнился закоулок между высокими стенами загонов. Лучше бы не давать рыжему возможности опять оказаться с Джад наедине и вдали от всех. А охрану он за зрителей не считает, так что... Нет уж, пусть гуляет в одиночку, а она найдет чем заняться.

Покормив подозрительно присматривающегося к ней малька и вызвав дежурного слугу, Джад передала королю просьбу разрешить прогуляться во внутреннем дворе. Вскоре пришел ответ, что в пределах дворца госпожа избранная совершенно свободна и необязательно каждый раз спрашивать разрешения. Слуга также сообщил, что должен сопровождать госпожу и выполнять все ее желания. Предвкушая прогулку, Джад подумала, не стоит ли заглянуть к Санлии, но соблазн просто поплавать почти на воле оказался слишком велик, и она отправилась во внутренний дворик, где оказалась полной хозяйкой: ни одного хвоста не мелькало в пределах видимости.

Подняв оставленный здесь в прошлый раз лоур, она встала на мощеное дно в начальную позицию и погнала малый круг связок для одного меча, с наслаждением чувствуя вернувшиеся силу и гибкость. Рискнула перейти к большому кругу, на «полете журавля над скалами» засбоила и начала заново, радуясь тому, что может работать почти в полную мощь. Вода действовала куда лучше любого утяжелителя, создавая сопротивление каждому движению, но Джад всегда любила тренироваться в храмовых прудах, отрабатывая движения по горло в прохладной воде. Мнимая потеря в скорости и легкости неизменно оборачивалась потом немалым выигрышем.

Да, «полет журавля» – это было рановато. А вот «сияние утренней звезды», медленное и плавное, – в самый раз. Полностью погрузившись в наполненный внутренней силой ритм движений, она не сразу поняла, что уже не одна во дворе. И это не слуга, почтительно оставшийся

в пределах досягаемости зова за какими-то кустами. Ощущение чужого пристального взгляда прервало сосредоточение, но Джиад довела связку до конца и лишь затем обернулась.

Санлия, легка на помине. Словно узнала, что о ней думали, и появилась как по волшебству. Впрочем, волшебство как раз ни при чем, здесь полно окон...

– Простите, что прервала ваше уединение, госпожа Джиад, – безмятежно улыбнулась наложница, подплывая ближе и кланяясь, сложив ладони на груди.

Сегодня она была в искусно драпированной золотистой тунике, на плече заколотой ажурной пряжкой с какими-то камнями, подозрительно крупными для изумрудов, а для чего-то другого слишком яркими и чистыми. Сложно заплетенную прическу покрывала тонкая золотая сеточка, идеально подходящая к тунике и темным волосам наложницы. Каждым тщательно уложенным волоском и складочкой шелка Санлия ири-на-Суалана была безупречна.

– Ваше появление – честь и радость для меня, госпожа Санлия, – ответила Джиад, повторяя поклон, для чего лоур пришлось опустить на дно.

– О, вы слишком ко мне благосклонны, – снова улыбнулась наложница принца. – Его величество увидел из окна, что вы тренируетесь, и велел отнести вам тинкалы, чтобы подкрепить силы. Я случайно была рядом...

Из складок туники Санлия, лукаво блеснув дивными глазами, извлекла привешенный к поясу на цепочке маленький кувшинчик.

– Его величество очень добр, и вы тоже.

Джиад подавила желание поискать взглядом окно, из которого ее так хорошо было видно. Король, значит? А рыжему за ней наблюдать не случилось? Что ж, раз уж Санлия пришла сама...

– Благодарю вас, госпожа ири-на-Суалана, – принимая кувшинчик, улыбнулась Джиад насколько могла тепло. – Думаю, на сегодня с меня хватит. Но мне как-то неудобно пить одной...

– О, госпожа избранная, если я не покажусь назойливой... – Санлия обрадовалась так мило и невинно, что Джиад невольно задумалась, кто же из них больше хотел разговора?

Выплывая из дворика, она не удержалась и оглядела высокие стены с проемами окон, с сожалением подумав, что не хотелось бы искать новое место для тренировок, но кто же знал, что здесь она так на виду. И неизвестно, кто еще смотрит из этих окон, кроме короля.

– Мы поднимемся наверх? – спросила она Санлию, с грациозной

небрежностью колышущую хвостом.

– Не совсем, госпожа Джиад. Мои покои чуть дальше, к ним удобнее попасть так...

Наложница свернула в проем, который казался просто нишей в стене, проплыла по извилистому коридору и толкнула уже привычную круглую дверь. Правда, эта дверь подалась легко, не то что в комнате Джиад.

– Прошу. Сейчас велю согреть свежей тинкалы...

Оглядываясь в просторной комнате, похожей на изящно отделанную шкатулку для драгоценностей, Джиад слушала вежливое щебетание старшей наложницы, понемногу отпивала горячую тинкалу, которую специи и мед делали куда вкуснее, и улыбалась, поддакивала, спрашивала, а гостеприимная хозяйка была только рада отвечать, в перерывах уговаривая госпожу избранную попробовать и вот эти сладости, и вон те закуски...

Как греют тинкалу? В соседней комнате специальный сосуд, в котором всегда бурлит горячая вода. Поддонные источники греют весь дворец, но, увы, их нельзя провести в каждые покои. Госпожа избранная недовольна своей комнатой? О, но так решил его величество... Зато можно обставить покои госпожи по ее вкусу! Пусть только выскажет пожелания...

– Нет-нет, – прервала Джиад этот поток слов, так не похожий на прежние простые манеры Санлии при их первой встрече. – Надеюсь, так долго я здесь не задержусь. Госпожа Санлия, – она поставила тинкалу на столик у просторного ложа, где они устроились, будто старые подруги, – не сочтите за невежество, могу я спросить вас кое о чем?

– Разумеется!

Тонкие брови чуть шевельнулись в подчеркнуто внимательной гримаске.

– Я никак не пойму, – сказала Джиад извиняющимся тоном. – Ведь вы же не отсюда родом? Не из Акаланте? Но делите ложе с принцем. А как же запечатление?

И, едва договорив, почувствовала, как неуловимо изменилось что-то, будто холодом повеяло.

– Запечатление? – с застывшей улыбкой повторила Санлия, взгляд ее метнулся в сторону и вниз, а пальцы, сжимающие драгоценный фарфоровый кувшинчик, качнули его. Впрочем, на миг исчезнувшая безупречность сразу вернулась к облику старшей наложницы.

– Запечатление? – с холодной нежной ясностью повторила она, опять глядя в лицо Джиад. – Понимаю... Нет, мне это не грозит. Хотя вы правы, конечно, я из Суаланы. Так вышло...

Поднеся к накрашенным губам тинкалу, она отпила неуловимо дольше и больше, чем до этого, снова глянула на замершую Джаад задумчиво и как бы мимо.

– Это долгая история, госпожа моя. И не мне бы ее рассказывать. Нет, если желаете...

– Госпожа Санлия, – растерянно сказала Джаад, понимая, что коснулась чего-то очень болезненного, – простите мое неуместное любопытство. Я не хотела вас обидеть...

– Ничего страшного, – улыбка старшей наложницы была все такой же безупречной, разве что неуловимо тусклее. – Не беспокойтесь, вы и не обидели. Но лучше спросите кого-то другого. Да вот хотя бы мастера Невиса... Никакого секрета в этой истории нет. Увы, но вам мой способ избежать запечатления не подойдет. Уже не подойдет, – добавила она, вздохнув, и так старательно улыбнулась, что Джаад не смогла не оценить это. – И это к лучшему...

Богато убранная комната-шкатулка вдруг показалась Джаад такой же темницей, как и ее собственная, пустая и холодная. Дешевой фальшивкой блеснули роскошные изумруды на плече Санлии, да и не сравниться им было ни глубиной, ни блеском с потемневшими глазами наложницы, смотрящей мимо Джаад в пустоту.

– Спросите Невиса, – бесстрастно повторила Санлия, пожимая плечами. – А потом, обещаю, я отвечу на любые ваши вопросы, госпожа избранная. Не хотите еще тинкалы? Или сладостей...

Вечером Джаад едва доплыла в комнату, покормила малька под насмешливое фырканье рыжего и завалилась спать, так и не решившись спросить целителя о Санлии. А с утра, быстро позавтракав, улизнула в злополучный внутренний дворик, выкинув из головы, кто там может смотреть на нее из окон. Пусть хоть весь город любит, а ей надо восстанавливать силы.

Точно так же прошел следующий день, и еще один, и еще...

– Госпожа избранная, – виновато сказал Невис, который появлялся теперь раз в сутки, по утрам, для тщательного осмотра, – завтра я скажу его величеству, что вы полностью восстановились. Полностью, понимаете?

– Понимаю, – бесстрастно согласилась Джаад.

– Его высочество предупрежден, конечно, что должен быть очень осторожен, но... – Пожилой целитель помялся, но закончил: – Ваше запечатление действует на него сильнее, чем на вас. Боюсь, вы не получите от соития того удовольствия, на которое вправе рассчитывать запечатленная.

– Господин Невис, – горько усмехнулась Джад, – если б я рассчитывала хоть на какое-то удовольствие, то могла бы разочароваться. А так обойдемся без разочарований.

– Вы славная девушка, – вздохнул Невис, вытирая руки от масла. – Я буду молиться Троице, чтобы у вас все сложилось как можно лучше.

В этот день, когда рыжий привычно бросил ей приглашение погулять, Джад не стала отказываться. Чужало сердце, что уже завтра не захочется и взгляд лишний раз поднять на принца, так что сегодня был последний день, когда можно повидать море за пределами дворца. А еще она с удивлением понимала, что, оказывается, ей понравилось кататься на салту. Рыбозвери были не слишком похожи на лошадей, но дарили такое же пьянящее чувство скорости и подвластной мощи. Салту Джад даже узнал ее, требовательно подставив нос и игриво толкнув в плечо, пока Джад под присмотром принца и охранников сама цепляла на серую тушу сложную систему ремней.

Но если салту вел себя замечательно, слушаясь малейшего движения лоура, то принц оказался невыносим. Пока они плыли по освещенному бесчисленными шарами с туаррой городу, который Джад разглядывала с восторгом, словно ожившую волшебную сказку, рыжий еще сдерживался, но за его пределами словно с цепи сорвался. Гулять он изволил все в той же котловине, спустившись к самому дну и устроив на нем догонялки с охраной. Пользуясь тем, что упускать его из виду близнецам было строго-настрого запрещено, он откровенно издевался над менее поворотливыми охранниками, постоянно теряясь в мешанине скал, из которых затем выныривал в самых неожиданных местах. Братья терпели, покорно следуя за взбесившимся рыжим, но Джад и пытаться не стала, поднявшись выше и лениво плавая кругами в толще воды. Она, пожалуй, сыграла бы в эти прятки на стороне охраны, выглядывая принца сверху, но злить и без того взбешенного чем-то, молчащего всю дорогу Алестара не хотелось.

Похоже, охрана вскоре пришла к тому же выводу: Кари поднялся к Джад, оглядывая скалы сверху. Рыжий, убедившись, что забава кончилась, тоже потерял к ней интерес, принявшись разминать салту на одном месте, заставляя его нырять круто вниз, а потом вверх, проскакивать между близкими скалами и делать резкие повороты.

– Часто он так? – поинтересовалась Джад у оказавшегося рядом Кари.

– С самой охоты, – вздохнул охранник. – Пусть, лишь бы на равнину не сунулся.

– Почему? – Джад непонимающе оглянулась на высокий хребет,

за которым начиналась пограничная равнина. – Там опасно?

– Три Брата спят, – пояснил Кари, медленно плывя рядом с Джад по кругу, – но возле них навверх часто прорываются горячие источники. Это хорошо: в теплой воде больше зелени, рыба приходит издалека, привлекая салту. Но если оказаться рядом с источником, когда он вырывается, вода становится смертельной ловушкой. В ней слишком много подземного дыхания глубинных богов, а оно отравляет все живое.

– Ясно, – кивнула Джад. – А принц этого не знает?

– Знает, – вздохнул Кари. – Но в такое время на равнине дивная охота. Приплывают рыбы, которых в обычное время там не встретишь, а из провалов навверх поднимаются особенно крупные маару. Принц любит охоту.

– Принц мечтает как можно быстрее сломать шею, – буркнула Джад, глядя, как рыжий разгоняет салту и заставляет его на полной скорости нырнуть под нависающую скалу. – Если ему жизнь недорога, подумал бы о своем народе. Или хотя бы об отце.

– Прежние разы он себя вел тише, – признался Кари. – Когда вас не было...

– Угу... Я и говорю – балбес. Может, мне вас оставить, господин Кари? Чтобы не перед кем было хвост распускать?

Будто услышав разговор, Алестар великолепным пируэтом обогнул скалу, едва не чиркнув по ней хвостом салту, и вылетел навверх, оказавшись рядом с Джад. Следом показался измученный Дару, прижавшийся к холке зверя в тщетной попытке угнаться за рыжим.

– Плыдем на равнину, – надменно бросил Алестар, исподлобья глянув на Джад. – Поохотимся.

– Ваше высочество, – задыхаясь, обратился к нему подплывший Дару. – На равнине опасно. Старший Брат только недавно уснул, дно еще вздрагивает от его дыхания.

– Я там был, когда гнал салту, – упрямо вскинул подбородок Алестар. – Ничего опасного. Отец надежно усыпил вулкан.

– Может, и в самом деле вернемся в город? – как могла мягко сказала Джад. – Я устала, ваше высочество. Это вы привыкли весь день проводить в седле, а мне все еще тяжело.

– Можешь возвращаться, – сказал Алестар, не глядя на нее.

Он сверлил Дару тяжелым взглядом, и было понятно, что в этот раз принц не отступится. Слишком часто старший из близнецов ему противоречил, Алестар же воспринимал это как вызов. Джад закусила губу, пытаясь придумать, что сделать. Притвориться, что ей плохо?

Лишь бы этот недоумок вернулся в город. А там можно поговорить с королем – единственным, кто имеет влияние на сына.

– Я не могу возвращаться одна, – сказала она вслух так же мягко, как говорила бы капризному нанимателю. – А вашей охране запрещено разделяться. Прошу, ваше высочество, вернемся. Поохотитесь в другой раз, если уж я нечаянно стала для вас обузой.

– Еще не стала, не беспокойся, – криво ухмыльнулся принц. – А вот некоторые, что возомнили, будто могут мне указывать...

Он заставил салту слегка попятиться на месте, не переставая глядеть на Дару, отвечавшего ему спокойным взглядом и явно не собиравшегося уступать.

– Ваше высочество, – разомкнул наконец плотно сжатые губы Дару, – я прошу вас не плавать на равнину. Старший Брат неспокоен. Его величество будет недоволен.

– Его величеству необязательно об этом знать, – с вызовом бросил Алестар, откидывая назад голову и алея скулами. – Но я забыл, вы же рады доносить ему о каждом моем всплеске хвостом. Что ж, не попросить ли мне у него охранников посмелее? Чтобы не боялись последовать за мной туда, куда мне угодно отправиться.

«Храбрость не в безумии», – хотела сказать Джиад, но говорить что-то сейчас было бесполезно. Более того – опасно. Рыжий напряженной тетивой сидел в седле салту, лихорадочно блестя глазами и ожидая непонятно чего. Вот он еще немного отплыл назад, с невероятным искусством заставляя салту следовать своим желаниям.

– Впрочем, не стоит, – растянул губы в презрительной усмешке принц. – Сгодитесь и вы. Вдруг с другими будет не так забавно играть?

Он качнулся в седле, наклонился почти вровень со спиной салту вбок и тут же приник к шкуре зверя, заставив его немыслимо круто развернуться – как коня, сделавшего свечку. И тут же рыбозверь, плеснув хвостом, взмыл вверх, туда, где острился край котловины.

– Догоня-я-яйте! – прозвучало насмешливо.

Рыкнув, Дару кинулся вверх, но его салту, утомленный гонкой, безнадежно отстал почти сразу. Кари вырвался вперед, неумолимо нагоняя салту принца, но слишком тяжел был седок, чтобы сразу сократить разрыв, и даже Джиад, от души хлестнувшей своего зверя лоуром, было ясно: не успеет.

Никто из них троих не успевал перехватить Алестара. Вот рыжий достиг края котловины. Вот скрылся за ней. Кари впереди отчаянно погонял зверя лоуром, Дару оказался возле Джиад. Опытный, но слишком

тяжелый ездок-иреназе на усталом салту и еще не слишком уверенно держащийся в седле человек – они оказались равны.

Джиад легла на самую холку, вцепившись рукой в луку седла, отворачиваясь от бьющей в лицо тугой массы воды и понимая, что для охраны она сейчас действительно обуза. Ну, доберется она до рыжего! Пальцем тронуть нельзя? Зато сказать несколько теплых ласковых слов – можно! И плевать, что завтра ложиться с ним в постель! Болван! Паршивец избалованный! Мальчишка!

Рядом с Дару она выплыла на хребет, задыхаясь, огляделась. Впереди, безнадежно далеко на равнине, мелькали два салту, стремительно удаляясь. Но вот передний свернул, закладывая поворот: принц вовсе не собирался рвануть в Суалану, он играл с Кари. Позволил тому пуститься наперерез и опять свернул в сторону, легко уходя от преследования. Это было бы даже красиво, не вызывая у Джиад тяжелого горячего бешенства мысль, что в любой момент может погибнуть не только этот кусок полена, но и Кари, просто делающий свое дело.

– Оставайтесь здесь, госпожа! – крикнул Дару, собираясь пустить зверя вниз, но Джиад помотала головой:

– Не догоните! Он вас просто вымотает и уплывет в город. Могу поспорить, ради этого и затеял все. И меня брал ради этого – чтобы вас задержать. Есть мысль получше.

Дару оглянулся на нее, сдерживая салту. Видя, что Джиад замерла на вершине хребта, подплыл ближе.

– Что вы хотите сделать?

– Выманить, – бросила она, берясь за цепочку аквамарина, к которому так привыкла, что уже и не замечала зелено-голубую каплю, неизменно болтающуюся на шее. – Дайте нож.

– С ума сошли? – глаза Дару тревожно расширились.

– Вовсе нет, – спокойно сказала Джиад. – Я сниму на чуть-чуть, а вы мне его быстренько наденете обратно. Мы с принцем связаны, он сразу почувствует удушье. Дайте нож, не хочу рвать цепочку.

Поколебавшись, Дару протянул ей нож рукояткой вперед.

– Если погибнете...

– Ну, нет, – усмехнулась Джиад, вставляя кончик в звено, показавшееся менее крепким. – Я еще пожить хочу. Теперь – особенно!

Цепочка распалась легко. Несколько мгновений Джиад смотрела на соскользнувшую с шеи серебристую змейку, а потом невыносимая тяжесть навалилась на нее, вдавливая в камень скалы. Сжав рот, чтоб не глотнуть губительной воды, она выгнулась, одной рукой вцепившись

в камень перед собой, другой сжимая близкий, но бесполезный амулет. Дару рванулся к ней, разжал ладонь, и на мгновение Джиад охватил бессильный липкий ужас: что, если она ошиблась? Но она видела своими глазами, как Торвальд однажды порвал цепочку своего амулета и просто зажал кольцо щипцами. Амулет не перестал работать!

Выдрав из ее ладони цепочку, Дару поспешно накинул ее на шею Джиад, сжал пальцами, что были крепче иных клещей. Джиад со страхом вдохнула, понимая, что до поверхности не доплывет. Получилось! Вода послушной прохладой втекала в легкие, наполняя их живительным дыханием. А с равнины серой стрелой летел салту – и волосы ездока стелились за спиной языком пламени.

Взмывшего на хребет принца она встретила ясной злой улыбкой.

– Ты что творишь? – заорал рыжий, останавливая салту и соскальзывая с него перед сидящей на камне Джиад. – Ты обещала отцу!

– Я не обещала, – возразила Джиад безмятежно. – Я сказала, что хочу жить, но могу передумать. А что не так? Ты делаешь что захочешь, почему мне нельзя?

– Возвращаемся в город, – выдохнул рыжий, снова ловя ладонью удила салту.

– Не хочу, – весело сказала Джиад. – Вот сейчас спущусь вниз, пожалуй, и прогуляюсь до ваших Спящих Братьев. Всю жизнь мечтала посмотреть вулкан вблизи и заглянуть в жерло. Интересно, как ты меня остановишь?

– Остановлю, – сквозь зубы процедил Алестар, двигаясь вперед и тут же останавливаясь, яростно и бессильно глядя на цепочку амулета, натянутую ее ладонью.

– Ты еще не понял? – лениво подняла бровь Джиад, не шевелясь. – Приказывать ты можешь охране. А я не твоя подданная. Я просто согласилась жить рядом с тобой и терпеть тебя. Но могу и передумать. Выбирай: отпустишь меня к вулкану или сорвать амулет?

– Ты... с ума сошла... – скулы принца заливала бледность.

– Мне завтра ложиться с тобой в одну постель, – кипя ледяной злостью, сказала Джиад. – Если хорошо подумать, еще два месяца быть твоей подстилкой ненамного лучше одного-единственного вдоха без этой побрякушки. Я хочу жить, но не настолько, чтобы бояться смерти. А теперь послушай меня, ты, избалованный маленький дурак. Хочешь свернуть себе шею? Да кто был бы против? Кому ты нужен, кроме своего несчастного отца? Одна беда – ты наследник, единственная надежда целого народа. Но тебе же плевать! И на отца, и на тех, кто верит в твою честь

и великодушие! У тебя в голове ничего нет, кроме камня с высеченным: «Я так хочу». Ты хоть на миг подумал, что будет с твоим отцом, если ты не вернешься с очередной охоты или прогулки? Его спокойная старость, его жизнь и жизнь его народа не стоят пойманной рыбыны? Ах да, ты же это делаешь не ради охоты, а чтобы доказать охране, что ты главнее. Давай доказывай. Только вспомни сначала, что было с тобой, когда погибла твоя Кассия. Понравилось?

– Не смей, – прошипел Алестар, рывком двигаясь к Джад. – Не смей...

– Еще как посмею. Их тоже кто-то ждет! Не думал об этом? У всех, чьей жизнью ты рискуешь, есть родные и любимые. Не хочешь посмотреть кому-нибудь из них в глаза и рассказать, как погубил их сына ради развлечения? Тогда давай сплаваем к вулкану. Только отпусти охрану, скотина бессердечная. У меня родных нет, по мне никто плакать не будет – вот я с тобой в догонялки и поиграю.

– Пре-кра-ти... – тихо сказал Алестар, на глазах делаясь прямо прозрачным от бледности. – Хватит...

Что-то давящее вдруг навалилось на Джад, собственный голос пропал куда-то, и так же беззвучно открывали рты рыжий и охранники в странно потемневшей воде, искажающей очертания. Мелькнул хвост чьего-то салту – огромный рыбозверь в ужасе рванул в сторону, через котловину. Второй встал на хвост, извиваясь, и Джад увидела, как кто-то из охранников вылетает из седла. Алестар выпрыгнул из седла сам, кинулся к Джад, увернувшись от хвоста взбесившегося салту, и его зверь тут же рванул вслед за остальными.

– Вулкан проснулся! – закричал Дару, единственный оставшийся в седле. – Быстрее, принц, берите моего зверя, сажайте девушку – и в город.

– Это не вулкан! – в голосе Алестара прозвенело отчаяние, от которого Джад словно окатили ледяной водой. – Вы разве не слышите? Это не вулкан, это ужас моря.

Глава 16

Ужас моря

Джиад, не понимая, оглядела троих иреназе, медленно парящих в воде.
– Ужас моря? – переспросила она. – Что это?

Рыжий быстро глянул, разомкнул губы, словно собираясь что-то сказать, но вместо этого посмотрел на Дару. Огромный иреназе опустил голову.

– Это смерть, – просто сказал Кари, подплывая ближе. – Прислушайтесь, госпожа.

Джиад вслушалась. Вода искажала звуки, но это был не совсем звук, а скорее дрожащая неслышная волна, идущая сразу со всех сторон. От нее в ушах звенело и чесалось, а в голове начали бить звонкие молоточки. Джиад потрясла головой, пытаясь сбросить наваждение, но пение, как назвал его рыжий, неумолимо накатывалось, пронизывая тело противной дрожью непонятного страха.

– Она еще может уплыть, – негромко сказал Дару, глядя на принца. – Люди чувствуют меньше, чем мы... Она успеет.

– Слышала? – стремительно развернулся к ней Алестар. – Плыви! Только не в город, а наверх.

Он поднял голову кверху, туда, откуда лились солнечные лучи, окрашивая воду в безмятежный аквамариновый цвет, и повторил:

– Плыви наверх и к суше. В город не успеешь. До земли не так уж далеко, с амулетом не утонешь. Быстрее!

– Что такое ужас моря? – упрямо повторила Джиад, не шевелясь.

Вместо ответа рыжий схватил ее за плечо, разворачивая к равнине. Джиад обомлела. По бескрайнему простору к подножью скалистой гряды катилась серебряная волна. Рыба всех видов и размеров плыла единой шевелящейся грудой, спасаясь от неизвестной опасности.

– Их зовут сиренами, – отчаянно выдохнул рыжий. – Они поют ужас и смерть. Без салту мы не успеем уйти ни в город, ни наверх...

Его лицо искривилось, рыжий со стоном поднял ладони, закрывая ими уши, и оба охранника, будто по команде, сделали то же. Кари закачался из стороны в сторону, согнулся, и его вырвало в воду.

– Уплывай! – отчаянно выкрикнул принц. – Они не будут разбираться, просто убьют тебя вместе с нами.

– Да кто они? – крикнула Джад в ответ.

– Смерть, – с трудом проговорил Дару, затыкая пальцами уши. – Они отправляют перед собой ужас и бессилие, а потом плывут следом и подбирают добычу. Люди прыгают с кораблей в воду, услышав сирен, а мы... просто...

Не договорив, он упал на песок, сворачиваясь клубком и тут же разворачиваясь, извиваясь, как обычная рыба, вынутая из воды. Рядом с принцем хватал воду ртом Кари, его глаза закатились, а из ноздрей сочилась кровь.

– Уплывай, – бессильно повторил рыжий. – Дура двуногая... Наверху безопаснее... Гребь к берегу, быстро, как сможешь...

Он держался лучше охранников, но трясся, словно в лихорадке. Внизу серебряная волна разбилась о подножье скалы, рыба беспорядочно металась, и вода словно кипела от мешанины тел. Пение нарастало. Джад поморщилась от боли в голове, но еще хуже был непонятный страх, волнами слабости и тошноты прокатывающийся по телу.

– Да уплывай же! – выкрикнул рыжий, закусив губу до крови и тоже медленно, будто сопротивляясь, опустил на песок, бессильно расстелив по нему хвост. – Твари... подлые... Обидно...

Джад огляделась вокруг, борясь с дурнотой. Сирены? Случалось ей слышать рассказы о прекрасных девах, заманивающих моряков на морское дно песней, которой невозможно противиться. От такой песни сбежать бы куда подальше, но, может, наверху она звучит по-иному?

Иреназе уже не трепыхались, раскинувшись на камнях и лишь слабо шевеля хвостами, из ноздрей и рта лежащего на спине принца тонкими струйками плыла красная муть.

Джад глянула вверх. В уши непрерывным стоном лилась приближающаяся песня, и от нее хотелось бежать, спастись, как перед этим кинулись прочь чуткие салту. Только вот текла смертельная песня со всех сторон, и сверху тоже... Джад стиснула зубы, не позволяя себе поддаться страху. Бояться нечего. Здесь нет ни диких зверей, ни огня, ни яда в воде, ни врагов, способных убить... Сирены! Они скоро будут здесь.

Трое беспомощных иреназе – легкая добыча. Неизвестный враг все-таки нашел способ добраться до принца? Не сработали убийство на арене и Дыхание Бездны – послал каких-то тварей? Но ей-то какая разница? Если останется – умрет вместе с хвостатыми. А наверху – свобода! От рыжего проклятья, от надоевшей воды, от унижений и ненавистного ложа в комнате-тюрьме...

Перед глазами плыло, предупреждая: не уплывешь сейчас – потом уже не сможешь. Смерть приближается... Задыхаясь, Джад попыталась оттолкнуться от камня, но тут же скорчилась, обхватив колени руками, как от удара под дых. Ужас накрыл тяжелой липкой массой, на глаза будто легла мутная пелена... С трудом разжав сцепленные руки, Джад поднесла ладонь к лицу, беспощадно впилась зубами в ее тыльную сторону. Боль на несколько мгновений отрезвила сознание, и Джад отчаянно прошептала:

– Помоги, Малкавис! Повелитель гроз, твоя жрица в беде!

Глубоко вдохнула и, словно наяву, услышала спокойный голос наставника:

– У клинка нет страха. У щита нет страха. Ты клинок и щит, чего ты можешь бояться?

– Я не щит, – простонала Джад, невольно всхлипывая. – Я больше не страж!

– Ты всегда страж, – возразил бесплотный голос. – Стань щитом и клинком, если хочешь остаться собой.

– Щи... том... – дрожа, прошептала Джад. – Чьим щитом... я могу...

Она сглотнула вязкую слюну, встряхнула головой, заставляя себя разогнуться, стиснула кулаки. Не уйти! Ей все равно не уйти, страх не даст, он превращает ее в обезумевшее животное, кружит, путает... Сирены туманят разум? Значит, разум ей не нужен! Ей... нужно... Ответ пришел ясно и резко, как входящее в плоть лезвие.

Джад рванулась к рыжему, перевернула его. На поясе – короткий нож, который в воде даже не метнуть. Копья-трезубцы охраны так и остались на уплывших салту. Нож! Большой нож Дару, которым тот разжимал кольцо цепочки. Она торопливо потянула за плечо тяжелое вялое тело охранника, с трудом заваливая его на спину. Лицо Дару исказил страх, глаза были плотно зажмурены.

Нож, выхваченный из ножен, удобно лег в ладонь. С широким, прекрасно выкованным лезвием почти в две ладони длиной, он был похож на обычные охотничьи ножи земли, только рукоять не из рога или дерева, а серебряная. Джад взвесила нож в руке. И что она сделает с неведомыми сиренами одним ножом? Ах, если бы можно было просто уплыть! Но стоило подумать о бегстве, липкая тень ужаса снова наползла на мысли... Не думать! Ни о чем... не думать...

Джад огляделась, чувствуя, что времени все меньше. Шагах в пяти скалу рассекала надвое широкая щель. Она наклонилась, обхватила бессильно обмякшего принца, отталкиваясь ногами от камня, потянула его

к расщелине.

– Дура-а, – простонал в полузабытьи Алестар. – Не помо-ожет...

– А что поможет? – зло огрызнулась Джиад. – Кто они? Ты знаешь? Расскажи хоть что-то!

– Отец... – прошептал рыжий. – Он будет здесь... только не успеет.

– Король? Как он узнает?

Джиад затащила рыжего к самой расщелине, принц тяжело повис у нее на руках, не сопротивляясь, но и не помогая ничем.

– Как король узнает? – рявкнула Джиад, от души влепив рыжему оплеуху. – Говори!

– Кровь... – рыжий вяло мотнул головой, то ли уклоняясь, то ли пытаясь очнуться. – Моя кровь... зовет его...

Джиад глянула на багровую муть, сочащуюся из уголка рта рыжего. Магия иреназе? Ладно, это уже что-то. Если король почует, что сын в беде, он поспешит сюда. Значит, надо только продержаться подольше.

– Кто такие сирены? Какие они?

Но рыжий окончательно ушел в забытие. Запихнув его в расщелину, Джиад вернулась за охранниками. Перетащила их поближе к щели, где места уже не было, затянула за камни, пытаясь хоть как-то скрыть... Сняла с пояса Кари второй нож, близнеца первого, сорвала с обоих охранников ремни и наспех обмотала ими руки и торс, жалея, что под водой не смастеришь пращу: камней-то под ногами навалом.

Ужас накатиł всепоглощающей волной, как прибой, сбивающий с ног и тянущий куда-то. Застонав, Джиад распласталась на камнях, вцепившись в них пальцами, прижавшись телом. Прикрыть уши? Не поможет. Страх рождался где-то внутри, тошнотворно плескался в теле и разуме, скручивал судорогами и накрывал пеленой, пытаясь превратить в дрожащее и визжащее животное. Застонав, она ударила ладонями по камням, снова отрезвляя себя болью. С трудом вспоминая нужную сутру, проговорила тусклым, еле слышным голосом:

– Страх – первый враг воина. Страх – главный враг воина. Победив себя, ты победишь страх. Победив страх внутри – победишь врага снаружи. Если не можешь победить страх, сделай его другом. Пусть он гонит кровь быстрее, пусть пришпорит твоё тело и очистит разум от лишних мыслей. Это тоже победа. Ты воин. Ты правишь страхом, а не он тобой...

Помогало плохо. Она сама не знала, чего боится, и потому, когда из-за скалистого края вылетели два гибких серебристых салту с парой всадников на каждом, на миг растерялась. Но лишь на миг! Потому что это был настоящий враг, из плоти и крови, а не бестелесный ужас, который,

как ни старайся, не поразишь.

Да, на прекрасных дев эти создания не походили вовсе. Больше всего они были похожи на иреназе, но искаженных, будто бог, лепивший прекрасного морского жителя, разгневался и несколькими движениями исказил форму плоти. От иреназе остались лишь длинные блестящие хвосты, да и те заканчивались не пышными веерами, а широкими кожистыми плавниками. Тело тоже было человеческим, а вот голова – длинный череп, обтянутый кожей без волос, вместо лица – безносовая маска с узкими щелями-глазами. Один из всадников открыл рот, и Джиад увидела пасть, полную острых треугольных зубов на зависть любому салту.

– Двнгх, – прошипел сирена или сирен – попробуй его разобрать. – Ооткд здсь двнгх?

Они разговаривали! И даже на языке, который вполне можно было понять! Джиад вслушалась, разбирая в мешанине шипенья слова. И вдруг поняла, что больше не боится! Страх куда-то ушел, растворился, и это было даже понятно, ведь Дару сказал, что сирены посылают ужас перед собой, чтобы обессилить добычу. Теперь же они здесь – и ужас им больше не нужен. Ах, будь у нее больше времени, чтобы подготовиться!

– Двнгх нннужн, – выплюнул второй. – Уубть всхх.

«Двуногая не нужна, – с отчаянным злым весельем перевела для себя Джиад. – Убить всех». Что ж, попробуйте. Вот только у двуногой есть чем вас встретить. И, в отличие от рыжего, вас убивать не запрещено.

Она поудобнее взяла в левую руку нож, второй воткнула в песок у ног. Сирены держали короткие копы с широкими наконечниками, больше похожими на остроги, в левой руке. В левой! Что ж, пусть пока думают, что она тоже левша. Может, кто-то подставится справа?

– Иирнз в камнн, – прошипел первый. – Двнгх мешшшт.

– Я еще не начинала мешать, – усмехнулась Джиад, отплывая немного назад и вбок, загораживая щель. – Что, привыкли справляться с беспомощными?

Вот теперь это был правильный страх! Страх-предвкушение, страх – отец осторожности и готовности драться изо всех сил. Сирены, переглянувшись, расплылись полукругом, подплывая одновременно.

– Сжрру серрдцц, – прошипел второй, тот, что велел убивать всех.

– Давай-давай, – ласково позвала Джиад. – Может, попробуешь один на один, селедка тухлая?

Сирен распахнул острозубую пасть в ухмылке. Благородством он явно не страдал. Ну, никто и не надеялся... Подняв копьё-острогу, сирен замахнулся, и Джиад увидела, что древко из длинной белой кости держат

пальцы с кожистыми перепонками, как крылья у летучих мышей. Удар! Еще три копьа взметнулись одновременно, одно она отразила лезвием ножа, второе приняла вскользь на ременную обмотку с бляшками на правой руке, еще от одного просто уклонилась, но четвертое царапнуло кожу на плече, едва не пригвоздив ее к скале.

Оглушительный взвизг раздался из раскрытых пастей. Джад поморщилась, открыв рот, чтоб не так резало по ушам, сжалась в комок и тут же распрямила ноги, выстреливая себя навстречу трем копьам: четвертое так и осталось торчать в скале, вырванное из руки сирена-неудачника. Вот когда вспомнился внутренний дворик и боль в мышцах, заново вспоминающих, как работать в плотной воде. Если б не эти несколько дней – уже бы погибла!

Сирены, став осторожнее, кружили вокруг, явно примеряясь. Джад повела плечом, пытаясь определить, глубока ли рана. Лишь бы лезвие не было отравлено! Морская вода щипала неимоверно, жгла огнем, но кровь текла в воду несильно. Сзади, в расщелине, слышался стон и шевеление: спиной она почувствовала волну.

– Сиди там! – приказала Джад, не оборачиваясь и молясь, чтоб у принца хватило ума послушаться.

Толку в драке от полумертвого рыжего не будет никакого, а вот прикрывать его придется. Мелькнула мысль, что если цель сирен – принц, то, отдав его, можно спастись самой и спасти охрану. Джад даже позволила себе несколько мгновений посмаковать ее, пока удобнее перематывала выбившийся конец ремня, прижав его обручальным браслетом. Но нет, глупо. Сирены сначала возьмут рыжего, потом примутся за остальных – чувствуют свою силу. Она усмехнулась про себя, вспомнив, как мечтала прибить паршивца. Да, сама убила бы. Наверное... Даже наверняка – убила бы. Но равнодушно выдать того, кто даже защититься не может? И еще неизвестно, что тогда будет с охраной. Может, они отвечают за принца жизнью?

– Не высывайся! – рявкнула она, снова услышав шевеление. – Одна я их удержу, а с тобой – нет!

Именно этот момент сирены выбрали, чтоб снова ударить. На этот раз одна трехзубая острога пошла Джад в грудь, вторая нацелилась в живот, третья – в ноги. Спасло, что третий бил, как в хвост, забыв, что ноги можно раздвинуть, и трехзубец ударился в скалу между ног Джад немного выше коленей, сломавшись. Первую острогу она приняла на предплечье с браслетом, вторую же перехватила рукой, потянула древко на себя и дальше, выворачивая из руки сирена. Ухнув от неожиданности,

тот выпустил оружие, и Джаад, дернувшись в сторону, выдернула еще одну острогу, самой первой застрявшую в скале.

– Дай мне... – послышалось из-за спины слабо, но упрямо.

– Если только по роже! – предложила она, стараясь присматривать за всеми четырьмя противниками. Двое безоружных сирен кружили теперь сверху, поднявшись над скалой и явно что-то замышляя, пока двое других подбирались спереди. – Я тебе велела там сидеть!

Удар двух острог спереди и двух хвостов сверху слился в один тяжелый всплеск, почти оглушивший и ослепивший Джаад. Пригнувшись, она попыталась увернуться от мощных лопастей сиренных хвостов, наугад ткнула вверх острой и попала, судя по визгу. Но тот же пробитый хвост рванулся так, что острога обломилась, оставив ей костяной штырь ладони в три длины.

«Маловато я отлежалась для такой драки», – устало подумала Джаад, отбиваясь от круговерти трех оскаленных пастей, мелькающих острог и взбивающих воду хвостов. Удар – на нож. Другой удар – на острие трезубца. Еще – увернуться. Увернуться – и ткнуть острой! Второй сирен взвыл, извиваясь, – из его брюха торчала острога Джаад, оставшейся с одним ножом против двух вооруженных противников. Сзади простонал что-то рыжий, неумолимо выбираясь из убежища, дурак проклятый. Джаад развернулась, приготовилась...

Всплеск, удар хвостами! Пригнувшись, она выхватила торчащий нож из песка и воткнула его в удачно мелькнувший рядом широкий хвост. Дернула, не давая унести, кувыркнулась в волне, уходя от оскаленной пасти, немного не успела – по левому предплечью разлилась острая боль. Вода вокруг мгновенно помутнела, и двое сирен – один целый и один раненый – жадно всхлинули, в едином порыве качнувшись вперед.

«А ведь они людоеды, – с холодной ясностью поняла Джаад. – Вот зачем им морячки, а вовсе не для любовных забав, как рассказывают в трактирах. Про «сожрать сердце» это не для красного словца было сказано. Интересные у принца враги: водятся с темными богами и морскими людоедами».

Она выпрямилась, сжимая теперь два ножа. Не самый лучший расклад, конечно. Ремни на туловище и предплечьях пока еще спасали, но против пары острог... «Добьют, – все с той же ледяной безнадежностью поняла Джаад. – Вымотают и добьют. Жаль, не успеет король...»

Но вместо того, чтобы снова кинуться, тот сирен, что командовал остальными, поднял ко рту руку, в которой что-то блеснуло. Снова неслышным звуком затрепетала вода – Джаад поморщилась от боли

в ушах – и снизу, из-за скального основания, поднялось два силуэта, сначала показавшиеся салту... Нет! Это были... взрослые салру! Те салру, что якобы не приручаются. Серебристые длинные тела с черной полосой по хребту, удлинённые, по сравнению с салту, морды. И упряжь! «Сильнее и умнее», – вспомнила Джад слова принца, спокойно понимая, что это конец. Если сирены, оставив мысль взять ее сами, натравят салру, проще самой перерезать себе глотку – быстрее и милосерднее будет смерть. Иначе разорвут на кусочки, как несчастную Кассию. Везет же рыжему терять любовниц в звериных зубах...

Последняя мысль показалась даже забавной. Наверное, так шутят на ступеньках виселицы или перед последним штурмом противника, который непременно тебя сомнет. Что ж, это всего лишь смерть. Сама же хвасталась рыжему, что не боишься! Вот и отвечай теперь за свои слова, жрица бога, который любит пошутить, хоть и мрачновато – на свой вкус.

Джад снова повела плечами, поддержала сбившийся ремень. Глянула на плавающего между салру сирена – тот ответил знакомой зубастой ухмылкой. Взяла удобнее два ножа, гадая, удастся ли проткнуть кожу рыбозверей? Сомнительно. Значит – бить по носу, единственному уязвимому месту. А уж меткости не занимать – хоть в этом она неплоха даже на дне морском. Второй сирен вяло плавал неподалеку, зажимая глубокий порез на животе.

– Зачем вам принц? – спросила Джад, не особо надеясь на ответ. – Ради выкупа?

Зубастая пасть снова растянулась в ухмылке.

– Иирнз должн уумрть, – выдохнул сирен. – Ээто прикззз...

– Чей приказ?

– Спящххх... Спящххх до кнца мрраа...

– Спящих до конца мира? – успела переспросить Джад. – Глубинных богов?

И тут все завертелось. Мелькали вокруг клыкастые пасти и серебро гибких сильных тел, Джад отбивалась, работая двумя ножами и подставляя под укусы защищенные предплечья. Но ремни рвались, рассеченные бритвенно острыми зубами, лезвия ножей входили в тугую жесткую плоть через раз, а в другой раз уходили мимо, проваливались в пустоту. Что-то кричал сзади рыжий недоумок, но Джад, сберегая силы, не отвечала. Аквамарин моря в ее глазах налился рубиново-красным от боли: несколько раз клыки салру все же добрались до тела, и самое паршивое, что теперь Джад стремительно теряла кровь, уходящую в равнодушно-холодную воду. Но все-таки она держалась. Отбивалась,

ухитряясь попадать по длинным носам, минуя зубастые провалы на мордах, резала и колола...

Неожиданно оба салру, совсем как опытные воины, кинулись с двух сторон одновременно. Джад увернулась от одного, сунув в широко открытую пасть нож торчком, второму врезала по носу локтем, попала, и тут же на предплечье сомкнулись кинжально-острые зубы.

«Пропала рука», – успела равнодушно, словно не о себе, подумать Джад. Ударив зубами, салру тут же разжал пасть и отскочил, пропорыв предплечье дюжиной дырок. Закрутился на месте, отпрянул, и Джад осталась один на один с последним из сирен. Глянула на немеющую руку. Среди рубинов, усеивавших обручальный браслет, торчала, застряв и обломившись, пара клыков. Надо же, как удачно пришлось. Словно помощь от давно ушедшей королевы иреназе той, которая невольно встала между ее сыном и смертью. У Джад, не суеверной, но точно знающей, что такие вещи не бывают случайными, по спине пробежал мороз. А может, это от потери крови начал бить озноб?

Последний сирен оскалился, медленно шевеля хвостом и подбираясь ближе. Джад сглотнула вязкую горькую слюну, глубоко вздохнула, уговаривая себя потерпеть. Всего один остался! Но сирен не собирался просто нападать. Он уверенно, почти лениво взмахнул острой и отдернул ее, когда Джад увернулась. Снова взмах! И еще!

В ушах шумело, изнутри поднималась тошнота, но желудок был пуст и лишь скручивался спазмами. «Выматывает, – измученно поняла Джад. – Теперь время работает на него. Ну, еще немного мы потанцуем, а потом я просто свалюсь. Принц же ему не соперник. Значит, надо заканчивать, чтобы все не оказалось зря».

Она медленно выронила нож, прислонясь к скале, глянула на сирена с явным отчаянием. Тот осторожно приблизился, не решаясь поверить. Взмахнул острой – Джад шевельнулась в последний момент. Удар, от которого онемело плечо, пришелся лишь немного выше и левее, чем метил сирен, – не в сердце, а вскользь по ребрам. Дернувшись вперед, насаживая себя на острогу, проткнувшую мышцы насквозь, Джад оказалась перед сиреном, левой рукой тычком ударила в горло. Захрипев, сирен запрокинул голову, но Джад сомкнула пальцы на кожистом горле и держала, сжимая изо всех сил, как железный прут, который надо согнуть в дугу. Превозмогая боль, она держала, держала, держала, не разжимая даже когда черная вода вокруг заполнилась всплесками и голосами и кто-то попытался разжать ее пальцы, ласково уговаривая, а раскаленный гвоздь в плече исчез и горячие алые волны унесли ее далеко-далеко и от моря,

и от суши, в темную теплую бездну забытья.

Проснувшись, Джаад еще пару минут не открывала глаза, с тупым вялым спокойствием думая, что не везет ей на морском дне. В который раз уже приходится валяться на попечении целителей. Сверху шелестел знакомый голос Невиса, ему что-то тихо говорил рыжий. Надо же, выжил. Вот ведь неистребимая зараза...

– Вы очнулись? – мягко спросил целитель, и Джаад покорно открыла глаза, сразу же снова опустив ресницы: неяркий свет шаров на стенах показался мучительно резким. Ну точно, крови много потеряла. Вот и в ушах шумит знакомо.

– Лежите спокойно, госпожа моя, – подтвердил ее мысли Невис. – Вам удивительно повезло: ни один порез не затронул крупного сосуда. Будто сами Трое благословили! Крови вы все равно потеряли немало, но с этим мы легко справимся. Я зашил раны, они отлично заживают. Его величество влил в вас столько силы моря, что...

Голос его уплывал куда-то, и Джаад равнодушно отдалась теплему приятному забытью.

Второй раз она проснулась намного позже, судя по тому, что спать больше просто не смогла – не лезло. Посмотрела в потолок, расслабленно обвела взглядом видимую часть комнаты. Рыжий лежал на своей половине постели, по-детски подложив руку под щеку, у его локтя виднелась стопка табличек, перевязанных продетым в дырочки шнурком, – местная книга. Вдруг, вскинувшись, как от тычка, принц открыл глаза и ошалело глянул на Джаад.

– Проснулась? – спросил он с торопливой растерянностью. – Пить хочешь? Или еще что-нибудь...

Джаад, не отвечая, прикрыла глаза, делая вид, что спит. Видеть паршивца не хотелось прямо до тошноты. Ладно, сирены могли застать принца с охраной в любом месте, не обязательно возле равнины, тут его дурость ни при чем. Но вот то, что наследник иреназе творил ранее!

– Ты же не спишь, – тихо прозвучало рядом. – Я чувствую. Не хочешь – можешь со мной не разговаривать, только скажи, если нужно что-то будет.

Вообще-то, кое-что ей было нужно, и еще как. Ширакка, например. Одна мысль о том, чтобы сползть с ложа и тащиться в комнату чистоты, вызвала ужас. Но просить о подобном рыжего? Джаад попробовала себя уговорить, что это вполне сойдет за месть: погнать принца иреназе за живым горшком, как обычного слугу. И ведь поплывет, похоже,

вон какой голос виноватый. Но...

– Может, тебе ширакку надо? Невис меня предупреждал...

Да что же это такое, все читают ее мысли? Джад молча кивнула, и рыжий, рыбкой слетев с ложа, кинулся из комнаты. Вернулся с шираккой в кадке, поставил у постели и потянулся помочь Джад привстать, но отдернул руку и даже снова выплыл за дверь после короткого злого шипения:

– Отстаньте, ваше высочество...

Сделав дело и вернувшись в постель, Джад спряталась под покрывалом от суетящегося вокруг рыжего, с тоской думая, что таков наверняка хитрый план короля: убрать целителей подальше, чтоб волей-неволей пришлось принимать услуги от хвостатого несчастья. А несчастье суетится, как вышколенный слуга, только удовольствия от этого никакого. Напротив, поднималось глухое раздражение. Чтобы не дать волю злости, Джад свернулась калачиком, уткнувшись лицом между подушкой и забинтованным предплечьем, попыталась уснуть, но сон не шел. Рыжий притих за спиной, но все равно его присутствие ощущалось прямо шкурой и невероятно злило. Джад заставила себя дышать ровно, понимая, что причина у злости одна-единственная: потерянная свобода. Теперь уж точно потерянная! Король будет последним глупцом, если не усилит охрану, и Джад будут беречь за компанию с рыжим, а значит, сбежать уж точно не получится.

– Что такое ужас моря? – спросила она, чтобы хоть как-то отвлечься.

Рыжий обрадованно кинулся рассказывать. Джад молча лежала, слушая, что сирены – выродки иреназе, отвергшие Троих и давным-давно ушедшие в пустынные части моря. Живут они рыбной ловлей и разбоем, ни с кем не торгуют и не обмениваются запечатлением. Да и кто бы согласился запечатлеть такую тварь? Они же хуже... – рыжий запнулся, но тут же вывернулся, – салту! Злобные, нечестивые, жестокие твари, охотящиеся на все, что могут убить. Иреназе давно бы их истребили, но глубинные боги научили сирен ужасу моря, что несет бессилие и страх, которые невозможно преодолеть. И если бы не Джад!

– Не знаю, как тебя благодарить, – тихо закончил принц. – Ты же могла просто уплыть. Почему... не стала?

Джад молча пожала здоровым плечом. Пусть думает что хочет, объяснять ничего не хотелось. Но принц не унимался.

– Знаешь, на памяти моего народа никто не мог победить сирен в одиночку, да еще четверых разом. Хорошо, что они почти не заплывают в наши владения. Но уж если заплывут, то встретиться с сиреной – верная

смерть. Как ты смогла преодолеть ужас? Это какая-то тайна твоего бога?

– Это привычка не бояться, когда бояться нечего, – буркнула Джиад. Потом устыдилась собственной похвальбы и продолжила: – Все дело в их пении. Это оно сводит с ума и лишает сознания. Вы его слышите лучше людей, вот и весь секрет. Да и слабоваты они в настоящей драке. Привыкли беспомощных резать, падальщики...

– Разве ты совсем не боялась? – недоуменно спросил рыжий. – Ведь остальные, услышав ужас моря, прыгают в воду на поживу этим тварям. Люди слышат сирен!

– Слышат, – нехотя ответила Джиад. – Но со страхом можно бороться. Я просто дотерпела до того момента, когда они перестали петь.

Поворочавшись, она устроила ноющее тело удобнее и попробовала уснуть. Утомившийся рыжий молчал, только щелкали иногда пластинки книги, да и то тихонько. Погрузившись в тоскливое оцепенение, Джиад долежала так до вечера, послушно выпила лекарство, принесенное Невисом, съела что-то и опять уснула.

Глава 17

Холод и огонь

Следующий день, такой же тяжелый и муторный, наполненный тупой болью во всем теле и слабостью, начался с появления короля. Джиад молча слушала благодарные слова и обещания награды, раскрыв рот лишь для того, чтобы подтвердить – она хорошо себя чувствует и признательна его величеству за заботу. Ничего другого говорить не хотелось, и даже то, что король, оказывается, даровал ей за спасение наследника титул каи-на, лишь слегка позабавило. Теперь, наверное, она более достойная пара для принца с точки зрения той кудрявой красотки? Каи-на Джиад, благородная дама подводного королевства... До чего же глупо.

Король уплыл, Джиад еще немного полюбовалась потолком, потом вспомнила кое-что действительно важное:

– А мой салру? Он жив?

– Живой! – радостно сообщил рыжий, подскакивая на ложе. – Ты два дня была без сознания, но я его кормил! Вон, посмотри, плавает! И хвост почти зажил!

– Это хорошо, – обронила Джиад. – Ваше высочество, а что сделали с телами сирен?

– Не знаю, – недоуменно отозвался рыжий. – Какая разница?

– У них было что-то... вроде свистка, – пояснила Джиад, вспоминая. – Их предводитель позвал салру и натравил на меня.

– Салру? Ручные?!

Рыжий взметнулся с ложа, торопливо закружил по комнате.

– Я сейчас пошлю кого-нибудь и узнаю, – торопливо сказал он. – Если там такое было, эту вещь найдут. Можно будет на твоём проверить... Он, конечно, неприрученный, но вдруг что-то...

Не договорив, он кинулся из комнаты. Джиад медленно сползла с ложа, доплыла до клетки, глянула на малька, который и впрямь повеселел. На хвосте и боках у него виднелись беловатые пятна струпьев, но когда Джиад взяла палочку и насадила кусок лежащей рядом с клеткой жвачки, поведив у малька перед носом, рыбеныш схватил еду с жадностью.

– Ешь, – хмыкнула Джиад. – Может, зря я сказала про этот свисток? Теперь тебя вряд ли отпустят на волю. Начнут приручать, учить плавать под седлом, будут хлопать лоуrom по носу. А если приручишься – считай,

пропал...

Скормив мальку столько рыбы, сколько тот смог осилить, она вернулась на ложе. Подремала еще немного, понимая, что лучшее лекарство сейчас еда, сон и обильное питье. Рыжий, вернувшись, будить ее не стал, но стоило Джад проснуться, с гордостью предъявил большой костяной свисток странной формы.

– На, пробуй!

Джад взяла вещичку, приложила к губам и несильно дунула. Рыжий поморщился, приложил к ушам ладони.

– Ты и правда не слышишь? – ответил он на ее молчаливый вопросительный взгляд. – Звук очень мерзкий. Давай еще.

На второй раз малек в клетке забеспокоился. Но не кинулся удирать, как салту на скалах, а подплыл ближе, любопытно водя носом и явно ища источник звука.

– Работает, – с восторгом прошептал рыжий. – Клянусь Тремя и глубинными богами – получается! Он тоже слышит! Вот как они приучают салру... Ты... Ты не представляешь, что сделала!

– Почему же, – криво усмехнулась Джад, – представляю. Я лишила всех салру моря свободы.

– Зато теперь их не будут убивать, как бесполезных, – возразил рыжий. – Салру умные, может, они и взрослыми будут приучаться! Смотри, он совсем не боится!

Рыжий с восторгом разглядывал малька, плавающего теперь возле решетки. Джад дунула еще раз, но, видно, как-то не так, потому что рыбеныш отплыл подальше.

– Надо поискать другие свистки, – деловито сказал рыжий. – Или сделать копию с этого. Позволишь?

– Я могу не позволить? – хмуро спросила Джад, уже жалея, что не вовремя распустила язык.

– Можешь, конечно, – помолчав, сказал принц. – Это твоя законная добыча. Но поверь, в неволе салру будет не хуже. На свободе они слишком часто гибнут поодиночке. Так часто, что уже стали редкостью. А я бы такого зверя любил и берег... Да и каждый иреназе!

Джад пожала плечами, протягивая свисток бережно принявшему его рыжему. Легла на постель, опять уставившись в потолок. Принц снова уплыл, на этот раз надолго, вернулся с королем, восторженно показывая ему малька. Джад они трогать не стали, чему та была откровенно рада...

Прошло три дня. Она ела, спала и снова ела; повязки сняли, раны чесались и заживали с волшебной скоростью, но злая горькая тоска

не отпускала. Свисток ей вернули, и теперь Джад вставала с постели только в комнату чистоты да покормить рыбеныша. Тот охотно привык отзываться на слышный только ему и иреназе свист, подплывая за едой и хватая ее прямо из рук. Зевать при этом не следовало: рыбу малек норовил взять вместе с кусочком пальца, явно не со зла, а от жадности. Но кроме этих коротких минут дни и бессонные ночи были полны холодной безнадежности неволи. И от того, что она сама упустила возможность бежать, становилось еще хуже. Надо было уплывать сразу, не думая о рыжем и охранниках. Но как после этого она бы смотрела в лицо Малкавису на последнем отчете стража?

Дважды за эти три дня приплывала Санлия. В первый раз Джад притворилась спящей, и красавица-наложница, тихо спросив у Невиса о здоровье госпожи избранной, уплыла, оставив на столике у постели блюдо с какими-то прозрачными кусочками. Лакомство, показавшееся Джад похожим на сладковатые сушеные фрукты, оказалось сделанным из мяса маару и было нанизано на тонкие длинные металлические прутики, точно такие, как тот, с которого она кормила рыбеныша. Прутиков было пять, и, подумав, один Джад украла, поглубже заткнув в щель между мягким изголовьем ложа и деревянной рамой. Просто на всякий случай... Блюдо забрали служанки, исчезновение одной железки вроде бы никто не заметил, а Джад стало немного спокойнее: прутик вполне мог сойти за оружие, без которого она чувствовала себя хуже, чем голой. В побег уже не верилось, но осознание, что при нужде она сможет защититься, грело душу.

Чтобы отвлечься от боли, она все-таки спросила у Невиса о Санлии и, выслушав рассказ печально вздохнувшего целителя, признала – да, у нее так сладить с запечатлением не выйдет.

Когда Санлия приплыла в следующий раз, Джад притворяться спящей не стала. Выпила с наложницей принесенной той горячей тинкалы, которую Санлия сама варила по особому рецепту – очень пряной и сладкой, выслушала учтивую, но, кажется, искреннюю благодарность за спасение принца.

И не утерпела, спросила, честно признавшись, что говорила с Невисом, неужели Санлия может радоваться спасению наследника Акаланте? После того, что солдаты этого города сделали с беззащитной девчонкой, случайно попавшей им в руки.

– Война – мерзкая вещь, госпожа Джад, – тихо ответила Санлия, поднимая на нее как всегда безупречно подкрашенные глаза. – Наши воины вели себя не лучше, поверьте. Мой отец был целителем, и я, помогая ему,

многого насмотрелась... Мы пришли в воды Акаланте, убивая и грабя. Конечно, я была ни при чем, но кто знает, кого потеряли эти трое?

В глубокой зелени глаз плескалась боль, и Джаид, протянув руку, молча сжала изящную ладошку, украшенную дорогими перстнями, почувствовав ответное пожатие.

– Моему запечатлению было всего несколько дней, – помолчав, уронила Санлия бесцветным голосом, снова опуская глаза. – Связь еще совсем не устоялась, а он должен был снова отправляться на войну... Конечно, я последовала за ним, для вида напросившись с отцом. Думала, что будем встречаться вечерами, ловить мгновения украдкой, как это было дома... А случилась эта стычка на границе.

– Он... погиб? – так же тихо, словно кто-то мог подслушать их, спросила Джаид, замирая от болезненного сочувствия.

Санлия покачала головой.

– Нет, он выжил. Погиб отец, пытаюсь спасти меня, защитить... А он... Слишком поздно вернулся из дозора. Эти трое уплыли, я была без чувств, и наше запечатление...

Ее голос прервался, тонкие пальцы сжали руку Джаид с неожиданной силой.

– Оно разлетелось, как разбитая ракушка, – устало закончила Санлия. – Связь прервалась... Через пару часов начался бой, последний бой той проклятой войны. Акаланте победил, я попала в город с другими пленниками. Его величество Кариалл был так великодушен, что после подписания мирного договора вскоре отпустил заложников даже без выкупа... Я долго болела, и король, все узнав, приставил ко мне личного целителя. Господин Невис рассказывал, что нашел моего... Риаласа? Нет? Что ж, ничего уже нельзя было исправить – я понимаю. Риалас передал мне письмо. Что сожалеет и надеется на лучшее для меня. Что его запечатление оказалось не таким сильным, и он еще может найти другую избранную. Только видеться нам с ним больше нельзя – так говорят жрецы...

– Ублюдок, – выдохнула Джаид. – Какой же... он...

– Это запечатление, – просто сказала Санлия, грустно улыбаясь. – Вы не представляете, что оно значит для нас, иреназе. Найти свою истинную любовь – лучшее, что может быть в жизни. А жить с тем, чью душу и тело теперь никогда не познаешь по-настоящему... В общем, я его простила. Только оказалось, что в Суалану мне возвращаться нельзя.

– И вас... вдобавок к этому всему сделали наложницей?

– Вы так говорите, словно это плохо, – улыбнулась Санлия гораздо

мягче. – Госпожа Джад, мне уже никогда не выйти замуж. А стать наложницей наследника – великая честь. Другие девушки добиваются ее, как особой милости. Когда Алестар женится, я буду обеспечена на всю жизнь. Захочу – останусь служить при дворце. Или заведу собственный дом в городе и буду свободна...

– Простите, – от всей души попросила Джад, глядя ладонь Санлии. – Я не хотела напомнить вам о плохом.

Наложница кивнула, в свою очередь накрывая ладонью руку Джад. На несколько мгновений они замерли, глядя друг другу в глаза, потом иреназе, словно смутившись, отвела взгляд, порывисто вздохнула и, торопливо попросив прощения, выплыла из комнаты.

И снова потянулись тоскливые дни. Санлия больше не появлялась, тренировки Невис решительно запретил, и только малек салру, становившийся все забавнее, хоть как-то скрашивал скуку Джад. Рыжий, следовало отдать должное, вел себя тихо и услужливо. Старался угодить, чем-то порадовать, но она хотела только одного: остаться в одиночестве. И ее не трогали, не принуждали к близости, чему Джад радовалась, понимая, что долго такая благодать не продлится. Ночами принц либо пропадал у наложниц, либо подолгу крутился на постели, явно изнывая от желания, но не решаясь прикоснуться.

А через неделю такого отдыха, явившись рано утром и о чем-то пошептавшись с Невисом, рыжий подплыл к постели, едва не лопааясь от таинственности.

– Поднимайся, – потребовал он. – Поплывем, прогуляемся.

– Вам прошлого раза не хватило? – вежливо осведомилась Джад, не шевелясь и глядя в потолок.

– Хватило, – обиженно буркнул принц и упрямо повторил: – Поднимайся давай. Это будет особая прогулка. Отец разрешил! Ну что, тебя на руках понести?

– Только попробуй, – зло отозвалась Джад, нехотя отталкиваясь от ложа. – И куда мы поплывем?

– Увидишь.

В сапфировых глазах рыжего плясали веселые искорки. Кажется, он и вправду был рад, чему Джад сразу насторожилась. Но охрана, пристроившаяся позади, стоило им покинуть комнату, была спокойна и благодушна, значит, насчет позволения принц не врал. Джад близнецы-охранники поклонились с небывалым прежде почтением, и она склонила голову в ответ.

В этот раз они выплыли совсем с другой стороны города. Джад

сидела на салту, уже привычно правя лоуром и понимая, что давно пора было проветриться. Или как это сказать про море? Прополоскаться? Она усмехнулась, радуясь ощущению свежести от обтекающей тело воды. Что ж, надо жить, пока жива.

Они все выше поднимались к поверхности, море светлело и теплело, и наконец Джад почти коснулась макушкой поверхности воды. Рыжий обернулся, глянул тревожно, придержал салту.

– У тебя же амулет, ты дышать не сможешь, – протянул немного растерянно. – Так, погоди... Дару, дай нож.

Охранник протянул тот самый нож серебряной рукоятю вперед, дождался, пока Джад разомкнет кольцо на цепочке, но обратно брать не стал. Напротив, снял с пояса ножны и тоже подал. Подплывший Кари пояснил Джад, сжимающей рукой цепочку:

– Каи-на, не откажите принять на память. Мы с братом обязаны вам жизнью и честью. Такой долг неоплатен, но это семейный нож, память о родителе.

– Это слишком дорогая для вас вещь, господин Кари, – попыталась воспротивиться Джад, но огромная лапища охранника мягко сомкнулась на ее ладони с ножом.

– Не обижайте нас, каи-на, – прогудел Дару. – Ради Троих, возьмите. Будь наши родители живы, они бы сами вас поблагодарили.

– Более достойных рук этому ножу не видать, – подхватил Кари, и Джад, бережно вложив нож в ножны, прицепила их на пояс, учтиво склонив голову.

– Мое почтение ушедшим, пусть покоятся они в мире.

– От меня ты подарок вряд ли возьмешь, – сказал принц, молча следивший за разговором. – Но, может, и я чем порадую? Поднимайся наверх и плыви за мной. Дару, Кари, останьтесь здесь.

Он тронул салту, прыжком вылетая из воды, и Джад поднялась следом. Ветер! Морской соленый ветер ударил так, что она захлебнулась им, вдыхая с упоением, пьянея от счастья просто подставить лицо солнцу. Здесь, наверху, был такой ликующий солнечный день, что глаза наполнились слезами, которые Джад упрямо смахнула и опять прищурилась в небо, прекраснее которого ничего не видела. Салту резал воду поверху, не уходя глубже, рыжий оказался рядом, улыбаясь широко и счастливо.

– Правь за мной, – крикнул он, показывая рукой. – Туда, к острову!

Остров? Джад слегка пригнулась, разворачивая салту. Не больше чем в лиге от них действительно темнел небольшой остров. Суша! Настоящая

суша! Она хлопнула салту по носу, посылая вперед. Рыжий мчался рядом, но перед самым стремительно выросшим берегом придержал зверя.

Золотой песок, деревья... Джад соскользнула с салту в воду, поплыла вперед. Рыжий последовал за ней, немного задержавшись, но быстро догнал. Греб он одной рукой, другой придерживая какой-то ящик. Так, вместе, они вплыли в чистейший залив, глубоко уходящий в сушу узким полумесяцем. Джад замерла на мелководье, обернулась к рыжему, спрашивая взглядом.

– Иди, – пожал плечами тот. – Отец разрешил нам пробить здесь весь день. Я пока поплаваю, а ты отдыхай, грейся на солнце. Вот, возьми.

Он с некоторым усилием протянул матросский сундучок, тщательно промазанный смолой.

– Что это?

Ящик оказался тяжелым, но не слишком, вполне подъемным.

– Увидишь, – довольно фыркнул рыжий. – Я неподалеку буду. Понадоблюсь – просто крикни.

– До самого вечера? – переспросила Джад, не зная, то ли оскорбиться, что ее выгуливают, как зверушку, то ли просто порадоваться солнцу и суше.

Рыжий кивнул, отплывая. Джад поставила сундучок на берег, выбралась следом. Отойдя немного, оглянулась. Рыжая голова качалась на волнах шагах в сорока от острова, рядом показался плавник салту.

Вытащив нож, Джад торопливо вскрыла сундучок, изнемогая от любопытства. Богатство! Истинное сокровище, цену которому поймет лишь тот, кто не один десяток дней мок в подводном царстве и ел водоросли с сырой рыбой. Кожаный мешочек с огнивом и сухим трупом. Бутылка вина, залитая сургучом. Увесистый ломоть нежнейшей даже на вид ветчины и головка копченого сыра. Пяток наливных яблок, несколько пресных лепешек, кольцо залитой для сохранности жиром копченой колбасы и какой-то сверток, тоже с пятнами жира. Джад развернула промасленную салфетку и потянула носом. Сырники! Обычные сырники, которые она столько раз пекла на храмовой кухне, а после, скучая по дому, частенько заказывала в трактирах, куда бы ни занесла работа. Ох, да захоти рыжий ей что-то подарить, лучше бы придумать не мог. Как только измыслил?

Поднявшись на ноги, Джад огляделась. Здесь, на берегу, солнце сияло вовсю, но чуть дальше на песок уже падала тень леса. Наверняка там найдутся сухие ветки! И точно, нашлись. И ветки, и несколько стволиков упавших деревьев, и вдоволь мха. Похоже, островок был в той части моря,

куда людям заплывать заказано. Чувствовалось, что человеческая нога не ступала сюда уже давно: птицы не боялись людей, косясь на нее с веток, из кустов выглянула любопытная мордочка какого-то зверька вроде белки.

Набрав веток и мха, она вернулась на берег, быстро развела костер. И растянулась рядом на песке, бездумно глядя в веселое золотое пламя. Огонь! Простой огонь, доступный на земле любому бедняку, лишь нашлась бы кучка веток или соломы. И такая роскошь, если лишен его...

Налюбовавшись и отогревшись, Джад отгребла немного углей, насадила на прутик порезанную на куски ветчину. Сильно жарить не стала, лишь протомила до золотистого цвета и дурманного запаха. Сыр поджарила сильнее, до хрустящей корочки. Откупорила вино и достала из сундучка примеченные стаканы. Три глиняных стаканчика, плотно входящие друг в друга, чтобы сберечь место, которого вечно не хватает в матросском сундучке.

Интересно, кто же собирал ей такой гостинец? Явно это делали на суше. У иреназе есть люди везде, стоит вспомнить хотя бы алахасца, с обидной легкостью умыкнувшего Джад из трактира. Больно царапнула тоска по утерянным навсегда мечам... Что ж, все равно они бы в море негодились.

Плеснув в стакан вина, Джад пригубила густую благородную влагу. Вино кто-то выбирал от души, не пожалев старого турансайского. А может, просто иреназе велели положить лучшего? Хорошее вино, только пить такое в одиночку – грех.

Раньше она бы непременно окунулась в воду перед едой, но теперь море надоело настолько, что каждое мгновение на суше казалось блаженством. Джад еще понежилась на горячем песке, поворачиваясь то на спину, то на живот, потом, заложив руки под голову, долго глядела на облака, чинно плывущие куда-то. Может, даже в Арубу. Вот бы послать весточку в храм! Правда, похвалиться ей нечем. Но если прав король иреназе и Торвальд действительно продал Джад, это должны узнать дома. Узнать, чтобы ни один жрец Малкависа по доброй воле больше не ступил на земли Аусдрангов. Ни за какую плату! Храм ценит своих детей, и предавший одного из них теряет право верить жизнь жрецам храма не только для себя, но и для своих потомков. Только сначала надо выяснить правду.

Надломив сырник, Джад с упоением прожевала чуть солоноватый ароматный творог, рот мгновенно наполнился слюной. Ветчина уже пахла так, что с ног сшибало, сыр вторил ей, как опытный подголосок главному певцу. Поколебавшись, Джад вздохнула. Ну, не звать же к костру

охранников, попросив принца пока поплавать? Еды все равно куда больше, чем она съест за целый день...

Выйдя на край берега, Джиад приставила ладони ко рту и крикнула:

– Эге-гей! Сюда!

И когда в залив стремительно вплыл принц иреназе, жемчужно-белея в прозрачной воде гибким телом, расстилая по спокойной глади яростное золото волос, безмятежно пояснила:

– Не затруднит ли ваше высочество позвать и Дару с Кари? Или иреназе не едят пищу людей?

– Едят, – ошалело отозвался принц, хлопая мокрыми ресницами, на солнце золотящимися так же ярко, как волосы. – А ты точно не хочешь побыть одна?

– Хочу, – кивнула она. – Вот поедим – и можете плавать дальше до вечера. Пока я на солнце погреюсь и по лесу погуляю. Но лопать в одиночку, если могу накормить кого-то, я не умею, уж простите. Так позовете охрану? Ваше высочество...

* * *

Алестар осторожно положил книгу на ложе, чтоб не щелкнула толстыми страницами, повернулся на бок. Всмотрелся в смуглую спину лежащей на животе девушки. Та спала, разметавшись по ложу, даже во сне отвернувшись. Так хотелось провести рукой по нежной золотистой коже, такой тонкой, гладкой, горячей...

Алестар сглотнул, отводя взгляд. Невис говорит, что уже можно, все зажило, но как, если в черных, как Бездна, глазах только холод и отчуждение. И остров, сплавать на который он придумал сам, не помог. Да, Джиад улыбалась, разливая вино, которое близнецам пришлось пить из одного стакана, и угощала иреназе едой с земли, и рыжий, как волосы Алестара, огонь плясал на ветках совсем рядом с кромкой берега, бросая отсветы на ее лицо и шею в ворота рубашки. Но улыбались только губы, а потом его запечатленная отводила взгляд, без лишней спешки, но каждый раз, как Алестар пытался встретиться с ней глазами. И было ясно, что все зря.

Пошевелившись, Джиад что-то проговорила во сне, вскинувшийся Алестар прислушался, но дыхание спящей снова стало ровным и тихим. Да, сам виноват. Быть обязанным жизнью той, кого смертельно обидел, – это ли не шутка богов? Еще более подлая шутка, чем нечаянное

запечатление. И как же смертельно стыдно! Его, иреназе королевского рода, спасла и защитила женщина, человек! Сунула в камни, как глупого малька, чтобы не мешал, – и в одиночку победила сирен... Стыдно как...

И уж точно делу не поможет, что кровь закипает, стоит представить, как сжимаешь в объятиях это гибкое сильное тело, такое совершенное каждой линией и движением. О да, поначалу в воде двуногая казалась неуклюжей, но потом Алестар узнал цену этой скупости движений, как узнали ее, на свою беду, сирены-убийцы. А на острове, когда Джаад, поднявшись, ушла в лес за дровами и вернулась с охапкой веток, сбросив их к костру, у Алестара в глазах потемнело. Здесь, в родной стихии, она была похожа на лениво-спокойного в движениях салру, но за этой мягкой ленцой крылась быстрота и точность короля морских хищников. Она была такой, какую Алестар даже представить не мог! Живой, горячей, искренней в ненависти и отважной перед неминуемой смертью. Ни капли лжи и жадности, ни тени желания прицепиться к принцу иреназе, как рыбка-чистильщик к салту...

В горле встал плотный горький комок. Алестар осторожно двинулся еще чуть ближе, изнывая от томительного жара внутри. Может, попробовать? Приласкать сонную, разнежить поцелуями и ласками... Он протянул руку, почти коснулся темного плеча – и отдернул пальцы. Кого он обманывает! Никогда гордая жрица его не простит. Как бы ни хотелось поверить в обратное.

Оттолкнувшись хвостом от ложа, Алестар выплыл в коридор, поискал взглядом неизменную тень охранника. Кари – сегодня на страже стоял он – торопливо подплыл и поклонился, ожидая указаний.

– Зови брата, – хмуро сказал Алестар, – поплывем в город.

И вернулся в комнату, чтобы надеть пояс. Вот, он даже охрану перестал допекать! По правде говоря, и не стоило, наверное. Близнецам тоже мало радости везде за ним таскаться, да еще не имея права огрызнуться или не выполнить приказ. И с равниной получилось глупо. Но почему двуногая вечно оказывается права? Потому, что она жрица? Как она находит самые острые слова, бьющие точно в цель? Слова, от которых хочется кричать в ответ, или уплыть, или ударить, но руки опускаются, потому что понимаешь – права. Если бы Алестара не понесло на равнину, сирены бы их там не застали.

А самое паршивое, что никто ничего не знает! Сирены рядом с Акаланте, но пограничные стражи клянутся, что не замечали и следа этих тварей. Дыхание Бездны в его спальне, но жрецы глубинных уверяют, что их храм ни при чем. И чистильщика убили за долги, не иначе. Только

смерть Кассии пока не удастся списать на случайность, зато весь город уверен, что Алестар сам сдуру и от тоски пробовал гарнату, пока не допробовался маару знает до чего.

– Уходите? – донесся ясный, ничуть не сонный голос от ложа.

– Уплываю, – зло бросил Алестар, сам понимая, как глупо выглядит придирка к словам. – Это вы, люди, ходите.

– Еще и ногами, – с ленивой насмешкой подтвердила Джиад. – И даже двумя... Когда вернетесь?

– Тебе-то какая разница? – круто развернулся к ней Алестар, едва сдерживаясь, чтоб не разозлиться всерьез. – Чем дольше меня не будет – тем лучше, верно?

– Да, – спокойно сказала жрица, садясь на ложе, и от этой ясной простоты злость куда-то пропала, вытекла.

Действительно, чего он ждал? Вранья, что та сожалеет и ждет его, Алестара, возвращения? Так пора бы понять, что эта девушка не лжет и не боится. Вот так, на самом деле! И прав был отец, говоря, что ложь для трусов, истинно прав.

Алестар застегнул пряжку плотного кожаного пояса с карманами и кольцом для ножен, откинул на спину еще с утра заплетенную косу.

– Вечером вернусь, – сказал устало, чувствуя, как пламя желания внутри не гаснет, но утихает, спрятавшись под серой тусклой золой.

Да что же этот огонь из головы не идет, все мысли о нем. Алестар и костер-то видел всего несколько раз в жизни, и то издалека, но когда Джиад в сумерках сидела у огня, освещенная отблесками пламени, протянув к нему сильные, но изящные ладони с длинными пальцами, Алестар из воды молча любовался ею и страшился. Вот встанет – и уйдет в темный ночной лес, куда ни один иреназе не доберется. Глупо, конечно, куда ей деваться с острова, а потом все равно найдется способ вытащить, но вдруг? И тут же становилось горько, потому что ясно ведь: было бы куда сильной и смелой жрице уйти – сбежала бы от морского народа, как от величайшей беды. А так... На клочке суши посреди моря – словно салру в клетке. Только не приручить. И когда встала и пошла к морю, оглянувшись на угасающее пламя с такой тоской, будто возлюбленного покидала, Алестара накрыла волна боли и желания отпустить, открыть проклятую клетку, пусть убирается куда угодно, лишь бы не мучилась так. Будь ты проклято, запечатление!

Он молча доплыл до загонов салту, оседлал своего, подождал немного, пока Дару с Кари управятся с седлами, и тронул зверя лоуром. Выплыв из дворца, сразу поднялся выше, оставив улицы далеко внизу: видеть

никого не хотелось. И в город-то отправился, чтоб отвлечься от тяжелых дум, но прогулка еще сильнее напомнила то, чего не хотелось вспоминать. Как он чудесил под гарнатой, к примеру!

Вздохнув, Алестар повернул салту к восточной стороне, в храмовые кварталы. Отец говорит: не знаешь, что делать, сделай что-нибудь нужное. А что ему сейчас нужно больше всего? Разорвать запечатление. Притом, он обещал Санлии помощь храмовых мастеров, но совсем забыл – столько всего случилось после того разговора. Вот и поймает двух маару одной сеткой...

– Ваше высочество! Какая честь для нас!

Встретивший его во дворе храма жрец, имя которого Алестар с трудом припомнил, поклонился так низко, словно решил перевернуться хвостом вверх, да передумал в последний момент.

– Чистой воды, амо-на Корасиль, – вежливо отозвался Алестар, соскальзывая со спины салту. – Не отвлеку ли от важных дел?

– Будь этот день последним в моей жизни, и то подарил бы его вам! – всплеснул жрец руками, кланяясь снова. – Что угодно, тир-на?

– Угодно узнать, скоро ли ваши мастера выполнят королевский приказ? И еще кое-что, но об этом чуть позже.

– О, конечно, – радостно отозвался Корасиль, расплываясь в улыбке, которая на его худом костистом лице смотрелась так, словно улыбнуться решила рыба-нож. – Прошу вас внутрь, в мастерские. Вы все увидите сами! А эти господа...

– Моя охрана, – бесстрастно сказал Алестар и добавил: – Приказ его величества.

– Но мы никого не пускаем в мастерские, – растерялся Корасиль. – Только для вашего высочества можно сделать исключение.

Алестар беспомощно оглянулся на близнецов. Не хватало еще при жреце поспорить с каменноголовым Дару! Но старший из охранников, к удивлению Алестара, тоже спустился с салту.

– Мы подождем его высочество там, где дозволено. Как можно ближе, – уронил он.

– О... – задумался жрец, но тут же снова улыбнулся. – Это можно! Вы останетесь в мастерских дальнего круга. Хотя, право, что может случиться с его высочеством в храме?

Близнецы, похоже, думали иначе. Алестар видел, как настороженно они озирались, вплыв под роскошно высокие своды, и как тревожно держались в коридорах, пока Корасиль пыжился от гордости за все, что показывал по дороге.

– Вот это мастерские, где лечат больной жемчуг. Самая тусклая жемчужина засияет, словно только что из материнской раковины. А это – лекарские покои. Даже господин Невис некоторые снадобья заказывает у нас. Вот, взгляните, там – библиотека. Самое большое собрание книг в Акаланте...

Алестар послушно смотрел, учтиво любовался и восхищался, разглядывал мозаику в коридорах и залах, где они проплывали, а храм казался бесконечным, пока легкий шум в ушах не оповестил, что они опустились глубоко вниз.

– Вот здесь вашей... свите будет удобно, – извиняющимся голосом сказал Корасиль, всплывая в очередной зал. – Самые сложные зелья и эликсиры мы варим в особой мастерской...

Близнецы, закаменев лицами, остались позади, а Алестар всплыл за жрецом в узкий коридор, удивляясь, почему бы не пустить сюда и его охрану. Выпьют они эти зелья, что ли? Коридор свернул круто вниз, потом вверх, и изумленный Алестар высунул голову из воды, оказавшись в воздухе.

– Эликсиры, что здесь готовятся, нельзя смешивать с водой, – объяснил подплывший сзади жрец. – Вы не представляете, ваше высочество, какая сложная система насосов здесь стоит и как трудно было наполнить эти покои воздухом. Прошу, следуйте дальше!

Следуя за жрецом, Алестар проплыл неглубоким каналом дальше, в огромный зал, даже больше того, в котором остались близнецы, – и онемел от восхищения. Почему он раньше не заглянул в такое интересное место? Повсюду из воды, заполняющей примерно четверть высоты зала, поднимались небольшие островки. Алестар пригляделся к ближайшему, гребках в пяти от себя: какие-то большие блестящие шары и трубки, идущий в воздух дымок втягивается в укрепленную над островом большую воронку, язычок огня... Темноволосый иреназе с плотно уложенной в высокий узел косой работал у острова спиной к Алестару, только видно было, как торопливо мелькали руки, смешивая что-то, наполняя и переставляя разноцветные сосуды. Еще с дюжину жрецов маячили у своих островков. Кто-то из них поднял голову, глянув на принца, но тут же снова вернулся к работе.

– Вот, ваше высочество, – с понятной гордостью сказал Корасиль. – Редко где можно увидеть такую мастерскую. Разве что в Суалане есть, да и то поменьше. Искусники храма Тройх – подлинное чудо.

– И правда – чудо. Но разве запечатление можно... – Алестар замялся, не зная, как выразиться.

– Растворить эликсиром? – пришел на помощь жрец. – Очень сложно, ваше высочество, но можно. Пока вы были больны, мы взяли образцы крови и уже долгое время трудимся над ними. Вы вовремя пожелали узнать о наших стараниях, тир-на! Через десятидневье эликсир будет готов.

– Как... десятидневье?

Алестару показалось, что он ударился о скалу, как на охоте. Даже дыхание перехватило.

– Не к холодам? – беспомощно уточнил он, сам не понимая, отчего вдруг теплая вода вокруг стала такой зябко-неласковой.

– Управимся раньше, – расплылся в отвратительно-радостной улыбке Корасиль. – Некоторые ингредиенты – огромная редкость, но мы раздобыли их, исполняя приказ его величества, да продлятся его дни и ночи.

Он смотрел намекаяще, и Алестар, соблюдая правила знакомой игры, тоже растянул губы в любезной улыбке, выдавив:

– Я расскажу отцу о ваших стараниях. Благодарю, амо-на, милость королевского дома пребудет с вами. Значит, десятидневье? А расторжение связи – это не опасно?

– Ваше высочество! – снова всплеснул руками жрец. – Как вы могли подумать, что мы рискнем вашей драгоценной жизнью? Уверяю, приказ его величества исполнен в точности, эликсир совершенно безопасен.

– А... двуногая? – как мог равнодушнее поинтересовался Алестар.

Почему-то здесь называть Джиад человеком, а уж тем более по имени, совершенно не хотелось. Что-то цепляло и кололо в словах жреца, как острые камешки, скрытые мягким песочком прибрежного дна.

– Все в соответствии с приказом! – истово поклонился жрец. – Не беспокойтесь! Хотите взглянуть на эликсир?

– Можно? – все равно что-то было не так, и Алестар решил потянуть время, вдруг удастся что-то сообразить.

Глава 18

Не проси у судьбы – исполнит

Радостный Корасиль повел его к столу у самой дальней стены, и, проплывая между островками, Алестар чувствовал любопытные взгляды, но то ли жрецы опасались его спутника, то ли отвлекаться от работы им было нельзя, только никто даже рта не открыл, чтоб его приветствовать.

Потом ему показали эликсир – кроваво-красную густую жидкость, бурлящую в запаянном стеклянном шаре с отведенной трубкой. Пар над жидкостью собирался в облачка и каплями оседал на устье трубки, а оттуда капли скользили в крошечный черный фиал. Это было красиво и немного зловеще, Алестар снова почувствовал, как по спине холодом пробежало беспокойство.

– Вы прекрасный мастер, – сказал он молодому жрецу, возившемуся за столом с эликсиром, и русоволосый некрасивый парнишка покраснел от похвалы.

– Скажите, – вспомнил Алестар про Санлию, – а можно ли вернуть способность к запечатлению, если она была утрачена?

– Утрачена? Как?

– Я не о себе спрашиваю, – поспешно сказал Алестар, видя, что Корасиль прислушивается к разговору. – Одна из моих наложниц года три назад была взята в плен на войне с Суаланой. С ней обошлись... жестоко. Очень жестоко.

– Ваша наложница была запечатлена... сразу несколькими? – жрец покраснел еще сильнее, но, кажется, понял, в чем дело.

Алестар молча кивнул. Что тут можно было сказать? Только устыдиться, что сотворившие такое с Санлией были из Акаланте. Глубинные боги, а ведь он сам – чем лучше? Неожиданная мысль обожгла изнутри, от нее даже дыхание на миг перехватило...

– Сло-о-ожно, – в раздумье протянул паренек. – Но это так интересно! Я бы с удовольствием попробовал! Если амо-на Корасиль...

Он бросил виноватый взгляд на старшего жреца, и тот улыбнулся с неизменной любезностью:

– Конечно, можно. Как только выполнишь заказ его величества, так и попробуй. Ах, тир-на Алестар, вы так благородны! Конечно, после вашей свадьбы несчастной будет нелегко найти свою судьбу, а уж

без запечатления...

Он сокрушенно покачал головой, и Алестара едва не стошнило от липкой сладости слов и улыбок почтенного амо-на. Младший жрец, для которого искалеченная судьба Санлии была просто интересной задачей, – тот хотя бы не лицемерил.

– Что вам нужно для этого? – хмуро поинтересовался он у парнишки.

– Немного крови, – начал перечислять тот, загибая пальцы, – прядь волос и слюна. Вот если бы можно было найти выделения тех, кто ее...

– Я бы их с удовольствием нашел, – зло буркнул Алестар. – И целиком пустил... на выделения. Только...

Договорить он не успел. На острове в дюжине гребков от них что-то грохнуло, вспыхнуло, жалобно вскрикнул жрец. Корасиль с необыкновенной прытью рванул туда, и Алестар понял, что вот он – момент, посланный богами! Потому что льстивый жрец так и не сказал определенно, что эликсир безопасен для обоих.

– Скажите, амо-на, – с равнодушной учтивостью обратился он к явно польщенному таким обращением юноше. – А если варить эликсир подольше, он станет безопасным?

Сердце замерло, потом стукнуло раз, другой, Алестар осторожно выдохнул, сохраняя скупающе-бесстрастное выражение, и юный жрец попался.

– Нет, что вы, – отозвался он с явным сожалением. – Сама природа эликсира этого не позволит. Не беспокойтесь, ваша запечатленная не будет мучиться. Ну, может, поначалу... Но у нас есть прекрасные яды – она просто уснет.

– Ах, вот как, – услышал Алестар свой голос будто со стороны. – Это хорошо, конечно. Благодарю, амо-на...

– Виалас, – поклонился парнишка. – Всегда к услугам моего принца.

– Виалас, – повторил Алестар. – Я запомню ваше имя. Если сможете помочь моей наложнице, благодарность будет поистине щедрой, амо-на Виалас.

Вовремя он заговорил о Санлии. Корасиль уже возвращался от неудачливого острова, где суеилось несколько жрецов. Бросив мгновенный подозрительный взгляд, старший жрец умело оттер Виаласа плечом, оказавшись между ним и Алестаром.

– Все приказы вашего высочества будут исполнены в точности, – заверил он.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Алестар, сам удивляясь, как легко и любезно у него это вышло – сквозь кровавую муть ярости перед

глазами. – Думаю, можно возвращаться?

Он все же поплыл первым, пренебрегая этикетом, по которому вести гостя должен был хозяин. Ничего, посчитают надменностью. А вот встречаться с Корасилем взглядом пока не стоит, пожалуй. Отец всегда говорил, что глаза выдают все, о чем он думает, раньше языка.

Они выплыли в изогнутый коридор, и в тот момент, когда ход повернул, Алестар рванул жреца за плечо, притиснул к стене, навалившись сверху, и яростно прошипел:

– Ну, а теперь правду. Этот эликсир ее убьет? Кто приказал?

– Ваше высочество! – глаза жреца наполнились ужасом. – С чего вы...

– Слушайте, Корасиль, не играйте со мною, – улыбнулся Алестар, и от этой улыбки жрец попытался еще сильнее вжаться в стену. – Я сейчас поплыву к отцу и скажу, что вы мне проболтались. Это будет почти правда, вы сказали достаточно, чтоб я заподозрил неладное. И гнев королевского дома падет на вас с двух сторон – обещаю. А я куда злопамятнее отца. Говорите! Быстро и честно! Что будет с двуногой и кто это приказал?

– Ваш отец, – прошептал жрец, мучительно кривя рот и закатывая глаза. – Пощадите, ваше высочество! Я лишь выполнял...

– Что он приказал? – не повышая голоса, спросил Алестар, в точности копируя отцовский тон, которым он разговаривал с действительно провинившимися.

– Сварить эликсир, – покорно всхлипнул жрец. – Безопасный для вас. Поймите, мы не можем спасти обоих! Надо выбрать, обязательно! Кто-то из двоих непременно должен умереть, иначе ничего не выйдет.

– Понятно, – усмехнулся Алестар непослушными губами. – Вот что, Корасиль, забудьте, что вы мне наговорили. Вам ведь было велено молчать? Вот и молчите. Никто вас ни о чем не спросит, если сами не решите донести. Но тогда, обещаю – жизни вам в Акаланте не будет.

Отпустив покорно кивнувшего жреца, Алестар брезгливо сполоснул руки. Поплыл вперед, к выходу, оставив Корасиля позади бормотать что-то и клясться, что он никогда, ни за что... Покинув коридор, кивнул охранникам и, не останавливаясь, рванул дальше. Не хватало еще, чтоб кто-то из близнецов почуял неладное и бросился к отцу.

Мысли путались. Алестар молча взмыл в седло, с трудом сдержал злой удар лоура – зверь ни при чем – и пустил салту к дворцу.

Вот, значит, как отец решил спасти его от запечатления! Разорвать связь ценой жизни Джиад, чтобы Алестар запечатлел милую красавицу из Карианда. Королевской крови, прекрасно воспитанную, готовую быть покорной и любящей супругой! Ту, что непременно сделает его

счастливым! Как мог отец – так?! Злость душила настолько, что Алестар пригнулся почти к самой спине салту, давясь комом в горле. На мгновение показалось даже, что он снова под гарнатой, только сознание не мутилось, а, напротив, просветлело. Джаад! Отец обещал отпустить ее с наградой! Хороша награда! Ну подумаешь – одна девушка пропадет в морских глубинах, ее и так на земле никто не ждет. За нее заплачено!

Алестар с силой втянул воду, не желая успокаиваться, пьянее от собственной ярости. Да, он и сам поступил – хуже трудно придумать. Но можно, оказывается! Потому, что он мучил жрицу-стража, но никогда бы не предал, не обрек на смерть так спокойно и подло. Что же делать?

Вдалеке уже показались башни дворца, но туда сейчас было нельзя. Слишком он зол, не удержится – кинется к отцу и все только испортит. Нельзя, ни в коем случае нельзя показать, что ему все известно.

Алестар заложил крутой поворот, снижаясь к улице. Там внизу, у лучшей оружейной лавки города, виднелись хорошо знакомая копна светлых волос и оседланный салту рядом.

– Эруви! – окликнул Алестар девушку, еще только спускаясь. – Чистой воды!

– Аль! – обернулась к нему девушка, просияв улыбкой. – Давно не виделись.

– С охоты, – кивнул Алестар, – а до этого еще дольше. Что-то присмотрела?

Он и сам не знал, что вдруг швырнуло его вниз, к той, кого он всегда считал просто славной девочкой, хоть и ловил порой тоскливые взгляды. Но Эрувейн была подругой и Кассии тоже, потому никогда не пыталась встать между ними, а потом, когда Кассии не стало, она оказалась чуть ли не единственной, кто не решил, что вот теперь, когда Алестар свободен, пришло время открыть охоту. Остальных будто краб за хвост прищемил – так они кинулись увиваться вокруг. И это было до того тошно, что Алестар напоказ все больше проводил времени с Эрувейн, по молчаливому уговору прикрываясь ею от хищниц вроде Миалары.

Теперь же все изменилось: Алестар сдуру связал себя с человеком, а Эрувейн... У нее ведь свадьба скоро. Алестар поискал в себе зависть или обиду, но понял: он действительно рад за Эруви. Уж если кто и заслужил счастье, то она.

– Да вот, подарок ищу, – снова ясно и счастливо улыбнулась Эрувейн. – Даголар любит оружие...

– На обручение? – уточнил Алестар, недоумевая. – Или на свадьбу?

Обручение у них вроде давно прошло, а на свадьбу принято обмениваться украшениями, но уж никак не оружием.

– Нет, – беспечно пожала плечами Эрувейн. – Просто так. Порадовать хочу. А ты...

Алестар почувствовал, как теплеют щеки. Его запечатленная если и возьмет подарок, то разве на сеть вместо грузила навязать. Или как с теми браслетами... Но ведь и не пытался! А теперь не о подарках думать надо, а как спасти.

– Я в храме был, – сказал Алестар, не желая врать. – Хорошая мысль, кстати, про подарок.

Он повернулся к прилавку, за которым седовласый оружейник терпеливо ждал, пока благородные покупатели наговорятся. Кинжалы, охотничьи ножи, наконечники для острог... Алестар рассеянно перебирал золотые и серебряные рукояти, клинки прекраснойковки, украшенные драгоценными камнями ножны. Понравилось бы Джаад что-то из этого? Она теперь носит простой нож, полученный от близнецов...

– Эруви, – сказал Алестар, помолчав и сглотнув горечь, сегодня так и не желающую покидать его горло. – Ты счастлива?

– Ох, Аль, – отозвалась тоже через пару вздохов девушка, – я и не знала, что можно быть такой счастливой. Даголар, он такой...

Эрувейн замолчала, смущенно и мечтательно улыбнувшись, и показалось на миг, что лицо ее сияет изнутри тихим нежным светом, подобно озаренному рассветом морю.

– Хорошо, – от чистого сердца сказал Алестар. – Я рад, Эруви. Ему повезло с тобой.

– Разве тебе повезло меньше? – Эрувейн тряхнула копной светлых косичек, лукаво улыбнувшись, пока ее пальцы словно сами по себе гладили богатые, но изящные ножны, усыпанные бирюзой и жемчугом. – Я видела твою избранную, она замечательная.

– Да, – старательно улыбнулся Алестар. – Джаад хороша, правда?

– Не то слово! Немудрено, что ты влюбился, Аль. И я тоже очень, очень рада!

Оставив в покое ножны, Эрувейн положила ладонь на руку Алестара, заглядывая ему в глаза. И ни тени прежней стыдливой и безнадежной зависти к более удачливой сопернице не было больше в этом взгляде. Алестар молча возблагодарил Троих, что ни разу не поддался искушению уложить влюбленную тихоню и умницу Эруви на песок. Была ведь такая мысль, была... Сама же, мол, напрашивается! Как же хорошо, что не поддался! А так они расстанутся просто друзьями. И это чудесно,

потому что теперь совершенно ясно, что надо делать. Спасибо, Эруви, ты опять меня спасла. Теперь от самого себя.

– Эруви, – попросил Алестар, вытаскивая из груди ножей что-то необычное. – Можешь кое-что для меня сделать? Только тихо, как раньше.

Охранники плавали чуть поодаль, им слышно не было, и Алестар почувствовал знакомый сладкий холодок ужаса, когда все уже решено, однако остановиться еще не поздно и все равно знаешь – не остановишься.

– Как скажешь, – удивленно пожала плечами Эрувейн. – А что?

– Сегодня ночью оставь мне у больших садов оседланного салту? Хочу с Джад кое-куда сплавать без охраны.

– О-о-о, – протянула Эрувейн, откидывая косички на спину и явно едва сдерживаясь, чтоб не рассмеяться. – Вам дворца мало? Ладно-ладно, – заговорила она тише, – сделаю, конечно. Привет своей избранной передай.

– Обязательно, – кивнул Алестар. – Смотри, а ничего?

Он покачал на ладони длинный охотничий нож, изогнутый, как плавник салру. Серебристое лезвие с травленным узором, очень простая, но удивительно хваткая костяная рукоять...

– Да! – выдохнула Эрувейн восторженно. – Аль, уступи!

– Не уступлю, – рассмеялся Алестар, чувствуя, как поднимает и уносит его сомнения волна отчаянной пьянящей легкости. – И не проси! Господин Мирис, пришлите за деньгами во дворец.

Вложив клинок в облюбованные девушкой бирюзово-жемчужные ножны, что пришлось на удивление впору, он протянул их Эруви.

– Держи. Хочешь – Даголару своему подари, хочешь – себе оставь.

– Аль, – покраснела Эрувейн, принимая клинок. – Зачем?

– Просто так, – беззаботно пожал плечами Алестар. – Не забудь, ладно? Большие сады, до полуночи.

И, подмигнув, прыгнул в седло салту, с места пустив его вверх.

Во дворец он, как и было обещано, добрался только вечером. Охранники наверняка удивлялись, какая медуза ужалила принца, но мысли держали при себе, послушно мотаясь за Алестаром по городу. Удивительно, как много можно успеть, если точно знать, что твое время вот-вот закончится. Ярость, поначалу слепившая и все-таки мешавшая думать, не ушла, но перетекла в холодную злую уверенность, что все задуманное – правильно.

Алестар заглянул в квартал, где жил злополучный целитель, что лечил якобы больного Галифа, и узнал: тот еще луну назад умер, отравившись рыбой даус. Действительно, бывает. Если неправильно приготовить, редкое лакомство превратится в смертельный яд. Соседи целителя сокрушенно

покачивали головами: какая неосторожность! Алестар только кивнул, разворачивая салту, – и эта нить оборвалась.

Потом он заглянул на арену. Поговорил с мастером, обучавшим его зверей, проплыл по арене, прощаясь. Гонок в этот день не было, арена пустовала, и лишь несколько ездоков наматывали круги на молодых, судя по неровным рыскающим движениям, салту. Алестар глянул издали, вздохнул.

Еще, наверное, стоило заглянуть к Санлии. Но потом он подумал, что уж на это время останется, не случится же все сразу. Так что напоследок Алестар проплыл по городу, удивляясь, как его, всегда так любившего Акаланте, могла раздражать повседневная суматоха на рынке и приветствия подданных. Он даже завернул к одному лотку и бросил на него монетку, подхватив ломоть листа курапаро и с удовольствием вонзив зубы в сочную сладковатую мякоть.

Но поздним вечером все же пришлось вернуться домой. В комнату Кассии, которую он про себя уже отвык называть так, но не успел привыкнуть называть комнатой Джад. Та не спала, сидела у клетки, играя с мальком, изрядно подросшим за это время. Малек пытался выхватить небольшую рыбешку, которой Джад водила у него перед носом. Делал он это напоказ лениво, но, когда жрица в ответ замедляла движения, тут же кидался вперед, разевая уморительно розовую зубастую пасть. Похоже, эти двое отлично понимали друг друга.

Алестар повел плечами, сбрасывая усталость, подплыл к ложу, сказал в обращенную к нему стройную спину, обтянутую рубашкой.

– Как день прошел?

– Прекрасно, ваше высочество, – послышался равнодушный ответ.

– Это потому, что без меня, – сообщил Алестар то, что и так было понятно, растягиваясь на ложе. – Иди сюда.

Спина едва заметно напряглась. Жрица уже привычно оттолкнулась ногами от пола, поднимаясь вверх и подплывая к ложу, глянула с бесстрастной настороженностью. Алестар взглядом указал на ложе рядом с собой, повернулся на бок, придвинулся ближе к опустившейся на постель Джад. Протянул руку, немного спустил рубашку и медленно погладил плечо, именно такое горячее и гладкое, как ему постоянно представлялось.

– Невис говорит, уже можно, – уронил с тщательно рассчитанной небрежностью.

Джад молчала. Только смотрела мимо Алестара куда-то в стену черными, как застывшая лава, глазами, в которых не было совершенно ничего.

– Иди сюда, – повторил Алестар, притягивая ее ближе.

И сам замер, обняв за плечи несопротивляющееся, равнодушно-покорное тело. Застыл, боясь шевельнуться и вздохнуть, потому что жрица явно готовилась к худшему, а Алестар точно знал: вот это нежное, сильное и живое тепло под его ладонями и есть все счастье, что насмешливые боги отмерили ему до конца жизни. Теперь уже ясно, что до конца.

– Я спросить хочу, – так же безразлично спросил он, уткнувшись взглядом в темные, только начавшие отрастать до приличной длины пряди волос. – Вот если бы мы встретились иначе... Ну, вдруг? Могло бы у нас выйти что-то хорошее, а?

– Не знаю, – помолчав, тихо отозвалась его запечатленная.

Пока еще – его. От этой простой мысли хотелось орать и бить кулаками в мозаичные стены, отгородившие их от всего мира, но Алестар поймал поднимающуюся изнутри волну, обернув ее вспять и вглубь. Пусть вырвется потом – не страшно. Он как будто видел себя со стороны, удивляясь тому, что, оказывается, его – двое. Одному Алестару до исступленной дрожи хотелось еще немного притянуть к себе свою собственность, слиться с ней, гладить и целовать упоительно желанное тело, с каждым толчком плоти в плоть наслаждаясь невиданным счастьем. И пусть это будет счастье на одного, разве не для этого существует запечатление? Раз боги отдали его иреназе, лишив людей, – им виднее. И будет целых десять дней и ночей блаженства, а потом... И тут Алестар становился собой вторым. Потому что тот, второй, не считал, что десятидневье в постели – хорошая цена за то, чтобы окончательно сделать свою душу комком грязи. И разве отец не учил его долгу благодарности? Не говорил, что честь выше жизни? Да плевать на все! И на долг, и на честь! Джад, его Джад, ненавидящая его так же искренне и спокойно, как спасала, рискуя жизнью, – разве она заслужила смерть?

– Вот и я не знаю, – усмехнулся Алестар. – А хотелось бы... Ладно, собирайся.

Он оттолкнул недоуменно вскинувшуюся жрицу, чувствуя, что на лице так и застыла маской злая усмешка.

– Собирайся, говорю, – повторил, всплывая с ложа. – Возьми нож, что ли... И плыви за мной.

– Ваше высочество ничего не хочет объяснить? – хмуро поинтересовалась Джад, даже не привстав с постели.

Вместо ответа Алестар подплыл к стене, где раньше висела нарисованная на промасленной коже карта – его подарок. Вынося вещи Кассии, карту сняли, и теперь светлое пятно выделялось на стене, бросаясь

в глаза.

– Обязательно объясню, – кивнул он, нажимая незаметный постороннему глазу выступ. – Только не здесь. Не дергай рычаг для слуг – бесполезно. Я его снаружи отключил. Не знаю, что в этой комнате когда-то было, но похоже на темницу для почетных пленников. Очень уж много полезных мелочей. Вот это, например...

Джиад приглушенно ахнула сзади.

– Нож возьми, – повторил ей Алестар, оборачиваясь уже из темной дыры потайного коридора. – Если хочешь со мной. Или сиди здесь, тогда утром тебе откроют...

Получилось! Тихо, но зло ругнув сумасшедших хвостатых, жрица бросилась за ним, протиснувшись в уже закрывающийся плитой проем. Алестар молча улыбнулся в темноте. Мало одного желания спасти эту сумасшедшую, надо еще придумать, как это сделать.

– Держись за мной, – сказал он негромко. – Не бойся, все будет хорошо.

И поплыл вперед, сжимая в руке шар с туаррой.

Оседланный салту, как и было обещано, ждал их у больших садов. Недовольно поводя мордой, он упрямо старался скинуть упряжь, привязывавшую его к столбу.

– Ничего, сейчас прогуляешься, – пообещал ему Алестар, оглядываясь на подплывшую Джиад. Ночью здесь царила непроглядная тьма, и лишь туарра в руке Алестара служила маячком.

– Куда теперь? – с ледяной злостью спросила жрица, и Алестар пожал плечами, поправляя седло.

– Наверх, – сказал он честно. – Ты же хотела на сушу? Вот, боги тебя услышали.

– С ума сош... ли, ваше высочество?

– Ага, еще с первой нашей встречи, – глумливо усмехнулся Алестар. – Вот как тебя увидел – так и обезумел, помнишь?

Поднял туарру повыше и процедил в окаменевшее лицо:

– Слушай внимательно. Клянусь Тремя и глубинными богами, что говорю правду. Хочешь – чем угодно поклянусь, если этого мало. Через десять дней будет готов эликсир, чтобы разорвать нашу связь. Я сегодня видел его в храме. Только вот незадача – выживет после него только один из нас. Угадай – кто?

– Догадалась, – процедила Джиад. – И что?

– Тебе жизнь не мила? – удивился Алестар, понимая, что легко точно не будет.

Теплая тьма ночного моря колыхалась вокруг, ласково обнимая их, маня прилечь на песок, отдохнуть, слиться в объятьях...

– Вам-то что, ваше высочество? Вы же освободитесь, – тускло сказала Джад, поворачиваясь и, кажется, собираясь вернуться к неприметному коридору, из которого они выплыли сюда.

Почему-то Алестар не сомневался, что упрямая жрица и в полной тьме найдет дорогу.

– Что мне? – рявкнул он, догоняя уплывающую и грубо разворачивая ее за плечо. – То, что если с эликсиром не выйдет, мы с тобой так и останемся связанными. Навсегда, понимаешь! Ты теперь каи-на, хоть и двуногая, вполне достойная партия. Двор тебя принял и полюбил, народ тем более полюбит. Если уж мои охраннички – и те у тебя с рук едят! И будем мы с тобой жить долго и счастливо! Ты – мечтающая меня убить каждую ночь, а я – сходя с ума от того, что даже мечтать об этом не смогу: запечатление не позволит. Хочешь?

– Лучше сдохнуть, – хмуро отозвалась жрица. – Но если я уплыву, что будет с моими родичами по храму? Ваш отец обещал отомстить им.

Дура! Благородная, великодушная, сумасшедшая дура! Алестар чуть не взвыл от восхищенной злости. Да уплывай же ты! Другая бы рванула на волю, подальше от такой мрази, а эта снова думает не о себе. Вот же... И опять до боли и безнадежной тоски стало жаль того, что никогда уже не сможет между ними родиться. Потому что, если бы Джад его полюбила, это было бы по-настоящему. Так, как она сейчас ненавидит.

– А ничего не будет, – усмехнулся Алестар. – Если ты будешь далеко, наши жрецы помучаются и придумают что-то еще. Они, твари ленивые, просто выбрали, что полегче. Никто твоих не тронет – памятью Кассии клянусь.

Джад смотрела недоверчиво, и Алестар вдохнул побольше воды, позволяя вырваться наружу той волне злости и раздражения, что старательно гасил все это время. Вот теперь она была к месту, потому что иначе сил у него просто не хватило бы.

– А может, тебе понравилось? – сказал он с той же глумливой усмешкой. – Так ты скажи. Может, я зря переживаю? Поживешь у нас еще, привыкнешь. Кем ты была раньше? Бродягой без рода-племени, живым щитом. А теперь станешь законной супругой принца, а потом и короля. Даже спать со мной не так уж часто придется: наложниц я распускать не стану. Разок в несколько дней подставишься – и наслаждайся жизнью дальше. Можешь даже любовника завести, я позволю.

– Замолчите, – тихо и ровно сказала Джад, в темноте Алестар тем

более не видел ее глаз, но не сомневался: вулкан вот-вот вырвется на волю.

– Ты дура, – сказал он грубо. – Либо сдохнешь, либо мы оба сдохнем от злости друг на друга. Я тебе жизнью обязан, помнишь? Потому и отпускаю. Еще не хватало, чтоб ты потом вспоминала, как спасала мою шкуру.

– Не беспокойтесь, ваше высочество, не припомню, – ясным чистым голосом сказала Джад, и Алестар с испуганным восторгом понял, что вот как раз сейчас он точно на волосок от смерти. – Далеко до суши?

– Далеко, – буркнул Алестар. – И одна ты не доберешься – темно. Садись позади.

Больше они не сказали ни слова, пока изможденный бешеным заплывом салту не вылетел наверх. Джад уже привычно рванула с шеи амулет, и Алестар, перехватив ее ладонь, отобрал аквамарин.

– Дальше сама, – сказал он, останавливая салту насколько смог близко от берега, в полосе прибоя. – И вот что, убирайся подальше от моря. У отца длинные руки даже на берегу. Не хочу снова тебя увидеть.

– Хоть в чем-то наши желания сходятся, – бросила Джад, соскальзывая в воду.

И больше – ничего. Алестар проследил за мелькающей в воде головой, до боли в глазах вглядываясь в белесое предрассветное море. Развернул салту обратно, отплыл подальше, подставляя лицо, грудь и руки холодному ветру, прежде чем опуститься в глубину. Хотелось промерзнуть до самого нутра, чтоб тело застыло и хоть немного отпустила ноющая боль – предвестник грозного жара. Джад нет нужды тревожиться о заложниках. Разорванное запечатление убьет Алестара куда раньше, чем король найдет в далекой Арубе подходящего заложника, похитит его, а потом снова доберется до запечатленной жрицы.

Алестар сжал в ладони прохладный камешек кулона. Показалось, что тот еще хранит каплю тепла чужого тела, но это, конечно, была глупость. Пусть не вернется. Пусть никогда не узнает, что ее обидчик честно расплатился, насколько смог. Жизнью, грядущей болью, потерянной слабенькой надеждой если не на счастье, то хотя бы... на что? Он и сам не знал. Рассвет вставал над морем, такой невыразимо прекрасный, что дыхание захватывало. Может, потому что последний? И Алестар досмотрел его до конца, пока золотой шар солнца не выкатился в радостно раскрашенное небо, озаряя море и пронизывая его ласковыми лучами. Любовался, вспоминая отблески огня в глазах и на лице своего человека.

Там, примерно в десятке миль от берега, Алестара, потерявшего сознание и плавающего рядом с растревоженным салту, и нашли.

Глава 19

Бремя королей

Словно само море не хотело отпускать Джаид. Упрямо выгребая против тяжелой тугой воды, что раз за разом отшвыривала обратно, она думала, как нелепо будет утонуть почти рядом с берегом, когда свобода – вот она! Еще несколько гребков! Иреназе, конечно, и не подумал, что для человека прибой вовсе не то, что для морского народа, а Джаид изрезала в кровь руки и колени, пока последняя волна, то ли смиловавшись, то ли наигравшись, подхватила ее, задыхающуюся, как щепочку, проволокла по острым прибрежным камням и швырнула почти на берег, вдруг оказавшийся на самом деле рядом.

Сзади недовольно урчал прибой, подобно зверю, упустившему жертву, а Джаид, кашляя и плюясь горькой водой, вытянула истомленное тело на полосу песка, усыпанного обломками топляка и сухих водорослей, на четвереньках отползла подальше. Перевернулась на спину и несколько минут лежала, разметав руки и ноги, дыша резким запахом моря, что не желало отпускать ее даже здесь, догоняя солью и особым водорослевым духом в ветре, шумом волн, белыми полосами на высыхающей коже и песком в волосах.

Отлежавшись, она приподнялась, оглядела себя. Кое-как завязала на груди изодранную прибоем в лохмотья рубашку. Штаны, пояс, на поясе нож – подарок близнецов. Сапоги в море были ненужным грузом, Джаид их и не носила, разумеется. А сейчас пригодились бы. Зато на поясе золотые бляшки, от которых в любом городе будет больше хлопот, чем пользы. Очень уж легко любому ювелиру обвинить в воровстве странную бродяжку, за которую некому заступиться.

Джаид повела плечами, не без труда поднялась и огляделась вокруг. Выбросило ее на пустынный берег, но лигах в двух виднелась рощица, за которой могла оказаться дорога или деревня. Или Адорвейн – столица Аусдранга. Вот от последней мысли даже передернуло. Если король иреназе сказал правду и Торвальд продал ее хвостатым... Но он много чего говорил – и что из этого оказалось правдой?

Снова сев, она аккуратно срезала с пояса фигурные бляшки, подпоролла изнутри широкий поясной шов на штанах из плотной ткани и спрятала в нем золото. Зашить шов было нечем, но до города сойдет и так.

Еще немного подумав, Джад решила, что в город ей прямо сейчас нельзя. Сейчас она больше всего похожа на жертву кораблекрушения, этого и надо держаться, когда встретит людей.

Поднявшись, Джад пошла к рощице, борясь со странным желанием оглянуться. Рыжий, конечно, давно уплыл. Ну и глубинные боги с ним! Вот же мразь хвостатая... Обида не столько жгла, сколько тупо и болезненно ныла где-то в глубине души, но Джад запретила себе переживать об этом. Из дерьма клинок не выкуешь, вот и Алестар тир-на-Акаланте, надежда местных иреназе, просто неблагодарная тварь, о которой и думать не стоит. Расплатился за спасение, швырнул свободу, как подачку... Ладно, хватит!

Когда море скрылось за пригорком и даже шум волн утих, стало легче. Джад пересекла рощицу, дыша запахом зелени и мелких белых цветов, звездочками сияющих в траве под деревьями, вышла на опушку, где между высоких тонких стволов голубело в кружевной прорези листвы небо. И там действительно была деревня, куда она добрела, вдруг невероятно устав, едва плетясь по вытоптанной тропе босыми ногами, оставляющими кровавый след на траве. Добрела и опустилась на колоду для рубки дров у крайнего двора, пока вокруг заливалась, прыгая, мелкая рыжая собачонка, клекотали гуси и деbeatая тетка встревоженно выглядывала из оконца приземистого домика.

Здесь, в прибрежной рыбацкой деревеньке, в ее историю о кораблекрушении поверили сразу. Все было ей на руку: и необычная для этих мест смуглая кожа, и незнакомый покрой штанов, и кожа на руках и ногах, побелевшая и сморщившаяся от морской воды. Странно, в глубине будто что-то ограждало ее от таких мелких неприятностей, а стоило проплыть десяток люардов до берега – и вот, на тебе. Та самая тетка, одинокая вдова, жалостливо качала головой, глядя, как жадно прищелица пьет пресную воду и, застенчиво и благодарно улыбаясь, бережно подносит ко рту теплую лепешку, только что из печи. Суровые бородатые мужики кивали, слушая рассказ о внезапно налетевшем шквале, то ли разбившем купеческое суденышко из Арубы, то ли утащившем его дальше, пока Джад, смытая волной за борт, цеплялась за обломок того самого борта.

– Известное дело, – хмыкнул один из них, постарше, – разве ж на юге умеют строить так, чтоб тут, у нас, плавать можно было? Здесь море хоть и теплое, а суровое. Ты, девка, богов благодари, что выплыла. Попалась бы кому из хвостатых – и все... Они хоть и притихли сейчас, а людей все одно не любят.

Джад снова вполне естественно передернуло, она коротко кивнула,

пряча лицо в большой глиняной кружке и думая, что никогда теперь не напьется вволю этой безумно вкусной воды.

– Хватит человека-то мучить, – с укором сказала вдова, кидая на широкую лавку одеяло из грубой шерстяной ткани. – На ней и так лица нет... Ложись, девочка, отдыхай. Утром подумаем, как тебе быть. Небось дома родители глаза повыплакали, как узнали. Домой тебе надо, вот что. Ну да ничего, у нас теперь порт открыт, найдешь корабль да уплывешь в свою Аруббу. Либо восточку пошлешь хоть...

– Порт? – переспросила Джиад, еле добираясь до вождленной лавки и с наслаждением закутываясь в теплую, слегка колючую ткань.

– Еще какой, – подтвердила вдова, властно выпроваживая любопытствующих. – Его величество Торвальд уж как-то с морскими договорился, не топят они теперь наши корабли и даже носа к берегам уже давненько не суют. И нам полегче жить стало, как рыбу от берегов не угоняют. Дай боги здоровья молодому королю, разумнику и благодетелю...

Дальше Джиад не слушала, позволив себе провалиться в сон.

В деревне она пробыла два дня, отъедаясь и, главное, отпиваясь пресной водой. Местные ребятишки, сначала гурьбой ходившие по пятам, вскоре отстали, убедившись, что заморская гостя ничем не отличается от деревенских девушек. А Джиад, поговорив с вдовой Маргретой, вечером второго дня отправилась к местному старейшине и выложила перед ним на стол три золотые бляшки – нечаянный подарок иреназе. Старейшина взвесил на руке золото, попробовал на зуб, выслушал и коротко кивнул.

На следующее утро Джиад покинула деревню, разжившись рубашкой сурового полотна, почти новой кожаной курткой и хорошо растоптанными сапогами младшего сына старосты – единственного парня, чья обувь пришлась ей впору. В карманах куртки весело позвякивало несколько серебряных и медных монеток, а волосы прятались под выцветшим пестрым платком, и кто угодно сказал бы, что вот молоденький матрос с южного корабля, оказавшийся вдали от порта по какому-то делу, возвращается на судно.

Но, заплатив положенную пошлину и пройдя через городские ворота Адорвейна, в сам порт Джиад не пошла. Издалека глянула на суматоху вокруг пары сияющих свежеструганым деревом купеческих барков, что стремительно обрастали парусами, на бегающих по стапелям матросов, на грузчиков, волокущих куда-то тюки и катящих бочки. На душе было тоскливо. Никак не хотелось верить, но все увиденное тяжело и мерно заколачивало гвозди в гроб ее надежды на верность Торвальда. И что

странного, если король целой страны поменял жизнь одного-единственного человека на благополучие этой страны, вверенной ему богами. Разве не так должны поступать истинные короли?

Повернувшись, Джиад пошла прочь от порта, думая, что простила бы Торвальда за предательство, но зачем так в последнюю ночь? Зачем было врать о награде за верность и делать вид, что любишь?

В порт она вернулась вечером, пройдя по оружейным лавкам и прикупив кое-какую мелочовку. Зашла в злополучные «Три золотые рыбки», не опасаясь, что хозяин узнает в чумазом матросике щеголеватую стражницу короля, спросила Карраса. Хозяин глядел строго, но не подозрительно, а за серебряный охотно рассказал, что Каррас бывает здесь нередко, но всегда неожиданно, как шторм в летний день, и если господину моряку нужен по делу, то он, хозяин, еще за серебрушку с удовольствием передаст весточку неуловимому алахасцу.

Джиад кивнула, обещала подумать, выпила у стойки кружку неплохого пива, закусив жареными колбасками, как собиралась в тот злополучный вечер – словно и не было всех этих дней и ночей под водой, словно она только собирается зайти в комнату к человеку, которого назвал ей Торвальд. Расплатившись, вышла из «Рыбок». Ночь пахла морем, целым букетом ароматов таверны, кожей и специями, свежим деревом и смолой. Порт строился, корабли крылатыми птицами готовились выйти в море, и, значит, Аусдранг должен был вскоре расцвести. Выгодная сделка, что уж...

Дворец ночью был тише, чем помнилось Джиад. Зато караулов добавилось: бесшумно ступая по черепичной крыше в тени от башен и прячась за трубами, она видела в разных закоулках двора пять патрулей вместо двух-трех, что обходили его раньше. Значит, и внутри будет больше стражи. Похоже, Торвальд всерьез опасался за свою жизнь теперь, когда между ним и любой опасностью больше не было живого щита из Арубы. Что ж, за все надо платить.

Джиад легко спустилась по привязанной к трубе веревке, отметив, что при ней охранников было меньше, а порядка – больше. Крышу, например, постоянно осматривали, а над покоями принца даже смазывали земляным маслом – как раз на такой случай. Нужно окно открылось легко, стоило вставить между откидной створкой и рамой лезвие ножа и поднять щеколду. Джиад даже засомневалась, так просто все было этой ночью, но мгновенно исказившееся и тут же замершее нарочитым спокойствием лицо Торвальда успокоило – все-таки не ловушка.

– Доброго вечера, ваше величество, – поздоровалась она, скользнув к двери и двинув тяжелый засов в пазы.

– Джи! – ахнул Торвальд, подаваясь вперед, и вдруг улыбнулся с такой искренней радостью и восхищением, что снова окатило горячее стыдливой надеждой и стыдом: вдруг все неправда и Торвальд ее не предавал. – Джи! Как ты? Откуда?

– Со дна моря, ваше величество, – сдержанно усмехнулась Джиад, возвращаясь к окну, но вставая немного в стороне от него. – Откуда же еще? Пришла попросить прощения, что нечаянно нарушила ваш договор с королем иреназе. Впрочем, вашей вины в этом нет, верно?

Да, она говорила наугад, словно в полной темноте шла по узкой жердочке над пропастью, но в глазах Торвальда мгновенно метнулась растерянность, тут же пропала, и не зная Джиад своего принца, а затем и короля до мельчайшего движения ресниц, ничего бы не успела заметить. Хотя не так уж хорошо знала, оказывается.

– Джи, о чем ты говоришь? – с обиженным недоумением спросил Торвальд, садясь на постель. – Какой договор? С кем? Куда ты пропадала?

– А Каррас вам не доложил? – с холодным злым весельем спросила Джиад, скрестив руки на груди и привалившись спиной к стене. – Или вы меня не к нему послали тем вечером? Торвальд, я не спрашиваю – почему. Я даже не спрашиваю – за что? И так все понятно. Я только хочу знать, зачем было так играть? Я и так отвезла бы тот пакет и сунулась к Каррасу, как муха в паутину. Зачем было напоследок...

Она все-таки сорвалась. Замолчала бессильно, стискивая пальцы и снова разжимая их, глядя в глаза цвета пасмурного неба, которыми бредила несколько лет, за один ласковый взгляд которых жизнь бы отдала радостно, с улыбкой. Внутри что-то рвалось, жгло и тянуло, Джиад с тоскливым недоумением подумала, что неужели можно врать так легко и спокойно пусть не любимой, но той, кто клялся тебе в верности.

– Зачем? – спросила она с тихой усталостью. – Я же любила тебя, Торвальд. Если бы ты приказал, я бы и второй раз в море отправилась, наверное. Сама, ради тебя.

– Джи...

Торвальд дернулся к ней, словно хотел вскочить, снова опустился на постель немного ближе к подушке, поерзал, не сводя блестящих глаз с лица Джиад, и повторил отчаянно:

– Джи, я не хотел! Клянусь тебе! Прости, Джи! Они сказали, что будет новая Великая Волна, что море сметет город! Я ничего не мог сделать! Пожалуйста, Джи! Я люблю тебя. Верь мне!

Он даже вскочил, но опять, не отрывая взгляда, рухнул на подушку.

– Великая Волна? – переспросила, прислушавшись к еле слышному

щелчку, Джад. – Они так сказали? Кто – они?

– Каррас! – отчаянно выдохнул Торвальд. – Он их человек на суше. Я не верил, Джи, но потом пришла весть, что чудовищной волной смыло деревушку в десяти гардарах от столицы. Они обещали, что с городом будет то же самое. Джи, прости...

Он едва не плакал, и Джад растянула губы в невеселой улыбке.

– И вы спасали свой народ, да? Согласились на пользу взамен страшной беды? Достойный выбор... Нелегко быть королем, понимаю. Только вот я совсем недавно была в рыбацкой деревушке, и уж про такое они бы мне рассказали. По побережью новости расходятся быстро, ни о какой волне там и слыхом не слыхивали. Напротив, люди благословляют ваше величество за мудрый договор с иреназе.

– Джи! Ты... не веришь?

– Я бы поверила, Торвальд, – вздохнула она, – если бы ты сейчас не нажал рычаг вызова стражи. Что-то новенькое, при мне такого не было. Боишься? Кого? Мой король...

– Не подходи, – ясно и четко сказал Торвальд, выхватывая из-под подушки маленький взведенный арбалет. – Не надо, Джи.

– Вот это уже честно, – кивнула Джад. – Вот теперь я верю. Ваше величество будет прекрасным королем.

Она метнула короткий взгляд на дверь, едва не вылетевшую под тяжелым ударом, прикидывая, сколько та продержится. За дверью слышались зычные приказы и азартное хэканье, доски из мореного дуба едва не прогибались, будто по ним лупили тараном, но дверь еще стояла.

– Отзови их, – мягко сказала Джад. – Торвальд, если бы я хотела тебя убить – уже убила бы. Отзови, я просто уйду и больше тебя не потревожу.

– Уйдешь? – насмешливо переспросил Торвальд, кривя губы в незнакомой, совсем чужой ухмылке. – Не думаю. Прости, Джи, я действительно не хотел. Но слишком многое стоит на карте. Договор с королем хвостатых – это так, лишь начало... Не дергайся. Иреназе хотят тебя обратно, и я им обещал.

– Знал, что я приду? – с удивляющим ее саму спокойствием поинтересовалась Джад.

– Конечно, знал, – улыбнулся Торвальд, легко и уверенно держа ее на прицеле. – Джи, как ты могла не прийти? Раз уж море тебя не удержало. Ты не представляешь, как мне жаль!

– Мне тоже, – честно сказала Джад, делая шаг вперед. – Как же ты будешь стрелять, если они хотят меня живой?

– Не подходи! – вскрикнул Торвальд.

Джиад, как во сне, увидела его побелевший палец на спусковом крючке, отчаянные глаза и раскрытый в крике рот, но было поздно. Торвальд промедлил всего миг, потом испуг взял свое. Болт рванулся с ложа, дверь вылетела в спальню, а Джиад уже была слева-впередисправа!

– Не трогать! – крикнул Торвальд, сдернутый с постели, зажатый в ее объятиях, и закашлялся, косясь на прижатый к горлу нож. – Назад!

– Да, лучше назад, – спокойно подтвердила Джиад ввалившимся в комнату стражникам. – Не рискуйте, господа. Королевская жизнь бесценна.

– По кругу пуцу, – прохрипел капитан стражи, с которым она несколько недель назад играла в кости после отбоя и пила некрепкое молодое вино под стук падающих на кон монет. – Шлюха южная...

– Шаг обратно, капитан, – попросила Джиад, чувствуя, как бьется под лезвием жилка на горле Торвальда. – Или я пуцу ему кровь. Немного, но после его величество будет вами очень недоволен. Шаг обратно.

– Джи, ты все равно не уйдешь, – даже с ножом у горла Торвальд был очень убедителен. – Дворец оцеплен. Не глупи.

– Несколько минут назад вы мне клялись в любви, мой король, – усмехнулась Джиад, плаваясь в огне ледяной веселой злости. – Уговаривали поверить. А сами звали стражу и держали под подушкой арбалет. Так нужна я вам живой или нет? Если да, то я все-таки попробую уйти. Только сначала возьму то, что причитается за службу. Это ведь я добыла его для вас – я и заберу. Считайте это вирой за мою честь и жизнь, что вы продали.

– Нет... – простонал Торвальд, не смея сопротивляться, когда Джиад свободной рукой сорвала с его пальца королевский рубин Аусдрангов. – Джи...

– Капитан! – окликнула Джиад стражника. – Хотите совет? Служите его величеству усердно, но не забывайте, что ваша голова тоже имеет свою цену. И не дай вам боги, чтоб на весах его величества польза для королевства перевесила вашу верность. Ловите!

Она изо всех сил толкнула Торвальда вперед, к стражникам, невольно опустившим пики, а сама оттолкнулась от пола, спиной назад крутнувшись в окно. Сверху кричали что-то, ночную тишину и темноту разрывали вспышки факелов, лязганье стали, вопли и собачий лай. Томительно долгое мгновение полета – и Джиад замерла, балансируя на перилах крошечного балкончика этажом ниже. Внизу, еще через два этажа, растягивалась тройная цепь стражи, блестя обнаженными клинками, и Джиад вздохнула.

Ну разве так ловят лазутчика или убийцу, которого нужно взять живым? А, нет, вон и сети появились...

– Не стрелять! – истошно заорал кто-то из темноты. – Живой! Только живой! Сети растягивайте! Никуда не денется, тварь!

– И правда, – хмыкнула Джаад, доставая из внутреннего кармана куртки тонкую веревку с «кошкой» на конце. – Куда ж я денусь?

Мелькнув острым бликом в факельном свете, заливающим двор, «кошка» долетела до перил балкончика напротив и зацепилась за них. Джаад надела королевский перстень на палец, прямо поверх кожаной перчатки, намотала свободный конец веревки на руку и шагнула с балкона за миг до того, как сверху, из спальни Торвальда, под капитанский рев посыпались стражники.

А потом были удар воздуха в лицо, и мгновенный сладкий страх, и упоительный восторг, когда снизу слышались вопли разочарования. Вскрабавшись на спасительный балкончик, Джаад пробежала по нему за угол здания и перепрыгнула на крышу голубятни. Оттуда – на карниз дворцовой библиотеки. По лепным горгульям, у которых были такие удобные рога, взлетела на библиотечную крышу, с нее – на крышу поварни...

И вот тут цепочка оборвалась. Упав на еще теплую от дневного солнца черепицу, Джаад прижалась к ней, медленно поползла назад, радуясь, что не успела выскочить из-за широкой фигурной трубы, куда выходили дымоходы сразу нескольких печей. Там, за дальней кузницей, у вожденной калитки блестели начищенные протазаны, владельцы которых не кинулись ловить беглянку, а спокойно перекрыли один из выходов – и угадали.

– Кто ж про эту калиточку вспомнил-то? – прошептала Джаад, прячась в тени под навесом трубы. – Ах, жалко...

Можно было, конечно, рискнуть и пойти на прорыв. И даже нужно было, но там, внизу, были стражники, которые просто исполняли свой долг. Она ставила их в караулы и проверяла ночью, шутила с ними в казарме, рассказывала про далекую Аруб и показывала простенькие приемы работы с мечом, доступные для нежрецов. Они ни в чем перед ней не провинились, и их было слишком много, чтобы пройти без короткого, но жестокого боя.

Джаад закусила губу, отчаянно соображая. Еще немного подавшись назад, ужом проползла между двумя гребнями пристроек, и тут удача окончательно изменила.

– Вон! На крыше! Лови! – заорали снизу.

Соскользнув по скату вниз, Джад огляделась. Конюшенный дворик. Ну что ж, здесь она, значит, и примет бой. Теперь-то уж придется. Не возвращаться же в море. А если возьмут? У них сети...

– Госпожа мастер меча! Госпожа мастер!

Тонкий мальчишеский голос срывался от отчаянья. Джад оглянулась. Из проема конюшенной двери выглядывала рыжая вихрастая головенка.

– Сюда, госпожа мастер! – позвал мальчишка, боясь и повysить голос и не быть услышанным.

Джад колебалась мгновение. Потом рванула к конюшне.

– Сюда, госпожа мастер! – радостно повторил рыжий конюшонок, показывая на грудку сена в углу. – Вы прячьтесь, а я сверху лягу. Там внизу ящик деревянный, заползайте под него. Если сено и ткнут вилами, то нипочем не пробьют! Хороший ящик...

Джад уговаривать не пришлось. Слежавшееся сено она просто подняла одним пластом, нырнув сначала под колючую душистую массу, а потом и под тяжелый ящик, больше напоминавший перевернутый сундук. Сверху зашуршало – конюшонок подгрел сено, прикрывая.

Мальчишка едва успел запрыгнуть поверх копешки, как в конюшню ввалились с факелами.

– Нету ее тут! – громогласно заявил кто-то, пробежав конюшню из конца в конец и добросовестно заглянув в денники, хотя какая лошадь пустила бы к себе чужака, не выдав его беспокойством, Джад не представляла.

– Слышь, малой, ты никого не видел?

– А? – сонно заворочался конюшонок. – Чаво, лошадей надо?

– Да не лошадей, – рыкнули сверху. – Был тут кто али нет?

– А то как же... был... – зевнул конюшонок. – Его светлость лейтенант своо жеребца забрали. С вечера ишо...

– Дурак! Сейчас был? Баба в мужской... Э... ну, человек такой... с темной мордой!

– С мордой? Темной? – с такой искренней тупостью переспросил конюшонок, что Джад, несмотря на колотящееся сердце, не могла не восхититься. – Эт кузнец, что ли? У него морда темная-я-я... Не, не был. Он пьет со вчерашнего утра, еще из кузницы не выходил.

– Да что ты от него хочешь, дурачок же! – послышался другой голос. – Куда тут спрячешься? Разве что в сено...

Сердце Джад стукнуло громче, еще раз, и еще.

«Лишь бы мальчишке не досталось», – с усталой обреченностью подумала она.

– Вы мне сено не трожьте, – слышалось бурчанье конюшонка. – Как складывать – никого нету, а как раскидывать... Ну и что, если я на нем сплю? Мне господин главный конюх велел. Подумаешь, ночь перебуду, что с ним станет, с сеном-то? Вы факелы-то уберите! Нельзя тут с факелами, кони бесятся. И сено же...

– Пошли отсюда, – прогудел первый голос. – Нет там никого, видишь – дурачок с вечера спит. А раскидаем – конюх и правда разорется. Будем после смены вилами махать...

Кто-то все же ткнул в сено, но лениво, больше для очистки совести, не задев даже ящик.

– Ходят тут, – пробормотал конюшонок, снова укладываясь. – С факелами...

Суматоха длилась еще с час, не меньше. Под ящиком тепло и уютно пахло душистым сеном, временами где-то попискивали мыши, фыркал какой-то беспокойный конь, а она все лежала, ожидая конца поисков и беспокоясь, что рассвет наступит раньше. Конюшонок куда-то ушел, но это как раз не беспокоило. Захоти мальчишка ее выдать – не стал бы столько ждать.

– Госпожа мастер меча, – слышался тихий голос, и сено поползло с ящика. – Вылазьте. Идти вам надо, светает уже.

– Спасибо, – негромко проговорила Джад, вылезая из-под ящика и совершенно не представляя, что делать дальше. – Если бы не ты...

– Рано еще благодарите, – по-взрослому серьезно сказал конюшонок, задирая вихрастую голову, чтобы посмотреть ей в лицо. – Выбраться сначала надо. Вы вот что, госпожа мастер, через ту калитку не ходите, там караул так и стоит. Вы через шкуродерню идите, где туши обдирают да режут. Там такой запах – стража не больно-то близко подходит. А калитка есть, я уже проверил: чистая калиточка. Капитан ее в прошлом месяце заколотить велел, да мясникам надо же поближе шкуры к телегам вытаскивать – они и открыли потихоньку.

– Вот спасибо... – выдохнула Джад. – Я твоя должница, слышишь?

– Не, мастер, – шмыгнул носом конюшонок. – Это как раз наоборот получается. Помните, вы кривому Сколасу не велели меня за уши драть? И монетки давали, и вообще... Я добро помню, меня мамка с папкой так учили, пока живы были. Ну, идемте, провожу, чтоб не заплутали.

Джад молча кивнула. Во дворе все еще было темно, только у входа в конюшенное подворье горел оставленный кем-то в кольце на столбе факел, но конюшонок спокойно и смело прошел вперед, вытащил факел и сунул в стоящую здесь же бочку с водой, пояснив негромко и безразлично

любому, кто мог бы услышать:

– Не положено факел, сено тута...

В наступившей темноте Джаад безмолвной тенью проскользнула за маленьким проводником к шкуродерне, едва поспевая в извилистых закоулках и думая, сколько же лет мальчишке. Восемь? Девять? И сирота... Непременно надо будет вернуться и поблагодарить, когда все закончится. Может, даже забрать с собой в Арубу, если паренек согласится. Для учебы в храме он уже староват, но найти хороший дом с полезным ремеслом рыжику можно.

– Вот, мастер, – тихо сказал рыжик, подведя ее к неприметной калитке, забитой доской. – Вот этот гвоздь отогните и доску сверните набок. И пусть вас боги хранят.

– И тебя тоже, друг мой, – поклонилась Джаад, смертельно стыдясь, что не может вспомнить даже имени мальчишки, которого всегда звала просто Рыжиком.

– Да я это... – шмыгнул носом мальчишка и вдруг кинулся к ней, уже выходящей в калитку. – Вот, возьмите! Вам в бегах нужнее, а у меня все равно заберут, коли увидят.

Он сунул в руку Джаад что-то тяжелое, круглое и стиснул ее пальцы в кулак мокрой теплой ладошкой.

– Берите! – повторил умоляюще. – Я не украл, богами клянусь. Это мне граф Горлас как-то кинул спяну. Да идите же!

Джаад, коротко и крепко обняв мальчишку за плечи, чмокнула его в пахнущую сеном макушку, шагнула вперед и прикрыла за собой калитку. К стыду за то, что ни разу не спросила, как парнишку зовут, прибавилось сожаление, что даже отдариться нечем. Не оставлять же близнецовский нож – точно отнимут...

– Спасибо, друг, – повторила она, сжимая в ладони полновесную золотую крону – настоящее сокровище для нищего сироты – и еще раз кланяясь в сторону закрывшейся калитки самым почтительным поклоном – как наставнику или великому благодетелю. – Я бы сказала, что у тебя истинно королевское сердце, но для знакомых мне королей и принцев сравнение с тобой – слишком большая честь.

* * *

– Почему ты ничего не сказал мне, отец? Почему позволил думать, что все обойдется?

Алестар смотрел в потолок, медленно качаясь на теплой струе воды: сегодня его с утра знобило, и Невис, пряча взгляд, посоветовал как можно дольше лежать в теплой ванне. Толку от этого было никакого – и все это понимали, – но хотя бы знобкая дрожь прекратилась, лишь временами напоминая о себе.

– Потому что хотел тебя уберечь, – бесцветным, смертельно уставшим голосом ответил отец. – Спасти от этого знания и выбора. Алестар, но как ты мог?

– Как я мог – что? Отпустить обреченную тобой? А как я мог иначе?

В голове снова плеснула алой вспышкой боль, Алестар поморщился, уже привычно пережидая и зная, что вот сейчас она утихнет, потом вернется, нарастая все сильнее и сильнее, разливаясь по всему телу до кончика хвоста, пока терпеть станет совсем невыносимо. И вот тогда можно просить у Невиса зелье, но никак не раньше, иначе действие обезболивающего закончится быстрее, чем судорога отпустит.

– Как я мог иначе? – повторил он, стараясь выдохнуть как можно незаметнее и зная, что отец все равно видит его мучение. – Она же не виновата! Как бы я потом жил, купив избавление такой ценой?

– А теперь? – еще тише спросил отец, качаясь рядом. – Что теперь, сынок? Что будет с тобой?

– Что угодно, – собрал Алестар остатки упрямства, чтобы ответить. – Пусть будет то, что я заслужил.

– Хорошо, – вздохнул отец, протягивая руку и ласково глядя кончик его косы, уже зная, что к голове прикасаться нельзя. – С тобой – пусть. Ты вправе выбирать свою судьбу, как и все мы – королевская кровь Акаланте. Но что будет с городом? Алестар, ты поступил благородно и красиво, но не мудро. Что теперь будет с городом, ты подумал? Я стар и болен, мое время на исходе. Еще немного – и Акаланте останется без владыки. Только королевская кровь может править городом, только нам подчиняется Сердце моря. Или думаешь, мне не жаль эту девушку? Сердце разрывалось – так я сожалел о том, что делаю.

Перед тем, как ответить, Алестар несколько раз глубоко вдохнул, и показалось, что боль немного отступила.

– Сожалел? Тогда зачем делал? Она могла просто остаться моей запечатленной. Тоже не лучший выход, но не смерть же. Я бы вымолил прощение – со временем...

Алестар прикрыл глаза, перед которыми вспыхивали колющие разноцветные звезды, но те продолжали гореть и под веками, больно обжигая.

– Я бы постарался сделать ее счастливой, – выдохнул он. – Или потом нашлось бы средство отпустить. Зачем было – так...

– Потом? Нет иного средства, сынок. И нет времени. Совсем нет.

Пальцы отца, мерно глядящие ему косу – единственная доступная теперь ласка, – дрогнули.

– Я учил тебя владеть Сердцем моря, но главного сказать не успел. Мое время уходит не потому, что я слишком слаб, хотя и это важно. Сердце требует от правителя жизненной силы, горячей крови и сильной любви. Страсть – вот что зажигает в Сердце ответ и позволяет править им. А наше Сердце гаснет, мне все тяжелее управлять погодой и гасить гнев вулканов. Вот почему я разрешил тебе брак с Кассией. Вы так любили друг друга, что я решил: гаснущее Сердце непременно засияет ярче прежнего, отозвавшись вам. Увы, боги были против. Но если бы ты запечатлел кариандскую принцессу, возможно, страсть...

Голос отца прервался, и Алестар повернулся к нему, преодолевая плещущую от макушки до кончика хвоста боль.

– Страсть? Какая страсть, отец! Я ее в жизни не видел... Что, важно лишь запечатление? Отец, тогда это хуже дурмана! А если она дура или мерзавка? Если я ей буду противен или она тоже любит кого-то другого? Отец, нельзя вязать нас, как породистых салту, только ради крови!

Он невольно сорвался на всхлип, дернулся вперед, уткнувшись лицом в отцовские руки, и почувствовал, какие они горячие.

– Я не могу так, – прошептал почти в бреду, чувствуя, как накатывает вместо озноба палящий жар, словно светило вдруг оказалось близко, слишком близко, а море отступило и некуда укрыться от смертельного зноя. – Не могу, не хочу... Ты любил маму! Ты сам говорил, что любил и был любим раньше запечатления! А я... Я просто беда и для семьи, и для Акаланте. Я беда для всех, кто рядом. Сначала Кассия, теперь Джиад. Если бы не я... Теперь из-за меня весь город погибнет? Отец, я не знаю, как все исправить. Я не могу, слышишь?

– Алестар! – слышал он далеко-далеко встревоженный голос отца. – Алестар, успокойся, что ты! Мы обязательно все исправим! Придумаем что-нибудь, слышишь? Алестар, мальчик мой...

– Знаешь, – прошептал Алестар, не слыша себя и надеясь, что отец тоже не слышит: – Я думал, что она враг, потому что двуногая. Только это все равно. Будь она кем угодно – все равно. У нее сердце, которое не купить за все наше золото. Я же любил Кассию! И сейчас люблю! Только почему тогда так больно? Что я должен был сделать, отец? Мне сказали, что она умрет. Или она, или я. Прости, я должен был подумать о городе, знаю.

Это бремя королей, вечное бремя – сначала думать о городе, всегда только о городе... А я не смог. Я не справился, отец. Она вытащила меня из Бездны. Она прикрыла меня собой от сирен. И за это – убить? Отец, если предавать – долг королей, за что нас любить? За что нам верить?

Он шептал и шептал, все глубже погружаясь в забытие, и это было истинным блаженством, потому что здесь, за гранью настоящего, солнце ласково улыбалось озаренному золотым светом морю и шумели деревья на ветру, бросая тень на песок, где раскинулось, нежась под ветром и солнцем, смуглое тело. А потом Джиад, его Джиад, села на песке, лениво и бездумно улыбаясь ветру, морю, солнцу и горящему костру, кому и чему угодно, только не Алестару, но пусть, пусть бы так было всегда, лишь бы она – была...

– Алестар, – донеслось печально из волн, из шума ветра и шелеста листвы, – Аль, мальчик мой, что же ты натворил... Твой огонь мог бы зажечь Сердце моря на долгие годы, спасая Акаланте, а вместо этого он сжигает тебя самого. Как же я не рассмотрел вовремя, сын мой... И как теперь мне исправить хоть что-то?

Глава 20

Турансайское господина Карраса

Огромная темная волна, закрывая небо, шла с моря к берегу, и Джад точно знала, что водяное чудовище рухнет и на деревушку гостеприимных рыбаков, и на порт с белокрылыми кораблями, и на дворец. Раздавит город, как злой мальчишка топчет игрушечные домики из песка, и отхлынет, унося обломки, вырванные с корнем деревья и безжизненные тела. Волна высилась совсем близко, и Джад выбежала на берег, широко раскинула руки и стала перед валом, такая смешная и жалкая в попытке остановить неизбежное. Но когда она, отчаянно вскинув голову и затаив дыхание, уже ждала сокрушительного удара, темная стена воды вдруг начала стремительно светлеть и таять, так что к ногам докатилась обычная волна, осыпав брызгами и лизнув сапоги едва ли не виновато.

Джад всхлипнула от облегчения – и проснулась.

Сердце колотилось барабанной дробью, отдаваясь даже в висках. Она вытерла рукой мокрый лоб, села на постели. Спустив ноги вниз и лениво обувшись, чтоб не идти по немытому полу, выглянула в окно, за которым разноголосо кричал порт. Разносчики еды, спешащие куда-то матросы, мелкие торговцы и еще какие-то странные личности, которых она, будь до сих пор чьим-то стражем, на десять люардов к охраняемой особе не подпустила бы. Только вот охранять некого, теперь она сама себе и хозяйин, и стража...

Невесело усмехнувшись, Джад вернулась к кровати и оделась уже по-настоящему. Тщательно перебинтовала грудь широкой полотняной лентой, привычно убрала волосы под платок, поправила на поясе нож – как раз разрешенной для простолюдинов длины – и, прикрыв за собой дверь, сбежала вниз по лестнице в общий зал.

Что ж, пока ей везло. На дюжине площадей Адорвейна королевские глашатаи кричали, надрывая голос, розыскной указ о государственной преступнице, бывшей стражнице короля. Стражники у городских ворот переворачивали тюки и вскрывали бочонки, повсюду шныряли шпионы, да и простые обыватели с подозрением вглядывались в прохожих, выискивая взглядом тех, у кого кожа темнее, чем положено честному аусдрангцу.

И не один южный матрос или восточный купец попался в этот частый

бредень, раскинутый для золотой рыбки, канувшей в пучину города. Но вот что интересно: про перстень глашатаи молчали, суля щедрую награду лишь за поимку изменницы. Похоже, Торвальд пропажу реликвии просто скрыл. Может, самое близкое окружение и знает, а остальные – вряд ли.

Джиад приветливо кивнула хозяину, напоказ потянула носом дразнящий запах жареных колбасок. Таверщик, ухмыльнувшись, ножом сдвинул с вертела кольцо колбасы, стукнул деревянной тарелкой о стойку, поинтересовался:

– Пива?

Она кивнула. Лучше уж пиво, чем портовая вода, от которой, того и гляди, прихватит живот в самое неподходящее время. Да и выходить из роли парня не стоило. Захватив кружку с тарелкой, устроилась в углу лицом к двери, не скрываясь – зачем скрываться обычному мореходу? – но и не так чтобы на виду.

– Вчера вечером Каррас заглядывал, – уронил хозяин, явно благоволящий к спокойному и нежадному гостю. – Говорил, и сегодня придет. Вина заказал турансайского...

– Небедно гуляет, – хмыкнула Джиад, прожевав кусок огненно перченной колбасы и запив ее пивом. – Наемник, а вино пьет королевское.

– Много ты знаешь, какое вино короли пьют, – осклабился хозяин, и Джиад мысленно выговорила себе за неосторожность. – Хотя турансайское – это да, винцо отменное... Но Каррас уж такой парень: закусит сухариком, если не при деньгах, а вино возьмет лучшее. Алахасец, что ты хочешь, они все в вине понимают. Он вроде нужен тебе был?

– Придет – увидимся, – равнодушно пожала она плечами, отправляя в рот последний кусок колбасы и сразу заливая этот пожар пивом. – Благодарствую на вкусном завтраке, хозяин. Пойду-ка я по делам...

Поднявшись, она оставила на столе монетку, в очередной раз подумав, что деньги тают, как лед на огне, и пора уже на что-то решаться. В порту немало смуглых моряков-южан, но стоит бдительному стражнику сдернуть куртку и платок с подозрительного парня, как Джиад несдобровать. Она и до сих пор-то скрывалась лишь благодаря старому правилу, что прятаться надо на видном месте. «Три золотые рыбки» были местом известным и у властей на хорошем счету, так что никто в здравом уме не предположил бы от беглянки такой наглости – поселиться в недешевой таверне под самым носом у портовой стражи.

Но везение тоже нельзя испытывать до бесконечности, и Джиад третий день искала, как выбраться из города, готовясь уйти из таверны при малейшем признаке опасности, а если надо – то и с боем. Хотя Карраса

повидать неплохо бы. Вспомнился вдруг заповедный остров и нагретый солнцем песок, а на губах словно снова расцвел вкус вина. Уж не алахасец ли ей тот сундучок собирал?

Выйдя из таверны, Джаид прошла краем порта. По всему выходило, что к сухопутным воротам города нечего и лезть, а вот морем вполне может получиться. Наняться на корабль матросом, доплыть до ближайшего порта, а там ищи-свищи ветра в поле. Но неужели Торвальд не предусмотрел такого исхода?

Возле пирса небольшой купеческий барк грузили тюками шерстяных тканей. Матросы, смуглые и белокожие вперемежку, бегали по сходням, торопясь успеть к отливу, а невысокий человечек с бляхой портовой стражи на краю пирса внимательно вглядывался в лица. По стражнику обнаружилось и у двух других кораблей, готовящихся к отплытию, а небольшую рыбацкую лодку на глазах Джаид обыскали от носа до кормы, заглянув даже в длинный ящик для улова. Значит, на порт надежды нет.

Возвращаясь обратно в таверну, она нарочно прошла несколько лишних кварталов, изображая беспечного зеваку и сделав изрядный крюк по окраинам порта и прилегающим улицам. Нет, ей определенно не чудилось: это ощущение взгляда в спину ни с чем не перепутаешь. Но следом никто не шел, даже вдаль не маячил, и Джаид с нарастающим холодком тревоги подумала, что заигралась. Темные боги с Каррасом, все равно ничего очень уж важного алахасец не расскажет. Хватит, надо уходить из Адорвейна. Да, смуглую кожу не спрячешь, но можно вычернить ее еще сильнее, а волосы сбрить, став похожей на черных людей Шайпура. Только надежное место найти бы, а то хозяин таверны подобного превращения не поймет...

Нет, за ней точно кто-то шел! Джаид с нарочитой беспечностью сорвала пару тяжелых крепких яблок с ветки, перегнувшейся через ограду запущенного сада, на ходу захрустела сочным плодом. Свернула к высящимся по левую сторону от дороги развалинам – там когда-то была каменоломня, где еще при деде Торвальда добывали красивый мрамор. Не оглядываясь, поправила ремень штанов, всем видом показывая неуловимому преследователю, что к развалинам пошла с понятной целью облегчиться, а нырнув внутрь разрушенной водонапорной башни, метнулась в сторону и вверх, быстро взобравшись по кладке и спрятавшись в нише окна, затянутой густым пологом выюнка.

Расчет оказался верным: тот, кто все это время с недюжинным мастерством шел за ней, решил, видно, что более удобного случая не представится. Высокий темноволосый человек в темно-синей рубаше,

замшевых штанах и высоких сапогах на мягкой подошве бесшумно скользнул в развалины, сразу уйдя в тень стены и неторопливо озираясь вокруг.

Джиад вгляделась, прилипнув к кладке, даже дышать стараясь тише. Каррас, а это, судя по лицу, был он, если только по городу не гулял еще один алахасский наемник, двигался на зависть умело, ступая так осторожно, что ни один камешек не скрипнул под сапогами. Пройдя вглубь башни, алахасец вернулся, выглянул в окно, как раз напротив того, где она затаилась, снова спрыгнул на пол и неторопливо пошел к выходу.

Вытащив из кармана второе яблоко, Джиад взвесила его на ладони, примерилась и от души вlepила тяжелый плод в коротко стриженный затылок. На мгновение Карраса повело, но тут же он качнулся в сторону, уходя от удара... Поздно! Джиад спрыгнула вниз, еще одним длинным прыжком оказалась позади и приставила нож к шее наемника плашмя, предупредив:

– Стойте спокойно, если жить хотите.

– Ах, госпожа мастер меча, – усмехнулся алахасец совершенно спокойно. – Вы, похоже, из тех, кто держит слово. Обещали вернуться – и вот, надо же, вернулись. Неужели ради меня?

– Много чести, господин Каррас, – насмешливо сказала Джиад, подхватывая его беспечный тон. – Мне и без того было ради чего возвращаться. Руки держите на виду, будьте любезны. Что, решили меня второй раз продать?

– Продал вас король, – все так же безмятежно сообщил Каррас, покорно поднимая пустые ладони на уровень плеч. – А я так, посылку до места доставил. Вы хоть знаете, госпожа Джиад, сколько за вас теперь обещано? И морским владыкой, и его величеством Торвальдом. Мне, признаться, до смерти хочется узнать, что в вас такого ценного? Не поделитесь ли секретом, раз все равно решили убить?

– А кто сказал, что я так решила? – удивилась Джиад, не спуская глаз с напряженной спины и рук алахасца. – Как раз вас мне убивать не за что, если договоримся.

– Во-от как? – врасстяжку спросил наемник, неуловимо меняя тон. – И о чем же договариваться будем?

– О паре честных ответов на мои вопросы.

– Спрашивайте, – разрешил Каррас, и у Джиад появилось явное и очень нехорошее предчувствие, что мерзавец просто забавляется.

Она осторожно оглянулась вокруг, но было тихо, и даже дрозд беззаботно щебетал в проеме окна, никем не тревожимый.

– Король иреназе действительно грозил Великой Волной?

– Что?

В голосе Карраса сквозило искреннее недоумение, и Джад словно окатили грязной холодной водой – Торвальд врал и в этом.

– Если меня не отдадут, – пояснила она, снова оглядываясь.

– Да богами клянусь, что нет! – возмутился Каррас, слегка поворачиваясь. – Вот награду он за вас предложил поистине королевскую, у всей лихой братии на сто гардаров вокруг слюнки потекли. Если б кому только в голову пришло, что вы в «Рыбках» притаились, таверну бы штурмом взяли, пожалуй.

– Понятно, – устало вздохнула Джад. – Что ж, тогда второй вопрос ни к чему. Не дурите, Каррас, я сейчас уйду. Стойте спокойно, – чуть повысила она голос, видя, как напряглась спина алахасца, перенесшего вес на другую ногу.

– Стою, – согласился наемник весело. – Ноги затекли, не обессудьте. Но я-то ладно, вот мои ребята вас уже устали на прицеле держать.

Словно подтверждая его слова, сзади резко щелкнуло, Джад сглотнула, холодея, но арбалетный болт, пролетев мимо, воткнулся в землю рядом с ногой.

– А если бы у меня рука дрогнула? – бесстрастно поинтересовалась она, еще теснее прижимая лезвие к шее Карраса.

– Тогда бы награду поделили на двоих, а не на троих, – беспечно пожал плечами тот, не обращая внимания на сталь у горла. – Бросьте нож, госпожа страж. Вас все равно бы взяли. В «Рыбках» уже королевская стража, я просто успел первым.

– По городу меня вели? Как?

– И по городу тоже, – без всякого злорадства сказал Каррас. – Ради такого приза стоит постараться. Вы за одним и тем же столиком всегда едите, заметили? Вот сегодня там на полу была маленькая колючка, заговоренная на слежку лучшим ведуном Аусдранга. Полезная вещица, я вам скажу, своей цены стоит. Хоть вы нас по городу и помотали, но вели явно к окраинам, а тут и спрятаться негде, кроме как в этой башне. Так что бросьте нож по-хорошему.

– А если не брошу? – тихо сказала Джад, едва заметно усиливая нажим. – Мне ведь терять нечего. Лучше под ваш болт, чем в море или к Торвальду на плаху. Руки не опускайте. Что ж вы мне так подставились? А если бы я не яблоком запустила?

– Кто хочет жить спокойно, тот хлеб водой запивает, – усмехнулся Каррас. – Если б у вас в руке не яблоко было, мой стрелок взял бы чуток

выше и левее, по ногам. Что, так и будем стоять, как робкая парочка у сеновала: ни домой, ни наверх?

Джиад невольно улыбнулась сравнению. Глянула на болт у сапога. Стреляли сверху. И Каррас только что обмолвился, что стрелок ее видел, раз позволил запустить яблоком. Хотя алахасец мог и соврать, скрывая замешательство. Нет, стрела торчала так, что, если прикинуть направление, получалось...

– Стрелок под самой крышей? – мягко спросила она. – Во-он в том углу, где в глухой стенке камень выпал? А третий где?

– А догадайтесь, – хмыкнул Каррас, переминаясь с ноги на ногу и жалобно-глумливым тоном попросил: – Ну хватит, а? Все равно ж не уйдете. А я к вам со всем уважением, клянусь. Посидим до вечера в укромном месте, вина выпьем...

– Турансайского, – продолжила Джиад, резко ударив Карраса под колени за мгновение до того, как арбалетный болт вошел бы тому в грудь. Упала сверху, прижимая к земле, рывкнула в ухо:

– Влево, за камень!

Метнулась перекатом за валун, высящийся посреди башни. Мгновение спустя рядом свалился Каррас. Тихо выдохнул что-то злое и тоскливое по-алахасски, крикнул, чуть приподнявшись:

– Самир, не дури! Сам потом пожалеешь!

– Где ваш третий, Каррас? – спросила Джиад, оглядываясь по сторонам. – И голову поберегите. Похоже, ваш стрелок решил, что на двоих награду делить легче. Если вообще делить собирается. Где третий?!

– У стены, со стороны восхода, – бесцветно сказал алахасец, снова прижимаясь к земле.

И вовремя. Третий болт ударил почти рядом, выбив из камня яркие искры. Джиад выглянула из-за камня, пользуясь краткой передышкой – даже очень хорошему стрелку нужно время взвести арбалет.

– Оттуда мы как на ладони, – сказала то, что и так понимали оба. – Был бы заодно с этим...

– Нет. Он мой побратим... был, – так же бесцветно уронил наемник. – Ну, Самир... дурак жадный.

Джиад молча кивнула. Все понятно: зная, что побратим алахасца не даст его пристрелить, Самир наверняка избавился от него первым. Что теперь делать-то? А вот если...

Извернувшись, она стянула куртку и яркий головной платок, толкнула в сторону наемника, прошептав:

– Надевайте.

Алахасец глянул недоуменно.

– В меня он целить насмерть не станет, я живой нужна, – объяснила Джад. – А сверху по одежде не сразу разглядит, кто где. Раскатимся разом к стенам, а там уж – кому как повезет.

Каррас молча кивнул. Потом разжал плотно сомкнутые губы:

– Вам-то это зачем? Одной уйти проще.

Джад пожала плечами, краешком глаза следя, как наемник накидывает ее куртку, прикрывая заметную рубашку, повязывает голову. Потом заговорила, примеряясь, в какую сторону рванет:

– Каррас, если выберемся, не ходите за мной. Ни к Торвальду, ни в море я живой не вернусь. А за труп вам никто не заплатит. И это если сами к предкам не отправитесь.

– Вы мне слишком дорого обошлись, госпожа, – спокойно сказал алахасец, доставая из ножен на поясе короткий тяжелый клинок. – Но никто не скажет, что Каррас не платит долги. Если сейчас уйдете, приходите вечером в таверну «Лысый еж» у северного причала и спросите тройной горский шванг с козьим сыром. Встретимся там – выведу вас из города. А не встретимся...

Он помолчал, глянул искоса, вздохнул:

– Тогда скажите хозяину, что Лилайн Каррас просил пристроить вас на корабль мимо досмотра, а его помянуть турансайским. Тройной шванг с козьим сыром, запомнили?

Джад коротко кивнула. Отвернувшись, Каррас переполз к самому краю камня, привстал на одно колено. Между ним и глухой стеной с несколькими контрфорсами было люардов двадцать чистого пространства, отлично простреливаемого из-под крыши, но сверху наемник и впрямь теперь походил на Джад. Ей до стены было ближе, люардов двенадцать-тринадцать, и там, в густом пологе вьюнка, пряталось спасительное окно наружу. И оставалось надеяться, что Самир и вправду хоть на пару мгновений запутается.

– Помоги, Малкавис, – одними губами произнесла Джад, а вслух сказала: – На счет «три». Раз, два, три!

И рванула из-за камня, каждое мгновение бесконечного прыжка-переката ожидая удара болта.

Алестару снилось, что он птица. Оказывается, быть птицей – это все равно что рыбой, только воздух держит куда хуже воды и надо изо всех сил махать крыльями, чтоб не рухнуть вниз, на землю. Он летел над странными домами с коричневым и красным острым верхом, над деревьями, что из моря казались такими высокими, а сверху вдруг стали толстенькими и приземистыми, как зеленые кочки, над полосатыми полями: голочерными, зелеными и желтыми от растений, одинаково колышущихся под ветром тонкими стебельками. Летел, и птица, которой он был, кричала от тоски, выглядывая что-то внизу и не находя искомого.

– Он снова уходит, – раздался где-то далеко и наверху голос. – Его душа ищет половину, с которой разлучена. Он уходит...

– Нужно вернуть, – сказал другой голос, знакомый очень смутно. – Зовите его, зовите изо всех сил. Неужели нет никого, кому он откликнется?

Алестару было очень стыдно перед первым голосом, в котором слышалось столько безнадежной тоски и усталости, но он знал, что должен найти что-то важное. Кого-то. Кого-то, без которого возвращаться назад в безбрежное море горячей боли и подумать страшно. Но сверху все люди были одинаковы, они шли куда-то по узким или широким ровным полосам земли, скрывались в домах и под деревьями, мелькали перед птичьим взором бесконечными одинаковыми куколками, и птица-Алестар снова кричала от тоски.

– Алестар, – позвали его из немыслимой дали. – Аль, сынок! Ты нужен здесь. Ты нужен мне и своему народу. Держись, не сдавайся. Мы обязательно найдем лекарство, только помни про нас и не уходи далеко. Слышишь, Алестар? Мы вернем ее сюда, я обещаю!

«Я слышу», – хотел сказать Алестар, но у него были только бессильно открывающийся клюв и усталые крылья, снова и снова ловящие непослушный ветер.

А потом он увидел. Словно солнечная искра мелькнула вдруг среди темных угольков, зовя и даже издали согревая драгоценным теплом. Алестар метнулся к ней, уже не боясь упасть, но птица взмахнула крыльями, выталкивая его из маленького глупого птичьего сознания, и все, что он успел уловить, состояло из мешанины звуков и красок. Летящая стрела, короткая и смертельно тяжелая, звук пробиваемой плоти, чья-то кровь и остекленевшие глаза, нож у горла темноволосого человека в синей рубашке и еще одна стрела, так невыносимо близко, что Алестар истошно закричал от ужаса, не слыша себя. И очнулся, выныривая из забытья, прошептав горящими от лихорадки губами склонившемуся над ним отцу:

– Она опять в беде. А я не могу помочь. Не могу...

– Мы зовем ее, – сказал кто-то в длинной темной тунике с золотым шитьем, и Алестар с трудом узнал верховного жреца Троих Тиарана. – Мы дни и ночи зовем ее, принц. Она непременно услышит и вернется к вам.

* * *

Вывеска на таверне изображала самую настоящую крысу, остроносую и с короткими лапками, зато без хвоста. Но приглядевшись в свете масляного фонаря у входа, Джиад с удивлением убедилась, что это и вправду еж. Только лысый – в полном соответствии с названием. Надо же, вылитая крыса, оказывается. Хорошо кто-то пошутил.

Толкнув дверь, она вошла внутрь, гадая, хватит ли драной рубашки и головной повязки из ее рукавов, чтоб хоть с первого взгляда сойти за мальчишку-оборванца, а не ту, кого ищут все на сотню гардаров вокруг, как сказал Каррас: и наемники, и королевская стража, и лихой люд, и даже обычные горожане. Проходя к стойке, в очередной раз устало обозвала себя душой за то, что доверилась предложению человека, которого видела дважды в жизни и оба раза далеко не по-дружески. Но делать и вправду было нечего. До вечера она, ускользнув из башни, пряталась в том самом заброшенном саду на окраине, а больше пойти было некуда. Если Каррас обманет и продаст – все равно кому, – придется драться, а до того не стоит забивать голову мрачными мыслями еще больше – их и так хватает.

– Тройной шванг с козьим сыром, – негромко сказала она тавернщику, и тот, метнув холодный острый взгляд, медленно кивнул, а потом окликнул худую остроносую тетку в замызганном переднике:

– Постой тут, отлучусь на минуту!

Вышел из-за стойки, мотнув головой, и Джиад последовала за ним в заднюю комнату, с тоской понимая, что идет, как овца на бойню, а спрятать здесь засаду – это даже Каррасом быть не надо, хватит пары-тройки портовых крыс.

Но в задней комнате, небольшой и низкой, обшитой плотно подогнанными деревянными досками и без малейшего следа окон, обнаружился только Каррас. Он сидел, опираясь локтями на стол с одиноким кувшином вина и парой глиняных глазурированных стаканов: одним – полным до краев, и вторым – накрытым кусочком хлеба по западному обычаю поминания, как знала Джиад.

Подняв голову и глянув на вошедших, наемник опять уткнулся

подбородком в сплетенные пальцы и сказал все тем же бесцветным голосом:

– Пришли все-таки? Вот и славно. Окажите честь, госпожа страж, посидите со мной...

Джиад молча кивнула, присаживаясь за стол сбоку, потому что напротив Карраса стоял поминальный стакан, тихо сказала:

– Сожалею. Пусть боги будут к нему справедливы, а память оставшихся – долгой и верной.

– Хозяин, – окликнул Каррас выходящего тавернщика, – еще стакан! И еды принеси.

Пояснил, едва разжимая губы, словно от смертельной усталости:

– Мне кусок в горло не лезет, не обессудьте. А вы ужинайте, не бойтесь: еда чистая, никакого зелья.

– Боялась бы – не пришла бы, – спокойно сказала Джиад, глянув на осунувшегося, как после болезни, наемника. – Что теперь делать будете, господин Каррас? Я ведь с утра меньше стоять не стала.

– Из города выводить, как обещал, – угрюмо отозвался тот. – Моя честь не дешевле денег, да и шкуру свою я ценю, а вы ее, почитай, дважды спасли.

– Полтора, – усмехнулась Джиад. – Во второй раз вы и сами справились. А что Самир этот?

– Ну, я же здесь, – растянул губы в невеселой улыбке Каррас. – Сами понимаете.

Тавернщик, постучав и дождавшись ответа, вошел с подносом: стакан и три деревянные тарелки с едой. У Джиад, с утра голодной, в животе забурчало от запаха жаркого из свинины, свежего хлеба и копченого сыра. Но она дождалась, пока Каррас нальет в стакан густого, черного в тусклом свете вина, отломил от ломтика хлеба, лежащего на поминальном стакане, кусочек.

– Его звали Миль, – уронил Каррас, поднимая стакан. – Миль Зануда из Уракеша. Он и вправду вечно занудничал: чтоб я надел кольчугу, чтоб ребята не пили сырой воды и не ели что попало, чтоб перед делом трижды все проверили, а после дела выставили караульных. Знаете, бывают такие...

Джиад молча кивнула, отпивая вино.

– Он всегда прикрывал мне спину, – глухо сказал Каррас, пряча взгляд в стакане, – а я его спину не уберег. Думал, что со мной двое самых верных, от кого беречься? Оказалось, верный был один.

– Простите, – сказала Джиад, потому что не знала, что еще тут

сказать. – Мне жаль.

– Вам-то за что извиняться? – хмыкнул Каррас. – Если б не вы, Самир ушел бы, пожалуй. Да вы ешьте, на меня не смотрите.

Он не глядя взял кусок лепешки, надрезал ее и вложил внутрь кусок мяса. Прожевал, явно не обращая внимания, что ест, заговорил снова, спокойно и деловито:

– Сегодня после полуночи уходит корабль в Малассу. Капитан надежный, но лучше не испытывать судьбу, а короткими волосами да одеждой команду не обмануть. Поэтому на борт взойдете перед самым отплытием, пересидите дорогу в капитанской каюте и будьте начеку, а в первом же порту придется сойти и делать ноги. Это, значит, будет не Маласса, а Курай – он поближе. Отсюда по прямой гардаров триста. Подходит?

Джиад задумалась. Выглядел план алахасца неплохо, но море...

– Даже и не знаю, – честно призналась она. – Я-то вам верю, но вот в открытое море мне, похоже, не стоит. Не знаю даже, как объяснить...

Она запнулась, и вправду ища слова, а потом выдавила то, что мучило все эти дни, чем дальше – тем сильнее...

– Тянет меня в море, – сказала наконец, поднимая на Карраса взгляд. – Вот так и хочется подойти к берегу – и с разбега в самую глубину. По ночам снится – замучилась уже.

– Ясно, – кивнул Каррас. – Значит, вы у них на крючке. Они это умеют – позвать издалека, кто им нужен. Тогда на корабль нельзя, вы правы. Будем про другое думать. Только отсюда уходить придется. Место надежное, но я сейчас никому не верю. Самиру верил вон...

Джиад опять кивнула, принимаясь за еду и запивая ее излюбленным турансайским Карраса. Ее постепенно отпускало, как бывает после долгого напряжения, когда выдалась короткая передышка и можно вздохнуть чуть полегче. Почему она доверилась Каррасу – и сама не могла сказать. Просто, наверное, после измены Торвальда стало все равно: если предал самый близкий, от других уже и не ждешь ничего. А еще почему-то рядом с алахасцем было удивительно спокойно, словно она знала его уже давно.

– Дело прошлое, – задумчиво сказал наемник, подливая им обоим вина, – а все-таки ужасно мне любопытно, зачем вы всем так нужны? Чтобы два короля с ума сходили и такие деньги сулили? Ладно, иреназе – те золото не считают, когда что-то хотят, но Аусдранг? Вы не думайте, госпожа, я не выпытываю... Так просто...

– Хотите знать, куда вляпались? – усмехнулась Джиад, поддаваясь вдохновенному чутью, что всегда ведет по краю пропасти, не позволяя

свалиться, если только ему доверишься. Тому, что подсказало свалить Карраса на пол, когда из дыры под потолком блеснул готовый сорваться с арбалета болт. – Ну, смотрите.

Не стягивая сапога, она приподняла ногу и дотянулась до каблука, ковырнула лезвием ножа, вытаскивая собственноручно вырезанную и забитую в каблук пробку. Достала и вытряхнула на стол перстень, тревожно и зло блеснувший в свете лампы алым глазом рубина – словно огромная застывшая капля крови просияла изнутри.

– Ох ты ж... – заворуженно выдохнул Каррас. – Можно поближе?

– Глядите, – безразлично отозвалась Джад, – для того и вытащила. Хотите – и вовсе отдам, если из города выведете.

Алахасец осторожно взял перстень, покрутил в длинных смуглых пальцах, поднял к свету и посмотрел в рубин, прищурившись и поворачивая его так, чтоб свет заиграл в глубине камня.

– Спрячьте обратно и больше никому не показывайте. Никогда, – посоветовал он, кладя перстень на стол. – Сколько видел хороших камней, а такое чудо – впервые. Работа старая: сейчас так не гранят и золото куют иначе.

– Так и есть, – кивнула Джад, подбирая куском лепешки подливу с тарелки. – Это коронационный перстень Аусдрангов. Главная реликвия королевства. Из-за него я с иреназе и связалась.

– Госпожа страж, – вкрадчиво мурлыкнул Каррас, восхищенно впиваясь в нее блестящими глазами. – Что хотите за историю, а? Всеми богами клянусь – никому не расскажу. Но сдохну ж от любопытства.

– Что хочу? – переспросила Джад, встречая взгляд алахасца и глядя на него в упор. – А немного, пожалуй. Еще кувшин вина. Не только вам есть кого помянуть. Только мне живого поминать придется. Здравствующего и благоденствующего. Умер-то он только для меня.

Каррас кивнул, вмиг посерьезнев. Встал и вышел из комнаты, вскоре вернувшись с новым кувшином и еще тарелкой, на которой лежала исходящая золотистым жиром копченая курица.

– А я думал, ваши жрецы не пьют, – уронил, ставя принесенное на стол.

– Обычно и не пьем, – сказала Джад, откидываясь на спинку стула и зябко обнимая себя за плечи. – На службе никакого дурмана нельзя, а дома... Там иначе можно душу отвести. Но я сейчас не служу.

– Понятно. Тогда лучше помедленней, чтоб не развезло. И закусывайте плотнее.

Каррас ловко поломал курицу руками, ножом вскрыл залитое смолой

узкое горлышко, из которого поплыл все тот же дурманный запах.

– У хозяина еще бутылка нашлась, – пояснил, плеская сначала в свой стакан, потом Джад. – А если пить одно, то лучше не мешать. Ну, за ушедших, живых и мертвых.

Джад молча опрокинула стакан, отметив, что налил Каррас и вправду немного, около четверти. Это, конечно, ничего не значит, может, просто ждет, пока вино возьмет свое. Но думать об осторожности не получалось – впервые за долгие годы. Сейчас она никого не охраняет, ничья жизнь не зависит от ее рассудка и умения. Старые жрецы предупреждали, что отпускать узду воли, непривычной к свободе от долга, опасно, только толку сейчас от осторожности.

Она послушно взяла кусок душистого мягкого мяса с тарелки, подвинутый Каррасом, впилась зубами.

– А у меня ведь кое-что есть для вас, – сказал вдруг Каррас, вставая и отходя в угол. – Хотел на прощанье отдать, да мало ли как судьба повернет.

Подойдя, он положил на край стола что-то длинное и узкое, бережно завернутое в тонкую промасленную кожу и перетянутое ремнями.

– Вот, берите. Родовым очагом клянусь, сам не лапал и другим не дал. Не принято у меня дома чужое оружие трогать, за такое и убить могут. Оружие – что жена, одни руки признавать должно.

– Каррас!

Джад, едва не свалив стакан, потянула к себе сверток, узнавая родные, много лет на ощупь узнаваемые, длину и ширину. Развернула, с трудом развязав ремни, погладила тисненую кожу ножен, деревянные накладные рукоятей. Вытащила на пол-ладони, глянув на мягко сияющую голубоватую сталь.

– Ох, Каррас, – повторила, не стыдясь дрогнувшего голоса. – Благодарю...

Еще раз нежно погладив, положила мечи на колени, чувствуя себя так, словно оторванная часть души вернулась на свое место. Покрутила в пальцах стакан с вином, еще отпила, подбирая слова:

– Что ж, – сказала наконец, глядя мимо терпеливо ждущего наемника. – Началось с того, что герцог Лаудольв, когда его заговор разоблачили, решил бежать. И не придумал ничего лучше, как прихватить с собой перстень Аусдрангов, без которого нельзя короноваться...

Рассказывала она долго, цедя вино маленькими глотками, как обезболивающее зелье, которого много сразу нельзя, но и без него никак не обойтись, когда от боли в глазах темнеет. И, на удивление,

не пьянела, только где-то внутри разворачивалась тугая пружина, постепенно отпуская стиснутую злой тоской душу. Каррас слушал молча, лишь иногда роняя что-то мягко и словно ненароком, так что Джиад рассказала все. Ну, почти все. О том, что было на морском дне в первую встречу с иреназе, только обмолвилась, но алахасец кивнул понимающе, и в глазах его Джиад не увидела и тени презрения, которого смутно ожидала, только сочувствие. Что потом творил рыжий, рассказывать тем более не стала. Уж это Карраса вовсе не касалось. Постаралась объяснить разве что про запечатление, сама не зная всех тонкостей. И – про Торвальда. Как вернулась и узнала, что король иреназе через Карраса якобы грозил новой Великой Волной, как Торвальд позвал стражу, и как перстень Аусдрангов, проклятый богами рубин, любящий купаться в крови, словно сам попросился в ладонь.

– Сама не знаю, зачем взяла, – призналась Джиад, делая последний глоток вина, которого им с Каррасом как раз хватило на весь рассказ, будто нарочно отмеряли. – Со злости, не иначе.

– А может, и вправду попросился к вам перстенок, – задумчиво сказал Каррас, грустно посмотрев в пустой стакан и признав: – Нет, хватит пить. Такие старые вещи, говорят, сами выбирают, кому принадлежать. Однажды вы его прежнему хозяину вернули, вот он второй момент и улучил, чтоб по свету погулять. Да... А ведь Торвальд вам не простит. Ни перстня, ни ножа у горла, ни упущенную выгоду. В побеге вашем он, положим, не виноват, но если иреназе заартачатся – королю деться просто некуда. Порт ему нужен, как трон под задницей, и одно от другого очень даже зависит. Не будь этого морского договора, и трон под Торвальдом зашатается. Очень он круто взялся за правление. Вы, госпожа, в море об этом вряд ли слышали, а в Адорвейне с неделю на главной площади плаха не пустовала. Три лорда из Королевского Совета на нее легли, да не одни, а с ближайшими сподвижниками. Старшина купеческой гильдии сменился, начальник королевской гвардии – и все прежние лишились головы. Крут юный король, ох и крут... А еще, сдается мне, увяз он в этой истории с хвостатыми, как птица в силках. Говорите, девицу ту, невесту морского принца, земным ядом погубили? Двадцать лет пройдет, как птица промелькнет, а иреназе зла не прощают. Вот он и выслуживается.

– Может, вернуть перстень? – тихо спросила Джиад.

– А толку? – пожал плечами Каррас. – Если суждено ему у вас оказаться – снова так и выйдет. И Торвальд вас от этого меньше искать не станет. Уходить вам надо. И уходить не морем, теперь это ясно. В море они вас почуют и заберут. Хоть с корабля, хоть вместе с кораблем. Уходить

сушей и прямо сегодня. Есть у меня тут один знакомец, с которого можно старый долг взять. Вот он, пожалуй, выведет...

– Что ж, тогда мой черед спрашивать, зачем вам это нужно? – подняла взгляд от пустого темного стакана Джаид. – Каррас, вы ведь не деньгами, а головой рискуете. Побратима уже потеряли. Я, похоже, несчастье приношу.

– Глупости, – хмыкнул алахасец, вставая. – Вот нарушенная клятва несчастье точно приносит, а я вам обещал. И история того стоит, не будь я сыном своих родителей. Натянуть нос сразу двум королям – да когда еще такой случай выпадет? Внукам буду рассказывать, если вдруг доживу до них.

От двери он обернулся, посмотрел на Джаид сосредоточенно, словно и не уговорил с ней на пару два кувшина старого вина. Небольших кувшина, бутылки в полторы каждый, но все-таки.

– Запритесь, – велел, снимая с гвоздя у двери потертый кожаный плащ и кивая на тяжелый дверной засов. – Откроете мне на голос. И только если скажу, что принес третий кувшин турансайского. Береженого боги берегут, знаете ли.

Глава 21

У чужого огня

– И тут смотрю я на себя – и вдруг понимаю... Вот чего этот купец за мной две улицы бежал! Штаны-то с кошельком на поясе... не мои!

Верзила Хальгунд с подчеркнутым изумлением развел в воздухе руками и самодовольно ухмыльнулся.

Негромкий, но дружный смех четырех мужских глоток был ему ответом. Даже Джад улынулась, представив изумление бедолаги-купца, расставшегося не только с надеждой на верность супруги, но еще и со штанами, которые унес на себе вор семейной чести.

– Ну ты даешь, Хальгунд, – просмеявшись, сказал Каррас. – В этом городишке хоть одна честная женщина после тебя осталась?

– Дык это... – Хальгунд почесал в затылке. – Разве что страшненькая какая. И то я постарался никого не обидеть.

Джад молча приняла очередную бутылку вина, пущенную по кругу, приложилась к горлышку. Да, она снова была на работе, и потому приходилось держаться так, чтобы наемники, поначалу кидавшие насмешливые взгляды на «госпожу жрицу», видели в ней не женщину, а боевого товарища. Ничего, не привыкать. Ставить на место солдат, с которыми приходилось нести службу, она умела, да и Каррас, благослови его Малкавис, вел себя безупречно, ничем не выделяя Джад среди прочих, но с самого начала взяв с ней спокойный уважительный тон. И постепенно все получилось. Ну, разве что временами ее считали даже слишком своей, не стесняясь обсуждать при ней любовные победы или вскочивший на задучирей, но это было куда меньшим злом, чем опасность оказаться предметом чьего-то вождения или спора между наемниками.

Да, это было приятно – снова стать частью единого целого. Коротать вечера за слабеньким местным вином под неистощимые байки Хальгунда, в свой черед чистить котелки и готовить нехитрую снедь под умильные возгласы наемников, что госпожа жрица делает это куда лучше их. И не хочет ли она и сегодня приготовить ужин, а за водой они сходят и дров нарубят таких, чтоб в очаге аж камни таяли. Нравилось купаться в озере шагах в ста от охотничьей сторожки, улыбаться в ответ на шуточные подначки и вопросы о службе в храме, а в свободные минуты, которых теперь было вволю, разминаться с мечами на утоптанной площадке

за сторожкой, возвращая телу прежние силу и гибкость.

И все-таки она была на работе. Сама себе удивляясь, невольно напрягалась, когда кто-то из наемников невзначай оказывался за спиной Карраса или разгуливал по сторожке вооруженным. Это притом, что с оружием здесь и не расставались. И уж точно эти люди были с алахасцем куда дольше нее, пришедшей чужачки. Хотя и это еще ничего не значит – вспомнить того же Самира. Но неужели правы старые жрецы, говорившие, что дело воина Малкависа – служить и защищать, а жрец или жрица, лишенные дела, непременно должны найти его снова?

Джиад пригубила еще глоток вина из дошедшей до нее в свою очередь бутылки, потом поднялась и ушла на лежанку из медвежьих шкур, растянувшись на ней и глядя в темный потолок, освещенный только огнем из очага, вокруг которого сидели остальные. Да, она на службе. И второй раз не повторит ошибки, которая обошлась слишком дорого.

Только сейчас, медленно отходя от боли, переполнявшей ее все это время, Джиад понимала, насколько была слепа. О, с ней Торвальд всегда был безупречно ласков и нежен. Да и с другими держался учтиво. Третий принц, младший, всегда в тени властного отца и двух старших братьев. Что случилось с ними, Джиад знала только понаслышке. Старшего, наследника, отец Торвальда казнил, обвинив в измене, второй, кажется, болел... Сопровождая посольство отца в Арубе, Торвальд уже был последним принцем, единственным. Тихим, всегда улыбчиво-спокойным, таким ясноглазым... И ее любовь, которой Джиад поначалу сама испугалась, он принял искренне и радостно... Только теперь в памяти всплывали едва заметные мелочи. Например, как однажды исказилось лицо Торвальда, когда на пиру пьяный граф Рустор обронил грязную шутку про разбавленную кровь третьего принца. Всего на миг это случилось, и король тут же сам одернул распутившего язык собутыльника, который немедленно извинился. Торвальд сдержанно кивнул, прощая, – и все забылось. А что через несколько недель граф на охоте свалился с лошади и сломал себе шею, так за это повесили немного конюха, плохо ее оседлавшего. Бывшего конюха Торвальда.

И если хорошо перебрать в памяти эти три года, что она провела при дворе, то как-то иначе проступают из сумерек памяти слова, взгляды, поступки – все то, что она так старательно не замечала...

– Что загрустили, госпожа? – негромко спросил Каррас, присаживаясь на лежанку в ногах, и Джиад вздрогнула, глянув на облитую золотыми отсветами темную фигуру. – Все живы-здоровы и даже при деньгах. Славный вечер...

– Да, – коротко согласилась она, отводя взгляд и опять старательно вглядываясь в низкий бревенчатый потолок. – Славный.

– Что-то не так?

Голос Карраса был спокойно-мягким и очень сочувственным, но Джад лишь пожала плечами, понимая, что не признается в том, «что не так», даже с ножом у горла. Нет уж, хватит с нее, даже если бы... Нет, никаких «если»!

– Хорошо все, – отозвалась она так же скупно. – Устала немного.

– Опять сны?

Джад кивнула. Сны, да. Это было правдой: море снилось ей каждую ночь, заставляя просыпаться с мокрым от слез лицом и в дикой тоске по прохладе и сумеречному свету подводного королевства. Почему-то во сне оказаться там, под толщей воды, казалось невысказанно желанным, необходимым... Но эти сны, выматывающие до того, что не удавалось заснуть, не прочитав про себя дюжину раз все сутры успокоения, мучили только ночью, днем же...

– Плохо.

Каррас подвинулся дальше, коснувшись бедром ее вытянутых ног, и по телу горячей сладкой волной прошло ощущение этого совершенно невинного прикосновения. Джад даже сглотнула вязкую, со вкусом кисловатого вина слюну.

– Плохо, – повторил Каррас, вглядываясь ей в лицо блестящими даже в темноте глазами. – Не отпускает, значит?

Джад помотала головой, с тоской думая, что нельзя же отодвинуться, вжавшись в и без того близкую стену: Лилайн не поймет, с чего это она шарахается. Или, не дай Малкавис, поймет – а это еще хуже. Вон как смотрит внимательно. Красивые глаза у алахасца: яркие, льдисто-голубые на смуглом тонком лице – залюбуешься.

– Не отпускает, – согласилась она устало, думая сейчас совсем не о море. – Ничего, переживу.

– Вы скажите, если я чем помочь могу, – негромко попросил Каррас, вставая. – Может, зелье какое надо найти или в храм что-то пожертвовать. Должно же быть средство.

– Скажу, – с трудом улыбнулась Джад и тихо сказала уже повернувшись, чтобы уходить, наемнику: – Благодарю.

– Не за что, – хмыкнул тот. – О своих людях заботиться положено.

О своих, значит... Глядя вслед, Джад наконец повернулась удобнее, потащила на себя мягкое одеяло, не столько укрываясь, сколько прикрываясь от досужих взглядов. Вот что было неудобно – это общая

лежанка, так что спать приходилось в рубашке и штанах из тонкого полотна. Ширина лежанки позволяла устроиться трое, еще трое оставались на покрытом шкурами полу, меняясь каждую ночь, и последние несколько раз не иначе как темные боги толкали Карраса ложиться рядом между ней и Хальгундом. Вот же проклятое везенье: до полуночи лежать, не в силах уснуть, а потом все же смыкать глаза только для того, чтобы оказаться в тугих объятиях моря.

Джиад вздохнула, вспоминая, как все началось, будто сковыривая корочку с подсохшей царапины: и больно, и сладко почесать зудящее место.

В маленький отряд, устроившийся на окраине непролазного леса, ее притащил Каррас. Выхватил из-под самого носа стражников Торвальда, взявшихся всерьез прочесывать город, перебирая кварталы дом за домом. От Адорвейна до подножья горного хребта оказалось дня три-четыре верхами, и все это время наемник был молчаливо-вежлив, а Джиад маялась, чувствуя себя обузой. Но выбраться в одиночку, без денег и не зная местных дорог, она бы не смогла и была благодарна, что алахасец ни разу не подчеркнул это. С самого начала Каррас взял на себя все заботы – от покупки лошадей и припасов до здоровенного мехового плаща, раздобытого в первой же деревне и отданного Джиад с кратким пояснением: «Вместо одеяла. Ночи начинаются холодные». И как-то само собой вышло, что под этим плащом на привалах они ночевали вдвоем – так же молча.

Да, Каррас честно платил долг жизни, но Джиад все равно уехала бы дальше через высокогорный перевал, путь к которому как раз и пролегал лесом, где наемника ждали остальные. Через перевал и дальше: к границам Аусдранга, через Уракеш и Хульфру. В родную Арубу. И не думала, что задержится, но в первый же вечер, когда она грелась у печки, вымывшись в еще теплом лесном озере и уплетая горячую похлебку из дичи, Каррас сел рядом, протянул к огню руки и заговорил, размеренно отвечивая каждое слово. У наемника были нешуточные хлопоты. Оказывается, искать Джиад он сорвался с другого дела, уже обговоренного и оплаченного. Отряд алахасца наняли, чтобы очистить дорогу от разбойничьей шайки, устроившейся в удобном местечке на торговом пути через перевал.

У Карраса теперь было на двух человек меньше, причем на двух лучших стрелков, и он всерьез опасался, что взять шайку будет куда сложнее. Без потерь точно не обошлось бы, в этом Джиад убедилась потом, а тогда она просто кивнула в ответ на сдержанный вопрос, не согласится ли

госпожа жрица помочь. Как можно было отказать?

Они взяли шайку Рогвала Росомахи через дюжину дней, выследив ублюдков прямо на очередном грабеже и положив половину издалека, а остальных, включая самого Рогвала, повязали их же веревками, бурыми от старой засохшей крови. Перепуганные купцы, понимая, что уцелели чудом, благодарили и кланялись, их потрепанная за короткий бой охрана опускала глаза: Рогвал сам раньше ходил с купеческими обозами, так что охранное дело знал отлично и избавлялся от бывших собратьев легко и жестоко. Разбойников забрали старейшины близлежащих деревень, мечтательно пообещав тем настолько поганую смерть, насколько смогут придумать, и Джиад, наслушавшись об изнасилованных невестах, вырезанных семьях и распятых на собственных воротах смельчаках, пытавшихся защитить односельчан от Рогвала, крестьян понимала.

Каррас же, пересчитав плату от старейшин и вознаграждение от купцов, разделил деньги на всех, и Джиад видела, что люди алахасца даже не подумали проверить его счет, доверяя предводителю полностью. Чего она не ожидала, так это своей доли, в которую Лилайн щедро добавил из личного кошелька, в ответ на ее возражения небрежно махнув рукой:

– Нам ли считаться, госпожа страж. Берите – в дороге пригодится.

А вот уехать не вышло. Тот обоз был последним, и пока они его дожидались, на перевал упал ранний снег, закрыв путь до весны. Купцы отправились назад, сетуя, что теперь из Аусдранга можно выбраться только морем, а Джиад оказалась заперта в предгорьях почти так же надежно, как до этого в столице.

Вернувшись в сторожку, отряд Карраса разделился. Трое разбрелись по деревням, где у них оказались зазнобы из местных, еще один ушел догонять купцов, нанявшись к ним в охрану проводником, а четверо и сам алахасец остались зимовать здесь, в предгорьях Старого Драконьего Хребта, отгораживающего Аусдранг от других стран. У себя на родине, в горах Алахасии, Каррас был охотником и теперь собирался за зиму набить роскошных аусдрангских мехов, чтобы весной отправиться с ними в Уракеш, для продажи втридорога.

– Зимуйте с нами, госпожа страж, – уронил он спокойно, как давно решенное, выйдя на берег лесного озера, в темную воду которого тоскливо вглядывалась Джиад. – Обратно в город вам нельзя, а до весны надо где-то переждать. Вот как снег сойдет, мы через перевал рванем – и вы тогда с нами. О дурном не думайте, здесь вас никто не обидит. Останетесь?

Джиад молча кивнула. Потом с трудом разомкнула губы, проговорив негромко:

– Спасибо, Каррас.

– На том свете золотыми яблочками посчитаемся, – ухмыльнулся наемник, распустив шнуровку и стягивая через голову любимую синюю рубашку, плотно облегающую широкие плечи. – Да, и зовите уж меня Лилайном, что ли. У нас тут по-простому.

Кинув рубаху на траву, алахасец быстро стянул кожаные штаны и, оставшись в полотняных подштанниках, с берега прыгнул в воду, взметнув облако хрустальных капель. Нырнул, темной тенью скользнув над почти невидимым дном, и выплыл шагах в десяти от берега, отфыркиваясь и мотая головой с короткими, липнущими к мокрому лицу черными прядями.

– А вода до сих пор теплая, – крикнул, убирая волосы со лба.

Джиад даже глаза прикрыла на мгновение – не помогло. Золотой вспышкой перед внутренним взором стояло гибкое и мускулистое, помужски красивое тело. Как-то раньше она не замечала, что широкий в плечах Каррас на удивление тонок в поясе, и мышцы у него правильные: плоские, сухие, при каждом движении перетекающие под кожей, как живая ртуть.

В груди – внезапно и предательски – кончился воздух. Джиад замерла, как на охоте перед вышедшим из чащи зверем, любуясь и страшась, что наемник, беззаботно плещущийся в темной воде, заметит этот взгляд. По-хорошему, надо было встать и уйти, только ноги не держали, а тело, впервые за долгое время вспомнившее, что принадлежит женщине, залила горячая сладкая истома.

Это было неправильно, глупо и даже опасно, Джиад понимала все рассудком, но взгляда не могла оторвать от текущих, будто высеченных резцом скульптора из золотистого мрамора очертаний плеч и груди. Вот Лилайн лег на спину, блаженно раскинув руки, и Джиад окончательно повело, даже в глазах потемнело, потому что теперь тонкий слой воды и намокшая ткань не скрывали вообще ничего... Встав, она ушла в лес и там, обняв тонкое дерево с серебристо-светлой корой, прижалась к стволу, так приятно шершавому и теплomu, сначала лбом, а потом щекой, невольно представляя, как бы это могло быть, если бы...

К озеру она вернулась позже, сначала по-воровски проверив из-за деревьев, что Каррас ушел. Долго плавала, дожидаясь, пока отхлынет кровь от загоревшихся щек, молча ругала себя за глупую слабость – ничему-то жизнь не учит... Вернувшись в сторожку, села к очагу сушить отросшие волосы. Каррас подошел со спины, склонился над ее плечом, подав кружку горячего вина с пряностями, и когда их пальцы на миг нечаянно

соприкоснулись, Джад поняла, что до весны ей придется тяжело. Лилайн... Тягуче-сладкое имя, такое бы ночью выстывать, нежась под горячей тяжестью мужского тела и лаская его в ответ... Ох, Лилай-айн...

У очага опять по-жеребьячи ржали над очередным рассказом Хальгунда. Тот плел байку про гарем управителя Хульфры, в котором томилось, ожидая редких посягательств больного старика, полдюжины юных невольниц, и можно было не сомневаться, что к концу повествования все они окажутся счастливыми и убаженными.

– Хорош трепаться, Верзила, – громче всех смеялся Каррас. – Шестерых за одну ночь? Хотя всех богов зови в свидетели – не поверю... А что, охотнички, кто со мной на рыбалку?

– Ночью, что ли? – с сомнением спросил крепыш Турай, любитель положить себе лишнюю долю из котелка, а потом поваляться пузом кверху. – Кто ж ночью рыбачит?

– Так самая лучшая ловля как раз ночью, – отозвался алахасец с непререкаемой уверенностью. – Рыба сейчас перед зимой жир нагуливает, можно впрок наловить и закоптить. А ну, поднимайтесь, лежебоки! Турай, сумку собери, Хальгунд – лесы... А где наша мастер меч?

– Дрыхнет мастер, – сказал Хальгунд, и Джад под одеялом тихо понадеялась, что от нее отстанут, но Каррас был неумолим.

– Подъем! – раздалось над самым ухом. – Вставайте, госпожа! Это на море женщина к беде, а нам вы счастье принесете.

Тащиться ночью к озеру не хотелось совсем, но с предводителем не спорят, даже в мелочах. Особенно в мелочах. Джад неохотно скинула одеяло, натянула поверх замшевые штаны, куртку и подхватила мешок с привадой: кусками зачервивевшего мяса, которые Каррас, оказывается, загодя развесил на солнышке.

– Значит, так, – провозгласил алахасец, оглядев будущих рыбаков. – Чтоб у вас были не такие кислые рожи, ловить будем на спор. Кто больше рыбы к утру поймает, тому... Кинжал свой подарю!

– Каршамский? – оживился чернявый Ласим, давно поглядывавший на клинок драгоценной выделки с умильной нежностью.

– Каршамский, – подтвердил наемник с бархатной ленцой в голосе, от которой у Джад опять пробежали мурашки по спине. – Встречаемся здесь на рассвете, считаем по весу. Друг другу рыбу не пугать, так что кто какое место выбрал, там до утра и сидит.

– А привада? – азартно спросил Турай, и Джад улыбнулась про себя: битые жизнью наемники повелись, как дети, разве что хвосты не топорщили, будто петухи в курятнике.

– Приваду делим на всех, – разрешил Каррас. – Ну, и свою, кто захочет, берите, само собой.

Пока Хальгунд выгребал из котелка остатки каши, заявив, что на кашу лучше всего идет мурья – рыбка мелкая, но уловистая, а Турай бегал вокруг хижины, разрывая палые листья в поисках дождевых червей, Джад обулась и вышла наружу.

Ловить рыбу она умела, но не особо любила, а повадки здешней и вовсе не знала, так что отобрать у Карраса кинжал ей точно не грозило. Мелькнула мысль плюнуть на затею Лилайна и остаться в уютной сторожке.

Но лес был дивно тих и как-то уютно ласков: после недавнего дождя снова потеплело, с деревьев еще не облетели последние листья, трепеща на ветру и словно шепча что-то, а в небе стояла круглая желтая луна, с одного бока закрытая кружевным, словно вырезанным из тонкого шелка и приклеенным облачком. И подумалось, что раз уж судьба закинула ее в эту шумную и дурашливую, но дружную компанию, отчего бы и не погреться немного у чужого огня? Рыбалка так рыбалка.

У озера все разбрелись в разные стороны, ступая как можно тише, чтоб не спугнуть добычу. Джад села в первое попавшееся место, показавшееся уютнее прочих: у старого раскидистого дерева над самой водой, где узловатые выступающие корни и обвалившаяся под ними земля образовали удобное сиденье. Зевнув, подумала, что надо было прихватить одеяло, разложить его здесь и спать до утра, потом устыдилась: кинжал кинжалом, а рыбу-то зимой будут есть все вместе.

Так что она честно размотала выданную лесу, наживила ее куском мяса, сполоснув руки, закинула подальше, вспомнив, что где-то здесь должен быть омут, а свободный конец намотала на палец и приготовилась ждать.

Хруст веток за спиной заставил насторожиться. Сняв с руки лесу, она положила ладонь на рукоять ножа, но человек шел, не скрываясь, а остановившись шага за три, и вовсе окликнул:

– Госпожа страж...

Джад обернулась, узнав голос и невольно насторожившись еще сильнее.

– Поговорить надо, – обыденно, спокойным тоном сказал подошедший Каррас, садясь рядом. – Простите, что помешал.

– Да ничего, – пожала она плечами, подтягивая к себе колени: от воды повеяло холодом. – Надо – говорите.

Они немного посидели молча, потом Каррас так же негромко и очень

мягко спросил:

– Госпожа Джиад, я вас обидел чем-то? Смотрю, вы от меня подальше держитесь, в глаза не смотрите и слова лишнего не вымолвите. Если что – скажите уж прямо.

– Нет, ничем, – шевельнула Джиад непослушными губами, с тоской думая, что зря не ушла сразу, как поняла свою дурость.

– Понятно, – вздохнул Каррас, теребя траву поднятой с земли веткой. – Значит, обидел все же. С парнями-то вроде неладов не было, я бы заметил, а вот сам...

– Да не обидел!

Джиад рывком вскочила, будто напряжение всех последних дней и ночей пружиной развернулось внутри. На сердце было погано: она понятия не имела, как сказать то, что сказать все-таки придется. Наверное, придется. Но... не сейчас. Только не сейчас. «А чего тянуть? – спросило примолкшее за последние дни благоразумие. – Лучше-то не будет».

И все-таки она шагнула от берега раз, другой, пока сильная рука не удержала ее за плечо. Стиснув зубы от этого простого прикосновения, залившего все тело кипятком, Джиад отдернулась, развернулась – и прижалась спиной к оказавшемуся сзади дереву. Каррас стоял в шаге перед ней, не дальше, светлые глаза по-звериному блестели в лунном свете, и давно пора было заподозрить неладное, но... так не хотелось. Кажется, сейчас она отдала бы что угодно, лишь бы поверить, что Лилайн не таков, как другие. Хотела поверить – и не могла. Слишком много боли и стыда накопилось в ней за эти недели, слишком глубоко она заползла в темную нору страха и недоверия, чтобы спрятать окровавленный комоч, оставшийся от ее гордости.

И потом... это же был Лилайн. Тот, кто спас ее от загонщиков Торвальда и иреназе, не соблазнившись ни наградой двух королей, ни предложенным перстнем. Тот, кто привез ее сюда, не оскорбив ни словом, ни прикосновением. Тот, кто предложил ей кров и защиту. Неужели только для того, чтобы теперь потребовать за это плату?

* * *

Алестар с трудом разлепил глаза, прислушиваясь к разговору рядом. Он уже привык, что его считают беспмятным и ничего не слышащим, поэтому сразу закрыл тяжелые веки, потому что держать их поднятыми

стоило сил, которых осталось совсем мало.

– Мы нашли ее, ваше величество, – раздался голос, который Алестар почему-то тихо ненавидел. – Двухногая сопротивлялась изо всех сил, ее душа выстроила вокруг себя такие стены, что мы никак не могли пробиться сквозь них и подцепить ее суть на крючок.

– А сейчас? Что-то изменилось?

– Да, – торжествующе подтвердил верховный жрец Троих. – Защита ослабла, в ней появилась брешь. Она пустила кого-то в свою душу, а мы можем проскользнуть следом. Брешь совсем слабая, но если она расширится, стена окончательно рухнет. Несколько дней, ваше величество. Еще несколько дней, и та, что вам нужна, приползет сама, умоляя взять ее обратно в море.

– Если это опасно... – начал отец, и Алестар рванулся из сонной дремы, лишь теперь осознав, кто должен приползти.

– Опасно? – в голосе жреца слышалось равнодушие, за которое Алестар немедленно захотел его убить. – О нет, не слишком. Болезненно, конечно, иначе просто не выйдет. Никто не в силах сопротивляться зову моря достаточно долго, чтобы ему всерьез повредило. С чего бы этой двухногой быть первой?

– Пусть так, – тяжело уронил отец, и Алестар почувствовал на лбу его руку. – Делайте все возможное, я надеюсь на вас. Руаль, а что слышно о том наемнике, что привез девушку в прошлый раз?

– Ничего, мой король, – отозвался советник, и Алестар смутно удивился, что теперь даже Королевские Советы проводятся у его постели. – Мы посылаем знаки каждый вечер, но он не откликается. Возможно, уехал далеко или погиб. Люди так ненадежны.

«Неправда, – сказал бы Алестар, если бы его губы и язык не превратились в комок запеченной внутренним жаром плоти. – Не все. Есть одна, она точно надежна, как ни один иреназе, потому что не умеет лгать и предавать. Зачем вы зовете ее? Почему не можете просто оставить в покое? Если она пустила кого-то в свою душу, это значит...»

О, как много это значило, и хорошего, и плохого, но Алестар не додумал тяжелые горькие мысли, потому что все снова закачалось и уплыло в забытие, а когда он очнулся в следующий раз, рядом была только Санлия, тихо перебирающая его волосы.

– Сан, – прошептал Алестар, растягивая губы в старательной улыбке. – Как хорошо... Я скучал.

– Мой принц! – восторженно вскрикнула Санлия, вглядываясь в его лицо с жалостью, которая раньше непременно взбесила бы Алестара

до последней чешуйки, но теперь ему было почти все равно. – Вы чего-нибудь хотите? Дать вам тинкалы? Или целителя позвать?

– Не надо... ничего. Посиди со мной, Сан, – попросил Алестар, чувствуя, как боль и жар отступают, не до конца, но достаточно, чтобы голова не раскалывалась от самых простых мыслей. – Знаешь, я говорил с отцом. Когда все закончится... ты будешь свободна и богата.

– Это неважно, мой принц, – улыбнулась Санлия так же старательно, как до этого сам Алестар. – Вы скоро будете здоровы и сами обо мне позаботитесь. Все неважно, кроме вас.

Алестар молча закрыл глаза, устав даже от этих нескольких слов. Санлия сидела рядом, и казалось, что ее пальцы, гладящие волосы Алестара, плетут над ним сеть спокойствия и нежного, милосердного забвения. Это было совсем не то, что нужно, но лучше, чем ничего, и он снова уплыл в сон. В этом сне Джиад опять сидела у костра, только костер прятался в каменном гнезде у деревянной стены, а в руках у Джиад была большая птица, и блестящие темные перья летели вниз, на пол, от быстрых движений ловких пальцев.

А потом Алестар увидел черноволосого смуглого человека в странной короткой тунике темно-синего цвета, заправленной в человеческую одежду для ног – штаны вроде... Подойдя к Джиад, черноволосый, то ли пронзительным взглядом, то ли горбинкой носа сам напоминающий хищную птицу, протянул руки к огню, потом обернулся и что-то сказал. Джиад подняла к нему лицо, улыбнулась, отвечая. Алестар первый раз видел у нее такую улыбку – легкую и светлую, как серебристая рябь на волнах в ясный день. И если бы мог, заплакал бы, наплевав на гордость, потому что ради такой улыбки стоило жить – только не ему.

Глава 22

Здесь и сейчас

В чернильной глубине озера шагах в пяти от них плеснула крупная рыба, и Джад некстати подумалось, что затеянная Каррасом рыбалка непременно удастся.

– Нет уж, – с мягкой опасной ласковостью сказал наемник, упираясь ладонями в ствол по обе стороны от ее плеч. – Если дело не в обиде, так в чем?

Он стоял, удерживая ее без прикосновений, одной лишь своей близостью, то ли поймав в ловушку, то ли, напротив, заслонив от всего мира. И Джад, уговаривая себя, что вот-вот соберется с силами и оттолкнет, замерла, дыша едва уловимым мужским запахом: чистюля алахасец дня не мог выдержать, чтоб не искупаться и не сменить белье, так что пах не потом, а собой самим, и от этого аромата голову сносило.

– Хватит, – сказала она отчаянно, хотя хотелось как раз наоборот: чтобы не отпускал, а еще лучше – прижал плотнее, всем телом... – Лилайн, я... уйду. Завтра же. Прости... Так лучше будет. Да отпусти же ты...

– Отпустить? – тем же непонятным голосом переспросил Каррас. – Обязательно. Только чуть позже, хорошо? А, ладно... Если ошибся – дашь мне потом по морде, идет?

Горячие сухие губы прижались к ее губам, ладони нежной уверенной тяжестью легли на плечи, не стискивая, не удерживая силой, а так, словно наемник поймал птицу и держит ее бережно, но крепко. Задохнувшись, Джад невольно разжала губы и почувствовала мгновенный отклик – поцелуй Лилайна стал чуть настойчивее, а тело – ближе.

Мотнув головой, она прервала это безумие. На губах горел вкус Лилайна: душистая кислинка вина, свежесть мяты и едва уловимый оттенок дымной горечи. Только не облизываться!

– Джад, – шепнул Каррас, выжидающе заглядывая в глаза, и в неверном лунном свете она увидела, как напряженно закаменело лицо наемника. – Джад-а-ад...

Она сглотнула, не зная, что сказать, как объяснить, чтоб не обидеть. Напряглась всем телом, отчаянно не желая отпускать, но не в силах заставить себя снова довериться мужчине.

– Джад, – мягко, очень мягко повторял ее имя Лилайн, не убирая

совсем ладони, но оставив только легчайшее касание, будто говоря языком тела: «Я здесь. Я не держу тебя, но я здесь, рядом». – Джад, все хорошо...

«Нет, – хотела ответить она. – Ничего нет хорошего и быть не может. Но это не твоя вина. Просто я не могу сказать, что чувствую себя такой грязной... И сколько ни отмывайся в озере, пока кожа не заскрипит, – никакого толку, потому что эта грязь внутри».

Так ни на что и не решившись, Джад все-таки неосторожно облизала губы, по вспыхнувшему блеску в глазах Лилайна поняв, что делать этого не стоило, если она не хочет немедленного продолжения поцелуя. Но вместо того, чтоб опять потянуться к ее рту, Лилайн чуть повернулся и коснулся щеки. Задержался, грея дыханием, оторвался и опять коснулся, провел губами выше к виску... Снова тихо и спокойно сказал:

– Джад...

Провел ладонями по ее рукам вниз, обнял, заставляя оторваться от спасительного дерева, и снова поцеловал: едва касаясь, позволяя самой выбрать, хочет ли она отвечать, и тут же отпуская. Замерев в кольце сильных рук, Джад ответила, сначала неуверенно, потом все больше согреваясь теплом чужого желания. Качнулась вперед на какой-то крошечный шаг, вдохнула сырой ночной воздух, после губ Лилайна обжигающий холодом, провела языком по нижней губе, пробуя послевкусие, как от дорогого вина.

Наверное, если бы он говорил еще хоть что-нибудь, кроме ее имени, обещая не обидеть, успокаивая самым звуком голоса, ей было бы легче. А может, и нет. Даже наверняка нет. Потому что словам она больше не верила, слишком много их было – и все лгали. Но Каррас больше не говорил ничего. Он осторожными медленными движениями гладил ее спину и плечи, целовал щеки и шею, касаясь губами легко, уверенно. И Джад в отчаянии понимала, что решать придется ей. Через страх близости, через глубоко спрятавшейся стыд и неуверенность – оказывается, она только думала, что изжила их, смыла с души, как в море оттирала следы насилия с тела. Лилайн предлагал, а не требовал, просил, а не заставлял, и слова ему сейчас были не нужны: хватало этих томительно медленных касаний, чтобы сказать молча: «Не бойся, я жду».

Зажмурившись, она глубоко вдохнула, невольно втянув запах его кожи и волос, терпкий горячий запах мужского тела, и так же глубоко выдохнула. Это было, как в первый раз прыгнуть со скалы, держась за прочную веревку, для верности захлестнутую на поясе: вроде и надежно, но сердце замирает от жути, а надо сделать шаг. И не просто сделать, а оттолкнуться от спасительного края – в бездонное небо под ногами. Так учат не бояться

высоты. И неужели она, истребившая в себе все глупые женские страхи, так и останется в плену у главного из них?

– Джад, – снова выдохнул Лилайн, наклоняясь к ней, но не к лицу, а ниже. Скользнул губами по ее шее, задержался у ямочки между ключицами, приласкав ее кончиком языка, а потом обомлевшая Джад раньше почувствовала, чем увидела, как наемник опускается на колени и берется за пряжку ее пояса, быстро и ловко расстегивая. Как тянет вниз штаны, на ладонь приспуская их с бедер, высвобождает рубашку...

– Лилайн? – проговорила она, почти не слыша себя.

– Чш... – отозвался Каррас. – Все хорошо. Будет только то, что ты позволишь.

Неторопливые уверенные руки распахнули на ней рубаху, сдвинули вверх нагрудную повязку...

– Лилайн... – простонала Джад, обхватывая дерево позади себя ладонями и невольно выгибаясь навстречу горячим умелым губам. – Лил...

То, что творил Каррас, лаская обнаженные бедра, живот и ноги то быстрыми, то медленными касаниями ладоней и подушечек пальцев, разве что во сне могло присниться. Горячечном сладком сне.

Джад замерла натянутой тетивой, едва сдерживаясь, чтоб не застонать в голос, пока наглые упругие губы и влажный язык блуждали по ее телу, прихватывая кожу то быстрыми, то медленными поцелуями. Каррас не торопился, давая ей почувствовать каждое касание, то поднимаясь назад к груди, то снова опускаясь ниже, лаская и выцеловывая, так что Джад успела захлебнуться холодным сырым воздухом, в изнеможении мотая головой и боясь шевельнуться – вдруг сумасшедший сон закончится. И когда наемник одним упругим движением встал, снова заглянув ей в лицо совершенно бешеными сияющими глазами, невольно вздрогнула в обжигающей истоме. Потянулась навстречу, обнимая уже сама, по-настоящему, прячась на его широкой груди не то от мира вокруг, не то от себя самой.

Не выпуская ее из объятий, Каррас скинул с плеч толстую длинную куртку воловьей кожи, подбитую мехом, подхватил Джад на руки и бережно опустил вниз. Опустился сам, опять оказавшись у ее ног, медленно и умело стянул штаны к самым щиколоткам.

На миг снова плеснуло страхом. Не тем острым, отвратительно-кислым, сжимающим нутро, как раньше, а лишь его тенью. Но и тени хватило бы, чтоб задавить только начавшее разгораться тепло желания. И Каррас, будто почувствовав это, застыл над ней, опирающейся на локоть, давая успокоиться, привыкнуть, а потом поцеловал живот, верх

обнаженного бедра и снова низ живота, провел языком по границе чистой кожи и мягкого пушка... Должно выдохнув, спустился губами ниже, безмолвно уговаривая, дразня и лаская.

Наверное, он мог добиться и другого – Джад бы позволила. Но когда, поддаваясь уверенному мягкому нажиму, откинувшись на спину, раздвинула ноги, поставив ступни шире и чуть согнув колени, алахасец лишь наклонился еще ниже, прошелся по внутренней стороне бедра цепочкой поцелуев вверх, скользнул кончиком языка по самому нежному, сокровенному местечку – и Джад закусила тыльный край ладони, чтобы не вскрикнуть.

– Так? – послышался снизу горячий шепот. – Нравится?

Она тихонько всхлипнула, не в силах вымолвить ни слова. Рот наемника был раскаленным жалом, играющим с ее плотью, ласкающим, нежащим ее... Поддаваясь навстречу, невольно извиваясь и двигая бедрами, она вцепилась алахасцу в плечи, стиснула их, тихонько поскуливая.

– Джад, – оторвавшись от нее, задыхаясь, как от долгого бега, проговорил Лилайн. – Моя...

И снова опустился вниз, прижимая ротом, глядя ладонями и кончиками пальцев везде, куда только мог дотянуться.

Перед глазами плавали цветные круги, Джад понимала, изнемогая, что долго не продержится, и была до смерти благодарна за каждое мгновение, словно бесстыдные ласковые губы смывали с нее все унижения последних недель. Она и сама не представляла, что это могло так много значить – безоглядно щедрая ласка от сильного, уверенного в себе мужчины. Того, кто смотрел на нее с восхищенным вожделением, не нуждаясь в утверждении своей мужской власти силой и унижением. И это было как прохладная вода, льющаяся на ожог, Джад даже зажмурилась от удовольствия. Принц морского народа оставил в ее теле отвращение и страх перед болью, но Торвальд сделал даже хуже: он изнасиловал ее душу. А теперь...

Горячее сладкое пламя взметнулось снизу, родившись от очередного движения ласкающего языка, поднялось вверх, заливая все тело... Вскрикнув и зажав себе рот рукой, Джад выгнулась, обнимая Лилайна, стискивая его бедрами, потерявшись в накачивающих одна за одной упоительных судорогах. Всклинула и откинулась на куртку, с трудом разжимая сведенные пальцы. Лилайн, медленными движениями языка понежив ее несколько последних, самых невыносимо чудесных мгновений, привстал, двинулся вверх, садясь рядом, заглянул в лицо, спросил низким

хрипловатым голосом:

– Ну что, морду бить будешь?

Вместо ответа Джиад за плечи притянула его к себе, еще неловко, словно отвыкнув, ткнулась губами в мокрые, пахнущие ее естественным и удовлетворенной страстью губы наемника, прошептала, прижимаясь и утыкаясь лицом в плечо:

– Лил...

Внутри что-то рвалось с болью и тоской, словно рушились тщательно возведенные ею самой стены вокруг сжавшегося комочка израненной души. Словно она и не жила все эти дни после побега из моря, а только ждала пробуждения, застыв в своей боли и обиде, как в черной вязкой смоле, задыхаясь в ней и не имея сил выбраться. А сейчас...

– Лил, – повторила Джиад, с отчаянием понимая, что вот она опять беззащитная и сдававшаяся на милость первому, кто отнесся к ней по-доброму. – Ох, Лилайн...

В ее бедро упиралась сдерживаемая штанами возбужденная плоть наемника, и в сознании плеснуло воспоминание, что до утра в сторожке никого не будет. Не должно быть!

– Вернемся назад, – попросила она, сглатывая тягучую слюну пересохшим ртом.

– Уверена? – хрипло спросил наемник, обнимая именно так, как мечталось несколько минут – и целую вечность – назад. – Я ведь не каменный...

– Теперь – да, уверена, – улыбнулась Джиад, подхватывая стянутые, скомканные на щиколотках штаны и возвращая их на законное место. – Что ж ты раньше не...

Она запнулась, и Лилайн хмыкнул, помогая застегнуть пояс, так что их пальцы встретились и переплелись:

– Тебе и так досталось, а тут еще я. Ты же гордая. Или ушла бы, или посчитала бы себя обязанной. Что, не так?

– Так, – тихо согласилась Джиад, борясь с желанием прижаться всем телом и удивляясь, как хорошо алахасец успел ее узнать. – Я не гордая, я просто дура. Или пойдем, или давай здесь – как хочешь.

Жадно проведя по ее спине ладонями, Каррас опять стиснул Джиад в объятиях, нежно коснулся губами щеки, потом с явным сожалением оторвался, проговорив:

– Нет уж, давай в тепло. Зря, что ли, я всех выпроваживал? Не хочу наспех, да и ты замерзнешь.

И больше до самой сторожки они не сказали ни слова.

Ночной лес остался позади, за бревенчатыми стенами и плотно закрытыми ставнями. Шелестел что-то, стучал по ставне веткой, но никто из них двоих уже не слушал. Каррас предусмотрительно накиннул изнутри тяжелый засов, прежде чем повернуться к торопливо тянущей с себя куртку Джад. Подошел, перехватил ее ладони, поднес к глазам и по очереди поцеловал каждую. С той же властной низкой хрипотцой проговорил:

– Оставь. Я сам.

Джад скинула сапоги, чтобы можно было снять штаны, покорно замерла под раздевающими руками, только поворачиваясь, чтобы Лилайну было удобнее. Теперь уже Лилайну...

– А ты? – потянулась в ответ к наемнику, и он улыбнулся, позволяя то же самое, пока оба не остались обнаженными.

– Значит, на рыбалку всех отправил? – насмешливо спросила Джад, любуясь золотящимся в свете догорающего очага телом алахасца. – А если вернется кто?

– Как вернется, так и погулять пойдет, – вроде в шутку, а вроде и всерьез ответил Лилайн, шагая вперед, кладя обжигающие ладони на плечи Джад и медленно ведя ими вниз, будто обрисовывая тело.

– Да, – выдохнула Джад, нежась в горячих ласковых руках и чувствуя, как возбуждение возвращается уже по-настоящему, надолго. – Давай уже... Хочу!

– Тогда иди ко мне, – растянул губы в хищной улыбке Каррас, глядя на нее с жадным восхищением. – Сюда...

Джад послушно шагнула к лежанке, откровенно наслаждаясь тем, что можно отдаться на волю того, кто знает, что и как делать в постели. Слишком многие, желая быть с ней – открыто или украдкой, – предпочитали принимать ласки, а не дарить их. Каррас был другим: в нем чувствовалась спокойная уверенная властность вожака, силе которого сдаться не стыдно и до сладкой жути приятно. Редкая удача – и как раз то, что ей нужно сейчас.

– Ох, какая же ты-ы... – упоенно протянул Каррас, опять оглаживая ее всю взглядом: от загоревшихся щек до узких ступней.

Джад, облизнув губы, встретила взгляд наемника своим, подтверждая всем существом, что хочет не меньше.

– Быстрее, – попросила снова, опускаясь на лежанку. – Ну, что тянешь?

– Вот потому и тяну, – шепнул ей Каррас на ухо, прижимаясь сбоку и глядя грудь, – что слишком долго ждал. Теперь ты моя...

Настойчивым мягким движением раздвинув ее ноги, он согнул их в коленях. Провел языком по ложбинке между холмиками груди, по очереди

облизал торчащие соски, задержавшись на каждом. Джад всхлипнула, сильнее раздвигая колени и ерзая на одеяле, понимая, как развратно и беспомощно выглядит, и чувствуя, что от этого все еще слаще и острее.

– Ты меня с умаводишь, – хрипло сказал Каррас, возвращаясь наверх и заглядывая ей в лицо. – Девочка моя, золотая... Нет, золото – оно мягкое. А ты – как твои клинки: гибкая, холодная, тронь – порежешься. Теперь буду греть, пока не расплывешься...

Он медленно гладил от основания шеи до чувствительного местечка под коленями, ухитряясь доставать повсюду, и упоительная дрожь накатывала вслед за его ладонями, так что Джад, извиваясь и тяжело дыша, совершенно потерялась в этом горячечном тумане.

– Хорошая моя, – снова проговорил Каррас, проведя ладонью по ее животу. – Можно?

– Да, – простонала Джад. – Давай же! Лилайн...

И выгнулась навстречу долгожданной тяжести, снова обнимая руками и ногами, прижимаясь, раскрываясь навстречу. Она и сама не осознавала, как истосковалось тело по этой медленной тягучей силе слияния, как сладко отдаются во всем существе мерные долгие толчки. Каррас был очень осторожен, пока не убедился, что все действительно хорошо, он был даже осторожнее, чем сама Джад, откровенно и бесстыдно подающаяся к нему, позволяя брать себя до самого конца, упиваясь каждым движением, прикосновением, вздохом...

Потом они лежали, обнявшись, и Джад, блаженно закрыв глаза, чувствовала нежные, едва уловимые касания губ Карраса на своем лице, шее, мочке уха.

– Не жалеешь? – голосом сытого разомлевшего кота, умея коты говорить, спросил наемник.

Джад вздохнула, прижимаясь теснее, проговорила:

– Жалею. Что раньше не позвала. Лил, как ты говоришь, дело прошлое... Для кого ты меня все-таки искал? Для Торвальда или иреназе?

– Ни для кого, – ладонь Карраса гладила ее волосы, перебирая изрядно отросшие пряди, спадающие теперь до самых плеч. – Просто услышал, что тебя ищут, и сорвался в Адорвейн. Парням сказал, что за наградой охотимся, а сам все не мог забыть, какая ты... За тот, первый раз, прости.

– Ладно, что уж, – помолчав, ответила Джад. – И правда, дело прошлое, а мы – здесь и сейчас.

Тепло его обнаженного тела обволакивало и нежило, и впервые с того поганого вечера, когда Торвальд послал ее в таверну, Джад почувствовала, что совершенно, полностью согрелась. Не столько телом, сколько душой.

Каррас ничего не обещал, не клялся в любви, и это было самым лучшим и правильным, что он мог сделать. Просто он был рядом: готовый прикрыть спину в бою и поделиться одним на двоих плащом, спокойный, щедрый на ласку и понимающий, что, когда придет время уходить, Джад придется уйти. Он был как утоляющее боль зелье, как надежный клинок и теплый мех – а большего Джад и не хотела.

И поэтому она задремала, отдавшись касаниям рук, продолжающих гладить ее спину, плечи, волосы...

– Вот это да! – раздался сверху отвратительно громогласный бас Хальгунда, и Джад напряглась всем телом, проснувшись мгновенно и сразу, как по тревоге. – Похоже, мы не ту рыбку ловили. У Лилайна улов покрупнее нашего будет.

Тяжелая ладонь Карраса придавила Джад к постели мягко, но властно, не давая повернуться.

– Не голоси, Халь, – спокойно сказал алахасец. – И кто больше наловил?

– Дык это... – растеряннотозвался Ласим. – Ну я... А вы тут это, значит...

– А мы – это, – равнодушно, но очень увесисто уронил Каррас. – Ты выиграл? Молодец. Кинжал с меня, как обещал.

– Ага... – протянул Ласим, все еще пытаясь что-то сказать, но Каррас крепче обнял Джад, окончательно подтверждая своим людям только что увиденное, и попросил тоном, от которого даже ей захотелось вскочить и броситься выполнять:

– Хальгунд, вино на огонь поставь. И помолчи чуток, а то у тебя язык впереди мыслей скачет. Турай, рыбу пока в сениях повесь, днем коптильню наладим. Много наловили-то?

– Ну... шухраев две дюжины, – отозвался тихоня Мулир во всеобщем молчании. – Хальгунд пару корсил вытащил и Ласим еще три. А мурья... ее и не считали, на вес прикинули.

– Я ж говорил, ночью самая рыбалка, – усмехнулся Каррас. – Ну ладно, можете сказать что собирались, пока языки от нетерпения не облезли. Только мне, а не ей, понятно?

Наступила тишина. Вывернувшись из-под ладони Карраса, Джад села, не то что бы прикрываясь одеялом, однако и не позволяя ему сползти с обнаженного тела. Глянула на четверых мужчин, с которыми успела разделить и кров, и хлеб, и честный бой, без вызова, но твердо. Кто-то вильнул взглядом, кто-то смотрел удивленно, но вот взгляды скрестились на Каррасе и один за другим опустились вниз, как у волков перед вожаком.

– Ну, дык это... – ухмыльнулся Хальгунд во всеобщем молчании. – Нам-то что? Ты ее привел, тебе и решать, как у вас будет. Опять же, как пойдем в деревню солнцеворот праздновать, нам больше девок достанется, а то вечно они на твои наглые голубые глазюки кидаются, как рыба на приваду.

– Да хоть всех забирайте, – рассмеялся Каррас с легкостью, которой Джиад отчаянно позавидовала.

* * *

В клетке у стены тревожно метался салру. За последнюю дюжину дней он славно подрос, а раны давно зажили, так что малька, конечно, пора было выпускать. Алестар с трудом вдохнул противно теплую воду, привычно переживая всплеск боли в измученном теле, выдохнул и подумал, что сделать это надо сейчас, пока он еще может попросить отца. А то ведь потом про его просьбу насчет малька могут и забыть. Или посчитать бредом. Давно стоило, но он все медлил, словно любопытный и игривый рыбеныш был последним, что связывало с Джиад.

На мгновение мелькнула трусливо-подленькая мысль, что Джиад может вот-вот появиться, не зря же отец так рьяно добивается этого, но Алестар в который раз запретил себе даже надеяться. По своей воле жрица-воин не вернется, а мечтать, что ее снова украдут, – не ради этого Алестар ее отпускал. И как же хорошо, что Джиад до сих пор сопротивляется призыву! Еще немного... пусть еще немного продержится – и ее просто отпустят за ненадобностью. Не для чего будет звать.

Алестар повернулся на спину, устало глядя в потолок. Боль за последние дни и ночи стала не то чтобы терпимей, просто у него больше не было сил ей сопротивляться. Хотелось, чтобы все закончилось быстрее, и он почти злился на целителей и жрецов, пробующих все новые и новые снадобья, которые приходилось пить ради отца. Нет, если бы он мог поверить, что выживет, тогда конечно! Жить хотелось. До отчаянной режущей тоски хотелось еще хоть раз проплыть по Акаланте, выпить горячей пряной тинкалы у торговцев возле арены, поохотиться на салту... Да хоть бы таблички с налоговыми записями перебрать! То, что раньше казалось скучным, сейчас выглядело пределом мечтаний, потому что было жизнью. Настоящей, текущей мимо, как теплая струя воды от донного источника. Жить...

Он привычно заставил себя подумать о чем-нибудь другом. Например, о том, что так и не нашел убийц Кассии. Вот это было самым гнусным. Знать, что он умрет и неизвестной твари, погубившей Кас, все сойдет с рук. Невыносимо! Да Алестар согласился бы снова упасть в Бездну, теперь уже навсегда, если бы только смог забрать убийцу с собой. И кому все-таки нужна была его смерть? Кто мог ненавидеть его настолько, чтобы отдать собственную жизнь взамен его?

А может, это все-таки происки чужаков? Суалана до сих пор не простила Акаланте поражения в войне, да и другие города не отказались бы захватить прибрежное дно, такое светлое и теплое, богатое рыбой и водорослями. Никому не нужны темные глубины Карианда или каменистые пустоши Суаланы, зато Акаланте – лакомый кусок. Каждый раз, как Алестар вспоминал, что из-за его дурости отец скоро останется один, в горле вставал плотный горький ком вины. Что теперь будет с городом? Его предки столько веков берегли город и жителей, он же... Дурак! Дюжину раз дурак. И больше ничего не исправить даже ценой собственной жизни. А ведь хотел как лучше. Прав отец: не может быть королем тот, кто сначала делает, а потом думает. Но что можно было придумать иное? Позволить убить Джиад? Как решить задачу, у которой нет правильного решения? Что ни сделай – окажешься подлецом.

Алестар порывисто вздохнул, невольно стискивая пальцы на плотном ворсе покрывала. Джиад... Имя отозвалось томительной болью, сладкой горечью, пронзительной тоской. Как она? Где? Смогла ли оставить между собой и морем достаточно суши, чтобы зов ослаб? И кто этот черноволосый, похожий на хищную птицу, рядом с ней?

Снова и снова Алестар перебирал в памяти странные то ли сны, то ли видения, дорожа ими, как скупец самой дивной и желанной драгоценностью. Но в последние дни ему никак не удавалось опять представить себя птицей, кружащей над землей в поисках Джиад. Раз за разом он пытался, но словно ударялся о глухую стену. А ведь жрецы говорили, что связь должна стать сильнее.

Алестар прикрыл глаза, погружаясь в усталость, как в ночное море: темное, плотное, глухое. Молоденький целитель из учеников Невиса, сегодня дежуривший у его постели, тихо перебирал таблички книги, время от времени бдительно поглядывая в сторону больного. Будто его присутствие могло чем-то помочь. Но если отцу так спокойнее – пусть... Он попытался вызвать внутри знакомое ощущение полета, увидеть мир странным птичьим взором, таким ясным, но непривычно искаженным.

Увидеть Джиад. Но море не отпускало, и только где-то глубоко внутри Алестар знал, что Джиад плохо. Очень плохо. И ничего с этим не сделать, потому что даже умереть по своей воле, чтобы освободить привязанную к нему жрицу, никак не получается.

* * *

– Джиад...

Вот к чему было трудно привыкнуть, так это к привычке Карраса просыпаться ни свет ни заря. Джиад и сама умела вставать рано, если нужно, но к чему это сейчас? Остальные и вовсе дрыхли, как сурки, тем более что теперь в сторожке добавилась еще одна лежанка. По молчаливому уговору в тот же день наемники срубили в лесу несколько молодых деревьев и пристроили в сторожке второе ложе, пошире, на которое и перебрались вчетвером, оставив старую лежанку предводителю с Джиад.

Это было лучше, чем можно надеяться, только по ночам Джиад никак не могла отделаться от мысли, что рядом четверо здоровых оголодавших мужиков, которым будет совсем не сладко услышать их с Лилайном возню под одеялом. Так что дорваться друг до друга всласть получалось, только когда загоревшиеся азартом наемники уходили на ночную рыбалку, оставляя их вдвоем. Но уж когда получалось...

Это стоило неизбежных ухмылок Хальгунда и молчаливых липких взглядов Ласима, это стоило необходимости при остальных держаться друг от друга подальше. Это стоило чего угодно, тем более что с каждым разом получалось все слаще. В постели Каррас был неугомонным и так щедр на ласку, что Джиад, окончательно разнежившись, шалела от благодарной нежности и желания, наслаждалась каждым мигмом близости и сама вволю обласкивала алахасца.

– Джиад... – шепнули ей снова в ухо, обдавая кожу горячим дыханием и прихватывая мочку уха губами. – Хорошая моя, спят же все...

Наглая рука вкрадчиво заползла туда, куда Джиад с превеликим удовольствием пускала бы ее хоть дюжину раз за ночь, если бы не боязнь перебудить всех стонами.

– Чш... – шепнул Лилайн, пальцами лаская ее мгновенно разгоревшееся сладкой истомой женское естество, которому точно не было никакого дела до спящих в паре шагов наемников. – Все спят. Ну, золотая моя...

Мягко, но решительно повернув ее к себе, Лилайн прижался теснее, проникая мучительно медленно, и Джад закусил губу, изнемогая от разлившегося по всему телу кипятка удовольствия.

– Джад...

Больше всего в постели Лилайн обожал все делать сам, доводя ее до полной потери соображения, покрывая поцелуями от лица до ступней, вплетая пальцы в волосы и шепча на ухо похабные нежности, от которых становилось так же горячо и томно, как от бесстыжих рук.

Правда, сейчас он ухитрялся любить ее совершенно бесшумно, не считая рваного дыхания обоих, пока глубокие толчки соединяли их в старом, как мир, ритме.

– Джи... – выдохнул Лилайн, вбиваясь все быстрее, и Джад, растворяясь в удовольствии, спрятала последний стон, чувствительно прихватив плечо возлюбленного зубами – маленькая приятная месть за потерянный утренний сон. Правда, сразу раскаявшись, старательно зализала оставшийся след, что едва не кончилось повторением того, с чего началось.

Потом они додремывали до рассвета, не в силах оторваться друг от друга, и Джад чувствовала себя счастливой и спокойной, пока не уснула, провалившись в сон, как в зыбучие пески: медленно и неотвратно. В ее сне было море. Оно плескалось под солнцем, такое невинное и безмятежное, но Джад, подчиняясь неслышному зову, вошла в прохладные плотные волны, вдохнула воду и опустилась на дно. Лилайн, свобода, надежда на возвращение в Арубу – все осталось наверху, сияя сквозь толщу воды остатками солнечного света.

– Возвращайся, – услышала Джад незнакомый голос, тягучий и властный. – Возвращайся, женщина, или умрешь в муках.

Она проснулась от собственного вскрика. Кто-то из наемников недовольно заворчал сквозь сон, на него рывкнул Каррас, встревоженно склонившись над Джад, а вокруг шумело и волновалось, застилая людей и сторожку, не желающее отпускать добычу море. Бескрайнее, беспощадное, терпеливо ждущее море.

Глава 23

Зов моря

В этот раз, когда Алестар проснулся, чувствуя себя слабым и пустым, как снятая рыба шкурка, у его постели – очередная странность – кроме дежурного целителя обнаружился Иратель.

– Что, опять охраняете? Боитесь, что меня убьют раньше, чем сам сдохну? – съязвил Алестар, переворачиваясь на бок и чувствуя, как начинает молотить от этого простого движения сердце. – Лучше бы убийцу Кассии искали. И того, кто поил меня гарнатой. Хотя вы мне тоже не верите.

– Не мое дело верить или не верить королям Акаланте, мое – служить им и защищать их. Я хотел поговорить с вашим отцом, мой принц, – мягко сказал Иратель. – Простите, что побеспокоил.

– Извините, – буркнул Алестар, отводя взгляд. – У меня дурной язык, каи-на Иратель, сами знаете.

– Ничего, – кивнул Иратель, зависая рядом. – Как вы себя чувствуете?

– Замечательно. Хоть сейчас на большие гонки.

Алестар измученно пожал плечами. Кого обманет его глупая бравада? Иратель и правда глянул сочувственно, покосился на читающего чуть поодаль книгу целителя. Вдохнул:

– Мне жаль, тир-на. Я молюсь о вас Троим, как и весь Акаланте. И я ищу, поверьте.

Выглядел начальник охраны уставшим, даже кожа посерела, а чешуя утратила здоровый блеск. Алестар вспомнил, как злился на него, и сам удивился тому, что от гнева осталась только тихая горечь.

– Иратель, – негромко спросил он, понимая вдруг с пронзительной ясностью, что это, скорее всего, их последний разговор. – Вы ведь были на войне?

Дождался кивка, выдавил через силу:

– Вам было... страшно?

– Да, тир-на, – помолчав и спустившись чуть ниже, ответил Иратель. – Было. И не только на войне.

– Но вы же... справились. Как, Иратель? Я... просто... – Он запнулся, страхась выговорить жгущие язык слова, признаться в позорной слабости. Отцу ни за что не сказал бы, пусть запомнит его хотя бы смелым. Но хоть

кому-то... – Я боюсь, – выдохнул Алестар, отводя взгляд от серьезного внимательного лица Ираталя. – Как последний трус, понимаете? Лежу и жду, когда все закончится. Хоть как-нибудь, лишь бы скорее. Ненавижу ждать. Да еще когда сам не могу ничего сделать.

– Трусость не в этом, мой принц, – так же тихо ответил Ираталь, опускаясь совсем рядом и беря его ладонь в свои. – Когда смерть рядом, не боится только безумец. Вы жалеете о том, что сделали?

– Нет. Или да. То есть жалею, но...

Алестар помолчал, собираясь с мыслями, заговорил опять, мучаясь от невозможности сказать так, чтобы было понятно:

– Я должен жалеть о городе, правда? Я погубил Акаланте. Если отец не сможет все исправить, наш род прервется и будет война. Я же вместо города спас одну двуногую. И я – трус. Мне так хочется жить. Не ради города, а просто – жить.

– В этом нет ничего плохого.

Ладони Ираталя были твердыми, с жесткими мозолями от оружия. Алестар замер, даже глаза прикрыл, пытаясь понять, как это: ничего плохого в трусости.

– Ничего плохого, поверьте, – повторил начальник охраны. – Никто не хочет умирать. Мой принц, это не трусость. Трусость – покупать свою жизнь ценой чужой смерти. Трусость – делать подлости и говорить, что это не твоя вина. Трусость – бояться решений. Ваш поступок не назвать умным, но трусость... это не про вас.

– Спасибо, – попытался улыбнуться Алестар и повторил, опять закрывая глаза: – Спасибо, Ираталь. Мне правда жаль, но иначе я не мог. И если бы все вернуть, я бы все равно... так же... Просто... страшно.

– Мне тоже, – серьезно сказал начальник охраны, не отпуская его руку. – И вашему отцу, и многим другим. Мы все боимся, но надеемся на лучшее. Всегда.

* * *

Джиад с трудом разлепила свинцовые веки, пытаясь хоть что-то рассмотреть в колышущемся вокруг сумраке. Нащупав руку Лилайна, сжала ее, почувствовав, как мгновенно встrepенулcя наемник.

– Что, девочка? – в усталом голосе Лилайна слышалось нежное терпение, от которого Джиад опять стало невыносимо стыдно. – Пить хочешь? Или поешь? Ребята куропатку поймали... Хоть навару попей, а?

Джиад облизнула пересохшие губы, слабо мотнула головой. Пить... воды хотелось, но после каждого глотка горло пылало, словно она хватанула кипятка. От еды и вовсе мутило: желудок выворачивался наизнанку, как пустой мешок, даже от нескольких ложек мясного навара или взбитого с молоком яйца, печеного на сковороде.

– Ох, Джи, – вздохнул наемник, кладя ей на лоб восхитительно холодную ладонь. – Что же мне с тобой делать?

– Прибить, чтоб не мучилась, – с трудом улыбнулась Джиад. – Прости, Лил. Глупо... вышло. Ничего, скоро... освободишься.

– Замолчи, – хмуро посоветовал Лилайн, другой рукой отжимая мокрую тряпку взамен только что снятой высохшей и кладя ее Джиад на лоб. – А то не посмотрю, что болеешь, и отшлепаю. Хальгунд за целителем в город поехал. Потерпи...

– Не поможет, – отрешенно сказала Джиад, глядя вверх, где вместо бревенчатого потолка колыхались мутные волны. – Лил, хватит. Сам ведь понимаешь – не поможет. Иди, отдохни лучше. Вторые сутки на ногах. Иди...

– Да я поспал, пока Турай с тобой сидел, – вздохнул Лилайн. – Думал, на часок прилягу, и как провалился. Всю ночь проспал.

– Ночь? – переспросила Джиад, по-новому вглядываясь в сумрак вокруг. – Так сейчас утро?

– День уже... Джи, ты что? Света... не видишь?

Джиад старательно улыбнулась, понимая, что Лилайна все равно не обмануть.

– Ничего, пройдет. Должно же оно пройти когда-нибудь. Просто не позволяй мне уйти, ладно?

Наемник снова молча сжал ее ладонь, и в горле у Джиад запершило от невысказанной вины и благодарности. Проклятый морской народ. Не зря рыжий предупреждал убираться как можно дальше, но кто знал, что зов моря достигнет даже предгорий в полутысяче гардаров от побережья. Достигнет и вцепится, как крючок входит в плоть заглотившей его рыбыны. И тут уж бейся не бейся – соскочить не выйдет. Разве что вырвешь предательскую наживку вместе с нутром...

– Не позволяй, – измученно попросила Джиад, снова закрывая глаза.

Пару ночей назад, оставшись с ней, когда остальные ушли на рыбалку, Лилайн отлучился на несколько минут, не больше. Отошел в кусты по нужде. А когда вернулся, Джиад уже переползла поляну, подтягиваясь на руках и вцепляясь в мокрые прелые листья скрюченными пальцами, пытаясь то ли ползти быстрее, то ли, напротив, удержаться, зацепиться,

остановиться... Слабо отбивалась от подхватившего Лилайна, шепча бессвязно, как ей нужно домой, в море. Как ждет ее прохладная глубина, как душно и тяжело на суше, а воздух жжет и давит. Плакала и просила отпустить на волю, домой. В море – домой!

Потом, немного придя в себя и вцепившись в перепуганного наемника, Джаид заставила того поклясться алахасскими богами, что не позволит сбежать, удержит – и если надо, то силой. Добраться в одиночку и пешком к проклятому морю она, конечно, не добралась бы, но... Страх поселился внутри, разрывая Джаид пополам. Одна часть души рвалась туда, на зов ставшей невыносимо желанной морской глубины, вторая упрямо сопротивлялась.

Выныривая из очередного забытья, которое с каждым разом становилось пугающе дольше, Джаид мечтала о море и ненавидела его. Ей не раз приходилось видеть прираствившихся к какому-нибудь дурману – зрелище жалкое и отвратительное, а теперь она со стыдом понимала, что сама стала такой. Проклятые иреназе...

– Джаид, – тихо донеслось издалека, будто с сидящим рядом Лилайном их разделяла стена. Или толща воды. – Джи, девочка моя... Потерпи... Никому тебя не отдам, не бойся...

Целителя, привезенного Хальгундом, Джаид уже не увидела. Вокруг нее, мечущейся в горячечном полузабытии, плавали смутные тени, слышались знакомые вроде бы голоса. Потом пропали и они. Джаид падала и падала то ли в пропасть, то ли в бездонную глубину, не в силах сопротивляться телом, но душой и разумом упрямо цепляясь за единственную мысль: она не хочет в море. Лучше умереть – но свободной. А потом пропасть кончилась, и Джаид, задохнувшись от восторженного ужаса, вдруг не разбилась, а оказалась на прокаленной солнцем террасе храма Малкависа, откуда уезжала с Торвальдом в Аусдранг. Целую вечность назад это было.

Плавились под ногами шершавые плитки террасы, знакомые до каждой трещинки. Над головой шумели жесткие листья-веера древних коверний, посаженных в честь погибших жрецов, бросали на дорожки вокруг храма ажурную тень. Джаид замерла, глядя в яростно голубеющее небо, уже раскаленное, пышущее жаром, несмотря на утро. Потом опустила голову и встретила безмятежно спокойный взгляд незнакомого человека, стоящего под ближайшей ковернией напротив террасы.

– С возвращением, – разомкнулись узкие губы на спокойном немолодом лице коренного арубца. – Исполнен ли долг, дитя храма?

– Да, – отчаянно выдохнула Джаид, сама не понимая, почему

отчитывается не старшему жрецу, а какому-то незнакомцу в одеянии паломника: простой тунике, подпоясанной веревочным поясом, и веревочных же сандалиях. – Я была верна долгу и клятве. Не моя вина, что верность оказалась не нужна.

– Это так, – задумчиво согласился незнакомец, словно имел право решать судьбу Джиад. – Но ты не вернулась домой, дитя храма. Почему?

– Я... не смогла. Не успела. Снег закрыл перевал, и я осталась...

Джиад оправдывалась, понимая теперь совершенно ясно, что лжет. Лжет самой себе. Пусть перевал был закрыт, пусть ей нельзя было уходить из Аусдранга морем, но ведь она сама обрадовалась, что появился повод задержаться. Повод остаться рядом с голубоглазым красавцем-наемником.

– Снег, значит? – мягко усмехнулся незнакомец, разглядывая ее с веселым, совсем не обидным любопытством. – Что ж, бывает. Не смогла так не смогла. Успокойся. Долг выполнен, дитя храма, и никто не осудит тебя лишь за то, что ты молода и горяча сердцем и плотью. Что же теперь?

– Теперь... – Джиад осеклась, словно смутный сон вспоминая то, что осталось позади: зов моря, лихорадку, мучительное томление и страх. – Я не могу вернуться.

– Тогда не смогла, теперь не можешь... – поморщился незнакомец, продолжая разглядывать ее. – Ты думаешь, судьбе есть дело до твоей слабости? Она дает силу тем, кто знает, куда ее применить. Чего ты хочешь, дитя храма?

– Вернуться, – снова выдохнула Джиад, чувствуя, как дыхание опалает губы. – Я хочу вернуться домой, в храм.

– В самом деле? – прищурился незнакомец.

Перед тем, как ответить, Джиад глубоко вздохнула, глядя в бесстрастные светло-серые глаза напротив.

– Нет, – призналась она, удивляясь своей непонятной откровенности. – Я не хочу возвращаться. Но это мой долг...

– Я не про долг спрашиваю, – продолжил недовольно морщиться незнакомец. – Чего ты хочешь? На самом деле, сердцем, а не разумом.

– Я... – Джиад запнулась, понимая, что никогда не позволяла себе думать о том, чего ей хочется.

Хочется... Странное слово. Всегда было – должна, обязана, надо! А чего она хочет, никого особо не интересовало. Был долг перед храмом, который заменил ей семью, была клятва верности тем, кто покупал ее клинок. И этого хватало, чтобы чувствовать себя нужной и знать, что она живет правильно. Но чего же она... хочет?

– Я не знаю, – с тихим отчаянием призналась она странному

собеседнику. – Правда, не знаю.

– Знаю, что правда, – усмехнулся тот, становясь вдруг очень знакомым, только Джадд никак не могла сообразить, где видела этот пронзительный взгляд. – В том и беда, видишь ли. Если ты не знаешь, чего хочешь, как это сообразить твоей судьбе? Ну, попробуй еще раз. Только быстрее, а то время, отпущенное твоему телу, на исходе. Зов моря не может сломить твою волю, и это похвально. Но он может забрать жизнь и уже почти сделал это. Так чего же ты хочешь, дитя мое?

– Я... – прошептала Джадд пересохшим ртом, внезапно понимая, кто перед ней. – Я хочу...

Мысли метались и путались, она вдруг почувствовала себя действительно маленьким ребенком, но тот, кто назвал ее «дитя», терпеливо ждал, смотря мягко и сочувственно, так что Джадд собралась с духом и задумалась.

Чего же она хочет? Остаться с Каррасом? Но они с наемником всего лишь друзья и случайные любовники. Да, им на диво хорошо вместе, удобно, как мечу в умело подобранных ножнах, как ноге в сшитом по мерке и слегка растоптанном сапоге. Приятно, надежно... Но Джадд не собиралась себя обманывать: она не любит Лилайна. Ценит, уважает, воздевает, но не любит, как любила Торвальда. Если хоть раз попытаешь, как поет и ликует душа рядом с любимым, то обмануть себя уже не выйдет. И потом, не сможет ведь она всю жизнь провести в наемничьем отряде?

Значит, вернуться в храм? Отдохнуть, прийти в себя и снова принести клятву тому, у кого хватит денег заплатить за ее верность? Новый город, новые люди... Судьба не хуже многих, но стоит подумать об этом – и хочется выть от тоски.

Море? Нет, только не туда!

– Время уходит, – негромко подсказал ей тот, кого Джадд даже в мыслях благоговейно страшилась назвать по имени вот так, лицом к лицу. – Говори же, дитя. Не страшись оказаться непочтительной, бойся солгать самой себе. Помни, что я часть тебя, и наоборот...

– Свободы! – торопливо выпалила Джадд и даже зажмурилась от страха, но тут же снова раскрыла глаза, жадно впитывая облик стоящего перед ней, ловя его одобрительную усмешку. – Я хочу свободы! Самой решать за себя!

– Хороший выбор, – легко и звучно рассмеялся стоящий в тени коверний. – Мне нравится. Что ж, пусть будет по-твоему, дитя. Ты просила силы сопротивляться – и получишь ее. Но изменить судьбу и заглушить зов моря не в силах даже я. Часть тебя осталась там, где ты испытала боль

и стыд и куда боишься вернуться больше, чем умереть. Единственный путь стать свободной – посмотреть в глаза своему страху и слабости. И твой путь за тебя никто не пройдет. Все, что я могу, это дать тебе время и силы, чтобы выбрать – и заплатить за свой выбор, каким бы он ни был. Ты готова платить за свободу, если она дороже жизни?

Листья коверний, плиты террасы, полупрозрачные перья облаков и камни храмовой стены – все поплыло у Джаид перед глазами, сливаясь в горячее марево, как бывает над песком в пустыне. Хватая раскаленный воздух пересохшими губами, она одновременно вынырнула в сознание и полутьму охотничьего домика. Настоящую полутьму, а не бредово-лихорадочный сумрак временной слепоты. За окном, затянутым пленкой из бычьего пузыря, только разгорался день... Джаид облизала потрескавшиеся губы, еще чувствуя на них призрачный жар далекой Арубы, прошептала склонившемуся над ней Лилайну.

– Лил... помоги мне. Прошу. Мне надо добраться к морю. Я не брежу. Теперь уже нет. Не хочу умирать... так. Будто рыба на крючке. Он сказал, что я смогу выбрать... сама... Что буду свободна, если не испугаюсь...

– Кто сказал?

Лицо Карраса плыло и качалось, но это уже был не бред, а обычная слабость от голода, и видения морской глубины вокруг если не исчезли совсем, то отступили, словно давая Джаид отсрочку.

– Малкавис, – прошептала Джаид, невольно улыбаясь. – Мой бог и повелитель. Он обещал мне свободу. Помогите, Лил. Мне очень нужно... вернуться.

* * *

Алестар качался на волнах. Теплых темных волнах. В таком же темном небе кричали чайки, и это было странно, потому что ночью чайки спят. Ну, должны спать... Но теперь все было странно и неправильно, так что чайки, кричащие ночью – это сущие пустяки. А если хорошенько прислушаться, то это и не чайки вовсе.

– Вы обещали, – тихо и яростно звучал голос отца. – Тиаран, вы обещали, что успеете. Он горит и тает, а девушка все еще не вернулась. Где же ваши клятвы?

– Простите, тир-на, – звучал другой голос, тусклый от усталости. – Да, мы не рассчитали. Не учли, что двуногая – жрица земного бога. Она черпает силу своего повелителя, иначе объяснить такие упорство

и стойкость я не могу. Но теперь – все. Зов достиг цели, я уверен. Остальное в ваших руках...

– ...я приказал... днем и ночью... наемники... в бухте...

Алестар жадно ловил обрывки слов, уносимых раскаленным ветром, снова запутавшись в голосах. Теплые темные волны боли не отпускали, унося с собой, грозя забрать насовсем, и это было обидно и тоскливо, но уже совсем не страшно. Чайки... что же они так кричат? Разве не видят, что ему хочется спать... спать...

* * *

В прошлый раз от Адорвейна до предгорий они с Каррасом, торопясь уйти от погони, добрались за три с лишним дня. И Джад под страхом смерти не смогла бы объяснить, как теперь наемник довез ее к морю за двое суток. Двое безумных дней и ночей в липком, тяжелом, горячем мареве вернувшейся лихорадки. В этот раз, правда, они ехали не вдвоем: выбираясь из мучительного забытья, Джад видела и Хальгунда. Верзила-северянин сменял Карраса, осунувшегося от усталости, они по очереди везли Джад перед собой в седле, потому что позади она бы не удержалась. На редких привалах Лилайн растирал ей затекшие руки и ноги, вливал горячее вино и заставлял съесть немного копченой медвежатины с хлебом, потом усаживал в седло, и бешеная скачка продолжалась.

Однажды они напоролась на патруль королевских егерей. Джад словно сквозь толстое одеяло слышала короткий разговор, не различая слов. Кто первым вытащил клинки, она не поняла, просто на следующем привале Хальгунд, хмуро ухмыляясь, перетянул повязкой окровавленное плечо, а Лилайн, накормив Джад очередным куском мяса с лепешкой, промыл жгучей настойкой кипренника глубокий порез на бедре.

– Простите, – только и смогла проговорить она, изо всех сил стараясь не потерять сознание, чтоб хоть этим не доставлять еще больше хлопот.

– Не бери в голову, девочка, – усмехнулся краешками рта Каррас, помогая ей сесть в седло. – Никогда я этих егерей не любил, а они меня и подавно. Хальгунд, поезжай вперед, мы за тобой. Если что – сам знаешь...

– Не учи отца штаны снимать, – осклабился северянин, подавая коня вперед и скрываясь за деревьями.

– Ну, давай, Джи, немного осталось, – голос обнимающего ее за плечи наемника по-прежнему был терпеливым и ровным, так что в Джад опять

всколыхнулось чувство вины.

– Прости, – снова попросила она, цепляясь за луку седла. – Угораздило же тебя со мной...

Вместо ответа сухие горячие губы коснулись ее щеки, а потом снова была скачка, а в конце сливающегося в непрерывную стену деревьев леса – внезапно открывшееся море. Темная ночная гладь, полная тихого рокота прибоя, запаха соли и водорослей, исчерченная призрачным сиянием лунной дорожки. Джад едва не заплакала от облегчения, так неожиданно отпустил ее проклятый зов.

– Лил, – прошептала она, запрокинув голову, бессмысленно-блаженно разглядывая ночное небо. – Все прошло. Слышишь? Зов... его нет!

– А это потому, что он уже не нужен, – опасно спокойным голосом пояснил Каррас, одной рукой по-прежнему обнимая Джад за плечи, а другую роняя на эфес меча. – Дозвались... Во-о-н, встречаются. Хальгунд, поближе держись...

Джад, сбросив предательскую негу облегчения, взгляделась в темноту. Прислушалась. Тихие всплески почти сливались с шелестом волн, а почти у самого берега качалась на волнах лодка с только что зажженным фонарем – крошечный маяк, отлично видный как с моря, так и с суши. Только сейчас она поняла, что Каррас – нарочно или случайно – привез ее в ту же самую бухту, где все началось. Почему сюда?

– Джи, – горячее дыхание наемника опалило ей щеку. – Я не знал, клянусь. Тут до моря ближе всего. Дурак, надо было догадаться...

– Ничего, – с трудом улыбнулась Джад. – Все правильно. Так и надо. Отпусти, Лилайн.

Каррас молча разжал руки, но не отпустил совсем, а помог Джад слезть с лошади, так же молча спрыгнул следом. Сунув повод коня в руки Хальгунду, пошел за ней к серебрящейся кромке воды, за которой замерли два силуэта.

– Каррас! – окликнул их Хальгунд. – Справа!

Джад замерла на полпути к морю, глянула вправо, в черную громаду скалистых обломков. Лилайн, остановившись рядом, пропустил воздух сквозь сжатые зубы. В темноте мелькнул огонек, другой...

– Не вздумайте! – крикнула Джад, зная, что голос разносит ее слова и над морем, и по берегу. – Если с моих спутников хотя бы волос упадет – ваш король получит мой труп.

С водной глади донесся резкий пронзительный свист – из темноты скал выступил широкоплечий человек с поднятыми вверх руками. Предосторожность далеко не лишняя – за спиной Джад скрипнула

взведенная пружина арбалета Хальгунда. Стрелять с коня да еще в полной темноте – занятие бессмысленное, словно море сапогом вычерпывать, но дуракам везет, как известно. И болт вполне мог случайно отыскать цель.

– Тихо-тихо, – спокойно сказал человек из темноты. – Не будем делать глупостей, уважаемые. Госпожа страж, с вами хотят поговорить. Просто поговорить, не больше.

– А вы что же, уважаемый, у них переводчиком служите? – безмятежно поинтересовался Каррас, в противовес своему спокойному тону подобравшись, как рысь перед прыжком.

– Можно и так сказать, – усмехнулся вышедший из скал, будто не замечая, что стоит под прицелом арбалета. – Я здесь для того, чтоб никто лишний не сунулся. Люди его величества Торвальда, например. Так что госпожа страж может подойти к морю ближе – для разговора, а мы с вами постоим тут, скоротаем время за приятной беседой. Простите, господа, не знаю, как вас зовут...

– Ничего, это беседе не помеха, – в тон ему откликнулся Лилайн и уже с тихой серьезностью спросил: – Джаид?

– Да, – помолчав немного и услышав, как замерло все вокруг в ожидании ответа, сказала она. – Все верно, Лилайн. Я хочу поговорить.

Она сделала еще несколько шагов, остановившись так близко от воды, что набежавшая волна лизнула сапоги, всмотрелась в темноту и позвала:

– Кто меня звал? Я здесь!

Волна плеснула еще раз, и снова, уже иначе, сильнее. Темная фигура отделилась от лодки, приблизилась настолько близко, насколько позволял каменистый берег. В руке иреназе сжимал взятый с лодки фонарь, и в его свете Джаид увидела знакомое лицо.

– Ваше величество, – склонила она голову в учтивом, но холодном поклоне. – Неужели вы ждали?

– Мне передали, что ты приближаешься, – отозвался король иреназе, покачиваясь на волнах. – Зов моря привел тебя, Джаид из Арубы.

– Нет, – бесстрастно уронила она, выпрямляясь еще сильнее. – Нет, ваше величество, ваш зов только довел меня до сумасшествия и почти убил. Это мой повелитель Малкавис дал мне силы очнуться, а друзья привезли сюда, спасая от мучительной смерти. Будь он проклят, ваш зов.

– Ты хотела сказать, будь прокляты иреназе? – так же спокойно уточнил король.

– Я сказала то, что хотела сказать, – равнодушно ответила Джаид. – До всех иреназе мне дела нет и проклинать их не за что. Но вот ваша семья... Вы привыкли брать то, что вам нужно, силой и подлостью.

Но иногда ни сила, ни подлость не могут дать желаемого. Если я снова услышу ваш зов и пойму, что не могу сопротивляться, я просто убью себя. Вы меня знаете и знаете, что это не пустые слова.

– Подожди! – тревожно вскрикнул морской король, видя, что Джад качнулась в сторону, поворачиваясь. – Стой же! Дай и мне сказать то, ради чего я ждал тебя, женщина-страж. Прошу...

Джад замерла, снова медленно обернулась лицом к морю.

– Выслушай, – просительно сказал король, и по его голосу Джад слышала, каким напряжением дается владыке Акаланте эта просительная мягкость. – Ты права, зов – это подлость. Но у меня не было иного способа тебя найти и призвать. Я прошу прощения за все, что ты пережила по нашей вине.

– То есть за то, что чудом осталась жива? – бесстрастно уточнила Джад. – Ну, за это вам не привыкать просить прощения. Или вы про эликсир?

– Нет, – тяжело вздохнул король иреназе. – За это я и сам не могу себя простить, что уж говорить о тебе. Джад, я звал тебя, чтобы попросить. Чтобы умолять тебя вернуться в Акаланте, к Алестару.

– Что? – выдохнула она, ожидая этого и все же не веря подобной наглости. – После всего? Вы решили, что стоит попросить – и я пойду, как овца на бойню? Вернусь туда, где меня...

– Выслушай...

В голосе иреназе звучала такая мучительная тоска, что Джад бы проняло, не переполняя ее ледяная злость на лицемерие морского народа.

– Это я велел жрецам сварить зелье, разрывающее запечатление любой ценой, даже ценой смерти одного из вас. Но, конечно, не Алестара. Ты же понимаешь...

– Еще как, – холодно согласилась Джад. – Это все во благо народа. Любимый довод королей, когда совершается очередная подлость. Благом народа можно оправдать что угодно, этот урок я хорошо выучила.

– Ради блага народа и жизни моего сына, – покорно вздохнул король. – Да, ты имеешь право презирать и ненавидеть. Но Алестар в этом не виноват. Когда он узнал, то возмутился...

– Конечно, – перебила Джад, чувствуя, как ветер с моря пронизывает ее насквозь, и решив закончить бесполезный разговор. – Да, он узнал, что может на всю жизнь оказаться прикованным к сухопутному отребью, и так испугался, что выкинул меня из моря, как рыбак – протухшую рыбину из лодки. Не трудитесь рассказывать – я знаю, что могло случиться.

– Нет, – тяжело упало короткое увесистое слово, и тут же король

иреназе снова смягчил тон: – Ты не знаешь, поверь. Алестар обманул тебя. Запечатление было бы разорвано ценой твоей жизни, но он этого не хотел, потому и помог тебе бежать.

– Что ж, – буркнула Джад, плотнее запахиваясь в подаренный Лилайном плащ. – Значит, раз в жизни он поступил честно. И что из этого? Я должна быть благодарна? Он мне задолжал куда больше, чем вернул.

– Джад, – негромко и очень ясно сказал король иреназе. – Он отдал долг, поверь. Алестар умирает. Мой глупый мальчик был жесток и несправедлив к тебе, но он расплатился всем, что имел. Запечатленных нельзя разлучать так безрассудно, это убивает их. Но ты человек, и всю тяжесть разрыва принял на себя Алестар. Сам принял, по собственной воле. Он отпустил тебя, зная, что заплатит жизнью...

– Что? – растерянно выдохнула Джад, веря и не веря одновременно.

В памяти вспыхнуло: вот принц обнимает ее на ложе перед побегом, у него странно задумчивый и теплый голос, а прикосновения осторожные, даже ласковые. И он же, немного позже, цедит грубые и похабные слова, словно стремясь ударить ими побольнее, оттолкнуть. Как? Как ей в голову не пришло, что такая резкая перемена – это странно и подозрительно? Да потому и не пришло, что рыжий сделал для этого все: заставил Джад поверить, что между ними нет ничего, кроме ненависти и презрения. Дурак! Оба они дураки...

– Он же... – заговорила Джад снова и осеклась, не зная, что сказать.

Сзади молчаливой тенью замер Лилайн, чуть поодаль Хальгунд терпеливо ждал их обоих, ждал и незнакомый наемник, и его люди в скалах, и второй иреназе, сопровождающий короля...

– Он умирает, – с той же страшной ясностью повторил король беспомощно ломким голосом. – Мой сын и надежда Акаланте платит за то, что сделал с тобой. И платит страшно, Джад. С первого дня, как ты получила свободу, Алестар мечется в лихорадке, лишь ненадолго приходя в себя. Повторяет в бреду твое имя... Я знаю, зов моря мучителен, но это лишь отражение того, что сейчас происходит с ним. Слабое отражение. Джад, он умолял меня не отправлять зов. Просил отпустить тебя, позволить уйти... Умирая и зная, что умирает, – просил за тебя. А теперь я прошу тебя, жрица-страж. Умоляю, сжался. Ради Акаланте, где впервые за триста лет поверили, что не все люди подлы и жестоки. Не губи наш город вместе с Алестаром. И не губи Алестара... Он отпустил тебя, Джад из Арубы...

– Перестаньте.

Джад сжала кулаки, уже не чувствуя холода, прошептала-простонала

в ледяную тьму, разделяющую их с иреназе:

– Хватит... Что я могу? Вернуться и умереть?

– Нет!

Иреназе даже хвостом всплеснул, пытаясь подплыть ближе, и фонарь закачался в его руках.

– Нет, – умоляюще повторил король. – Ничего подобного, клянусь! Ваша суть сейчас так тесно связана, что лишь ты можешь вернуть Алестара из-за грани жизни и смерти. Ты теперь драгоценнейшее из сокровищ Акаланте, наша единственная надежда!

– Надолго? Все равно вам придется разорвать запечатление. А значит – убить меня.

Джиад поежилась от пронизывающего насквозь, несмотря на плащ, ветра, виновато подумав, каково сейчас Лилайну с Хальгундом.

– Этого не будет, – поспешно отозвался повелитель Акаланте, словно она уже согласилась. – Жрецы обещали разорвать запечатление иначе.

– И я должна поверить?

– Джиад, вам даже не придется делить ложе. Алестар так слаб, что твоя ненависть, попытайся мы тебя заставить, убьет его. Все, о чем я прошу, – быть рядом с ним. Не пленницей, а гостьей! Разговаривать, прикасаться... Одну луну, не больше! Я клянусь, что не позволю причинить тебе вред и ни к чему не стану принуждать! Клянусь Сердцем моря, эту клятву ни один иреназе нарушить не может. Молю тебя...

– Не могу, – прошептала Джиад больше себе, чем иреназе. – Как вы не понимаете? Вернуться к этому...

И снова в памяти непрошено всплыло: вот Алестар говорит, чтобы она не боялась за своих близких, им ничто не угрожает. А потом врал в глаза, оскорблял – лишь бы уплыла. Отпускал, зная, что умрет... Так вот о чем говорил Малкавис. Она-то, дура, решила, что все будет легко! Просто встретиться с иреназе и отказаться, а потом либо свобода, либо смерть. Нет, этот выбор куда тяжелее...

Джиад сглотнула комок в горле, повернулась и пошла от моря. Остановилась, лишь наткнувшись на Лилайна, вцепилась наемнику в плечи, судорожно сжав пальцы на толстой коже куртки, сказала тихо:

– Лил... Лилайн...

– Не дури, девочка, – услышала на ухо торопливо-горячее. – Плевать, сколько их там в скалах. Не догонят. А догонят – им же хуже. Скоро на перевале снег слежится, попробуем уйти... Нельзя тебе туда возвращаться, ты только в себя пришла, оттаяла. Чтоб он сдох, этот их принц...

– Лил, – беспомощно повторила Джад, – он меня отпустил. Он умирает, потому что отпустил меня. Как я смогу с этим жить? И остальные, весь город, они-то чем виноваты?

– А ты – чем? – зло выдохнул Лилайн, обнимая ее. – Ты им веришь? Джад, очнись, ты для них чужачка, двуногая! Они тебя просто используют, чтоб спасти своего принца!

– Ну да, – обиденно согласилась Джад, дыша запахом Лилайна, запоминая его голос, тепло тела и силу рук и беспомощно мучаясь виной. – Я знаю, Лил, прости. Малкавис сказал, что я должна заплатить за свободу. Все правильно. Я не хочу всю жизнь бояться моря. И не хочу стыдиться того, что там было. Я вернусь туда сама, понимаешь? Потому что я так решила. Чем бы это ни кончилось. Лил, прости... Ты мне дорог, очень...

– Замолчи, девочка, – прошептал Каррас, сжимая ее до боли, прижимая к себе, будто впечатываясь телом в тело. – Замолчи, слышишь? Решила – делай. Но если через луну ты...

– Вернусь, – через силу улыбнулась Джад. – Обязательно. И еще... Побереги, ладно?

Заставив себя высвободиться из объятий Лилайна, она расстегнула плащ, накинула тому на плечи. Щелкнув пряжкой, подала пояс наемнику вместе с пристегнутыми клинками. Мгновение поколебавшись, стянула сапоги, бросив их на песке, освещенном первыми лучами встающего из-за виднокрая солнца. Сделала шаг назад, не отрывая взгляда от закаменевшего лица Карраса. Прошептала:

– Это не зов, понимаешь? Просто я должна. Я вернусь, обещаю.

И, круто обернувшись, чтоб скрыть подступающие к глазам слезы, бегом кинулась к морю, спотыкаясь и скользя на крупной гальке, торопясь прыгнуть в плеснувшую навстречу высокую темную волну с белым гребнем.

Конец первой книги